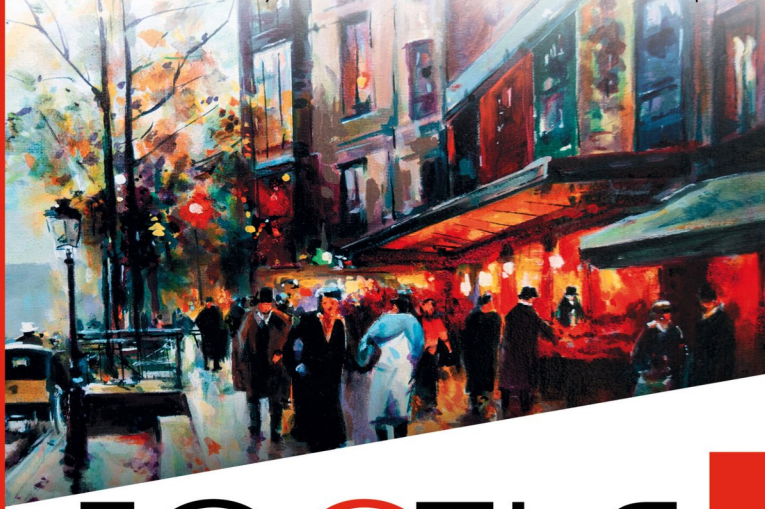
интеллектуальный бестселлер



# ГОСТЬЯ

## СИМОНА ДЕ БОВУАР

«...ничто более не отделяло ее от нее самой.
Она наконец сделала выбор. Она выбрала себя».

# Гостья
# Симона де Бовуар

Аннотация
Симона де Бовуар. Гостья
Часть первая
  Глава I
  Глава II
  Глава III
  Глава IV
  Глава V
  Глава VI
  Глава VII
  Глава VIII
Часть вторая
  Глава IX
  Глава X
  Глава XI
  Глава XII
  Глава XIII
  Глава XIV
  Глава XV
  Глава XVI
  Глава XVII
  Глава XVIII

## Аннотация

Перед вами первый роман великой Симоны де Бовуар – писательницы, феминистки, жены Жан-Поля Сартра.

Роман этот не автобиография, но автобиографические черты в нем, безусловно, присутствуют. Симона, как и ее героиня Франсуаза, была частью треугольника – они с Сартром проповедовали свободные отношения, и в книге нашла отражение история их романа с сестрами Козакевич, одной из которых и посвящена «Гостья».

Но любители «пикантных сцен» будут разочарованы: «Гостья» – прежде всего о любви и ревности, о том, как сохранить себя, свою внутреннюю свободу. Написанный в конце 30-х годов прошлого века, полный неповторимой атмосферы предвоенного Парижа, роман и сейчас невероятно актуален и будет актуален, пока люди любят, ревнуют, находят и предают друг друга.

# Симона де Бовуар
# Гостья

*Посвящается Ольге Козакевич*

*Всякое сознание стремится к смерти другого.*

***Гегель***

# Часть первая

# Глава I

Франсуаза подняла глаза. Пальцы Жербера бегали по клавиатуре, он в отчаянии смотрел на рукопись; выглядел он усталым. Франсуазе тоже хотелось спать; однако в ее усталости было что-то домашнее и уютное: ей не нравились эти темные круги под глазами Жербера; лицо его казалось помятым, ожесточенным, он почти выглядел на свои двадцать лет.

— Вы не хотите остановиться? — спросила она.

— Нет, всё в порядке, — ответил Жербер.

— Впрочем, мне осталось окончательно доделать одну сцену, — сказала Франсуаза.

Она перевернула страницу. Уже давно пробило два часа. Обычно в это время в театре не остается никого живого. Этой ночью он жил: стучала пишущая машинка, лампа отбрасывала на бумагу розовый свет. И я здесь, мое сердце бьется. Этой ночью у театра есть сердце, которое бьется.

— Люблю работать ночью, — сказала она.

— Да, — согласился Жербер, — так спокойнее.

Он зевнул. В пепельнице полно было окурков светлого табака, на круглом столике стояли два стакана и пустая бутылка. Франсуаза взглянула

на стены своего маленького кабинета: розовая атмосфера излучала тепло и человеческий свет. Снаружи был бесчеловечный и темный театр со своими пустыми коридорами вокруг огромной полой раковины. Франсуаза отложила ручку.

— Не хотите выпить еще глоточек? — спросила она.

— Не откажусь, — ответил Жербер.

— Пойду в кабинет Пьера за другой бутылкой.

Она вышла. Ей не очень хотелось виски — ее привлекали эти темные коридоры. Когда ее там не было, этот запах пыли, этот сумрак, эта унылая опустошенность — всего этого ни для кого не существовало, вообще не существовало. А теперь она была тут, красный цвет ковра, словно боязливый ночник, пронзал тьму. Она обладала этой властью: ее присутствие исторгало вещи из их неосознанного состояния, придавая им их цвет и запах. Она спустилась этажом ниже и толкнула дверь в зал. Ей словно доверена была миссия, требовалось заставить этот пустующий, наполненный тьмой зал существовать. Металлическая штора была опущена, стены пахли свежей краской; красные плюшевые кресла безжизненно выстроились в ожидании. Только что они ничего не ждали. А теперь она была здесь, и

они протягивали руки. Они глядели на скрытую металлической шторой сцену, они взывали к Пьеру, к огням рампы и сосредоточенной толпе. Следовало бы оставаться здесь всегда, дабы хранить эту опустошенность и это ожидание; но следовало бы также находиться и в других местах: в хранилище аксессуаров, в фойе, в ложах. Следовало быть сразу повсюду. Она пересекла авансцену и поднялась на помост, открыла дверь в фойе, спустилась во двор, где лежали без дела старые декорации. Она в одиночестве высвобождала смысл этих покинутых мест, этих уснувших предметов; она была тут, и они принадлежали ей. Мир принадлежал ей.

Открыв маленькую железную дверь артистического входа, она вышла на середину площади. Вокруг спали дома, спал театр; единственное его окно было розовым. Она села на скамью, над каштанами зияло черное небо. Можно было подумать, что ты в сердце некой спокойной супрефектуры. В эту минуту она не жалела, что рядом с ней нет Пьера, — существовали радости, которых она не могла познать в его присутствии: все радости одиночества. Вот уже восемь лет, как она их утратила, и порой испытывала от этого что-то вроде сожаления. Она прислонилась к

жесткому дереву скамьи; по асфальту раздавались торопливые шаги; проехал грузовик. Были эти зыбкие шумы, небо, колышущаяся листва деревьев, розовое окно на черном фасаде; не было больше Франсуазы; никого и нигде больше не существовало.

Франсуаза вскочила на ноги; странно было снова стать кем-то, и как раз женщиной, женщиной, которая торопится, поскольку есть спешная работа, она ждет ее, и этот момент был всего лишь одним моментом ее жизни, таким, как другие. Она взялась за ручку двери и со сжавшимся сердцем вернулась. Это был отказ, предательство. Ночь снова сейчас проглотит маленькую провинциальную площадь; напрасно будет сиять розовое окно, оно ни для кого уже не будет сиять. Сладость этого часа будет утрачена навсегда. Столько по всей земле утраченной сладости. Она пересекла двор и поднялась по зеленой деревянной лестнице. От такого рода сожалений она давно уже отреклась. Не было ничего реальнее ее собственной жизни. Она вошла в кабинет Пьера и взяла в шкафу бутылку виски, затем бегом опять поднялась в свой кабинет.

— Вот это вернет вам силы, — сказала она. — Как будете пить, сухое или с водой?

— Сухое, — ответил Жербер.

— Вы в состоянии будете вернуться к себе?

— О! Я начинаю выдерживать виски, — с достоинством возразил Жербер.

— Вы начинаете… — молвила Франсуаза.

— Когда я разбогатею и буду жить у себя дома, у меня в шкафу всегда будет бутылка «Vat 69», — сказал Жербер.

— Это станет концом вашей карьеры, — заметила Франсуаза.

Она взглянула на него с какой-то нежностью. Он достал из кармана трубку и старательно набил ее. Это была первая его трубка. Каждый вечер после того, как они опустошали бутылку божоле, он клал трубку на стол и разглядывал ее с детской гордостью; он курил, выпивал коньяк или водку. А потом они шли по улицам со слегка горящей из-за дневной работы, вина и спиртного головой. Жербер шагал широко, руки в карманах, с падавшей на лицо черной прядью волос. Теперь этому конец; она будет часто его видеть, но только вместе с Пьером и со всеми другими; они снова будут как два чужака.

— Для женщины вы тоже хорошо выдерживаете виски, — бесстрастным тоном произнес Жербер.

Он внимательно посмотрел на Франсуазу:

— Только сегодня вы слишком много работали, вам надо немного поспать. Если хотите, я разбужу вас.

— Нет, я предпочитаю закончить, — сказала Франсуаза.

— Вы не голодны? Не хотите, чтобы я сходил для вас за сэндвичами?

— Спасибо, — ответила Франсуаза.

Она улыбнулась ему. Он был так предупредителен, так внимателен; каждый раз, когда она падала духом, стоило ей взглянуть в его веселые глаза, и она вновь обретала доверие. Ей хотелось найти слова, чтобы поблагодарить его.

— Пожалуй, даже жалко, что мы закончили, — сказала она, — я так привыкла работать с вами.

— Но будет еще интереснее, когда мы перенесемся на сцену, — заметил Жербер. Глаза его блестели, спиртное воспламенило его щеки. — Так приятно думать, что через три дня все снова начнется. Я обожаю начало сезона.

— Да, это будет интересно, — согласилась Франсуаза. Она подвинула к себе бумаги. Эти десять дней с глазу на глаз. К тому, что они подходят к концу, он относился без сожаления; это было естественно, она о них тоже не сожалела, не мог-

ла же она все-таки требовать от Жербера, чтобы он в одиночку предавался сожалениям.

— Этот театр такой мертвый. Каждый раз, проходя по нему, я содрогаюсь, — сказал Жербер, — до того это мрачно. Я и правда думал, что на сей раз он закроется на весь год.

— Счастливо отделались, — заметила Франсуаза.

— Только бы это продлилось, — сказал Жербер.

— Продлится, — ответила Франсуаза.

Она никогда не верила в войну; война — это как туберкулез или железнодорожные катастрофы, со мной этого не может случиться. Такие вещи случаются только с другими.

— Вы-то сами можете себе представить, что настоящее большое несчастье упадет на вашу собственную голову?

Жербер скривил рот:

— О! С легкостью.

— А я нет, — сказала Франсуаза. Не стоит даже и думать об этом. Опасности, от которых можно защититься, их следует предвидеть, но война человеку не по силам. Если когда-нибудь она разразится, ничто уже не будет иметь значения, даже жизнь или смерть.

«Но этого не случится», — повторила себе Фран-

суаза. Она склонилась над рукописью; стучала пишущая машинка, комната пахла светлым табаком, чернилами и ночью. По другую сторону окна под темным небом отрешенно спала площадь; средь пустынной равнины катил поезд. А я, я здесь. Но для меня, которая здесь, существуют и площадь, и поезд, который катит, весь Париж целиком и вся земля в розовом полумраке маленького кабинета. И в этой минуте — все долгие годы счастья. Я здесь, в сердце своей жизни.

— Жалко, что приходится спать, — заметила Франсуаза.

— Особенно жалко, что не можешь чувствовать, что спишь, — отозвался Жербер. — Как только начинаешь отдавать себе отчет в том, что спишь, тут же просыпаешься. Не извлекаешь пользы.

— А вы не находите, что это замечательно — бодрствовать, когда другие люди спят? — Франсуаза положила ручку и прислушалась. Не было слышно ни звука, площадь была темной, театр темный. — Мне хотелось бы думать, что все спят, что в эту минуту из живых на земле только вы и я.

— Меня бы это скорее напугало, — сказал Жербер. Он отбросил назад падавшую ему на глаза длинную черную прядь. — Это как когда думаешь

о луне: эти ледяные горы и эти расщелины, и никого вокруг. Первый, кто заберется туда, должен иметь наглость.

— Я не отказалась бы, если бы мне это предложили, — заметила Франсуаза. Она взглянула на Жербера. Как всегда, они сидели бок о бок; ей нравилось чувствовать его рядом с собой, однако обычно они не разговаривали. Этой ночью ей хотелось говорить с ним. — Забавно — думать о вещах, таких, какими они бывают в ваше отсутствие, — сказала она.

— Да, это забавно, — согласился Жербер.

— Это все равно что представить себе, будто ты умер, этого не удается, все время предполагаешь, что смотришь на это из какого-нибудь угла.

— До чего странно, все эти штуки, которых никогда не увидишь, — молвил Жербер.

— Прежде меня приводило в отчаяние думать, что я никогда не узнаю ничего, кроме жалкого клочка мира. Вы так не думаете?

— Отчасти, — согласился Жербер.

Франсуаза улыбнулась. Когда разговариваешь с Жербером, порой встречаешь сопротивление, но вырвать у него определенное мнение было трудно.

— Теперь я спокойна, поскольку уверена, что,

куда бы я ни пошла, остальной мир перемещается вместе со мной. Это спасает меня от всякого сожаления.

— Сожалений о чем? — спросил Жербер.

— Существовать лишь в своей шкуре, в то время как земля столь обширна.

Жербер взглянул на Франсуазу.

— Да, особенно если учесть, что у вас жизнь скорее размеренная.

Он всегда был таким сдержанным; этот смутный вопрос представлял для него некую смелость. Значит ли это, что он находил жизнь Франсуазы слишком размеренной? Значит ли это, что он судил ее? Я задаюсь вопросом, что он обо мне думает… Этот кабинет, театр, моя комната, книги, бумаги, работа. Такая размеренная жизнь.

— Просто я поняла, что надо научиться выбирать, — заметила она.

— Мне не нравится, когда надо выбирать, — сказал Жербер.

— Сначала это было нелегко; но теперь я больше не жалею, поскольку, мне кажется, вещей, которые не существуют для меня, вообще не существует.

— Как это? — спросил Жербер.

Франсуаза задумалась; она это остро чувство-

вала: коридоры, зал, сцена не исчезли, когда она закрыла туда дверь; однако теперь они существовали лишь за дверью, на расстоянии. На расстоянии поезд катил по безмолвным равнинам, продолжавшим в глубине ночи уютную жизнь маленького кабинета.

— Это как лунные пейзажи, — сказала Франсуаза. — Это лишено реальности. Это всего лишь слухи. Вы так не думаете?

— Нет, — ответил Жербер, — не думаю.

— И вас не раздражает, что одновременно вы видите только одну вещь?

Жербер заколебался.

— Что меня беспокоит, так это другие люди, — признался он. — Меня ужасает, когда мне говорят о каком-то типе, которого я не знаю, особенно если о нем говорят с уважением: какой-то тип живет где-то там сам по себе и даже не знает о том, что я существую.

Редко случалось, чтобы он так долго говорил о себе самом. Ощущал ли он тоже волнующую и недолговечную близость этих последних часов? Они одни жили в окружении розового света. Для них двоих один и тот же свет, одна и та же ночь. Франсуаза взглянула на прекрасные глаза под изогнутыми ресницами, на настороженные губы.

«Если бы я хотела… Быть может, еще не слишком поздно». Но чего она могла хотеть?

— Да, это оскорбительно, — согласилась она.

— Когда узнаешь человека, становится лучше, — заметил Жербер.

— Невозможно представить себе, что другие люди — сознания, которые ощущают себя внутри так же, как ты сам, — сказала Франсуаза. — Когда угадываешь это, ужасаешься: создается впечатление, что ты всего лишь образ в голове кого-то другого. Но обычно этого почти никогда не происходит, во всяком случае — полностью.

— Это верно, — с воодушевлением согласился Жербер, — и, возможно, поэтому мне так неприятно, когда со мной говорят обо мне, даже если говорят хорошо; мне кажется, что надо мной берут верх.

— А мне все равно, что думают обо мне люди, — сказала Франсуаза.

Жербер рассмеялся.

— Пожалуй, не скажешь, что вы чересчур самолюбивы, — заметил он.

— Их мысли для меня не больше, чем слова и их лица. Это объекты в моем собственном мире. Элизабет удивляется тому, что я не амбициозна; но ведь это как раз поэтому. Мне нет нужды

стараться выкраивать себе привилегированное место в мире. У меня такое впечатление, что я уже в нем обосновалась. — Она улыбнулась Жерберу. — Но вы-то тоже не амбициозны.

— Нет, — подтвердил Жербер, — а зачем? — Он заколебался. — И все-таки мне очень хотелось бы стать когда-нибудь хорошим актером.

— Как и мне, мне очень хотелось бы написать хорошую книгу. Хочется хорошо делать работу, которой занимаешься. Но только это не для славы и почестей.

— Нет, — согласился Жербер.

Под окнами проехала повозка молочника. Вскоре начнет светать. Поезд миновал Шатору, он приближался к Вьерзону. Жербер зевнул, его глаза стали розовыми, как у сонного ребенка.

— Вам надо идти спать, — сказала Франсуаза.

Жербер протер глаза.

— Надо показать это Лабрусу в законченном виде, — упрямо сказал он. Взяв бутылку, он налил себе стакан виски.

— К тому же мне не хочется спать, у меня жажда! — Выпив, он поставил стакан, на минуту задумался. — Возможно, все-таки я хочу спать.

— Жажда или сон, решайтесь, — весело сказала Франсуаза.

— Я никогда не могу хорошенько себя понять, — признался Жербер.

— Послушайте, — сказала Франсуаза, — вот что вы сделаете. Ложитесь на диван и спите. Я закончу править последнюю сцену. Вы напечатаете ее, пока я поеду на вокзал за Пьером.

— А вы? — спросил Жербер.

— Когда я закончу, то тоже посплю; диван широкий, вы мне не помешаете. Берите подушку и располагайтесь под одеялом.

— Хорошо, — согласился Жербер.

Потянувшись, Франсуаза снова взялась за перо. Через какое-то время она обернулась. Жербер лежал на спине с закрытыми глазами; ровное дыхание срывалось с его губ. Он уже спал. Он был прекрасен. Она долго смотрела на него, затем снова принялась за работу. Там, в поезде, Пьер тоже спал, прислонясь головой к кожаным подушкам, с невинным выражением лица. Он спрыгнет с поезда, распрямится во весь свой маленький рост; потом побежит по перрону, возьмет меня за руку.

— Ну вот! — Франсуаза с удовлетворением посмотрела на рукопись. — Только бы ему это понравилось! Я думаю, что понравится. — Она отодвинула кресло. Розовая дымка поднималась

в небо. Сняв туфли, она скользнула под одеяло рядом с Жербером. Он застонал, его голова скатилась по подушке и уткнулась в плечо Франсуазы.

«Бедный малыш Жербер, как ему хотелось спать», — подумала она, поправила немного одеяло и застыла с открытыми глазами. Ее тоже одолевал сон, но спать она пока не хотела. Она смотрела на свежие веки Жербера и его длинные девичьи ресницы; он спал, отрешенный, безучастный. На шее она почувствовала ласку его мягких черных волос.

«Это все, что я когда-либо получу от него», — подумалось ей.

Были женщины, которые гладили эти прекрасные волосы, прижимали губы к его детским векам, сжимали в своих объятиях это длинное худощавое тело. Однажды одной из них он скажет:

— Я люблю тебя.

У Франсуазы сжалось сердце. Еще было время. Она могла прислониться щекой к этой щеке и сказать вслух слова, готовые сорваться с ее губ.

Она закрыла глаза. Она не могла сказать: «Я тебя люблю». Она не могла даже думать этого. Она любила Пьера. Для другой любви в ее жизни не было места.

«Однако будут радости, подобные этим», — по-

думала она с некоторой тревогой. Голова Жербера тяжело давила на ее плечо. Однако драгоценной была не эта давящая тяжесть: то были нежность Жербера, его доверие, его отрешенность, любовь, которой она его одаривала. Только Жербер спал, а любовь и нежность были лишь предметом грез. Возможно, если бы он обнял ее, она еще смогла бы поддаться грезам; но как согласиться грезить о любви, которую не хочешь прожить наяву!

Она посмотрела на Жербера. Она была свободна в своих словах и поступках, Пьер предоставлял ей свободу. Но поступки и слова будут всего лишь обманом, как уже была обманом тяжесть этой головы на ее плече. Жербер не любил ее, и она не могла желать, чтобы он любил ее.

За окном розовело небо. Сердце Франсуазы полнилось печалью, розовой, как рассвет. Однако она ни о чем не жалела; у нее даже не было права на эту грусть, которая сковывала ее сонное тело. Это было отречение, окончательное и безвозмездное.

## Глава II

Сидя в глубине мавританского кафе на подушках из жесткой шерсти, Франсуаза и Ксавьер смотрели на арабскую танцовщицу.

— Мне хотелось бы уметь так танцевать, — сказала Ксавьер. Ее плечи вздрогнули, легкое волнообразное движение пробежало по телу. Франсуаза улыбнулась ей, она сожалела, что день подошел к концу. Ксавьер была очаровательна.

— В Фесе, в особом квартале, мы с Лабрусом видели таких, они танцевали обнаженными, — сказала Франсуаза. — Но это, пожалуй, слишком походило на анатомический показ.

— Сколько вы всего видели! — с оттенком обиды заметила Ксавьер.

— Вы тоже увидите, — ответила Франсуаза.

— Увы, — отозвалась Ксавьер.

— Не останетесь же вы в Руане на всю жизнь, — сказала Франсуаза.

— Что я могу поделать? — с грустью ответила Ксавьер. Она задумчиво взглянула на свои пальцы; это были красные пальцы крестьянки, которые контрастировали с тонкими запястьями. — Возможно, я могла бы попытаться стать

шлюхой, но пока я еще недостаточно закаленная.

— Знаете, это суровое ремесло, — со смехом заметила Франсуаза.

— Главное, нужно не бояться людей, — серьезным тоном сказала Ксавьер; она покачала головой. — Я делаю успехи: когда какой-нибудь тип заденет меня на улице, я больше не вскрикиваю.

— И вы совсем одна входите в кафе, это уже очень хорошо, — сказала Франсуаза.

Ксавьер смущенно взглянула на нее:

— Да, но я не все вам рассказала: в том маленьком дансинге, где я вчера была, один моряк пригласил меня танцевать, а я отказалась. Я быстро допила свой кальвадос и трусливо убежала. — Она поморщилась. — Кальвадос — это ужасно.

— Должно быть, то была какая-то сивуха, — заметила Франсуаза. — Я думаю, что вы могли бы потанцевать с вашим моряком. В молодости я много чего такого проделывала, и никогда плохо это не оборачивалось.

— В следующий раз я соглашусь, — сказала Ксавьер.

— А вы не боитесь, что ваша тетя проснется как-

нибудь ночью? Представляю, что тогда будет.

— Она не осмелится войти ко мне, — с вызовом возразила Ксавьер. Улыбнувшись, она порылась в своей сумке. — Я сделала для вас маленький рисунок.

Женщина, слегка похожая на Франсуазу, стояла, облокотившись на стойку, ее щеки были выкрашены зеленым, а платье — желтым. Под рисунком Ксавьер большими фиолетовыми буквами написала: «Путь порока».

— Надо надписать его для меня, — сказала Франсуаза.

Ксавьер посмотрела на Франсуазу, посмотрела на рисунок и оттолкнула его.

— Это очень трудно, — призналась она.

Танцовщица вышла на середину зала; ее бедра колыхались, живот вздрагивал в ритме тамбурина.

— Можно подумать, будто дьявол стремится выскользнуть из ее тела, — заметила Ксавьер. Зачарованная, она наклонилась вперед. Франсуаза правильно сделала, приведя ее сюда; никогда Ксавьер не говорила так много о себе, у нее была прелестная манера рассказывать истории. Франсуаза откинулась на подушки; она тоже была тронута этой дешевой мишурой, но более всего ее

радовало то, что она присоединила к своей жизни это юное печальное существование, ибо теперь Ксавьер, подобно Жерберу, Инес и Канзетти, принадлежала ей; ничто никогда не доставляло Франсуазе столь ярких радостей, как такого рода обладание. Ксавьер внимательно смотрела на танцовщицу; она не видела собственного своего лица, которое страстная увлеченность украшала, рука ее ощущала контуры чашки, которую она сжимала, но лишь одна Франсуаза была чувствительна к контурам этой руки: движения Ксавьер, ее лицо, сама жизнь ее, чтобы существовать, нуждались во Франсуазе. Для нее самой Ксавьер в это мгновение была олицетворением вкуса кофе, назойливой музыки, танца, некоего благополучия; но детство Ксавьер, ее монотонные дни, ее разочарования представляли для Франсуазы некую романтическую историю, такую же реальную, как нежный рисунок ее щек; и эта история приводила именно сюда, в круг пестрых драпировок, к этой самой минуте в жизни Франсуазы, когда она, повернувшись, смотрела на Ксавьер.

— Уже семь часов, — сказала Франсуаза. Провести вечер с Элизабет — для нее это было убийственно, но неизбежно. — Вы собираетесь куда-нибудь с Инес этим вечером?

— Собираюсь, — унылым голосом отвечала Ксавьер.

— Сколько времени вы еще останетесь в Париже?

— Я уезжаю завтра. — В глазах Ксавьер вспыхнула ярость. — Завтра все это еще будет здесь, а я уже буду в Руане.

— Почему вы не поступаете на курсы стенографисток, как я вам советовала? — спросила Франсуаза. — Я могла бы найти вам место.

Ксавьер безнадежно пожала плечами.

— Я не смогу.

— Конечно, сможете, это не трудно.

— Моя тетя попыталась научить меня вязать, — возразила Ксавьер, — и мой последний носок стал катастрофой. — Она взглянула на Франсуазу с унылым и отчасти вызывающим видом. — Тетя права: из меня никогда ничего не получится.

— Хорошей хозяйки — безусловно, — весело согласилась Франсуаза. — Но без этого можно жить.

— Это не из-за носка, — обреченно отозвалась Ксавьер. — Но это знак.

— Вы слишком быстро отчаиваетесь, — сказала Франсуаза. — Вам ведь, однако, хочется покинуть Руан? Вы там ни к кому и ни к чему не привя-

заны?

— Я все ненавижу, — ответила Ксавьер. — Я ненавижу этот грязный город и людей на улицах, с их взглядами, как у слизняков.

— Так не может продолжаться, — заметила Франсуаза.

— Это будет продолжаться, — сказала Ксавьер. Она вдруг встала. — Я пойду.

— Подождите, я вас провожу.

— Нет, не беспокойтесь. Я и так уже отняла у вас всю вторую половину дня.

— Ничего вы не отняли, — возразила Франсуаза. — Какая вы смешная!

Она с некоторым недоумением посмотрела на насупившееся лицо Ксавьер; эта маленькая особа приводила в замешательство; в берете, скрывавшем ее светлые волосы, она выглядела чуть ли не мальчуганом; однако это было лицо девушки, которая полугодом раньше очаровала Франсуазу. Воцарилось молчание.

— Извините меня, — сказала Ксавьер. — У меня ужасно болит голова. — Она с болезненным видом коснулась висков. — Наверное, это от дыма: болит здесь и здесь.

Под глазами у нее образовались мешки, лицо поблекло; действительно, из-за густого запаха

ладана и табака дышать было почти нечем. Франсуаза позвала официанта.

— Жаль, если бы вы не так устали, вечером я повела бы вас в дансинг, — сказала она.

— Я думала, вы должны были встретиться с подругой, — сказала Ксавьер.

— Она пойдет с нами, это сестра Лабруса, рыжая девушка с короткой стрижкой, которую вы видели на сотом представлении «Филоктета».

— Я не помню, — отвечала Ксавьер. Взгляд ее оживился. — Я помню только вас: на вас была очень узкая длинная черная юбка, блузка с блестками и на голове серебряная сетка для волос; как вы были красивы!

Франсуаза улыбнулась: красивой она не была, однако ей вполне нравилось собственное лицо, и, встречая в зеркале свое отражение, она всегда испытывала приятное удивление.

— А на вас было прелестное синее платье с плиссировкой, и вы были пьяны.

— Я привезла это платье и вечером его надену, — сказала Ксавьер.

— Разумно ли это, если у вас болит голова?

— Голова больше не болит, — сказала Ксавьер, — было легкое головокружение. — Глаза ее блестели, она вновь обрела свой прекрасный

перламутровый цвет лица.

— Тогда все в порядке, — сказала Франсуаза. Она открыла дверь. — Только Инес рассердится, ведь она рассчитывает на вас.

— Ну и что же! Пускай сердится, — с высокомерным видом ответила Ксавьер.

Франсуаза остановила такси.

— Я отвезу вас к ней, а в половине десятого встречу вас в «Доме». Вам нужно будет идти прямо по бульвару Монпарнас.

— Я знаю, — отозвалась Ксавьер.

Франсуаза села в такси рядом с ней и взяла ее под руку.

— Я рада, что у нас впереди еще несколько долгих часов.

— Я тоже рада, — тихо сказала Ксавьер.

Такси остановилось на углу улицы Ренн. Ксавьер вышла, а Франсуаза поехала в театр. Пьер был в своем кабинете в домашнем халате и ел сэндвич с ветчиной.

— Как прошла репетиция? — спросила Франсуаза.

— Мы отлично поработали, — ответил Пьер. Он показал на рукопись, лежавшую у него на столе. — Все хорошо. Все очень хорошо.

— Правда? Как я рада! Мне было немного жаль

вырезать смерть Луцилия, но думаю, это было необходимо.

— Совершенно необходимо, — согласился Пьер. — Все развитие действия акта от этого изменилось. — Он откусил сэндвич. — Ты не обедала? Хочешь сэндвич?

— Очень хочу. — Она взяла один, с упреком посмотрев на Пьера. — Ты плохо питаешься, ты такой бледный.

— Я не хочу полнеть, — ответил Пьер.

— Цезарь не какой-нибудь худышка, — улыбнулась Франсуаза. — А что, если позвонить консьержке, чтобы она сходила для нас за бутылкой шато-марго?

— Неплохая идея. — Он снял трубку, а Франсуаза устроилась на диване; это здесь спал Пьер, когда не проводил ночь у нее; она любила эту комнатку.

— Ну вот, сейчас получишь то, что хотела, — сказал Пьер.

— Я довольна, — призналась Франсуаза. — Я думала, что никогда не дойду до конца третьего акта.

— Ты проделала замечательную работу, — сказал Пьер. Наклонившись, он поцеловал ее.

Франсуаза обвила его шею руками.

— Ты помнишь, что говорил мне на Делосе? Что хочешь привнести в театр нечто совершенно новое? Так вот! На этот раз получилось.

— Ты действительно так думаешь? — спросил Пьер.

— А ты так не думаешь?

— Отчасти думаю.

Франсуаза рассмеялась.

— Ты в этом просто уверен, у тебя такой довольный вид. Пьер, если не будет больших денежных затруднений, какой прекрасный год нас ожидает!

— Как только немного разбогатеем, купим тебе новое пальто, — сказал Пьер.

— Я вполне свыклась с этим.

— Это слишком уж заметно, — возразил Пьер, усаживаясь в кресло рядом с Франсуазой. — Ты хорошо повеселилась с твоей подружкой?

— Она милая. Жаль, что ей придется гнить в Руане.

— Она рассказывала тебе истории?

— Кучу историй, когда-нибудь я тебе все расскажу.

— Значит, ты довольна, ты не зря провела свой день?

— Я очень люблю истории, — призналась Фран-

суаза.

В дверь постучали, и она открылась. Консьержка с торжественным видом несла поднос с двумя стаканами и бутылкой вина.

— Большое спасибо, — сказала Франсуаза и наполнила стаканы.

— Будьте любезны, — обратился к консьержке Пьер, — меня ни для кого нет.

— Хорошо, месье Лаброс.

Она вышла. Франсуаза взяла свой стакан и надкусила второй сэндвич.

— Сегодня вечером я возьму с собой Ксавьер, — сказала она. — Мы пойдем в дансинг. Меня это забавляет. Надеюсь, она уравновесит Элизабет.

— Она, верно, на седьмом небе, — заметил Пьер.

— Бедная девочка, она меня тронула до глубины души. Ей омерзительно возвращаться в Руан.

— Нет никакой возможности вытащить ее оттуда? — спросил Пьер.

— Почти никакой, — ответила Франсуаза. — Она такая слабая и беспомощная; у нее никогда не достанет смелости научиться какому-нибудь ремеслу, а ее дядя не предполагает для нее иного будущего, кроме как набожного мужа и множества детишек.

— Ты должна взять ее в руки, — сказал Пьер.

— Каким образом? Я вижу ее раз в месяц.

— Почему бы тебе не вызвать ее в Париж? Ты присмотришь за ней, заставишь ее работать; пусть научится стенографии, и мы наверняка сумеем ее куда-нибудь пристроить.

— Ее семья никогда этого не разрешит, — возразила Франсуаза.

— Ну что ж! Пусть обойдется без разрешения. Она несовершеннолетняя?

— Нет, — ответила Франсуаза. — Но вопрос не в том. Я не думаю, что за ней вдогонку пошлют жандармов.

Пьер улыбнулся.

— Так в чем же вопрос?

Франсуаза заколебалась; по правде говоря, она никогда не подозревала, что возникнет какой-либо вопрос.

— Словом, ты предлагаешь поселить ее в Париже за наш счет в ожидании, пока она разбогатеет?

— А почему бы и нет? Представь ей это как ссуду.

— О! Разумеется, — согласилась Франсуаза. Ее всегда удивляла эта его манера в четырех словах выразить тысячу неожиданных возможностей;

там, где другие люди видели непроходимые заросли, Пьер открывал нетронутое будущее, которое ему предстояло создавать по собственному усмотрению. В этом и заключался секрет его силы.

— Нам в жизни выпадало столько удач, — сказал Пьер. — Надо же и другим дать возможность этим воспользоваться, когда можем.

Франсуаза в задумчивости изучала дно своего стакана.

— В каком-то смысле меня это очень соблазняет, — призналась она. — Но мне придется всерьез заняться ею. А у меня нет времени.

— Муравьишка, — с нежностью промолвил Пьер.

Франсуаза слегка покраснела.

— Знаешь, у меня не так много свободного времени, — заметила она.

— Прекрасно знаю, — сказал Пьер. — Но это смешно, такого рода отступление вспять, как только тебе предлагается некая новая возможность.

— Единственное новшество, которое меня интересует, — это наше общее будущее, — возразила Франсуаза. — А что ты хочешь, я и так счастлива! Тебе не на кого пенять, кроме как на самого себя.

— О! Я тебя не укоряю. Напротив, считаю тебя неизмеримо безупречной по сравнению со мной. В твоей жизни нет ни малейшей фальши.

— Дело в том, что ты не придаешь большого значения своей жизни самой по себе. В счет идет лишь твоя работа, — сказала Франсуаза.

— Это правда, — согласился Пьер; в задумчивости он вонзился зубами в свой ноготь. — Кроме моих отношений с тобой, у меня все несерьезно и расточительно.

Он продолжал терзать руку — пока не выступит кровь, он не успокоится.

— Как только я разделаюсь с Канзетти, с этим будет покончено.

— Ты так говоришь, — заметила Франсуаза.

— Я докажу это, — сказал Пьер.

— Тебе везет, все твои истории всегда кончаются хорошо.

— А все потому, что, по сути, ни одна из этих дамочек никогда по-настоящему не дорожила мной, — сказал Пьер.

— Я не думаю, что Канзетти корыстная девушка, — заметила Франсуаза.

— Нет, это не столько ради получения ролей; вот только она принимает меня за великого человека, и ей кажется, что через секс гений про-

никнет к ней в мозг.

— Есть такое, — засмеялась Франсуаза.

— Все эти истории меня больше не занимают, — сказал Пьер. — Если бы я, по крайней мере, был большим сладострастником, но у меня даже этого оправдания нет. — Он смущенно посмотрел на Франсуазу. — Дело в том, что мне нравятся начала. Тебе это не понятно?

— Может быть, — сказала Франсуаза, — но меня лично приключения без будущего не интересуют.

— Нет? — спросил Пьер.

— Нет, — ответила она. — Это сильнее меня: я верная женщина.

— Между нами не может быть речи о верности или неверности, — сказал Пьер, прижав к себе Франсуазу. — Ты и я, мы одно целое; знаешь, это правда, нас нельзя воспринимать одного без другого.

— А все благодаря тебе, — сказала Франсуаза. Она обхватила лицо Пьера руками и принялась покрывать поцелуями его щеки, на которых запах трубки смешался с неожиданно детским запахом кондитерской. «Мы одно целое», — повторила она про себя. Ни одно событие не казалось ей действительно настоящим: неясное, оно парило,

застыв неподвижно где-то в неопределенных просторах, пока она не рассказывала о нем Пьеру. Прежде, когда Пьер внушал ей робость, было немало разных вещей, которые она оставляла как бы в стороне: темные мысли, необдуманные действия; если об этом не говорить, то этого словно бы и не было; под настоящим существованием это образовывало некое пространство с тайнами и постыдными зарослями, где оказываешься в одиночестве и задыхаешься; но потом, постепенно, она выложила все; она не знала больше одиночества, очистившись от этого смутного кишения. Все мгновения своей жизни, которые она ему поверяла, он возвращал ей ясными, отшлифованными, законченными, и они становились моментами их жизни. Она знала, что такую же роль играет при нем: у него не было ни затаенности, ни стыдливости; он казался замкнутым, лишь когда бывал плохо выбрит либо если рубашка была грязной. Тогда он притворялся простуженным и упорно заматывал вокруг шеи шарф, что делало его похожим на преждевременного старика.

— Мне пора уходить, — с сожалением сказала Франсуаза. — Останешься спать здесь или придешь ко мне?

— Приду к тебе, — сказал Пьер. — Я хочу снова увидеть тебя как можно скорее.

Элизабет уже расположилась в «Доме», она курила, пристально глядя в пустоту. «Что-то не так», — подумала Франсуаза. Элизабет была старательно подкрашена, но лицо выглядело отекшим и усталым. Она заметила Франсуазу, и внезапная улыбка, казалось, освободила ее от мыслей.

— Добрый день, я очень рада тебя видеть, — порывисто сказала она.

— Я тоже, — ответила Франсуаза. — Скажи, тебя не огорчит, если я возьму с нами малышку Пажес? Она умирает от желания пойти в дансинг; пока она танцует, мы сможем поговорить, она не обременительна.

— Я целую вечность не слышала джаза, — сказала Элизабет, — это меня развлечет.

— Ее еще нет? — поинтересовалась Франсуаза. — Это странно. — Она повернулась к Элизабет. — Так что с путешествием? — весело спросила она. — Ты в самом деле едешь завтра?

— Ты думаешь, все так просто, — сказала Элизабет; она с досадой усмехнулась. — Похоже, это может огорчить Сюзанну, а Сюзанна так настрадалась из-за сентябрьских событий.

Так вот оно что... Франсуаза с негодующей жалостью взглянула на Элизабет. Клод действительно отвратительно ведет себя с ней.

— Как будто ты тоже не настрадалась.

— Но я-то, я человек здравомыслящий и сильный, — с насмешкой сказала Элизабет. — Я — женщина, которая никогда не устраивает сцен.

— Однако Клод ведь не дорожит больше Сюзанной, — заметила Франсуаза. — Она старая и некрасивая.

— Больше не дорожит, — подтвердила Элизабет. — Только Сюзанна — это суеверие. Он уверен, что без нее ничего не сможет добиться. — Наступило молчание. Элизабет старательно следила за дымом от своей сигареты. Она умела держаться, но как черно, верно, было в ее сердце! Она столько всего ожидала от этого путешествия: быть может, это длительное тет-а-тет заставит наконец Клода решиться на разрыв с женой. Франсуаза стала в этом сомневаться; вот уже два года Элизабет ждала решающего часа. Но при виде разочарования Элизабет у нее сжалось сердце, что походило на угрызения.

— Надо сказать, что Сюзанна сильна, спора нет, — заметила Элизабет, взглянув на Франсуазу. — Она пытается пристроить пьесу Клода у

Нантёя. Это тоже одна из причин, удерживающих его в Париже.

— Нантёй, — вяло произнесла Франсуаза. — Странная идея. — Она с беспокойством посмотрела на дверь. Почему не пришла Ксавьер?

— Это глупо. — Голос Элизабет окреп. — Впрочем, все просто, я не вижу никого, кроме Пьера, кто сможет поставить «Раздел». В роли Ашаба он был бы потрясающим.

— Роль прекрасная, — согласилась Франсуаза.

— Думаешь, это могло бы его увлечь? — спросила Элизабет. В голосе ее звучал тоскливый призыв.

— «Раздел» очень интересная пьеса, — сказала Франсуаза, — только она совсем не в духе поисков Пьера. Послушай, — поспешно добавила она. — Почему Клод не отнесет свою пьесу к Берже? Хочешь, чтобы Пьер написал Берже?

Элизабет с трудом перевела дух.

— Ты не представляешь себе, как это важно для Клода, если Пьер возьмет его пьесу. Он до такой степени в себе сомневается. Только Пьер мог бы его спасти.

Франсуаза отвела глаза; пьеса Батье была отвратительна. И речи не было, чтобы принять ее. Однако она знала, какие надежды возлагает

Элизабет на этот последний шанс; глядя на ее искаженное лицо, она не могла не испытывать сожалений. Ей было известно, насколько ее собственное существование и ее пример давят на судьбу Элизабет.

— Откровенно говоря, это не пройдет, — сказала она.

— Между тем «Люс и Арманда» была неплохим успехом.

— После «Юлия Цезаря» Пьер хочет попытаться запустить кого-то неизвестного.

Франсуаза умолкла. Она с облегчением увидела приближающуюся Ксавьер. Та была тщательно причесана, легкий макияж сглаживал ее скулы, облагораживал ее большой чувственный нос.

— Вы знакомы, — сказала Франсуаза. Она улыбнулась Ксавьер. — Вы припозднились. Я уверена, что вы не ужинали. Вам надо немного поесть.

— Нет, спасибо, я совсем не голодна, — ответила Ксавьер. Она села, опустив голову. Казалось, ей не по себе. — Я немного заблудилась, — призналась она.

Элизабет мерила ее тяжелым взглядом; она ее оценивала.

— Вы заблудились? Вы пришли издалека?

Ксавьер повернула к Франсуазе огорченное

лицо.

— Не знаю, что со мной случилось, я шла по бульвару, он все никак не кончался, и я очутилась на совсем темной авеню. Должно быть, я прошла мимо «Дома», не заметив его.

Элизабет рассмеялась.

— Для этого надо было постараться, — заметила она.

Ксавьер бросила на нее мрачный взгляд.

— Наконец вы здесь, и это главное, — сказала Франсуаза. — Что ты скажешь, если нам пойти в «Прери»? Это не то, что в нашей молодости, но совсем неплохо.

— Как хочешь, — ответила Элизабет.

Они вышли из кафе; на бульваре Монпарнас сильный ветер мел листья платанов; Франсуаза с удовольствием заставляла их скрипеть под ногами, это пахло сушеным орехом и недорогим вином.

— Вот уже почти год, как я не заглядывала в «Прери», — сказала она.

Ответа не последовало. Ксавьер зябко стягивала воротник своего пальто; Элизабет держала свой шарф в руке; она, казалось, не чувствовала холода и ничего не видела.

— Сколько народа, — сказала Франсуаза. Все

табуреты у стойки бара были уже заняты; она выбрала столик немного в стороне.

— Я выпью виски, — сказала Элизабет.

— Два виски, — сказала Франсуаза. — А вы?

— То же, что вы, — сказала Ксавьер.

— Три раза виски, — сказала Франсуаза.

Запах спиртного и дыма напоминал ей молодость; ей всегда нравились ритмы джаза, желтые огни и кишение ночных кафе. Как легко быть довольной, живя в мире, заключавшем одновременно руины Дельф, лысые горы Прованса и это человеческое изобилие! Она улыбнулась Ксавьер.

— Посмотрите на блондинку со вздернутым носом в баре: она живет в моем отеле; часами она бродит по коридорам в небесно-голубой ночной рубашке; я думаю, это чтобы завлечь негра, который живет надо мной.

— Она некрасивая, — заметила Ксавьер; глаза ее расширились. — А вот темноволосая женщина рядом с ней действительно красивая. Как она красива!

— Знаете, ее возлюбленный — чемпион по американской борьбе; они прогуливаются по кварталу, держась за мизинцы.

— О! — с упреком воскликнула Ксавьер.

— Я не виновата, — заметила Франсуаза.

Ксавьер поднялась: с многообещающей улыбкой подошли двое молодых людей.

— Нет, я не танцую, — сказала Франсуаза.

Поколебавшись, Элизабет тоже встала.

«Она ненавидит меня в эту минуту», — подумала Франсуаза. За соседним столиком немного яркая блондинка и очень молодой юноша нежно держались за руки; молодой мужчина с пылким видом говорил тихим голосом; женщина улыбалась с осторожностью так, чтобы ни одна морщинка не портила ее красивого блеклого лица; шлюшка из отеля танцевала с каким-то моряком, полузакрыв глаза, она тесно прижималась к нему; красивая брюнетка, сидя на табурете, с усталым видом поедала ломтики банана. Франсуаза с гордостью улыбнулась; каждый из этих мужчин, каждая из этих женщин находились здесь, занятые переживанием определенного момента своей маленькой личной истории, Ксавьер танцевала, Элизабет сотрясали приступы гнева и отчаяния. А я, безликая и свободная, нахожусь тут, в центре дансинга. Я созерцаю разом все эти жизни, все эти лица. Если я отвернусь от них, они тут же исчезнут, словно покинутый пейзаж.

Вернулась на свое место Элизабет.

— Знаешь, — сказала Франсуаза, — я сожалею, что это нельзя уладить.

— О! — отозвалась Элизабет. — Я прекрасно понимаю… — Лицо ее обмякло; она не могла долго предаваться гневу, по крайней мере — в присутствии людей.

— С Клодом у тебя сейчас не так все хорошо? — спросила Франсуаза.

Элизабет покачала головой; лицо ее скривилось, и Франсуаза подумала, что она вот-вот расплачется; однако она сдержалась.

— У Клода полный упадок. Он говорит, что не может работать, пока не примут его пьесу, что он не чувствует себя по-настоящему освободившимся. Когда он в таком состоянии, он ужасен.

— Ты же все-таки не в ответе за это, — заметила Франсуаза.

— Но все всегда падает на меня, — сказала Элизабет. Ее губы снова дрогнули. — Потому что я сильная женщина. Он не представляет себе, что сильная женщина может страдать так же, как любая другая, — произнесла она с выражением страстной скорби.

Она разразилась рыданиями.

— Бедная Элизабет! — вымолвила Франсуаза, схватив ее за руку.

В слезах лицо Элизабет обретало что-то детское.

— Это глупо, — сказала она, промокая глаза. — Так не может продолжаться, между нами всегда Сюзанна.

— Чего же ты хочешь, — спросила Франсуаза, — чтобы он развелся?

— Он никогда не разведется. — Элизабет снова заплакала с какой-то яростью. — Да любит ли он меня? А я, я даже не знаю, люблю ли я его. — Она растерянно взглянула на Франсуазу. — Вот уже два года я борюсь за эту любовь, я из сил выбиваюсь в этой борьбе, я пожертвовала всем и даже не знаю, любим ли мы друг друга.

— Конечно, ты его любишь, — трусливо сказала Франсуаза. — Сейчас ты на него сердишься, поэтому ничего не чувствуешь, но это ничего не значит. — Любой ценой надо было разубедить Элизабет; это будет ужасно, то, что она обнаружит, если однажды постарается до конца быть искренней; она и сама должна была этого бояться, ее порывы подозрения всегда вовремя останавливались.

— Я уже не знаю, — молвила Элизабет.

Франсуаза крепче сжала ее руку, она действительно была взволнована.

— Клод слабый, вот и все, но он тысячу раз доказывал, что дорожит тобой. — Она подняла голову; Ксавьер стояла у стола, наблюдая сцену со странной улыбкой.

— Присаживайтесь, — смущенно сказала Франсуаза.

— Нет, я снова пойду танцевать, — отвечала Ксавьер; лицо ее отражало презрение и чуть ли не злобу. Такое недоброжелательное суждение неприятно поразило Франсуазу.

Элизабет выпрямилась, напудрила лицо.

— Нужно терпение, — сказала она. Голос ее окреп. — Это вопрос влияния. Я всегда вела слишком откровенную игру с Клодом и не оказываю на него давление.

— Ты когда-нибудь говорила ему ясно, что не можешь выносить такую ситуацию?

— Нет, — отвечала Элизабет. — Надо подождать. — Она снова приняла свой привычный суровый, искушенный вид.

Любила ли она Клода? Она бросилась ему на шею лишь для того, чтобы тоже приобщиться к великой любви; поклонение, с которым она к нему относилась, — тоже была манера защищаться от Пьера. Однако из-за него она испытывала такие страдания, с которыми ни Франсуаза, ни

Пьер ничего не могли поделать.

«Какая неразбериха», — со сжавшимся сердцем подумала Франсуаза.

Элизабет покинула столик. С опухшими глазами и судорожно сжатым ртом она танцевала. Франсуазу кольнуло что-то похожее на зависть. Чувства Элизабет могли быть ложными, и призвание ложным, и вся ее жизнь ложной, однако ее страдание в данный момент было истинным и жестоким. Франсуаза посмотрела на Ксавьер. С восторженным лицом, слегка откинув голову назад, Ксавьер танцевала: у нее еще не было жизни, для нее все было возможно, и в этом волшебном вечере таилось обещание множества неведомых восторгов. Для этой девушки и для этой женщины с тяжестью на сердце данная минута имела незабываемый, терпкий привкус. «А я, — подумала Франсуаза, — зрительница». Однако и этот джаз, и вкус виски, и оранжевое освещение — все это было не только спектаклем, со всем этим надо было что-то делать. Но что? В ожесточенной и напряженной душе Элизабет музыка потихоньку преображалась в надежду; Ксавьер наделяла ее страстным ожиданием. И лишь Франсуаза не находила в себе ничего, что соответствовало бы волнующему голосу саксофона. Она поискала

какого-нибудь желания, сожаления, но позади нее и перед ней простиралось ясное, незамутненное счастье. «Пьер». Это имя никогда не сможет вызвать у нее страдание. Жербер… Ее больше не заботил Жербер. Она больше не ведала ни риска, ни надежды, ни страха; одно лишь счастье, над которым она даже была не властна. С Пьером не могло быть никакого недоразумения, никакой поступок никогда не станет непоправимым. Если однажды она попытается заставить себя страдать, он сумеет настолько хорошо ее понять, что счастье снова сомкнется над ней. Она закурила сигарету. Нет, она не находила ничего другого, кроме этого абстрактного сожаления о том, что не о чем сожалеть. У нее перехватило горло, сердце билось немного чаще обычного, но она не могла даже подумать, что искренне устала от счастья; это чувство беспокойства не приносило ей никакого волнующего откровения; просто случай среди прочих, краткое отклонение, почти предсказуемое, которое разрешится с миром. Она никогда больше не поддавалась воздействию мгновений, она прекрасно знала, что ни одно из них не имеет решающего значения. «Запертая в счастье», — прошептала она; однако внутри она чувствовала некую усмешку.

Франсуаза обескураженно взглянула на пустые стаканы, на полную окурков пепельницу. Было четыре часа утра, Элизабет давно уже ушла, но Ксавьер не уставала танцевать. Франсуаза не танцевала и, чтобы провести время, слишком много пила и слишком много курила; голова у нее была тяжелой, и во всем теле она ощущала сонную разбитость.

— Я думаю, пора уходить, — сказала она.

— Уже! — удивилась Ксавьер. Она с сожалением взглянула на Франсуазу. — Вы устали?

— Немного, — призналась Франсуаза; она заколебалась. — Вы могли бы остаться без меня. Вам уже случалось ходить в дансинг одной.

— Если вы уходите, я пойду с вами, — сказала Ксавьер.

— Но я не хочу заставлять вас возвращаться, — сказала Франсуаза. Ксавьер пожала плечами с каким-то фатальным видом.

— О! Я вполне могу вернуться, — сказала она.

— Нет, это было бы досадно, — заметила Франсуаза; она улыбнулась. — Останемся еще ненадолго.

Лицо Ксавьер просияло:

— Здесь так приятно, правда?

Она улыбнулась молодому человеку, скло-

нившемуся перед ней, и последовала за ним на середину танцплощадки.

Франсуаза закурила новую сигарету; в конце концов, ничто ее не обязывает продолжить свою работу завтра; было немного нелепо провести часы здесь, не танцуя, ни с кем не разговаривая, но, если на это решиться, можно поддаться очарованию такого рода погружения; вот уже многие годы ей не случалось пребывать в подобной ситуации, заблудившись в парах спиртного и табака, предаваясь пустым мечтаниям и мыслям, которые ни к чему не ведут.

Вернувшись, Ксавьер села рядом с Франсуазой.

— Почему вы не танцуете? — спросила она.

— Я плохо танцую, — ответила Франсуаза.

— Стало быть, вы скучаете? — жалобным голосом спросила Ксавьер.

— Вовсе нет. Я люблю наблюдать. Напротив, мне нравится слушать музыку, смотреть на людей.

Она улыбнулась; именно Ксавьер она обязана и этим часом, и этой ночью, зачем же отказываться впускать в свою жизнь столь чистое богатство: совершенно нового юного спутника с его требованиями, его нерешительными улыбками и неожиданными реакциями?

— Я прекрасно понимаю, вам это, должно быть, неинтересно, — сказала Ксавьер. Лицо ее омрачилось; вид у нее был немного усталый.

— Но если я уверяю вас, что вполне довольна, — сказала Франсуаза, коснувшись руки Ксавьер. — Мне нравится находиться с вами.

Ксавьер неуверенно улыбнулась; Франсуаза дружески посмотрела на нее; она уже не совсем понимала возражения, которые выдвинула Пьеру; что ее на самом деле привлекало, так это некое веяние риска и тайны.

— Знаете, о чем я думала этой ночью? — резко спросила она. — Что вы никогда ничего не добьетесь, пока останетесь в Руане. Есть только одно решение: приехать жить в Париж.

— Жить в Париже? — удивилась Ксавьер. — Увы, мне бы очень хотелось!

— Я говорю это не просто так, — сказала Франсуаза; она заколебалась, испугавшись, что Ксавьер сочтет ее бестактной. — Вот что вы могли бы сделать: вы поселились бы в Париже, если хотите, в моем отеле; я ссужу вам необходимые деньги, и вы научитесь ремеслу, например, стенографии или еще лучше: у меня есть приятельница, которая управляет институтом красоты, и она возьмет вас, как только вы получите диплом.

Лицо Ксавьер помрачнело.

— Мой дядя никогда на это не согласится, — сказала она.

— Обойдитесь без его согласия. Вы его не боитесь?

— Нет, — ответила Ксавьер. Она внимательно разглядывала свои заостренные ногти; с этим бледным цветом лица, длинными прядями белокурых волос, пляска которых нарушала распорядок, у нее был жалкий вид медузы на сухом песке.

— Так что? — спросила Франсуаза.

— Извините. — Ксавьер поднялась, чтобы присоединиться к одному из своих танцоров, который подал ей знак, и лицо ее снова оживилось. Франсуаза удивленно следила за ней глазами; у Ксавьер бывали странные скачки настроения: слегка приводило в замешательство то, что она не дала даже себе труда рассмотреть предложение Франсуазы. Хотя план этот был как нельзя более разумен. Франсуаза с некоторым нетерпением ждала, когда Ксавьер вернется на свое место.

— Ну что, — спросила она, — что вы думаете о моем плане?

— Каком плане? — удивилась Ксавьер. Она казалась искренне ошеломленной.

— Переехать в Париж.

— О! Жить в Париже, — проговорила Ксавьер.

— Но это серьезно. Можно подумать, что вы принимаете это за несбыточную идею.

Ксавьер пожала плечами.

— Но это не может осуществиться, — заметила она.

— Достаточно, чтобы вы этого захотели, — настаивала Франсуаза. — Что вас смущает?

— Это неосуществимо, — с рассерженным видом заявила Ксавьер. Она огляделась. — Это становится зловещим, вы не находите? У всех людей глаза занимают целиком все лицо; они пустили здесь корни, потому что у них нет больше сил тащиться куда-то еще.

— Что ж, уйдем отсюда! — сказала Франсуаза. Она пересекла зал и открыла дверь; занимался серенький рассвет. — Можно немного пройтись.

— Можно, — согласилась Ксавьер; стянув на шее воротник пальто, она быстро зашагала. Почему она отказывалась всерьез принимать предложение Франсуазы? Это раздражало — чувствовать рядом с собой такую упрямую враждебную мыслишку.

«Я должна ее убедить», — подумала Франсуаза. До сих пор обсуждения с Пьером, смутные ноч-

ные мечтания, самое начало этого разговора, все было лишь игрой; внезапно все стало реальным: сопротивление Ксавьер было реальным, и Франсуазе хотелось его побороть. Это возмутительно: она так была уверена в том, что имеет влияние на Ксавьер, что она знает о ней все, вплоть до ее прошлого и пока еще неведомых поворотов ее будущего! А между тем существовала эта упрямая воля, о которую ее собственная разбивалась.

Горестно сдвинув брови, Ксавьер все убыстряла шаг; разговаривать было невозможно. Какое-то время Франсуаза молча следовала за ней, потом потеряла терпение.

— Вам не надоело прогуливаться? — спросила она.

— Вовсе нет, — отвечала Ксавьер; трагическое выражение исказило ее лицо. — Я ненавижу холод.

— Надо было сказать об этом, — заметила Франсуаза. — Войдем в ближайшее открытое бистро.

— Нет, погуляем, раз вам этого хочется, — сказала Ксавьер с отважной самоотверженностью.

— Мне уже не так этого хочется, — отозвалась Франсуаза. — И я с удовольствием выпила бы горячего кофе.

Они слегка замедлили шаг; возле Монпар-

насского вокзала, на углу Одесской улицы, люди теснились за стойкой кафе «Биар». Франсуаза вошла и села в углу, в самой глубине зала.

— Два кофе, — попросила она.

За одним из столиков, согнувшись пополам, спала какая-то женщина, на полу стояли чемоданы и тюки; за другим столиком три бретонских крестьянина пили кальвадос.

Франсуаза взглянула на Ксавьер.

— Я не понимаю, — проронила она.

Ксавьер бросила на нее обеспокоенный взгляд.

— Я вас раздражаю?

— Я разочарована, — ответила Франсуаза. — Я думала, что у вас достанет смелости принять то, что я вам предлагала.

Ксавьер заколебалась; с мученическим видом она огляделась вокруг.

— Я не хочу заниматься массажем лица, — жалобно сказала она.

Франсуаза рассмеялась.

— Ничто вас к этому не обязывает. Я могла бы найти вам, например, место манекенщицы; либо все-таки вы научитесь стенографии.

— Я не хочу быть стенографисткой или манекенщицей, — резко возразила Ксавьер.

Франсуаза растерялась.

— По моим понятиям это было бы лишь началом. Имея какое-то ремесло, вы сможете со временем определиться. Что вам вообще-то было бы интересно — получить образование, заняться рисунком, театром?

— Не знаю. Ничего особенного. Разве совершенно необходимо что-то делать? — с некоторым высокомерием спросила она.

— Несколько часов скучной работы — мне это не кажется слишком дорогой платой за вашу независимость, — сказала Франсуаза.

Ксавьер с отвращением поморщилась.

— Я ненавижу сделки: если не можешь получить жизнь, какую хочешь, лучше вовсе не жить.

— На самом деле вы никогда себя не убьете, — несколько сухо заметила Франсуаза. — Так что не лучше ли попытаться построить достойную жизнь?

Она выпила глоток кофе; это был настоящий утренний кофе, терпкий и сладкий, как тот, что пьешь на перроне вокзала после ночного путешествия или в сельских гостиницах в ожидании первого автобуса. Этот гнилостный привкус смягчил сердце Франсуазы.

— Какой же следует быть жизни по вашим

понятиям? — доброжелательно спросила она.

— Такой, как когда я была маленькой, — отвечала Ксавьер.

— Чтобы что-то захватывало вас, хотя вы к этому не стремились? Как когда ваш отец уносил вас на своем большом коне?

— Было множество и других моментов, — отозвалась Ксавьер. — Когда в шесть часов утра он брал меня на охоту, и траву устилала свежая паутина. Все это на меня так сильно действовало.

— Но в Париже вы обретете похожие радости, — возразила Франсуаза. — Подумайте: музыка, театр, дансинги.

— И придется, как вашей подруге, считать стаканы, которые пьешь, и все время смотреть на часы, чтобы на следующее утро идти на работу.

Франсуаза почувствовала себя задетой; она тоже смотрела на часы. «Можно подумать, что она на меня сердится, но за что?» — недоумевала она. Эта унылая и непредсказуемая Ксавьер ее интересовала.

— В конечном счете вы принимаете гораздо более жалкое существование, чем ее, — заметила она, — и в десять раз менее свободное. По сути, все просто, вы боитесь. Возможно, не своей семьи, но боитесь порвать со своими мелкими привыч-

ками, боитесь свободы.

Не ответив, Ксавьер опустила голову.

— В чем дело? — ласково спросила Франсуаза. — У вас такой упрямый вид; похоже, вы мне совсем не доверяете.

— Да нет же, — без особого пыла отвечала Ксавьер.

— В чем же деле? — повторила Франсуаза.

— Меня приводит в ужас думать о собственной жизни.

— Но это не все, — возразила Франсуаза. — Всю ночь вы выглядели странной. — Она улыбнулась. — Вам было неприятно присутствие Элизабет? Вы не питаете к ней большой симпатии?

— Напротив, — молвила Ксавьер и чопорно добавила: — Наверняка это очень интересный человек.

— Вас шокировало, что она плачет на публике? — спросила Франсуаза. — Признайтесь, я тоже вас шокировала; вы сочли меня недостаточно слезливой?

Глаза Ксавьер слегка округлились; это были глаза ребенка, голубые и правдивые.

— Мне показалось это странным, — простодушно призналась она.

Она оставалась настороже; продолжать было

бесполезно. Франсуаза подавила зевок:

— Я возвращаюсь, — сказала она. — Вы пойдете к Инес?

— Да. Попробую забрать свои вещи и уйти, не разбудив ее, — сказала Ксавьер. — Иначе она набросится на меня.

— Я думала, что вы любите Инес.

— Ну конечно, я очень ее люблю. Вот только она из тех людей, при которых нельзя выпить стакан молока, не почувствовав угрызения совести.

Колкость ее тона относилась к Инес или к Франсуазе? Во всяком случае, разумнее было не настаивать.

— Что ж, пошли! — сказала Франсуаза, кладя руку на плечо Ксавьер. — Я сожалею, что вы провели неудачный вечер.

Лицо Ксавьер внезапно исказилось, и вся ее суровость растворилась. Она с отчаянием посмотрела на Франсуазу.

— Но я провела отличный вечер, — сказала она и, опустив голову, торопливо добавила: — Это вам не доставило удовольствия тащить меня, как собачонку.

Франсуаза улыбнулась. «Так вон оно что! — подумала она. — Она решила, что я выводила ее из чистой жалости». Она дружески взглянула на

столь недоверчивую юную особу:

— Напротив, я очень довольна, что вы были со мной, иначе я бы вам этого не предложила. Почему вы так решили?

Ксавьер посмотрела на нее ласково и доверчиво:

— У вас такая наполненная жизнь. Столько друзей, столько занятий; я почувствовала себя ничтожной крупицей.

— Это глупо, — сказала Франсуаза. Странно было думать, что Ксавьер могла ревновать к Элизабет. — Значит, когда я предложила вам приехать в Париж, вы подумали, что я хочу подать вам милостыню?

— Отчасти, — смиренно призналась Ксавьер.

— И вы меня возненавидели, — продолжала Франсуаза.

— Я не вас возненавидела, я возненавидела себя.

— Это одно и то же. — Ладонь Франсуазы скользнула с плеча Ксавьер вдоль ее руки. — Но я привязана к вам. Я буду так счастлива видеть вас рядом.

Ксавьер устремила на нее обрадованный и недоверчивый взгляд.

— Разве нам не было хорошо этим вечером? —

спросила Франсуаза.

— Конечно, было, — смущенно согласилась Ксавьер.

— У нас могло бы быть множество таких моментов! Вас это не прельщает?

Ксавьер крепко сжала руку Франсуазы.

— О! Мне так хотелось бы, — с жаром произнесла она.

— Если захотите, так оно и будет, — сказала Франсуаза. — Через Инес я пошлю вам письмо со словами, что она нашла для вас занятие. И в тот день, когда вы решитесь, вам стоит лишь написать мне: «Я еду», и вы приедете. — Она погладила горячую руку, доверчиво покоившуюся в ее руке. — Вот увидите, у вас будет прекрасное существование, очень счастливое.

— О! Я очень хочу приехать, — призналась Ксавьер; всем телом она прильнула к плечу Франсуазы; долгое время они оставались неподвижны, прижавшись друг к другу; волосы Ксавьер касались щеки Франсуазы; их пальцы переплелись.

— Мне грустно расставаться с вами, — сказала Франсуаза.

— Мне тоже, — тихонько вторила Ксавьер.

— Милая моя Ксавьер, — прошептала Франсуаза; приоткрыв рот, Ксавьер смотрела на нее

блестевшими глазами. Размякшая, беспомощная, она полностью была предоставлена ей. Отныне Франсуаза повлечет ее по жизни. «Я сделаю ее счастливой», — твердо решила она.

## Глава III

Полоска света пробивалась из-под двери Ксавьер; Франсуаза услышала легкое позвякивание, шорох ткани; она постучала. Последовало долгое молчание.

— Кто там? — спросила Ксавьер.

— Это я, — отозвалась Франсуаза. — Пора ехать.

С тех пор как Ксавьер поселилась в отеле «Байяр», Франсуаза научилась никогда не стучать к ней неожиданно, никогда не опережать час встречи. Несмотря на это, ее приход всегда вызывал загадочные осложнения.

— Не могли бы вы подождать меня минутку? Сейчас я поднимусь к вам.

— Хорошо, я жду вас, — ответила Франсуаза.

Она поднялась по лестнице. У Ксавьер имелось пристрастие к церемониям, она открывала дверь Франсуазе, лишь когда готова была принять ее со всей торжественностью; оказаться застигнутой в своей повседневной обыденности показалось бы ей непристойным.

«Только бы сегодня вечером все прошло хорошо, — подумала Франсуаза, — за три дня ничего

нельзя успеть». Присев на диван, она взяла одну из рукописей, сложенных на ночном столике. Пьер дал ей поручение читать театральные пьесы, которые получал: эта работа обычно ее развлекала. «Марсий, или Сомнительное превращение». Франсуаза без воодушевления взглянула на название. Во второй половине дня дело никак не ладилось, все выдохлись; у Пьера нервы были натянуты до предела, уже неделя, как он не спал. Расходы не окупятся раньше чем через сто представлений при полном зале.

Отбросив рукопись, Франсуаза встала; у нее было время снова навести красоту, однако она была слишком взволнована. Закурив сигарету, Франсуаза улыбнулась. По сути, она ничего так не любила, как эту горячку последних минут; она знала, что в нужный момент все будет готово. За три дня Пьер мог совершить чудеса. Эта ртутная подсветка, в конце концов ее наладят. Если бы только Тедеско решился играть в темпе…

— Можно войти? — послышался робкий голос.

— Входите, — ответила Франсуаза.

На Ксавьер было толстое пальто и скверный беретик; на ее детском лице обозначилась сокрушенная улыбка.

— Я заставила вас ждать?

— Нет, все очень хорошо, мы не опаздываем, — поспешно сказала Франсуаза. Надо было постараться, чтобы Ксавьер не почувствовала себя виноватой, иначе она огорчится и нахмурится. — Я даже еще не совсем готова.

Из принципа она слегка припудрила лицо и быстро отвернулась от зеркала; этим вечером лицо ее было не в счет, оно для нее не существовало, и она смутно надеялась, что оно будет невидимо для всех.

Франсуаза взяла ключ, перчатки и закрыла дверь.

— Вы были на концерте? — спросила она. — Это было хорошо?

— Нет, я не выходила, — отвечала Ксавьер. — Было слишком холодно, мне не захотелось.

Франсуаза взяла ее за руку.

— Чем же вы занимались весь день? Расскажите.

— Нечего рассказывать, — умоляющим тоном ответила Ксавьер.

— Вы всегда мне так говорите, — сказала Франсуаза. — А я вам уже объясняла, что мне доставляет удовольствие представлять себе в подробностях ваше нехитрое существование. — Она с улыбкой оглядела ее. — Вы помыли голову.

— Да, — ответила Ксавьер.

— Ваша прическа великолепна, в ближайшие дни я попрошу вас причесать меня. Ну а дальше? Вы читали? Спали? Как вы позавтракали?

— Я совсем ничего не делала, — ответила Ксавьер.

Франсуаза не настаивала. Существовал определенный род близости, недоступный в отношениях с Ксавьер; мелкие дневные занятия казались ей столь же неприличными, как ее органические отправления; а поскольку она почти не выходила из комнаты, ей редко случалось что-то рассказывать. Франсуаза была разочарована отсутствием у нее любопытства: напрасно ей предлагали заманчивые программы кино, концертов, прогулок, она упорно оставалась у себя. То была мимолетная химерическая восторженность, вдохновившая Франсуазу тем утром, когда в одном монпарнасском кафе ей почудилось, будто она обнаружила драгоценную находку. Ничего нового присутствие Ксавьер ей не принесло.

— А у меня был наполненный день, — весело начала Франсуаза. — Утром я все высказала мастеру по изготовлению париков, который не поставил и половины их, а потом побежала по магазинам аксессуаров. Трудно отыскать, что

хочешь, это настоящая охота за сокровищем; но если бы вы знали, до чего приятно рыться среди этих забавных театральных предметов: надо когда-нибудь взять вас с собой.

— Мне бы очень хотелось, — призналась Ксавьер.

— Во второй половине дня шла долгая репетиция, и я много времени провела, поправляя костюмы. — Франсуаза рассмеялась. — Есть один тучный актер, который пару фальшивых ягодиц поставил себе вместо живота, если бы вы видели его силуэт!

Ксавьер ласково сжала руку Франсуазы.

— Вам не следует слишком уставать, а то вдруг заболеете!

Франсуаза с неожиданной нежностью посмотрела на ее встревоженное лицо; выпадали минуты, когда сдержанность Ксавьер таяла; она превращалась в маленькую беспомощную и любящую девочку, перламутровые щеки которой хотелось покрыть поцелуями.

— Осталось недолго, — отозвалась Франсуаза. — Видите ли, такое существование я буду вести не вечно, но когда это длится всего несколько дней и надеешься на успех, какое удовольствие не щадить себя.

— Вы такая деятельная, — заметила Ксавьер.

Франсуаза улыбнулась ей.

— Думаю, сегодня вечером будет интересно. В последнюю минуту у Лабруса всегда случаются лучшие находки.

Ксавьер ничего не ответила; она всегда казалась смущенной, когда Франсуаза говорила о Лабрусе, хотя и выражала большое восхищение.

— Вы не против, по крайней мере, пойти на эту репетицию? — спросила Франсуаза.

— Мне это очень интересно, — ответила Ксавьер. Она заколебалась. — Конечно, я предпочла бы встретиться с вами иначе.

— Я тоже, — без воодушевления сказала Франсуаза. Ей не нравились эти скрытые упреки, которые порой вырывались у Ксавьер; разумеется, она не уделяла ей слишком много времени, но не могла же она все-таки посвящать ей редкие часы своей личной работы.

Они подошли к театру. Франсуаза с любовью взглянула на старое здание, фасад которого украшали причудливые фестоны; сердце трогал его домашний скромный вид; через несколько дней оно примет праздничный облик, засверкает всеми огнями; сегодня вечером оно погрузилось в темноту. Франсуаза направилась к артистиче-

скому входу.

— Забавно думать, что вы каждый день приходите сюда, как если бы ходили в какую-нибудь контору, — сказала Ксавьер. — Внутренние помещения театра мне всегда кажутся такими таинственными.

— Помнится, в то время, когда я еще не знала Лабруса, Элизабет с торжественным видом посвященной провожала меня за кулисы, — сказала Франсуаза. — Я и сама преисполнялась гордости. — Она улыбнулась. Тайна рассеялась, однако став повседневным пейзажем, этот двор, заваленный старыми декорациями, ничуть не утратил своей поэзии; маленькая деревянная лестница, зеленая, как садовая скамейка, вела в артистическую; Франсуаза остановилась на мгновение, прислушиваясь к доносившемуся со сцены шуму. Как всегда, когда она шла на встречу с Пьером, сердце ее забилось от радости.

— Не шумите, мы сейчас будем пересекать сценическую площадку, — сказала она, взяв Ксавьер за руку, и они осторожно проскользнули за декорациями; по саду, засаженному зелеными и пурпурными кустами, с измученным видом взад и вперед расхаживал Тедеско; голос у него этим вечером звучал странно глухо.

— Располагайтесь, я сейчас вернусь, — сказала Франсуаза.

В зале было много народа; как обычно, актеры и приглашенные уселись в кресла в глубине. Пьер был один в первом ряду партера; Франсуаза пожала руку Элизабет, сидевшей рядом с незначительным актером, с которым она не расставалась вот уже несколько дней.

— Я вернусь к тебе через минуту, — сказала Франсуаза. Не говоря ни слова, она улыбнулась Пьеру; он сидел съежившись; голова его была замотана толстым красным шарфом; выглядел он весьма недовольным.

«Эти заросли неудачны, — подумала Франсуаза. — Надо все изменить». Она с тревогой взглянула на Пьера, он удрученно махнул рукой: никогда Тедеско не был таким скверным. Возможно ли, что они до такой степени ошиблись в нем?

Голос Тедеско совсем сорвался, он провел рукой по лбу.

— Извините, я не знаю, что со мной, — сказал он. — Думаю, мне лучше немного отдохнуть; через четверть часа дело наверняка пойдет лучше.

Воцарилось мертвое молчание.

— Хорошо, — сказал Пьер. — За это время на-

ладим освещение. И пусть позовут Вюймена и Жербера; я хочу, чтобы мне поправили декорацию. — Он понизил голос. — Как ты? Вид у тебя прескверный.

— Все в порядке, — ответила Франсуаза. — У тебя тоже не слишком бодрый вид. Остановись сегодня в полночь; мы все выдохлись, до пятницы нам не продержаться.

— Я прекрасно это знаю, — ответил Пьер, повернув голову. — Ты привела Ксавьер?

— Да, мне придется немного заняться ею. — Франсуаза заколебалась. — Знаешь, о чем я подумала? Когда закончишь, можно было бы пойти всем троим выпить по стаканчику. Тебе это неприятно?

Пьер рассмеялся.

— Я не говорил тебе: сегодня утром, когда я поднимался по лестнице, я заметил ее, она спускалась; она бросилась наутек, как заяц, и заперлась в туалете.

— Я знаю, — сказала Франсуаза. — Ты ее терроризируешь. Поэтому я и прошу тебя встретиться с ней один раз. Если постараешься быть с ней любезен, это все уладит.

— Конечно, я согласен. Я нахожу ее скорее забавной. А-а, вот и ты! Где Жербер?

— Я его всюду искал, — сказал прибежавший, запыхавшись, Вюймен. — Не знаю, куда он подевался.

— В половине восьмого я оставила его на складе обмундирования, он заявил, что попытается поспать, — сказала Франсуаза. Она повысила голос: — Ренси, посмотрите, пожалуйста, в мастерских, не найдете ли вы там Жербера.

— Что за ужасную баррикаду ты мне тут соорудил, — сказал Пьер. — Я сто раз тебе говорил, что не хочу нарисованной декорации; переделай все это, мне нужна построенная.

— И цвет не годится, — заметила Франсуаза. — Эти кустарники могли бы быть очень красивы, но сейчас выглядят грязно-красными.

— Ну, это-то легко исправить, — ответил Вюймен.

Жербер бегом пересек сцену и спрыгнул в зал; его замшевая куртка неплотно прикрывала клетчатую рубашку, он был весь в пыли.

— Извините, — сказал Жербер, — я спал как убитый. — Он провел рукой по своим взъерошенным волосам. Цвет лица у него был свинцовый, а под глазами большие круги. Пока Пьер разговаривал с ним, Франсуаза внимательно рассмотрела его помятое лицо; он был похож на несчастную

большую обезьяну.

— Ты заставляешь его слишком много всего делать, — заметила Франсуаза после того, как Вюймен с Жербером удалились.

— Я могу доверять только ему, — сказал Пьер. — Вюймен еще много чего наделает, если за ним не присматривать.

— Я прекрасно знаю, но у него не наше здоровье, — возразила Франсуаза. Она встала. — Пока.

— Мы будем налаживать освещение, — громко сказал Пьер. — Дайте мне ночь, горит только синий в глубине.

Франсуаза села рядом с Ксавьер.

«А ведь я еще не в том возрасте», — подумалось ей. Спору нет, к Жерберу она испытывала материнские чувства. Материнские с легким кровосмесительным оттенком; ей хотелось бы прислонить к своему плечу эту усталую голову.

— Вам здесь интересно? — обратилась она к Ксавьер.

— Я не очень хорошо все понимаю, — ответила Ксавьер.

— Стоит ночь, Брут вышел поразмышлять в сад, он получил письма, призывающие его восстать против Цезаря; он ненавидит тиранию, но любит Цезаря. Он в растерянности.

— Значит, этот тип в шоколадной куртке и есть Брут? — спросила Ксавьер.

— Когда на нем будет его прекрасное белое одеяние и его загримируют, у него появится больше сходства с Брутом.

— Я не представляла его себе таким, — с грустью сказала Ксавьер.

Глаза ее заблестели.

— О! Какое прекрасное освещение!

— Вы находите? Меня это радует, — сказала Франсуаза. — Мы работали как проклятые, чтобы создать такое впечатление рассвета.

— Рассвета? — удивилась Ксавьер. — Это так безрадостно. Такое освещение представляется мне скорее... — Она заколебалась и закончила одним махом: — Светом зарождающегося мира, когда солнце, луна и звезды еще не существовали.

— Добрый день, мадемуазель, — произнес хриплый голос. Канзетти улыбалась с робким кокетством; два крупных черных локона обрамляли ее прелестное лицо цыганки, губы и щеки были сильно накрашены.

— Ну как теперь моя прическа? Хороша?

— Я нахожу, что вам это дивно идет, — ответила Франсуаза.

— Я последовала вашему совету, — сказала Канзетти с ласковым выражением лица.

Послышался короткий свисток, и раздался голос Пьера:

— Возьмем сцену с самого начала, с освещением. Все на месте?

— Все на месте, — ответил Жербер.

— До свидания, мадемуазель, спасибо, — сказала Канзетти.

— Она мила, не правда ли? — спросила Франсуаза.

— Да, — согласилась Ксавьер и с живостью добавила: — Я терпеть не могу таких лиц, и к тому же у нее гадкий вид.

Франсуаза рассмеялась.

— Значит, вы вовсе не находите ее милой.

Ксавьер нахмурила брови, лицо ее приняло ужасное выражение.

— Я скорее позволила бы вырвать у себя все ногти, один за другим, чем разговаривать с кем-нибудь так, как она говорит с вами; доска и та не такая плоская.

— Она была учительницей в окрестностях Буржа, но все бросила, чтобы попытать счастья в театре; в Париже она бедствует.

Франсуаза с любопытством взглянула на за-

мкнутое лицо Ксавьер. Та ненавидела всех людей, которые чуточку теснее сближались с Франсуазой; к ее страху перед Пьером примешивалась ненависть.

Вот уже какое-то время Тедеско снова шагал по сцене; средь благоговейного молчания он начал говорить; казалось, он обрел силы.

«Пока еще это все-таки не то», — в тревоге подумала Франсуаза. Через три дня. В зале будет такая же ночь, то же освещение на сцене и те же слова зазвучат в пространстве; однако вместо молчания их ожидает целый мир звуков: заскрипят сиденья, в руках рассеянно зашуршат программки, старики упрямо закашляют. Через пласты равнодушия утонченные слова должны будут проложить себе путь к непокорной, пресыщенной публике. Соберутся люди, внимательные к своему пищеварению, к своему горлу, к своим красивым одеждам, к своим семейным историям — скучающие критики, недоброжелательные друзья. Иметь притязания заинтересовать их растерянностью Брута — что за немыслимая затея; их требовалось взять неожиданностью, наперекор им самим: размеренной, невыразительной игры Тедеско для этого недостаточно.

Пьер опустил голову; Франсуаза пожалела, что

не вернулась и не села рядом с ним. О чем он думал? Впервые он применял свои эстетические принципы в таком большом масштабе и с такой энергией; он сам подбирал всех актеров, по его указаниям Франсуаза адаптировала пьесу, даже декоратор подчинялся его установкам. Если он добьется успеха, то окончательно заставит принять свою концепцию театра и искусства. Стиснутые руки Франсуазы слегка вспотели.

«А между тем на работу и деньги мы не скупились, — подумала она с комком в горле. — В случае неудачи мы долгое время не в состоянии будем даже начать все сначала».

— Подожди, — вмешался вдруг Пьер. Он поднялся на сцену. Тедеско замер.

— То, что ты делаешь, это хорошо, — сказал Пьер, — это совершенно правильно; вот только, видишь ли, ты играешь слова, ты недостаточно отыгрываешь ситуацию; мне хотелось бы, чтобы ты сохранил те же нюансы, но на другой основе.

Склонив голову, Пьер прислонился к стене. Франсуаза расслабилась.

Пьер не умел говорить с актерами, его смущала необходимость приноравливаться к ним; но показывая роль, он бывал изумителен.

*— Да, только смерть его: нет у меня причины*

*личной возмущаться им, лишь благо общее…*[1]

Франсуаза смотрела на чудо с неиссякающим удивлением; у Пьера не было ни малейших физических данных для роли: коренастый, черты лица неправильные, а между тем, когда он поднял голову, это был Брут собственной персоной, обративший к небу измученное лицо.

Жербер наклонился к Франсуазе. Он подошел и сел сзади нее, а она этого не заметила.

— Чем хуже у него настроение, тем он изумительней, — сказал Жербер. — В эту минуту он вне себя от ярости.

— Есть из-за чего, — ответила Франсуаза. — Вы думаете, Тедеско в конечном счете справится со своей ролью?

— Он уже в ней, — ответил Жербер. — Стоит лишь положить начало, и остальное последует.

— Вот видишь, — говорил Пьер, — нужно взять именно такой тон, а дальше можешь играть сдержанно сколько угодно, я почувствую волнение; если нет волнения, все пропало.

Склонив голову, Тедеско прислонился к стене.

— *Другого средства нет, он должен умереть: что до меня, нет у меня причины личной воз-*

---

**[1] notes: 1**

Уильям Шекспир. Юлий Цезарь. (*Здесь и далее цит. по пер. М. Зенкевича.*)

*мущаться им, лишь благо общее я должен соблюсти.*

Франсуаза торжествующе улыбнулась Жерберу; казалось, все так просто; и однако она знала, что нет ничего труднее, чем зародить у актера это внезапное озарение. Она взглянула на затылок Пьера; никогда она не устанет смотреть, как он работает; среди всех удач, которые ее радовали, на первое место она ставила возможность сотрудничать с ним; их общая усталость, их усилия соединяли их более верно, чем объятия; не было ни одного мгновения в этих изнуряющих репетициях, которое не стало бы актом любви.

Сцена заговорщиков прошла без осложнений; Франсуаза встала.

— Я поздороваюсь с Элизабет, — сказала она Жерберу. — Если понадоблюсь, я буду в своем кабинете, у меня не хватает духа остаться, Пьер еще не закончил с Порцией. — Она заколебалась: не очень любезно оставлять Ксавьер, но она целую вечность не видела Элизабет, это было неучтиво.

— Жербер, я поручаю вам мою подругу Ксавьер, — сказала она. — Вы должны показать ей кулисы во время смены декораций; она не знает, что такое театр.

Ксавьер не вымолвила ни слова. С самого

начала репетиций в ее взгляде читалось неодобрение.

Франсуаза положила руку на плечо Элизабет.

— Хочешь выкурить сигарету? — спросила она.

— С радостью. Это жестоко — запрещать людям курить. Скажу об этом пару слов Пьеру, — с веселым негодованием проговорила Элизабет.

На пороге Франсуаза остановилась; несколько дней назад зал покрасили заново в светло-желтый цвет, придававший ему приветливый сельский вид; там еще присутствовал легкий запах скипидара.

— Надеюсь, мы никогда не покинем этот старый театр, — сказала Франсуаза, поднимаясь по лестнице. — Осталось ли что-нибудь выпить? — добавила она, открывая дверь в кабинет. Заглянув в шкаф, наполовину заполненный книгами, она принялась изучать бутылки, стоявшие на последней полке.

— Только остаток виски. Тебе подойдет?

— Как нельзя лучше, — ответила Элизабет.

Франсуаза протянула ей стакан, на сердце у нее потеплело, и она прониклась симпатией к Элизабет, ощутив те же чувства товарищества и легкости, как тогда, после интересного и трудного урока, когда они рука об руку прогуливались во

дворе лицея.

Скрестив ноги, Элизабет закурила сигарету.

— Что это было с Тедеско? Гимьо уверяет, что он принимает наркотики, думаешь, это правда?

— Понятия не имею. — Франсуаза с блаженством сделала большой глоток спиртного.

— Эта малышка Ксавьер совсем некрасивая, — заметила Элизабет. — Что ты с ней будешь делать? С семьей все уладилось?

— Не знаю. Вполне возможно, что дядя приедет со дня на день и устроит скандал.

— Будь осторожна, — с важным видом произнесла Элизабет. — У тебя могут возникнуть неприятности.

— Осторожна в чем? — спросила Франсуаза.

— Ты нашла ей работу?

— Нет. Сначала ей надо освоиться.

— На что она способна?

— Я не думаю, что когда-нибудь она сможет много работать.

Элизабет с задумчивым видом выпустила дым сигареты.

— Что говорит об этом Пьер?

— Они нечасто виделись; он относится к ней с симпатией.

Этот допрос начал раздражать Франсуазу; мож-

но было подумать, что Элизабет обвиняет ее. Она прервала ее:

— Скажи-ка, в твоей жизни есть что-то новое?

Элизабет усмехнулась.

— Гимьо? В прошлый вторник он подошел поговорить со мной во время репетиции. Ты не находишь его красивым?

— Очень красивым, как раз поэтому его и взяли. Я его совсем не знаю, он занятный?

— Он хорош в любви, — отрешенным тоном произнесла Элизабет.

— Ты времени не теряла, — в некотором замешательстве сказала Франсуаза. Как только Элизабет кто-нибудь нравился, она говорила, что спит с ним, но на самом деле вот уже два года она хранила верность Клоду.

— Тебе известны мои принципы, — весело продолжала Элизабет, — я не та женщина, которую берут, я женщина, которая берет. В первый же вечер я предложила ему провести со мной ночь; он был ошеломлен.

— А Клод знает? — спросила Франсуаза.

Решительным жестом Элизабет стряхнула пепел своей сигареты: каждый раз, когда она оказывалась в затруднении, ее движения и голос становились жесткими и решительными.

— Пока нет, — отвечала она. — Я жду подходящего момента. — Она заколебалась. — Это сложно.

— А твои отношения с Клодом? Ты давно ничего мне об этом не говорила.

— Ничего не меняется. — Уголки губ Элизабет опустились. — Зато я меняюсь.

— Решающее объяснение в прошлом месяце ничего не дало?

— Он постоянно твердит мне одно и то же: мне принадлежит лучшая его часть. Этот припев мне осточертел; я чуть было не ответила ему: спасибо, это чересчур хорошо для меня, я обошлась бы другой.

— Ты, верно, опять была слишком сговорчивой, — заметила Франсуаза.

— Думаю, да. — Элизабет пристально смотрела куда-то вдаль; неприятная мысль пришла ей в голову. — Он воображает, что может заставить меня все проглотить, — сказала она. — Но он будет удивлен.

Франсуаза с интересом посмотрела на нее: в эту минуту Элизабет не следила за своим поведением. В ее лице что-то дрогнуло. Она приняла благоразумный вид.

— Клод слишком привлекателен, чтобы я поз-

волила ему уйти из моей жизни, — призналась она. — Чего я хочу, так это меньше дорожить им.

Глаза ее сощурились, она заговорщически улыбнулась Франсуазе, хотя соучастие между ними возрождалось крайне редко.

— Мы с тобой достаточно насмехались над женщинами, позволяющими превращать себя в жертву! Но я все-таки не из того теста, из которого делают жертв.

Франсуаза улыбнулась в ответ; ей хотелось дать Элизабет совет, но это было трудно, а нужно было лишь одно: чтобы Элизабет не любила Клода.

— Внутренний разрыв, — сказала она, — с этим далеко не уйдешь. Я задаюсь вопросом, а не должна ли ты напрямик заставить его сделать выбор.

— Пока не время, — с живостью отвечала Элизабет. — Нет, я полагаю, что сделаю большой шаг, когда изнутри добьюсь своей независимости. И первое условие для этого: уметь отделить в Клоде человека от любовника.

— Ты больше не будешь спать с ним?

— Не знаю; ясно одно: я буду спать с другими. — Она добавила с оттенком вызова: — Сексуальная верность — это смешно, это ведет к настоящему рабству. Я не понимаю, почему ты, со своей стороны, такое принимаешь.

— Уверяю тебя, я не чувствую себя рабыней, — возразила Франсуаза.

Элизабет не могла помешать себе делать откровенные признания, но, как правило, сразу же после этого становилась агрессивной.

— Странно, — медленно продолжала Элизабет, словно с удивлением добросовестно следуя ходу своих размышлений. — Я никогда бы не могла предположить, что ты, такая, какой была в двадцать лет, станешь женщиной одного-единственного мужчины. Это тем более странно, что Пьер, со своей стороны, не отказывается от приключений.

— Ты мне это уже говорила, не стану же я все-таки принуждать себя, — заметила Франсуаза.

— Да ладно! Только не говори мне, что тебе никогда не случалось желать какого-нибудь типа, — сказала Элизабет. — Ты поступаешь, как все люди, которые оправдывают свои предрассудки: они уверяют, будто подчиняются им из-за личных наклонностей, но это ерунда.

— Чистая сексуальность меня не интересует, — возразила Франсуаза. — Впрочем, может ли это что-то значить — чистая сексуальность?

— А почему нет? Это очень приятно, — с легкой усмешкой проговорила Элизабет.

Франсуаза встала.

— Думаю, что можно спускаться, смена декораций должна быть уже закончена.

— Знаешь, малыш Гимьо действительно очарователен, — заметила Элизабет, выходя из комнаты. — Он заслуживает лучшего, чем массовка. Для вас это могло бы стать интересным пополнением, надо поговорить об этом с Пьером.

— Поговори, — сказала Франсуаза. Заторопившись, она улыбнулась Элизабет.

— Пока.

Занавес был еще опущен; на сцене кто-то стучал молотком, тяжелые шаги сотрясали подмостки. Франсуаза подошла к Ксавьер, разговаривавшей с Инес. Густо покраснев, Инес встала.

— Не беспокойтесь, — сказала Франсуаза.

— Я ухожу, — сказала Инес; она протянула руку Ксавьер. — Когда я тебя снова увижу?

Ксавьер неопределенно махнула рукой.

— Я не знаю, я позвоню тебе.

— Не могли бы мы завтра поужинать вместе между двумя репетициями?

С несчастным видом Инес продолжала стоять перед Ксавьер; Франсуаза нередко спрашивала себя, как в большой голове этой нормандки могла зародиться мысль заниматься театром; вот уже

четыре года она работала, как бык, и не добилась ни малейшего успеха. Пьер из жалости дал ей сказать одну фразу.

— Завтра... — промолвила Ксавьер, — Лучше я позвоню тебе.

— Знаете, все будет очень хорошо, — ободряющим тоном сказала Франсуаза. — Когда вы не волнуетесь, у вас хорошая дикция.

Слабо улыбнувшись, Инес ушла.

— Вы никогда ей не звоните? — спросила Франсуаза.

— Никогда, — раздраженно ответила Ксавьер. — Если я три раза ночевала у нее, это все-таки не причина, чтобы всю жизнь с ней встречаться.

Франсуаза огляделась вокруг, Жербер исчез.

— Жербер не водил вас за кулисы?

— Он предлагал мне это, — ответила Ксавьер.

— Вас это не заинтересовало?

— У него был такой натянутый вид, — сказала Ксавьер, — это было тягостно. — Она взглянула на Франсуазу с нескрываемым упреком. — Я терпеть не могу навязывать себя людям.

Франсуаза почувствовала себя виноватой; она поступила бестактно, поручив Ксавьер Жерберу, однако тон Ксавьер удивил ее; неужели Жербер

действительно был с ней груб? Это на него не похоже.

«Она все воспринимает трагически», — с досадой подумала Франсуаза.

Она решила раз и навсегда не позволять отравлять себе жизнь ребяческими вспышками недовольства Ксавьер.

— Как проявила себя Порция? — спросила Франсуаза.

— Толстая брюнетка? Месье Лаброс двадцать раз заставлял ее повторять одну и ту же фразу, она все время говорила ее неправильно. — Лицо Ксавьер излучало презрение. — Разве можно быть настоящей актрисой, если ты до такой степени глупа?

— Бывает по-разному, — отвечала Франсуаза.

Ксавьер пылала яростью, это было ясно; она наверняка считала, что Франсуаза недостаточно ею занимается, но в конце концов это у нее пройдет. Франсуаза в нетерпении взглянула на занавес; эта перемена декораций оказалась чересчур затянутой, и было совершенно необходимо сократить ее по меньшей мере минут на пять.

Занавес поднялся; Пьер полулежал на ложе Цезаря, и сердце Франсуазы забилось сильнее; она знала каждую из интонаций Пьера и каждый его

жест; она ожидала их с такой точностью, что ей казалось, будто они возникают по ее собственной воле, а между тем они осуществлялись вне ее, на сцене. Это было мучительно; она чувствовала себя в ответе за малейшее упущение и не могла пальцем пошевельнуть, чтобы избежать его.

«Мы и правда одно целое», — в порыве любви подумала она. Это говорил Пьер, это его рука поднималась, но его движения, его интонации составляли часть жизни Франсуазы в той же мере, что и его собственной; или, вернее, была только одна жизнь, и в центре — одно существо, о котором нельзя было сказать ни «он», ни «я», а лишь «мы».

Пьер находился на сцене, она — в зале, однако для обоих одна и та же пьеса разыгрывалась в одном и том же театре. Так и с их жизнью; они не всегда видели ее под одним и тем же углом; через свои желания, настроения, удовольствия каждый открывал какую-то иную ее сторону: и тем не менее это была одна и та же жизнь. Ни время, ни расстояния не могли ее разделить; безусловно, были улицы, идеи, лица, существовавшие сначала для Пьера, а другие сначала существовали для Франсуазы; но эти разрозненные моменты они преданно собирали в единое целое, в котором

твое и мое становились неразличимы. Никто из них двоих никогда не присваивал себе ни малейшей его частицы; это стало бы худшим предательством, единственно возможным.

— Завтра в два часа дня мы репетируем третий акт без костюмов, — сказал Пьер, — а вечером повторяем все по порядку и в костюмах.

— Я убегаю, — сказал Жербер. — Завтра утром я вам понадоблюсь?

Франсуаза заколебалась; с Жербером тяжелейшая работа становилась чуть ли не забавой; утро без него будет унылым; однако его жалкое измученное лицо растопило ее сердце.

— Нет, сделать осталось совсем немного, — сказала она.

— Это правда? — спросил Жербер.

— Абсолютная правда, отоспитесь всласть.

Элизабет подошла к Пьеру.

— Знаешь, твой Юлий Цезарь и правда потрясающий, — сказала она; лицо ее приняло соответствующее выражение. — Он настолько в своей эпохе и в то же время такой реалистичный. Это молчание в тот момент, когда ты поднимаешь руку, смысл этого молчания… Это изумительно.

— Ты очень любезна, — ответил Пьер.

— Предсказываю вам, это будет успех, — уверен-

но заявила она и с большим интересом окинула взглядом Ксавьер.

— Похоже, эта девушка не слишком любит театр. Уже так пресыщена?

— Я не таким представляла себе театр, — презрительным тоном заметила Ксавьер.

— А каким вы его представляли? — поинтересовался Пьер.

— Они все похожи на торговых приказчиков, такой у них прилежный вид.

— Это волнует, — сказала Элизабет. — Все эти первые пробные шаги, все эти смутные поиски, и под конец вспыхивает что-то прекрасное.

— А я нахожу это отвратительным, — заявила Ксавьер; гнев отмел ее робость, она с мрачным видом смотрела на Элизабет. — Усилие всегда имеет неприглядный вид, а когда усилие к тому же не приводит к успеху, тогда… — Она усмехнулась. — Это смехотворно.

— Так бывает во всех искусствах, — сухо заметила Элизабет. — Прекрасные вещи никогда легко не создаются; чем они драгоценнее, тем больше работы они требуют. Вы увидите.

— Драгоценным я называю то, — возразила Ксавьер, — что падает вам, как манна небесная. — Она поморщилась. — А если это должно

покупаться, то это товар, как все остальное, и меня это не интересует.

— Какая романтическая малышка! — с холодным смешком проронила Элизабет.

— Я ее понимаю, — заметил Пьер. — В нашей жалкой стряпне нет ничего привлекательного.

— Вот как! Это новость! Теперь ты веришь в силу вдохновения?

— Нет, но правда и то, что наша работа лишена красоты; это мерзкое месиво.

— Я не говорила, что эта работа красива, — поспешно возразила Элизабет. — Я прекрасно знаю, что красота лишь в завершенном творении, но я нахожу захватывающим переход от бесформенного к законченной и чистой форме.

Франсуаза бросила на Пьера умоляющий взгляд: трудно было спорить с Элизабет; если последнее слово оставалось не за ней, она полагала, что теряет уважение в глазах людей; дабы добиться их уважения, их любви, она сражалась с ними со злобной недобросовестностью; это могло длиться часами.

— Да, — с отрешенным видом согласился Пьер. — Но чтобы оценить это, надо быть специалистом.

Наступило молчание.

— Думаю, разумно будет разойтись по домам.

Элизабет взглянула на часы.

— Боже мой! Я опоздаю на последний поезд метро, — с растерянным видом сказала она. — До завтра.

— Мы тебя проводим, — вяло пообещала Франсуаза.

— Нет, нет, вы меня задержите, — возразила Элизабет. Схватив свою сумку и перчатки, она направила в пустоту смутную улыбку и исчезла.

— Мы могли бы пойти куда-нибудь выпить по стаканчику, — предложила Франсуаза.

— А вы не устали? — спросил Пьер.

— У меня ни малейшего желания спать, — ответила Ксавьер.

Франсуаза заперла дверь на ключ, и они вышли из театра. Пьер подал знак такси.

— Куда едем? — спросил он.

— В «Поль Нор» нам будет поспокойнее, — сказала Франсуаза.

Пьер дал адрес шоферу. Включив плафон, Франсуаза слегка припудрила лицо; она задавалась вопросом, удачно ли она поступила, предложив этот выход; Ксавьер выглядела хмурой, и уже молчание становилось тягостным.

— Входите, не дожидайтесь меня, — сказал

Пьер, доставая деньги, чтобы расплатиться с такси.

Франсуаза толкнула обитую кожей дверцу.

— Этот столик в углу вам нравится? — спросила она.

— Вполне! Красивое место, — сказала Ксавьер, снимая пальто. — Извините, я на минутку, мне надо освежиться. Я не люблю касаться лица на публике.

— Что вам заказать? — спросила Франсуаза.

— Чего-нибудь покрепче, — ответила Ксавьер.

Франсуаза проводила ее глазами.

«Она сказала это нарочно, потому что я пудрилась в такси», — подумала она. Если Ксавьер демонстрировала несколько надменный вид, значит, она кипела гневом.

— Куда подевалась твоя подружка? — спросил Пьер.

— Она наводит красоту; настроение у нее сегодня странное.

— Она и правда не слишком мила, — заметил Пьер. — Что ты будешь пить?

— Аквавит, — ответила Франсуаза. — Закажи два.

— Два аквавита, — заказал Пьер. — Только настоящий аквавит. И виски?

— Как мило с твоей стороны! — сказала Франсуаза. В последний раз ей подали скверный дешевый алкоголь, прошло уже два месяца, но Пьер не забыл: он никогда не забывал ничего, что касалось ее.

— Почему она в плохом настроении? — спросил Пьер.

— Она считает, что я не слишком часто с ней встречаюсь. Меня раздражает, что я теряю с ней столько времени, а она все еще недовольна.

— Надо отдать справедливость, — заметил Пьер, — ты нечасто с ней видишься.

— Если давать ей больше, у меня ни минуты не останется для себя, — с живостью возразила Франсуаза.

— Прекрасно понимаю, — согласился Пьер. — Только ты не можешь требовать от нее одобрения от всего сердца. У нее никого, кроме тебя, и она дорожит тобой: это, должно быть, невесело.

— Я ничего и не говорю, — ответила Франсуаза. С Ксавьер она вела себя несколько бесцеремонно; мысль была неприятной: ей не нравилось иметь повод для малейшего упрека себе. — Вот и она, — сказала Франсуаза и с некоторым удивлением взглянула на Ксавьер. Синее платье облегало ее стройное сформировавшееся тело, а тонкое

девичье лицо обрамляли гладко причесанные волосы; такую женственную и непосредственную Ксавьер она ни разу не видела после их первой встречи.

— Я заказала вам аквавит, — сказала Франсуаза.

— А что это такое? — спросила Ксавьер.

— Попробуйте, — предложил Пьер, подвигая к ней стакан.

Ксавьер осторожно обмакнула губы в прозрачную водку.

— Это скверно, — улыбнулась она.

— Хотите чего-нибудь другого?

— Нет, спиртное всегда скверно, — рассудительным тоном сказала она, — но приходится его пить. — Запрокинув голову, Ксавьер прикрыла глаза и поднесла стакан к губам. — Мне обожгло горло, — произнесла она, коснувшись кончиками пальцев своей прекрасной гибкой шеи; ее рука медленно спустилась вдоль тела. — И еще меня обожгло здесь и здесь. Это было странно. У меня такое впечатление, будто меня озарили изнутри.

— Вы впервые присутствовали на репетиции? — спросил Пьер.

— Да.

— И вас это разочаровало?

— Немного.

— Ты действительно думаешь то, что говорил Элизабет? — спросила Франсуаза. — Или сказал это, потому что она тебя раздражала?

— Она меня раздражала, — признался Пьер; он достал из кармана пакет табака и стал набивать трубку. — В сущности, чистому и непредвзятому сердцу должна показаться шутовской та серьезность, с какой мы ищем точное отличие несуществующих предметов.

— Это неизбежно, поскольку мы как раз хотим заставить их существовать, — возразила Франсуаза.

— Если бы, по крайней мере, удалось добиться успеха сразу, играючи, но нет, мы стонем, из сил выбиваемся. Такое остервенение, чтобы придумать уловки… — Он улыбнулся Ксавьер. — Вы находите, что это смешное упрямство?

— Я не люблю надрываться, — скромно заметила Ксавьер.

Франсуаза была немного удивлена, что Пьер так серьезно отнесся к прихоти девочки.

— С таким подходом ты все искусство ставишь под вопрос.

— Ну да, а почему нет? Ты представляешь себе? Сейчас весь мир бурлит, через полгода у нас,

возможно, начнется война. — Пьер прикусил палец. — А я выбиваюсь из сил, стараясь передать цвет зари.

— Чем же ты хочешь заняться? — спросила Франсуаза; она была озадачена; это ведь Пьер убедил ее, что нет на земле ничего лучше, чем создавать прекрасные вещи, на этом убеждении была построена вся их жизнь. Он не имел права без предупреждения менять свое мнение.

— Э-э! Я хочу, чтобы «Юлий Цезарь» был успешным, — сказал Пьер, — но я кажусь себе насекомым.

С каких пор он так думает? Было ли это для него настоящей заботой или одним из тех коротких озарений, которые его занимали какое-то время, а потом исчезали, не оставив следа? Франсуаза не решалась продолжить разговор. Ксавьер, казалось, не скучала, но взгляд ее насторожился.

— Если бы Элизабет тебя слышала, — сказала Франсуаза.

— Да, искусство — это как Клод, нельзя проникать в его суть, иначе…

— Все сразу рухнет, — закончила Франсуаза. — Можно подумать, что она это предчувствует. — Она повернулась к Ксавьер. — Клод — это тот самый человек, который был с Элизабет тем ве-

чером во «Флоре».

— Этот ужасный брюнет! — сказала Ксавьер.

— Он не так страшен, — заметила Франсуаза.

— Это псевдокрасавец, — сказал Пьер.

— И псевдогений, — добавила Франсуаза.

Взгляд Ксавьер загорелся.

— Что она сделает, если вы скажете ей, что он глуп и уродлив? — спросила она с поощряющим видом.

— Она этому не поверит, — ответила Франсуаза и задумалась. — Я полагаю, что Элизабет порвет с нами отношения и возненавидит Батье.

— У вас не слишком добрые чувства к Элизабет, — весело заметил Пьер.

— Не слишком добрые, — с некоторым смущением согласилась Ксавьер; казалось, она была расположена быть любезной с Пьером, возможно, чтобы обозначить Франсуазе, что ее скверное настроение предназначалось именно ей; возможно также, она была польщена, что он признал ее правоту.

— Что, собственно, вы ставите ей в упрек? — спросил Пьер.

Ксавьер заколебалась.

— Она такая вся деланая; ее шарф, ее голос, манера стучать сигаретой по столу — все на-

рочитое. — Она пожала плечами. — И плохо воплощенное. Я уверена, что ей не нравится грубый табак: она даже курить толком не умеет.

— Она с восемнадцати лет работает над собой, — заметил Пьер.

На лице Ксавьер промелькнула улыбка, улыбка потворства самой себе.

— Я не против, чтобы преображались для других, — сказала она. — Что раздражает в этой женщине — так это то, что, даже оставаясь одна, она должна ходить решительным шагом и делать губами волевые движения.

В ее голосе было столько суровости, что Франсуаза почувствовала себя задетой.

— Полагаю, сами вы любите преображаться, — сказал Пьер. — Я задаюсь вопросом, каково ваше лицо без челки и этих валиков, наполовину скрывающих его. А ваш почерк, он ведь тоже изменен?

— Я всегда меняла свой почерк, — с гордостью заявила Ксавьер. — Долгое время я писала закругленно, вот так. — Кончиками пальцев она начертила в воздухе знаки. — Теперь я пишу заостренно, это более прилично.

— Худшее у Элизабет то, что даже ее чувства притворные, — продолжал Пьер. — По сути, ей

плевать на живопись; она коммунистка, но признаёт, что ей плевать на пролетариат.

— Меня смущает не притворство, — заметила Ксавьер. — Чудовищно то, что можно располагать собой вот так, по волевому решению. Определить, что каждый день в отведенный час она будет что-то расписывать, не имея на то желания; пойдет к кому-то на свидание, независимо от того, есть желание видеть этого человека или нет… — Ее верхняя губа приподнялась в презрительной гримасе. — Как можно согласиться жить по заданной программе, с распорядком времени и обязанностями, как в пансионе! Я предпочитаю быть неудачницей.

Она добилась своей цели. Франсуазу задела эта обвинительная речь. Обычно разглагольствования Ксавьер оставляли ее безучастной, однако этим вечером все было иначе; внимание, которое уделял им Пьер, придавало вес суждениям Ксавьер.

— Вы назначаете встречу и не идете на нее, — сказала Франсуаза. — Это очень мило, если речь идет об Инес, но с такими манерами вы загубите и настоящие дружеские связи.

— Если я дорожу людьми, мне всегда хочется идти на встречу с ними, — ответила Ксавьер.

— Не всегда, — заметила Франсуаза.

— Тем хуже! — с высокомерным видом заявила Ксавьер. — В конце концов, я всегда со всеми ссорилась.

— Как можно поссориться с Инес! — вмешался Пьер. — Она похожа на барана.

— О! Нельзя этому доверять, — возразила Ксавьер.

— В самом деле? — удивился Пьер, весело прищурив глаза. Он был весьма заинтригован. — С таким-то безобидным толстым лицом она способна укусить? Что она вам сделала?

— Ничего не сделала, — уклончиво отвечала Ксавьер.

— О! Расскажите, — попросил Пьер своим самым вкрадчивым тоном. — Мне страшно интересно узнать, что скрывается в глубинах этого тихого омута.

— Да нет, Инес ничтожество, — сказала Ксавьер. — Дело в том, что я не люблю, когда полагают, будто имеют на меня права. — Она улыбнулась, и неловкость Франсуазы усилилась; когда Ксавьер бывала с ней наедине, на ее беззащитном лице, лице ребенка, невольно отражались отвращение, удовольствие, нежность; теперь же она ощущала себя женщиной перед лицом муж-

чины, и черты ее в точности выражали оттенки доверия или сдержанности, которые она решила проявить.

— Должно быть, ее привязанность назойлива, — заметил Пьер с простодушно-заговорщицким видом, на который попалась Ксавьер.

— Вот именно, — ответила она, просияв. — Однажды я отказалась от встречи в последнюю минуту, это в тот вечер, когда мы были в «Прери»; у нее было лицо ослицы…

Франсуаза улыбнулась.

— Да, — с живостью продолжала Ксавьер, — я была бесцеремонной, но она позволила себе неуместные замечания. — Покраснев, она добавила: — По поводу того, что ее не касалось.

Так вот в чем дело; Инес, должно быть, расспрашивала Ксавьер о ее отношениях с Франсуазой и, возможно, пошутила на сей счет со свойственной ей спокойной нормандской неуклюжестью. Безусловно, за капризами Ксавьер скрывался, таким образом, целый мир настойчивых потаенных дум; мысли об этом вызывали легкое беспокойство.

Пьер рассмеялся.

— Я знаю малышку Элуа, которая, если какой-то приятель отменяет свидание, всегда отвечает: «А

я как раз занята». Но не у всех хватает такта.

Ксавьер нахмурилась.

— Во всяком случае, у Инес его нет, — сказала она. Должно быть, она смутно почувствовала иронию, поскольку лицо ее окаменело.

— Видите ли, это сложно, — серьезно продолжал Пьер. — Я прекрасно понимаю, что вам претит соблюдать правила; однако и одним мгновением тоже жить нельзя.

— Почему? — спросила Ксавьер. — Зачем всегда таскать за собой кучу старого хлама?

— Видите ли, — отвечал Пьер, — время не соткано из множества разрозненных отрезков, в которых можно попеременно замыкаться; когда вам кажется, что вы попросту живете настоящим, на самом деле вы невольно закладываете будущее.

— Я не понимаю, — сказала Ксавьер далеко не любезным тоном.

— Попробую объяснить.

Когда кто-то вызывал у Пьера интерес, он был способен с ангельским терпением искренне спорить часами. Это была одна из разновидностей его великодушия. Франсуаза почти никогда не давала себе труда излагать то, что думает.

— Предположим, вы решили пойти на концерт,

и в последний момент мысль о том, чтобы куда-то идти, ехать в метро, становится вам невыносима, — продолжал он. — Тогда вы объявляете себя свободной в отношении прежних своих решений и остаетесь дома. Это очень мило, но когда через десять минут вы оказываетесь в кресле и начинаете скучать, то уже отнюдь не свободны, вы всего лишь претерпеваете последствия своего поступка.

Ксавьер усмехнулась.

— Опять одно из ваших прекрасных изобретений, концерты! Чтобы стремиться слушать музыку в назначенный час! Но это же нелепо. — И она добавила чуть ли не злобным тоном: — Франсуаза сказала, что я должна была пойти сегодня на концерт?

— Нет, но я знаю, что, как правило, вы никогда не решаетесь выходить куда-то. Это обидно — жить в Париже затворницей.

— Уж во всяком случае, не этот вечер заставит меня пожелать измениться, — презрительно заявила Ксавьер.

Лицо Пьера омрачилось.

— Так вы теряете множество драгоценных возможностей, — заметил он.

— Постоянно опасаться что-то потерять! Для

меня нет ничего более мерзкого! Что потеряно, то потеряно, вот и все!

— Ваша жизнь действительно состоит из череды героических огорчений? — с саркастической улыбкой спросил Пьер.

— Вы хотите сказать, что я труслива? Если бы вы знали, как мне это безразлично, — произнесла Ксавьер сладчайшим голосом, слегка вздернув верхнюю губу.

Наступило молчание. У обоих, и у Пьера, и у Ксавьер, лица стали неприветливыми.

«Лучшее, что можно сделать, это пойти спать», — подумала Франсуаза.

Досаднее всего было то, что и сама она уже не воспринимала скверное настроение Ксавьер с той же небрежностью, как во время репетиции. Внезапно Ксавьер стала приниматься в расчет, не совсем ясно почему.

— Видите милую женщину напротив нас? — спросила Франсуаза. — Послушайте ее, уже довольно долго она излагает своему партнеру тайные свойства своей души.

То была молодая женщина с отяжелевшими веками; она устремляла на своего соседа магический взгляд:

— Я никогда не могла смириться с правилами

флирта, я не выношу, когда меня касаются, это болезнь.

В другом углу молодая женщина, увенчанная зелеными и синими перьями, с сомнением смотрела на толстую ладонь мужчины, только что опустившуюся на ее руку.

— Здесь всегда множество пар, — заметил Пьер.

Снова воцарилось молчание. Ксавьер подняла руку на уровень своих губ и осторожно дула на обрамлявший ее кожу тонкий пушок. Нужно было попытаться что-то сказать, но все заранее звучало фальшиво.

— До этого вечера я когда-нибудь рассказывала вам о Жербере? — обратилась Франсуаза к Ксавьер.

— Совсем немного, — отвечала Ксавьер. — Вы говорили, что он занятный.

— У него была странная юность, — сказала Франсуаза. — Он из семьи совершенно нищих рабочих, мать стала безумной, когда он был совсем маленький, отец — безработный; мальчик зарабатывал четыре су, продавая газеты. В один прекрасный день приятель повел его на какую-то киностудию искать места в массовых сценах, и случилось так, что взяли их обоих. В

тот момент ему было лет десять, он был очень привлекателен, и его заметили. Ему стали поручать маленькие роли, потом побольше; он начал зарабатывать крупные купюры, которые его отец по-королевски проматывал. — Франсуаза безрадостно взглянула на украшенный фруктами и цветками астрагала огромный белый торт, стоявший рядом на сервировочном столике, при одном его виде подступала тошнота; никто не слушал ее историю. — Люди стали интересоваться им; Пеклар почти усыновил его, он и сейчас все еще у него живет. В какой-то момент у него было до шести приемных отцов; они таскали его с собой по кафе и ночным кабачкам, женщины гладили его по голове. Пьер тоже давал ему советы по работе и чтению. — Она улыбнулась, и ее улыбка растворилась в пустоте.

Пьер курил трубку, целиком сосредоточившись на себе. Ксавьер разве что сохраняла вежливый вид.

Франсуаза почувствовала себя смешной, но продолжала с упорным воодушевлением:

— Этому мальчику прививали странную культуру, он досконально знал сюрреализм, никогда не прочитав ни одного стиха Расина; он был трогателен, поскольку, восполняя пробелы, как

славный маленький самоучка, ходил в библиотеки наводить по книгам справки по географии и арифметике, но скрывал это. А потом для него наступил трудный момент; он рос, им не могли уже забавляться, словно дрессированной обезьянкой; он терял свои роли, и вместе с тем приемные отцы один за другим бросали его. Пеклар одевал и кормил его, когда вспоминал об этом, но это все. И вот тогда за него взялся Пьер и убедил его заняться театром. Теперь дело пошло; ему еще недостает ремесла, но у него есть талант и большое понимание сцены. Он чего-то добьется.

— Сколько ему лет? — спросила Ксавьер.

— На вид дашь шестнадцать, но ему двадцать.

Пьер слегка улыбнулся.

— По крайней мере, ты умеешь вести беседу, — заметил он.

— Я рада, что вы рассказали мне эту историю, — с живостью сказала Ксавьер. — До чего забавно представлять себе этого мальчика и всех этих важных людей, которые снисходительно дают ему тумака и чувствуют себя сильными и добрыми, и к тому же его покровителями.

— Вы с удовольствием видите меня в такой роли, не правда ли? — с кисло-сладкой миной спросил Пьер.

— Вас? Почему? Не больше, чем других, — простодушно отвечала Ксавьер; она посмотрела на Франсуазу с подчеркнутой нежностью. — Мне всегда очень нравится, как вы рассказываете.

Таким образом она предлагала Франсуазе смену позиций. Тем временем женщина в зеленых и синих перьях говорила безжизненным голосом:

— …Я была там проездом, но для маленького городка это очень живописно. — Она решила оставить свою обнаженную руку на столе, и та покоилась там, позабытая, ничейная; рука мужчины сжимала кусок плоти, который никому уже не принадлежал.

— Какое странное ощущение, когда касаешься своих ресниц, — сказала Ксавьер. — Не касаясь, касаешься себя, это все равно что касаться себя на расстоянии.

Она говорила сама с собой, и никто ей не ответил.

— Посмотрите, как это красиво: зеленые и золотистые витражи, — сказала Франсуаза.

— В столовой, в Люберзаке, тоже были витражи, — сказала Ксавьер. — Но не такие анемичные, как эти, у тех были красивые насыщенные цвета. Если смотреть на парк через желтые стекла, представал грозовой пейзаж; через зеленые и синие

— что-то вроде рая с деревьями из драгоценных камней и парчовыми лужайками; а когда парк становился красным, мне казалось, что я в недрах земли.

Пьер явно сделал усилие, проявив добрую волю.

— А какой вы предпочитали? — спросил он.

— Желтый, естественно, — отвечала Ксавьер; она отрешенно смотрела куда-то вдаль. — Ужасно, сколько всего теряешь, старея.

— Вы не можете всего вспомнить? — спросил Пьер.

— Нет, конечно, я никогда ничего не забываю, — презрительно ответила Ксавьер. — Я очень хорошо себя помню, как и прекрасные краски. Прежде меня это приводило в восторг, а теперь… — она разочарованно улыбнулась, — это лишь доставляет мне удовольствие.

— Ну разумеется! Когда стареешь, всегда так, — любезно согласился Пьер. — Зато обретаешь другие вещи; теперь вы понимаете книги, и картины, и спектакли, которые в детстве вам ничего не говорили.

— А мне и не нужно ничего понимать, с моей-то головой, — с неожиданной горячностью заявила Ксавьер, скривив губы. — Я ведь не интеллек-

туалка.

— Почему вы так нелюбезны? — неожиданно спросил Пьер.

Ксавьер опешила.

— Вовсе нет.

— Вы прекрасно знаете, что это так; любой предлог вам хорош для ненависти ко мне; впрочем, я догадываюсь почему.

— Что же вы такое вообразили? — спросила Ксавьер.

От ярости ее щеки слегка порозовели; лицо ее было обворожительно, с такими оттенками, такое изменчивое, что казалось, оно не из плоти; оно было соткано из восторгов, обид, печалей, волшебным образом становившихся ощутимыми для глаз; однако, несмотря на столь возвышенную прозрачность, рисунок ее носа и губ был явно чувственным.

— Вы подумали, что я решил критиковать ваш образ жизни, — сказал Пьер. — Это несправедливо, я рассуждал с вами, как делал бы это с Франсуазой, с самим собой, и как раз потому, что ваша точка зрения меня заинтересовала.

— И вы, естественно, сразу склонились к самому недоброжелательному толкованию ее, — сказала Ксавьер. — Я вовсе не обидчивая девочка; если

вы считаете, что я безвольная, капризная да мало ли еще что, то вполне можете сказать мне это.

— Напротив, я нахожу весьма завидной вашу манеру так остро все чувствовать, — возразил Пьер. — Я понимаю, что вы больше всего этим дорожите.

Если уж он забрал себе в голову вернуть расположение Ксавьер, то он от этого не откажется.

— Да, — хмуро согласилась Ксавьер; глаза ее вспыхнули. — Мне неприятно, что вы так обо мне думаете, это неправда, я вовсе не обиделась, как ребенок.

— Однако, — примирительным тоном продолжал Пьер, — вы прекратили разговор и с этого момента стали весьма нелюбезны.

— Я этого не заметила, — сказала Ксавьер.

— Попытайтесь вспомнить и наверняка заметите.

Ксавьер заколебалась.

— Это совсем не потому, о чем вы думаете.

— А почему же?

Ксавьер резко махнула рукой.

— Нет, это глупо, и это неважно. Зачем возвращаться к прошлому? Теперь уже все кончено.

Пьер уселся напротив Ксавьер. Он, скорее, готов провести так всю ночь, чем выйти из игры.

Подобное упорство порой казалось Франсуазе бестактным; мнение людей его касалось только в мелочах. Чего он в точности добивается от Ксавьер? Учтивых встреч на лестницах отеля? Приключения, любви, дружбы?

— Это не важно, если мы никогда не должны встречаться, — сказал Пьер. — Но это было бы жаль: вы не думаете, что у нас могли бы сложиться вполне приятные отношения? — В голосе его прозвучала ласковая неуверенность. Он владел безупречным знанием своей физиономии и ее малейших изменений, это немного смущало.

Ксавьер бросила на него подозрительный и вместе с тем почти нежный взгляд.

— Я думаю, да, — сказала она.

— Тогда объяснимся, — продолжал Пьер. — В чем вы меня упрекаете? — Его улыбка уже подразумевала некое тайное согласие.

Ксавьер теребила прядь волос; продолжая следить глазами за медленными равномерными движениями собственных пальцев, она сказала:

— Я вдруг подумала, что вы делаете усилие, чтобы быть любезным со мной из-за Франсуазы, и мне это стало неприятно. — Она откинула назад золотистую прядь. — Я никогда никого не просила быть любезным со мной.

— А почему вы так подумали? — Пьер жевал кончик своей трубки.

— Не знаю.

— Вы сочли, что я слишком быстро поставил отношения с вами на дружескую ногу? И за это вы рассердились на меня и на себя? Не так ли? И тогда с досады вы решили, что моя приветливость всего лишь притворство.

Ксавьер молчала.

— Это так? — весело спросил Пьер.

— Отчасти да, — призналась Ксавьер с довольной и смущенной улыбкой. Снова схватив пальцами прядку волос, она стала их гладить, с простодушным видом скосив в их сторону глаза. Могли ли у нее быть такие мысли? Безусловно, по лености Франсуаза упростила Ксавьер; с некоторой тревогой она даже задавалась вопросом, как могла она в течение последних недель относиться к ней как к не заслуживающей внимания маленькой девочке. Но не слишком ли усложнял ее Пьер? Во всяком случае, они смотрели на нее разными глазами; такое несогласие, каким бы незначительным оно ни казалось, было чувствительно для Франсуазы.

— Не будь у меня желания видеть вас, так просто было бы сразу вернуться в отель, — заметил

Пьер.

— У вас могло появиться такое желание из любопытства, — возразила Ксавьер, — это было бы естественно. У вас с Франсуазой все до такой степени общее.

Целый мир тайных обид прорывался в этой короткой небрежной фразе.

— Вы решили, что мы сговорились сделать вам внушение? — спросил Пьер. — Но это не имело никакого смысла.

— У вас был вид двух взрослых людей, отчитывающих девочку, — сказала Ксавьер, которая, казалось, продолжала дуться лишь для очистки совести.

— Но я ничего не говорила, — удивилась Франсуаза.

Ксавьер слушала с понимающим видом. Пьер серьезно смотрел на нее.

— Если бы вы видели нас вместе чаще, то поняли бы, что можете без опаски воспринимать нас как двух отдельных индивидов. Я ни в коей мере не смог бы помешать Франсуазе относиться к вам дружески, так же как она не могла бы заставить меня проявлять к вам такие же чувства, если бы я их не испытывал. — Он повернулся к Франсуазе: — Ведь правда?

— Разумеется, — ответила Франсуаза с горячностью, не прозвучавшей притворно. Однако сердце у нее сжалось: они одно целое, это прекрасно; но Пьер требовал независимости. Естественно, в определенном смысле их было двое, она очень хорошо это понимала.

— У вас настолько общие мысли, — сказала Ксавьер, — что не знаешь, кто из вас двоих говорит и кому отвечать.

— Вам казалось чудовищным думать, что я могу испытывать личную симпатию к вам? — спросил Пьер.

Ксавьер в нерешительности посмотрела на него.

— Для этого нет никаких причин; у меня нет ничего интересного сказать вам, а вы, вы… у вас обо всем столько разных мыслей.

— Вы хотите сказать, что я такой старый, — заметил Пьер. — Это у вас сложилось недоброжелательное суждение: вы принимаете меня за высокомерного человека.

— Как вы могли подумать! — возразила Ксавьер.

Голос у Пьера стал серьезным, хотя чуточку отдавал комедиантством:

— Если бы я считал вас ничего не значащим

прелестным маленьким существом, то был бы гораздо вежливее с вами. Но мне хотелось бы иных отношений между нами — не просто учтивых — именно потому, что я испытываю к вам глубокое чувство уважения.

— И напрасно, — неуверенно молвила Ксавьер.

— И я в личном качестве желаю добиться вашей дружбы. Хотите заключить со мной пакт личной дружбы?

— Очень хочу, — сказала Ксавьер. Широко открыв свои ясные глаза, она улыбнулась доверчиво, зачарованно, чуть ли не влюбленно. Франсуаза посмотрела на это незнакомое лицо, настороженное и многообещающее, и ей вспомнилось другое лицо, детское, беспомощное, когда Ксавьер положила голову ей на плечо тогда, ранним серым утром. Она не сумела удержать это лицо в памяти, оно стерлось, было утрачено и, возможно, навсегда. И внезапно с сожалением, с обидой она почувствовала, как могла бы любить его.

— По рукам. — Пьер положил на стол раскрытую ладонь. У него были приятные худощавые, тонкие руки. Ксавьер свою не протянула.

— Мне не нравится этот жест, — несколько холодно сказала она. — Это выглядит как-то по-

приятельски.

Пьер убрал свою руку. Когда он бывал раздосадован, его верхняя губа выступала вперед, что придавало ему вид напыщенного педанта.

— Вы придете на генеральную репетицию? — спросил Пьер.

— Обязательно, мне не терпится увидеть вас в роли призрака, — поспешно пообещала Ксавьер.

Зал опустел. В баре остались лишь несколько полупьяных скандинавок; раскрасневшиеся мужчины, женщины с растрепавшимися волосами целовались взасос.

— Я думаю, пора уходить, — сказала Франсуаза.

Пьер в тревоге повернулся к ней.

— Верно, ты встаешь рано утром, надо было раньше уйти. Ты не устала?

— Не больше, чем нужно, — ответила Франсуаза.

— Возьмем такси.

— Опять такси? — сказала Франсуаза.

— Тем хуже, тебе надо поспать.

Они вышли, и Пьер остановил такси; он сел на откидное сиденье напротив Франсуазы и Ксавьер.

— Похоже, вы тоже хотите спать, — любезно сказал он.

— Да, мне хочется спать, — сказала Ксавьер. — Я приготовлю себе чай.

— Чай? — удивилась Франсуаза. — Лучше бы вам лечь спать, уже три часа.

— Я терпеть не могу ложиться, когда засыпаю на ходу, — сказала Ксавьер, словно извиняясь.

— Вы предпочитаете дождаться, пока совсем проснетесь? — весело спросил Пьер.

— Мне бывает отвратительно, когда я ощущаю естественные потребности, — с достоинством отвечала Ксавьер.

Выйдя из такси, они поднялись по лестнице.

— Доброго вечера. — Ксавьер толкнула свою дверь, не подав руки. Пьер и Франсуаза поднялись еще на этаж. В кабинете Пьера сейчас все было вверх дном, и он каждый день ночевал у Франсуазы.

— Я думала, что вы опять поссоритесь, когда она отказалась коснуться твоей руки, — призналась Франсуаза.

Пьер сел на край кровати.

— Я решил, что она опять проявляет притворную сдержанность, и это меня раздосадовало, — ответил он. — Но, если подумать, это скорее исходило из доброго чувства; ей не хотелось, чтобы считали игрой пакт, который она восприняла

всерьез.

— Это и в самом деле на нее похоже, — сказала Франсуаза; она ощущала во рту какой-то странный, беспокойный привкус, который никак не хотел исчезать.

— Какая чертовская гордыня, — сказал Пьер, — вначале она была вполне благосклонна ко мне, но как только я позволил себе намек на критику, она меня возненавидела.

— Ты предоставил ей такие прекрасные объяснения, — заметила Франсуаза. — Это из вежливости?

— О! Ей было о чем подумать в этот вечер, — отвечал Пьер. Он умолк, погрузившись в раздумья. Что происходило в его голове? Его лицо было чересчур знакомо Франсуазе и уже ни о чем не говорило. Довольно было протянуть руку, чтобы его коснуться, однако сама эта близость делала его невидимым, о нем ничего нельзя было подумать. Не было даже имени, чтоб его обозначить. Франсуаза называла его Пьер или Лаброс, лишь говоря о нем другим людям. Рядом с ним или про себя она никак его не называла. Он был ей столь же близок, как и она сама, и столь же непознаваем. О чужом она, по крайней мере, могла составить себе представление.

— В итоге чего ты хочешь от нее? — спросила она.

— По правде говоря, сам задаюсь вопросом, — ответил Пьер. — Это не Канзетти, от нее нельзя ждать интрижки. А чтобы завести с ней роман, пришлось бы взять на себя серьезные обязательства, а у меня нет на это ни времени, ни желания.

— А почему нет желания? — спросила Франсуаза. Какая нелепость эта мимолетная тревога, пронзившая ее. Ведь они говорили друг другу все, ничего не утаивая.

— Это сложно, — отвечал Пьер, — меня это заранее утомляет. Впрочем, в ней есть что-то детское, меня это слегка раздражает. От нее еще попахивает молоком. Мне хотелось бы, чтобы она относилась ко мне без ненависти, чтобы мы могли иногда поговорить.

— Это, я думаю, обеспечено, — отозвалась Франсуаза.

Пьер взглянул на нее в нерешительности.

— Тебе не будет неприятно, если я предложу ей личные отношения со мной?

— Конечно нет, — сказала Франсуаза. — Почему?

— Не знаю, мне что-то такое показалось. Ты

дорожишь ею, тебе, возможно, хотелось бы быть единственной в ее жизни.

— Ты прекрасно знаешь, что она скорее обременяет меня, — возразила Франсуаза.

— Я прекрасно знаю, что меня ты никогда не ревнуешь, — с улыбкой сказал Пьер. — И все-таки, если с тобою такое случится, надо сказать мне об этом. Тут я тоже кажусь себе насекомым со своей манией завоевания, хотя это так мало значит для меня.

— Естественно, я об этом скажу, — ответила Франсуаза. Она задумалась: сегодня вечером у нее возникло чувство беспокойства — быть может, следовало назвать это ревностью. То была кратковременная подавленность, которой во многом способствовала усталость. Ей не понравилось, что Пьер воспринял Ксавьер всерьез, ее смутили улыбки, которые та адресовала Пьеру. Если она скажет об этом Пьеру, это станет тревожной и стойкой реальностью; он будет вынужден принимать это отныне в расчет, в то время как сама она этого в расчет не принимала. Этого не существовало, она не ревновала.

— Если хочешь, можешь даже влюбиться в нее, — предложила Франсуаза.

— Об этом речи не идет, — пожав плечами, от-

ветил Пьер. — Я даже не уверен, что она не стала ненавидеть меня больше прежнего.

Он скользнул под простыни. Франсуаза легла рядом и поцеловала его.

— Спокойной ночи, — нежно сказала она.

— Спокойной ночи, — ответил Пьер, тоже поцеловав ее.

Франсуаза повернулась к стене. У себя в комнате, под ними, Ксавьер пила чай. Она закурила сигарету, она была свободна выбирать час, когда ложиться спать одной в своей постели, вдали от любого чужого присутствия. Она полностью была свободна в своих чувствах, в своих мыслях, и, конечно, в эту минуту она восхищалась этой свободой, используя ее, чтобы осуждать Франсуазу. Она видела Франсуазу, лежащую рядом с Пьером и разбитую усталостью, и находила удовольствие в горделивом презрении. Франсуаза сделала над собой усилие, однако не могла просто закрыть глаза и устранить Ксавьер. Весь вечер Ксавьер не переставала занимать все больше места; подобно огромному торту в «Поль Нор», она тягостно заполняла ее думы. Ее требования, ее ревность, ее презрение — их нельзя было больше не замечать, поскольку Пьер стал придавать этому значение. Эту только что обнаружившую

себя Ксавьер, бесценную и обременительную, Франсуаза отталкивала изо всех сил, ощущая в себе чуть ли не враждебность. Но делать было нечего, никакой возможности повернуть вспять. Ксавьер существовала.

## Глава IV

Элизабет в отчаянии открыла дверцу своего шкафа; разумеется, она могла остаться в сером костюме, он везде будет к месту, именно поэтому она его и выбрала. Однако раз уж она выходит вечером, ей хотелось бы сменить платье: другое платье, другая женщина. Этим вечером Элизабет ощущала себя томной, непредсказуемой и пьянящей. «Блузка на любой час», до чего они мне нравятся со своими советами экономии для миллионеров.

В глубине шкафа висело старое платье черного атласа, которое два года назад Франсуаза находила красивым; оно не слишком вышло из моды. Элизабет поправила макияж и надела платье; она в замешательстве посмотрела на себя в зеркало, не зная, что и думать. Во всяком случае, прическа не годилась: взмахом щетки она взбила волосы. «Ваши волосы темного золота». У нее могла бы быть другая жизнь; она ни о чем не жалела, она сама сделала выбор — посвятить свою жизнь искусству.

Ногти были скверные — ногти художника. Как ни старалась она стричь их коротко, на них

всегда оставалось немного краски, голубой или синей. К счастью, теперь ногти красят густым лаком. Присев к столу, Элизабет стала покрывать их сливкообразным розовым.

«Я могла бы быть действительно изысканной, — подумала она, — более изысканной, чем Франсуаза, она никогда ничего не доводит до конца».

Раздался телефонный звонок. Аккуратно положив в пузырек влажную кисточку, Элизабет встала.

— Элизабет?

— Она самая.

— Это Клод, как дела? Знаешь, на сегодняшний вечер все складывается. Я еду к тебе?

— Нет, — поспешила ответить Элизабет и усмехнулась. — Мне хочется переменить обстановку. — На этот раз она пойдет до конца и все выяснит; но не здесь, чтобы все опять началось, как в прошлом месяце.

— Как хочешь. Тогда где? В «Топси», в «Мэзонет»?

— Нет, пойдем просто в «Поль Нор», там лучше всего можно поговорить.

— О'кей. В половине первого в «Поль Нор». До скорого.

— Пока.

Он готовился к идиллическому вечеру, но Франсуаза была права: чтобы внутренний разрыв чему-то послужил, надо было обозначить ему его. Элизабет снова села и продолжила свою кропотливую работу. «Поль Нор» — это хорошо; кожаная обивка заглушала всплески голосов, а рассеянный свет был благоприятен для смятения на лице. Все эти обещания, которые давал ей Клод! И все упорно оставалось как было: довольно было минутной слабости, чтобы он почувствовал себя успокоенным. Кровь подступила к лицу Элизабет. Какой стыд! На мгновение он заколебался, взявшись рукой за ручку двери, она прогнала его с непоправимыми словами, ему не оставалось ничего другого, как уйти, но, не сказав ни слова, он к ней вернулся. Воспоминание было таким жгучим, что она закрыла глаза. Она снова чувствовала на своих губах эти губы — до того горячие, что ее губы невольно раскрылись; на своей груди она ощутила настойчивые ласковые руки; грудь ее приподнялась, и она вздохнула, как вздыхала в угаре поражения. Если бы только дверь сейчас распахнулась, если бы он вошел… Элизабет поспешно поднесла руки к губам и впилась зубами в запястье.

— Так меня не возьмешь, — громко сказала она, — я не какая-нибудь самка. — Боли себе она не причинила, но с удовлетворением увидела, что ее зубы оставили на коже маленькие белые следы; увидела она и то, что свежий лак на трех ее ногтях содран, а с краю выступило немного крови.

— Вот идиотка! — прошептала она. Половина девятого. Пьер был уже одет; Сюзанна набрасывала норковую накидку поверх безупречного платья, ее ногти блестели. Резким движением Элизабет протянула руку к бутылочке с растворителем, послышался хрустальный звон, и на полу образовалась пахнувшая леденцами желтая лужица, в которой плавали осколки стекла.

На глазах Элизабет выступили слезы; ни за что на свете она не пойдет на генеральную репетицию с такими ногтями мясника, лучше уж сразу же лечь спать; немыслимая затея стремиться быть элегантной без денег; надев пальто, она бегом спустилась по лестнице.

— Улица Сель, отель «Байяр», — сказала она водителю такси.

У Франсуазы она сможет поправить бедствие. Она достала пудреницу; чересчур много краски на щеках, губы плохо покрашены. Нет, в такси ни-

чего нельзя касаться, все только испортишь; надо использовать такси, чтобы расслабиться, такси и лифты — маленькая передышка для измученных женщин; другие возлежат в шезлонгах с тонкими салфетками вокруг головы, как на рекламах Элизабет Ардан, и нежные руки массируют им лицо; белые руки, белые салфетки в белых комнатах, у них будут гладкие отдохнувшие лица, и Клод с мужским простодушием скажет: «Жанна Арблей просто поразительна». А мы с Пьером прозвали их женщинами из папиросной бумаги, в этом отношении с ними не поборешься.

Элизабет вышла из такси. На мгновение она остановилась перед фасадом отеля; это раздражало, сердце ее всегда начинало учащенно биться, когда она подходила к местам, где протекала жизнь Франсуазы. Стена была серой, слегка облупленной. Это был жалкий отель, похожий на многие другие, а ведь у нее было достаточно денег, чтобы снять шикарную студию. Элизабет толкнула дверь.

— Могу я подняться к мадемуазель Микель?

Коридорный протянул ей ключ; она поднялась по лестнице, где смутно веяло запахом капусты; она находилась в самом сердце жизни Франсуазы, но для Франсуазы запах капусты, скрип ступенек

не заключали в себе никакой тайны; она проходила, даже не замечая ее, через эту декорацию, которую лихорадочное любопытство Элизабет искажало.

— Надо представить себе, что я возвращаюсь к себе, как каждый день, — сказала себе Элизабет, поворачивая ключ в замке. На пороге комнаты она остановилась; это была скверная комната, оклеенная серыми с крупными цветами обоями, на всех стульях лежала одежда, на письменном столе — куча книг и бумаг. Элизабет закрыла глаза, она была Франсуазой, она возвращалась из театра, она думала о завтрашней репетиции; она открыла глаза. Над раковиной висело объявление.

*Просьба к господам клиентам:*
*Не шуметь после десяти часов. Не стирать в раковинах.*

Элизабет посмотрела на диван, на зеркальный шкаф, на бюст Наполеона, стоявший на камине между флаконом одеколона, щетками, парами чулок. Она снова закрыла глаза, потом опять открыла: невозможно было приручить эту комнату, с неопровержимой очевидностью она представлялась как чужая.

Элизабет подошла к зеркалу, в котором столько раз отражалось лицо Франсуазы, и увидела собственное лицо. Щеки ее пылали; ей следовало бы по крайней мере оставить серый костюм — ясно было, что он очень ей идет. Теперь уже ничего нельзя было поделать с этим необычным образом, это был окончательный образ, который люди сохранят в этот вечер. Схватив пузырек с растворителем и пузырек с лаком, она села у стола.

Пьесы Шекспира остались открыты на той странице, которую читала Франсуаза, когда резким движением отодвинула кресло. Она бросила на кровать халат, хранивший в беспорядочных складках отпечаток ее небрежного жеста: рукава оставались надутыми, словно все еще облегали призрачные руки. Эти брошенные вещи предлагали еще более нестерпимый образ Франсуазы, чем ее реальное присутствие. Когда Франсуаза бывала рядом с ней, Элизабет испытывала своего рода покой: Франсуаза не открывала своего истинного лица или, по крайней мере пока она ласково улыбалась, это истинное лицо не существовало больше нигде. Здесь же находился истинный облик Франсуазы, оставивший свой след, и след этот был необъясним. Когда Франсуаза садилась у стола, наедине с собой, что

оставалось от женщины, которую любил Пьер? Чем становились ее счастье, ее спокойная гордость, ее суровость?

Элизабет придвинула к себе листки, покрытые записями, черновики испачканных чернилами замыслов. Испачканные таким образом, плохо написанные, мысли Франсуазы теряли свой окончательный вид; однако сам почерк и помарки, сделанные рукой Франсуазы, опять подтверждали ее незыблемое существование. Элизабет резко отодвинула бумаги — это было глупо, она не могла ни стать Франсуазой, ни уничтожить ее.

«Время, пусть дадут мне время, — со страстью подумала она. — Я тоже, тоже стану кем-то».

На маленькой площади стояло множество машин; Элизабет бросила взгляд художника на желтый фасад театра, сиявший сквозь голые ветки. Это было красиво, черные-пречерные линии выделялись на светящемся фоне. Настоящий театр, вроде Шатле и Гете-Лирик, которыми мы так восхищались. Все-таки это потрясающе: думать, что великий актер, великий режиссер, о котором говорил весь Париж, — Пьер. Чтобы увидеть его, шуршащая и благоухающая толпа теснилась в вестибюле. «Мы были не такими детьми, как все, ведь мы поклялись, что станем знаменитыми, я

всегда в него верила. И так оно и случилось», — с восхищением подумала она. Действительно, на самом деле: сегодня вечером генеральная репетиция на сцене, Пьер Лабрус показывает «Юлия Цезаря».

Элизабет попробовала произнести фразу, как если бы она была просто какой-то парижанкой, а потом вдруг сказать себе: «Это мой брат». Но осуществить это оказалось трудно. Какая досада, столько вокруг возможных удовольствий, воспользоваться которыми по-настоящему никогда не удавалось.

— Как ваши дела? — спросил Любински. — Вас больше совсем не видно.

— Я работаю, — ответила Элизабет. — Приходите взглянуть на мои полотна.

Она любила такие вечера генеральной репетиции. Возможно, это ребячество, но ей доставляло огромное удовольствие пожимать руки этих писателей, этих артистов. Она всегда нуждалась в некой приятной среде, чтобы осознать себя самое: когда пишешь картину, не чувствуешь, что ты художник, это неблагодарно и обескураживает. Здесь она была молодой художницей на пороге успеха, родная сестра Лабруса. Она улыбнулась Моро, смотревшему на нее с восхи-

щением — он всегда был немного влюблен в нее. В ту пору, когда в «Доме» она вместе с Франсуазой встречалась с дебютантками без будущего, со старыми неудачниками, какими полными зависти глазами посмотрела бы она на эту молодую, энергичную и привлекательную женщину, которая непринужденно разговаривает со множеством преуспевающих людей.

— Как поживаете? — спросил Батье. Он был очень хорош в своем черном костюме. — По крайней мере, двери здесь хорошо охраняют, — с юмором добавил он.

— Как поживаете? — Элизабет протянула руку Сюзанне. — У вас возникли затруднения?

— Да, этот контролер… Он изучал всех приглашенных, словно они злоумышленники, — отвечала Сюзанна. — Он минут пять вертел в руках наш пригласительный билет.

Она была хороша — вся в черном, просто классика. Теперь она определенно выглядела старой дамой; нельзя было предположить, что Клод еще сохраняет с ней физические отношения.

— Приходится проявлять осторожность, — отозвалась Элизабет. — Видите вон того типа, который прилип к окнам? Таких на площади масса, они пытаются заполучить приглашения:

мы называем их ласточками, то есть любителями даровщины.

— Живописное прозвище, — вежливо улыбнувшись, заметила Сюзанна. Она повернулась к Батье: — Я полагаю, пора входить, как вы думаете?

Элизабет вошла вслед за ними. На мгновение она застыла в глубине зала; Клод помог Сюзанне снять норковую накидку и сел рядом с ней; она наклонилась к нему, положив свою руку на его. Элизабет пронзила острая боль. Ей вспомнился тот декабрьский вечер, когда она шагала по улицам, опьянев от радости, торжествующая, потому что Клод сказал ей: «Я люблю только тебя». Возвращаясь домой спать, она купила огромный букет роз. Он любил ее, но ничего не изменилось, сердце его было скрыто; эта рука на его руке была видна всем, и все глаза без удивления признавали, что она обрела естественное свое место. Официальная связь, фактическая связь, возможно, это единственная реальность, в которой действительно можно быть уверенной. Наша с ним любовь, для кого она существует! В эту минуту она даже не верила в нее, от нее не оставалось ничего и нигде.

«С меня довольно!» — подумала она. Ей придет-

ся еще страдать весь этот вечер, она предвидела дрожь, лихорадку, влажность рук, звон в ушах, ее заранее от этого тошнило.

— Добрый вечер, — сказала она Франсуазе. — Как ты красива!

Франсуаза и в самом деле была в этот вечер красива. В волосы она воткнула большой гребень, а платье украшали оригинальные узоры. К ней обращались многие взоры, которых она, казалось, не замечала. Какая радость — чувствовать себя подругой этой блестящей, спокойной молодой женщины.

— Ты тоже красивая, — сказала Франсуаза. — Тебе идет это платье.

— Платье старое, — ответила Элизабет.

Она села справа от Франсуазы. Слева сидела Ксавьер, невзрачная в своем синем платьице. Элизабет помяла пальцами ткань своей юбки. Иметь мало вещей, но качественных — таким всегда был ее принцип.

«Если бы у меня были деньги, я сумела бы одеться», — подумала она, с чуть меньшими страданиями взглянув на ухоженный затылок Сюзанны. Сюзанна принадлежала к породе жертв; она сносила любую выходку Клода, но мы, мы другой породы; мы свободные и сильные,

и у нас своя жизнь: только из благородства не отказывалась Элизабет от мук любви, но она в Клоде не нуждалась, она не старая женщина. Она скажет ему тихо и твердо: «Я подумала, Клод; видишь ли, я считаю, что мы должны перевести наши отношения в другую плоскость».

— Ты видела Маршана и Сальтреля? — спросила Франсуаза. — В третьем ряду, слева. Сальтрель уже кашляет, он берет разбег. Кастье дожидается, когда поднимут занавес, чтобы достать плевательницу. Знаешь, он всегда носит с собой плевательницу, очень кокетливую коробочку.

Элизабет бросила взгляд на критиков, но у нее не лежало сердце смеяться над ними. Разумеется, Франсуаза полностью была озабочена успехом пьесы. Это естественно, нечего ждать от нее никакой помощи.

Люстра погасла, и в тишине прозвучали три металлических удара. Элизабет почувствовала, что слабеет. «Если бы только я могла увлечься спектаклем», — подумалось ей; но она знала его наизусть.

Декорации были красивые, костюмы тоже. «Я уверена, что сама сделала бы по крайней мере так же хорошо, но Пьер — это как родители: членов своей семьи никогда не принимают всерьез, надо,

чтобы он увидел мои рисунки, не зная, что они мои. У меня нет общественного лица. Смешно, им всегда требуется пускать пыль в глаза. Если бы Пьер не обращался со мной, как с не заслуживающей внимания сестренкой, я могла бы предстать перед Клодом вроде кого-то важного и опасного.

Хорошо знакомый голос заставил Элизабет вздрогнуть.

— *Кальпурния, когда начнет Антоний бег священный, встань прямо на пути его…*[2]

Пьер и правда потрясающе выглядел в роли Юлия Цезаря, о его игре можно было сказать многое.

«Это самый великий актер эпохи», — подумала Элизабет.

На сцену вбежал Гимьо, и она посмотрела на него не без опаски: во время репетиции он два раза опрокидывал бюст Цезаря. Гимьо стремительно пересек площадь и обежал вокруг бюста, не задев его, в руке он держал кнут, сам был почти нагой, лишь шелковые плавки прикрывали его чресла.

«Он чертовски здорово сложен», — сказала себе Элизабет, не сумев взволновать себя. Прелестно

---

**[2] notes: 2**
Уильям Шекспир. Юлий Цезарь.

было заниматься с ним любовью, но когда все кончалось, об этом больше не вспоминалось, легкость необыкновенная; Клод…

«Я переутомилась, — подумала она, — я не могу сосредоточиться».

Она заставила себя смотреть на сцену. Канзетти была красивой с этой густой челкой на лбу. Гимьо уверяет, что Пьер не слишком-то ею теперь озабочен и что она обхаживает Тедеско; я не знаю, они никогда ничего мне не говорят. Она внимательно посмотрела на Франсуазу, чье лицо после поднятия занавеса оставалось неподвижно, глаза были прикованы к Пьеру. Какой суровый у нее профиль! Увидеть бы ее в любви, в нежности, однако и тогда она была способна хранить этот олимпийский вид. Ей повезло, она может так погружаться в настоящий момент, всем этим людям везет. Элизабет почувствовала себя потерянной среди этой покорной публики, позволявшей наполнять себя образами и словами. В нее же ничего не проникало, спектакля не существовало, были только медленно сочившиеся минуты; день прошел в ожидании этих часов, и эти часы стекали в пустоту, становясь, в свою очередь, всего лишь ожиданием. Элизабет знала, что, когда Клод окажется перед ней,

она опять будет ждать, будет ждать обещания, угрозы, которая окрасит надеждой или ужасом завтрашнее ожидание. Это был бесцельный бег, их бесконечно отбрасывало в будущее, но как только оно становилось настоящим, приходилось снова бежать; пока Сюзанна остается женой Клода, настоящее будет недосягаемым.

Раздались аплодисменты. Франсуаза встала, щеки ее слегка покраснели.

— Тедеско не дрогнул, все прошло, — в волнении сказала она. — Пойду к Пьеру, будь любезна, приходи в следующем антракте, в этом нас совсем затормошат.

Элизабет тоже поднялась.

— Мы можем пойти в коридоры, — сказала она Ксавьер. — Услышим впечатления людей, это интересно.

Ксавьер послушно последовала за ней. «Что же все-таки я смогу ей сказать?» — задавалась вопросом Элизабет. Ксавьер не вызывала у нее симпатии.

— Сигарету?

— Спасибо, — поблагодарила Ксавьер. Элизабет протянула ей огонь.

— Вам нравится пьеса?

— Да, нравится, — отвечала Ксавьер.

Как горячо защищал ее Пьер в тот день! Он всегда готов оказывать доверие чужим, но на этот раз вкус действительно ему изменил.

— Вы хотели бы играть в комедии? — спросила Элизабет.

Она искала главный вопрос, вопрос, который вырвал бы у Ксавьер ответ, на основании которого можно было бы окончательно вынести о ней суждение.

— Я никогда об этом не думала, — ответила Ксавьер.

С Франсуазой она наверняка говорила другим тоном и с другим лицом, но никогда друзья Франсуазы не представали перед Элизабет в своем истинном свете.

— Что вас интересует в жизни? — резко спросила Элизабет.

— Меня все интересует, — вежливо отвечала Ксавьер.

Элизабет задалась вопросом, говорила ли ей Франсуаза о ней. Что говорили о ней за ее спиной?

— У вас есть предпочтения?

— Не думаю, — сказала Ксавьер.

Она сосредоточенно курила сигарету. Она хорошо хранила свой секрет; все секреты Франсуазы

хорошо хранились. На другом конце фойе Клод улыбался Сюзанне; его лицо выражало угодливую нежность.

«Та же улыбка, что со мной», — подумала Элизабет, и в сердце ее вспыхнула яростная ненависть. Без мягкости, она будет говорить с ним без мягкости. Она откинет голову на подушки и разразится язвительным смехом.

Прозвенел звонок; Элизабет бросила взгляд в зеркало и увидела свои рыжие волосы, свой горестный рот; было в ней что-то горестное и неистовое, решение ее принято, этот вечер станет решающим. Клод бывал то измучен Сюзанной, то исполнен дурацкой жалости, он не переставал отдаляться от нее. В зале стало темно; некий образ возник у Элизабет: револьвер, кинжал, флакон с черепом: убить. Клода? Сюзанну? Себя? Не имело значения. Мрачное желание убийства с необычайной силой наполнило ее сердце. Она вздохнула; возраст безумных убийств миновал, это было бы слишком просто. Нет. Что требовалось, так это держать его какое-то время на расстоянии, держать на расстоянии его губы, его дыхание, его руки. Она так сильно их желала, она задыхалась от желания. Там, на сцене, убивали Цезаря. «Пьер, шатаясь, бежал через

Сенат, а меня, меня убивают по-настоящему», — в отчаянии думала она. Это было оскорбительно, вся эта бесполезная возня посреди их картонных декораций, в то время как она своей плотью, своей кровью исходила в агонии без возможного выздоровления.

Напрасно Элизабет долгое время прохаживалась по бульвару Монпарнас. Было только двадцать минут первого, когда она вошла в «Поль Нор». Никогда ей не научиться сознательно опаздывать; хотя она была уверена, что Клод придет не вовремя, Сюзанна нарочно задерживала его, расценивая каждую минуту как маленькую победу. Элизабет закурила сигарету; ей не так уж хотелось, чтобы Клод находился здесь, но мысль о его присутствии в другом месте была невыносима.

Она почувствовала укол в сердце. Каждый раз одно и то же: как только он появлялся, ее охватывала тревога. Он пришел, он держал счастье Элизабет в своих руках и спокойно приближался, не подозревая, что каждый из его жестов — это угроза.

— Я так рад тебя видеть, — сказал Клод. — Наконец-то у нас с тобой целый вечер. — Он довольно улыбнулся. — Что ты будешь пить? Аквавит?

Я знаю эту штуковину. Мерзость. Дайте мне джин-физ.

— Ты рад, но отодвигаешь свои удовольствия, — заметила Элизабет. — Уже час.

— Без семи час, дорогая.

— Без семи час, если угодно, — согласилась она, слегка пожав плечами.

— Ты прекрасно знаешь, что это не моя вина, — сказал Клод.

— Естественно, — сказала Элизабет.

Клод нахмурился.

— Прошу тебя, моя девочка, не делай такого гадкого лица. Сюзанна рассталась со мной с мрачной физиономией; если и ты тоже начнешь дуться, это конец всему. Я так радовался в предвкушении твоей доброй улыбки.

— Я не все время улыбаюсь, — обидевшись, возразила Элизабет. Иногда Клод поражал своей опрометчивостью.

— Жаль, тебе это так идет, — сказал Клод. Закурив сигарету, он добродушно огляделся. — Здесь совсем неплохо, но место чуточку унылое, ты не находишь?

— Ты мне уже говорил это в прошлый раз. Если я наконец вижу тебя, мне совсем не хочется, чтобы вокруг нас была сутолока.

— Не будь злюкой, — сказал Клод. Он положил свою руку на руку Элизабет, но вид у него был рассерженный; она почти сразу отняла свою руку; начало получилось неудачным; решающее объяснение не должно было начинаться с мелочных придирок.

— В общем, это был успех, — сказал Клод. — Но меня ни на минуту не захватило. Я считаю, что Лаврус сам не знает, чего хочет, он колеблется между полной стилизацией и простым, чистым реализмом.

— Он хочет как раз такого оттенка транспозиции.

— Да нет же, нет тут никакого особого оттенка, — резким тоном возразил Клод. — Это череда противоречий. Убийство Цезаря походило на мрачный балет, а взять ночное бдение Брута в палатке; можно подумать, что мы вернулись во времена Свободного театра.

Клод ошибся адресом, Элизабет не позволяла ему решать таким образом вопросы. Она была довольна, поскольку ответ явился сам собой.

— Все зависит от ситуации, — с живостью сказала она. — Убийство требует переноса, иначе это будет в духе театра Гран-Гиньоль, а фантастическую сцену, по контрасту, следует играть как

можно реалистичнее. Это же очевидно.

— Как раз это я и говорил, нет никакого единства. Эстетика Лабруса — это и есть определенный оппортунизм.

— Ничего подобного, — возразила Элизабет. — Разумеется, он учитывает текст. Ты поразителен, в иные разы ты упрекаешь его в том, что мизансцена для него самоцель, решайся на что-нибудь.

— Это он не может решиться, — сказал Клод. — Мне очень хотелось бы, чтобы он осуществил свой проект и сам написал какую-нибудь пьесу. Тогда, возможно, станет ясно, что к чему.

— Он наверняка это сделает, — сказала Элизабет. — Думаю даже, что это случится на следующий год.

— Любопытно будет посмотреть. Знаешь, откровенно говоря, я восхищаюсь Лабрусом, но не понимаю.

— Однако все просто, — заметила Элизабет.

— Доставь мне удовольствие, объясни, — попросил Клод.

Элизабет постучала сигаретой по столу. Эстетика Пьера не составляла для нее тайны, она даже вдохновлялась ею для своей живописи, но слов не находила. Ей вспомнилась картина Тинторетто, которую Пьер так любил, он много чего объяснил

ей по поводу положения персонажей, только она не помнила в точности, что; она подумала о гравюрах Дюрера, о спектаклях кукол, о русских балетах, о старых немых фильмах, идея крылась тут, знакомая, очевидная, и это было невероятно досадно.

— Разумеется, совсем не так просто приклеить к этому этикетку: реализм, импрессионизм, веризм, если это то, чего ты хочешь.

— Откуда такая беспричинная резкость? — удивился Клод. — У меня нет привычки к подобной лексике.

— Прошу прощения, но это ты произнес слова «стилизация», «оппортунизм». Только не оправдывайся, до чего смехотворна твоя забота не говорить по-профессорски.

Более всего Клод боялся причислять себя к университетскому сословию; надо отдать ему справедливость: менее, чем кто-либо, он выглядел академичным.

— Клянусь, с этой стороны я не чувствую себя в опасности, — сухо заметил он. — Обычно это ты вносишь в наши споры некую немецкую тяжеловесность.

— Тяжеловесность… — повторила Элизабет. — Я прекрасно знаю: всякий раз, как я тебе

противоречу, ты приписываешь мне педантизм. Ты невообразим, ты не можешь выносить противоречия. То, что ты подразумеваешь под интеллектуальным сотрудничеством, — это тупое одобрение любого твоего мнения. Требуй этого от Сюзанны, но не от меня; я имею несчастье обладать мозгом и стремлюсь пользоваться им.

— Ну вот! Сразу такая озлобленность, — сказал Клод.

Элизабет овладела собой; это было невыносимо, он всегда находил способ свалить вину на нее.

— Я, может, и злобная, — сказала она с убийственным спокойствием. — Но ты не слышишь, как говоришь. Можно подумать, что ты обращаешься к своему классу.

— Не будем опять ссориться, — примирительным тоном сказал Клод.

Она злобно взглянула на него. Этим вечером он определенно решил осыпать ее счастьем, он чувствовал себя нежным, очаровательным и благородным; ладно, он увидит. Она откашлялась, чтобы прочистить голос.

— Откровенно говоря, Клод, неужели ты считаешь, что опыт этого месяца был удачным? — спросила она.

— Какой опыт? — удивился он.

Кровь прилила к щекам Элизабет, и голос ее слегка дрогнул.

— Если после объяснения в прошлом месяце мы сохранили наши отношения, то это в качестве эксперимента, ты забыл?

— Ах да… — отвечал Клод.

Он не принял всерьез мысль о разрыве, естественно, она все потеряла, переспав с ним в тот же вечер. На мгновение она растерялась.

— Так вот, думается, я пришла к заключению, что ситуация невозможная, — продолжала она.

— Невозможная? Почему вдруг невозможная? Что нового произошло?

— Вот именно, ничего, — отвечала Элизабет.

— Тогда объяснись, я не понимаю.

Она заколебалась. Разумеется, он никогда не говорил, что когда-нибудь расстанется с женой, он вообще никогда ничего не обещал, в каком-то смысле он был неуязвим.

— Значит, тебя действительно все устраивает? — спросила Элизабет. — Я ставила нашу любовь гораздо выше. Что у нас за близость? Мы встречаемся в ресторанах, барах или в постели. Это свидания, а я хотела общей жизни с тобой.

— Ты бредишь, дорогая, — сказал Клод. — Между нами нет близости? Но у меня нет ни одной

мысли, которой я не делился бы с тобой; ты чудесно меня понимаешь.

— Да, я владею лучшим, что у тебя есть, — сказала вдруг Элизабет. — Видишь ли, по сути, мы должны были ограничиться тем, что два года назад я называла идеологической дружбой; моя вина в том, что я полюбила тебя.

— Но я ведь тоже тебя люблю, — заметил Клод.

— Да, — согласилась она. Это раздражало: его ни в чем нельзя было упрекнуть, либо это будут мелочные упреки.

— Так что? — спросил Клод.

— Ничего, — отвечала Элизабет. В это слово она вложила безысходную тоску, но Клод не пожелал этого замечать; почувствовав облегчение, он обвел все вокруг радостным взглядом и уже готов был переменить тему, когда она поспешно добавила:

— В сущности, ты такой недалекий; тебе никогда не приходило в голову, что я не была счастлива.

— Напрасно ты себя мучаешь, — сказал Клод.

— Наверно, это потому, что я слишком тебя люблю, — задумчиво сказала Элизабет. — Я хотела тебе дать больше того, что ты мог принять. И если говорить откровенно, давать — это определенная

манера требовать. Думаю, все это по моей вине.

— Не будем сомневаться в нашей любви, — сказал Клод, — такие разговоры я считаю совершенно бесполезными.

Элизабет с гневом посмотрела на него. Эта волнующая трезвость сознания, делающая ее в эту минуту столь трогательной, хотя он даже неспособен был этого понять, чему она могла послужить? Она вдруг ощутила себя циничной и суровой.

— Не бойся, мы больше не будем сомневаться в нашей любви каждый раз, как встречаемся, — сказала она. — Это-то я и хотела тебе сказать; отныне наши отношения будут совсем в иной плоскости.

— Какой плоскости? В какой плоскости они сейчас? — Клод был весьма раздражен.

— Я хочу, чтобы нас с тобой связывали спокойные дружеские отношения, — сказала она. — Я тоже, тоже устала от всех этих сложностей. Только я не думала, что смогу перестать любить тебя.

— Ты перестала любить меня? — с недоверием спросил Клод.

— Тебе это кажется настолько невероятным? — отозвалась Элизабет. — Пойми меня, я всегда буду сильно привязана к тебе, но ничего больше

не буду ждать от тебя и, со своей стороны, верну себе свободу. Так ведь будет лучше?

— Ты бредишь, — сказал Клод.

Краска залила лицо Элизабет.

— Но ты с ума сошел! Говорю тебе, я больше не люблю тебя! Чувства могут меняться; ты даже не понял, что я изменилась.

Клод озадаченно взглянул на нее.

— С каких пор ты перестала меня любить? Ты только что говорила, что слишком любила меня?

— Это раньше я слишком тебя любила. — Она заколебалась. — Я даже не знаю, как я к этому пришла, но это факт, все не так, как прежде. Например… — И она торопливо добавила несколько сдавленным голосом: — Прежде я никогда не могла бы спать ни с кем, кроме тебя.

— Ты с кем-то спишь?

— Тебе это неприятно?

— Кто он? — с любопытством спросил Клод.

— Неважно, ты мне не поверишь.

— Если это правда, было бы честно с твоей стороны предупредить меня.

— Что я сейчас и делаю, — сказала Элизабет. — Я тебя предупреждаю. Ты же все-таки не думал, что я стану советоваться с тобой.

— Кто он? — повторил Клод.

Лицо его исказилось, и Элизабет вдруг испугалась: если он страдает, она тоже будет страдать.

— Гимьо, — неуверенно произнесла она. — Знаешь, это бегун из первого акта.

Это случилось; это было непоправимо, сколько бы она ни отрицала, Клод не поверит ее опровержениям. У нее уже не было времени подумать, следовало идти вперед, ни на что не обращая внимания; во тьме надвигалось что-то страшное.

— У тебя неплохой вкус, — заметил Клод. — Когда ты с ним познакомилась?

— Дней десять назад. Он безумно влюбился в меня.

Лицо Клода оставалось непроницаемым. Он нередко бывал подозрительным и ревнивым, но никогда в этом не признавался; он, скорее, готов был пойти на все, но только не высказать упрек, хотя это никак не успокаивало.

— В конце концов, это решение, — сказал он. — Я всегда думал, что художник не должен ограничиваться одной женщиной.

— Ты быстро наверстаешь потерянное время, — сказала Элизабет. — Да взять хотя бы малютку Шано, которая мечтает упасть в твои объятия.

— Малютка Шано… — Клод поморщился. — Я бы предпочел Жанну Арблей.

— И такое возможно, — согласилась Элизабет.

Она комкала свой носовой платок в повлажневших руках; теперь она осознала опасность, но было уже поздно, отступить не было никакой возможности. Она думала лишь о Сюзанне; а ведь существовали и другие женщины, женщины молодые и красивые, которые полюбят Клода и заставят любить себя.

— Ты думаешь, что у меня будет шанс? — спросил Клод.

— Ты наверняка не вызываешь у нее неприязни, — отвечала Элизабет.

Это было безумие, она продолжала упорствовать и с каждым сказанным словом увязала все больше. Если бы только было можно отказаться от этого тона. Проглотив слюну, она с усилием произнесла:

— Мне не хотелось бы, чтобы ты думал, будто я была неискренна.

Он пристально смотрел на нее; она покраснела, не зная, что говорить дальше.

— Это действительно была неожиданность; я все время собиралась тебе об этом сказать.

Если он и дальше будет смотреть на нее так, она расплачется. Этого ни в коем случае нельзя допустить, это будет трусость, она не должна

бороться женским оружием. Однако это все упростило бы; он обнял бы ее за плечи, она прильнула бы к нему, и кошмару пришел бы конец.

— Ты десять дней обманывала меня, — сказал Клод. — Я бы не смог лгать тебе и часу. Я ставил наши отношения так высоко.

Он говорил с печальным достоинством поборника справедливости. Она возмутилась.

— Но ты не был честен со мной, — сказала она. — Ты обещал мне лучшую часть твоей жизни и никогда мне не принадлежал. Ты по-прежнему принадлежал Сюзанне.

— Не станешь же ты упрекать меня за то, что я соблюдал приличия в отношении Сюзанны, — возразил Клод. — Только жалость и признательность диктовали мое поведение по отношению к ней, ты прекрасно знаешь.

— Ничего я не знаю. Я знаю, что ты не оставишь ее ради меня.

— Об этом никогда не было речи, — сказал Клод.

— А если бы я поставила такой вопрос?

— Ты странным образом выбрала момент, — жестко ответил он.

Элизабет умолкла; ни в коем случае ей не следовало бы говорить о Сюзанне, но она не владела

собой, и он этим пользовался; она видела его насквозь, слабого, эгоистичного, корыстного и исполненного мелкого самолюбия; он знал свою неправоту, но с безжалостной недобросовестностью хотел навязать свой безупречный образ; он был неспособен даже на малейшее благородное или искреннее движение души; она его ненавидела.

— Сюзанна полезна для твоей карьеры, — сказала она. — Твое творчество, твоя мысль, твоя карьера. Никогда ты не думал обо мне.

— Какая низость! — возмутился Клод. — Это я-то карьерист? Если ты так думаешь, как же ты вообще могла дорожить мной?

Раздался взрыв смеха, и послышались шаги по черному плиточному полу; Франсуаза и Пьер шли под руку с Ксавьер, все трое выглядели веселыми.

— Какая встреча! — воскликнула Франсуаза.

— Симпатичное место, — отозвалась Элизабет.

Ей хотелось спрятать лицо; ей казалось, будто кожа у нее натянута и вот-вот треснет. Тянуло под глазами, вокруг рта, а сверху плоть вздувалась. — Вам удалось уйти от официоза?

— Да, все как-то уладилось, — сказала Франсуаза.

Почему с ними не было Жербера? Неужели Пьер опасался его шарма? Или Франсуаза опасалась очарования Ксавьер. Ксавьер с ангельским и упрямым видом молча улыбалась.

— Успех несомненный, — сказал Клод. — Критика наверняка будет суровой, но публика принимала великолепно.

— Пожалуй, все прошло хорошо, — согласился Пьер. Он сердечно улыбался. — Надо бы встретиться в ближайшие дни, теперь у нас будет немного времени.

— Да, есть множество вещей, о которых я хотел бы с вами поговорить, — сказал Клод.

Внезапно Элизабет пронзила острая боль. Ей представилась ее пустая мастерская, где не придется больше ждать ни одного звонка, пустая полка в каморке консьержа, пустой ресторан, пустые улицы. Это было невозможно, она не хотела его терять. Слабый, эгоистичный, ненавистный — это не имело значения, она нуждалась в нем, чтобы жить; она согласится на что угодно, только бы сохранить его.

— Нет, ничего не предпринимайте у Берже, пока не получите ответ из Нантея, — говорил Пьер, — это будет неразумно. Но я уверен, что он заинтересуется.

— Позвоните в ближайшее время, — добавила Франсуаза. — Договоримся о встрече.

Они исчезли в глубине зала.

— Устроимся там, похоже на маленькую часовню, — предложила Ксавьер. Этот чересчур сладкий голос действовал на нервы, словно трение ногтя по шелку.

— Девчонка мила, — заметил Клод. — Это новая любовь Лабруса?

— Полагаю, да. Притом что он терпеть не может привлекать к себе внимание, их появление было довольно шумным.

Наступило молчание.

— Уйдем отсюда, — нервно сказала Элизабет. — Отвратительно чувствовать их у нас за спиной.

— Они не обращают на нас внимания, — возразил Клод.

— Все эти люди отвратительны, — повторила Элизабет. Голос ее дрогнул, подступали слезы, она не могла их долго сдерживать. — Пойдем ко мне.

— Как хочешь, — ответил Клод. Он позвал официанта, и Элизабет надела перед зеркалом пальто. Лицо ее осунулось. В глубине зеркала она заметила их. Говорила Ксавьер; она размахивала руками, и Франсуаза с Пьером с упоением смотрели на нее. Какое все-таки легкомыслие; они

могли тратить время на какую-то дурочку, а с Элизабет они были слепы и глухи. Если бы они согласились принять в свой круг ее с Клодом, если бы они приняли «Раздел»… Это их вина. Гнев сотрясал Элизабет, она задыхалась. Они были счастливы, они смеялись. Неужели они вечно будут так счастливы, с такой ошеломляющей безупречностью? Неужели им никогда не доведется спуститься на дно этого кромешного ада? Ждать, содрогаясь, напрасно взывать о помощи, умолять, в одиночестве без конца предаваться сожалениям, тоске и отвращению к себе. Такие в себе уверенные, такие горделивые, такие неуязвимые. Нельзя ли, терпеливо выжидая, отыскать способ причинить им зло?

Элизабет молча села в машину Клода. До самой двери они не обменялись ни словом.

— Не думаю, что нам осталось что сказать друг другу, — остановив машину, произнес Клод.

— Не можем же мы вот так расстаться, — ответила Элизабет. — Поднимись на минутку.

— Зачем?

— Поднимись. Мы не объяснились.

— Ты меня больше не любишь, ты думаешь обо мне обидные вещи, что же тут выяснять, — сказал Клод.

Это был попросту шантаж, но невозможно дать ему уйти; когда он вернется?

— Я дорожу тобой, Клод, — сказала Элизабет. От этих слов слезы выступили у нее на глазах; он последовал за ней. Она поднималась по лестнице, не сдерживаясь, плача потихоньку; она слегка пошатывалась, но он не взял ее за руку. Когда они вошли в мастерскую, Клод с мрачным видом принялся ходить взад вперед.

— Твое право больше не любить меня, — сказал он. — Но между нами было что-то другое, не только любовь, и ты должна была попытаться спасти это. — Он бросил взгляд на диван. — Ты здесь спала с этим типом?

Элизабет упала в кресло.

— Я не думала, что ты рассердишься на меня за это, Клод, — сказала она. — Я не хочу терять тебя из-за подобной истории.

— Я не ревную к скверному актеришке, — сказал Клод. — Я сержусь на тебя за то, что ты ничего не сказала мне; ты должна была сказать мне раньше. И к тому же этим вечером ты наговорила мне таких вещей, что теперь даже дружба между нами невозможна.

Ревность, пошлая ревность; она оскорбила его мужскую гордость, и он хочет ее помучить. Она

сознавала это, но это ничему не мешало, его резкий голос причинял ей боль.

— Я не хочу терять тебя, — повторила она и, не таясь, разрыдалась.

До чего глупо соблюдать правила, вести честную игру: никто этого не оценит. Думаешь, что однажды откроются все тайные страдания, и вся деликатность, и внутренняя борьба, и что от восхищения и угрызений совести он придет в замешательство; но нет, это попросту напрасный труд.

— Ты знаешь, что я совсем без сил, — сказал Клод, — я переживаю моральный и интеллектуальный кризис, который изматывает меня, кроме тебя у меня нет другой поддержки, и ты выбрала именно этот момент.

— Ты несправедлив, Клод, — едва слышно произнесла она. Рыдания ее усилились; некая сила завладела ею так неистово, что достоинство, стыд стали лишь пустыми словами, и можно было говорить что попало. — Я слишком любила тебя, Клод, — продолжала она, — именно потому, что я слишком любила тебя, мне хотелось от тебя освободиться. — Она закрыла лицо руками. Это странное признание призывало к ней Клода, пускай он обнимет ее, пусть все будет забыто: она

никогда больше не станет жаловаться.

Элизабет подняла голову: он стоял, прислонившись к стене, уголки его губ нервно подрагивали.

— Скажи мне что-нибудь, — попросила она. Он с мрачным видом смотрел на диван. Нетрудно было догадаться, что он там видел. Ей не следовало приводить его сюда, картины были чересчур осязаемы.

— Перестань, наконец, плакать, — сказал он. — Если ты устроила себе такую забаву, значит, тебя это устраивало.

Элизабет задохнулась от гнева; ей показалось, что ее ударили в грудь кулаком. Она физически не могла выносить грубости.

— Я запрещаю тебе говорить со мной в таком тоне, — резко сказала она.

— Я буду говорить об этом в том тоне, какой мне нравится, — заявил Клод, повысив голос. — Я нахожу потрясающим то, что теперь ты надумала изображать из себя жертву.

— Не кричи, — сказала Элизабет. Она дрожала, ей казалось, она слышит своего деда, когда вены у него на лбу набухали и становились фиолетовыми. — Я не желаю выносить твой крик.

Клод ударил ногой по камину.

— Тебе хотелось бы, чтобы я держал тебя за руки? — спросил он.

— Не кричи, — приглушенным голосом повторила Элизабет; ее зубы начали стучать, близился нервный кризис.

— Я не кричу, я ухожу, — заявил Клод. Прежде чем она успела что-то сказать, он уже вышел. Она бросилась на лестничную площадку.

— Клод, — позвала она, — Клод.

Он не повернул головы, она увидела, как он исчез, входная дверь хлопнула. Она вернулась в мастерскую и стала раздеваться. Она больше не дрожала. Голова ее разбухла от воды и тьмы, сделалась огромной и до того тяжелой, что повлекла ее к кровати: сон, или смерть, или безумие, бездонная пучина, в которую ей предстоит погрузиться навсегда. Она рухнула на кровать.

Когда Элизабет открыла глаза, комнату заливал свет; во рту у нее ощущался соленый привкус; она не шелохнулась. В ее воспаленных веках, в слабом биении в висках прорывалось страдание, но еще притупленное лихорадкой и сном. Если бы ей снова удалось заснуть до завтра, ничего не решать, не думать. Сколько времени она может оставаться в таком милосердном оцепенении? Притвориться мертвой, лечь на спину; но да-

же для того, чтобы сомкнуть веки и ничего не видеть, требовалось усилие; она плотнее завернулась в теплые простыни и снова соскользнула в забвение, когда раздался звонок.

Она вскочила с постели, сердце ее бешено заколотилось. Неужели это Клод? Что она ему скажет? Она бросила взгляд в зеркало, вид у нее был не слишком изможденный, но не было времени выбирать поведение. На мгновение у нее появилось желание не открывать. Он подумает, что она умерла или исчезла, он испугается; она прислушалась. Дыхания по ту сторону двери не было слышно. Возможно, он уже медленно повернул назад; он спускался по лестнице, она останется одна, пробудившаяся и одна. Она бросилась к двери и открыла ее. Это был Гимьо.

— Я помешал, — с улыбкой сказал он.

— Нет, входите, — отвечала Элизабет. Она с каким-то ужасом взглянула на него. — Который теперь час?

— Думаю, полдень, вы спали?

— Да, — сказала Элизабет, набросив одеяла. Она похлопала по кровати. Несмотря ни на что, лучше, чтобы здесь кто-нибудь был. — Дайте мне сигарету, — сказала она, — и присаживайтесь.

Он раздражал ее, разгуливая, словно кот, среди

мебели. Он любил играть своим телом; походка его была скользящей и мягкой, движения грациозными, и он этим злоупотреблял.

— Я мимоходом, я не хочу вам мешать, — сказал он. Своей улыбкой он тоже злоупотреблял, тонкая улыбка сужала ему глаза. — Жаль, что вчера вечером вы не смогли прийти. Мы пили шампанское до пяти часов утра. Мои друзья говорили, что я произвел большое впечатление. Что думает господин Лабрус?

— Что это было очень хорошо, — сказала Элизабет.

— Похоже, со мной хотел бы познакомиться Розланд. Он нашел мою голову весьма интересной. Скоро он будет ставить новую пьесу.

— Вы полагаете, он претендует на вашу голову? — спросила Элизабет. Розланд не скрывал своих нравов.

Одну за другой Гимьо погладил свои влажные губы. Его губы, его глаза текучей голубизны, все его лицо напоминало промокшую весну.

— Разве моя голова неинтересна? — кокетливо спросил он. Педик вкупе с альфонсом, вот что такое Гимьо.

— Нет ли чего поесть здесь?

— Посмотрите на кухне, — сказала Элизабет.

«Ужин, кров и остальное», — сурово подумала она. Его визиты всегда ему что-то приносили: еду, галстук, немного денег, которые он брал взаймы и никогда не отдавал. Сегодня это не вызывало у нее улыбки.

— Хотите яйца всмятку? — крикнул Гимьо.

— Нет, я ничего не хочу, — ответила она. Из кухни доносились шум воды, звон кастрюлек и посуды. У нее даже не хватило духу выставить его за дверь; когда он уйдет, придется думать.

— Я нашел немного вина, — сказал Гимьо; на угол стола он поставил тарелку, стакан, прибор. — Хлеба нет, но я сварю яйца в мешочек; можно ведь есть яйца в мешочек без хлеба?

Сев за стол, он стал болтать ногами.

— Друзья сказали, жаль, что у меня такая маленькая роль, вы не думаете, что господин Лабрус мог бы поручить мне дублировать кого-то?

— Я говорила об этом Франсуазе Микель, — сказала Элизабет. У ее сигареты был горький вкус, а голова мучительно болела. Это походило на похмелье.

— Что ответила мадемуазель Микель?

— Что надо подумать.

— Люди всегда говорят, что надо подумать, произнес Гимьо с нравоучительным видом. —

Жизнь трудная штука. — Он бросился к двери на кухню. — Мне кажется, я слышу, как запела вода.

Он бегал за мной, потому что я сестра Лабруса, подумала Элизабет; это была не новость, за последние десять дней она прекрасно все поняла; но теперь она назвала вещи своими словами и добавила: мне это совершенно безразлично. Она с неприязнью смотрела, как он ставил на стол кастрюльку и аккуратно разбивал яйцо.

— Вчера вечером одна полная дама, немного староватая и очень шикарная, хотела отвезти меня домой в машине.

— Блондинка с кучей пряжечек? — спросила Элизабет.

— Да. Я не захотел из-за друзей. Кажется, она знакома с Лабрусом.

— Это наша тетя, — сказала Элизабет. — Где вы ужинали с вашими друзьями?

— В «Топси», а потом потащились на Монпарнас. За стойкой в «Доме» мы встретили молодого заведующего постановочной частью, он был вдрызг пьян.

— Жербер? С кем он был?

— Там были Тедеско, малютка Канзетти, Сазела и еще другой. Думаю, что Канзетти потом пошла с Тедеско. — Он разбил второе яйцо. — А что,

молодой заведующий интересуется мужчинами?

— Насколько я знаю, нет, — ответила Элизабет. — Если он делал вам авансы, то потому что был пьян.

— Он не делал мне авансов, — с возмущением сказал Гимьо. — Это мои друзья нашли его таким красивым. — Он улыбнулся Элизабет с внезапной задушевностью. — Почему ты не ешь?

— Я не голодна, — ответила Элизабет. Так не могло долго продолжаться, скоро она начнет страдать, она это чувствовала.

— Как красива эта одежда, — сказал Гимьо, касаясь женственной рукой шелка пижамы; рука потихоньку становилась настойчивой.

— Нет, оставь, — устало сказала Элизабет.

— Почему? Тебе больше не нравится? — спросил Гимьо; тон предполагал гнусное сообщничество, но Элизабет перестала сопротивляться; он поцеловал ее в затылок, за ухом; смешные поцелуйчики, можно было подумать, что он щиплет траву. И все-таки это отдаляло момент, когда придется думать.

— Как ты холодна, — с неким недоверием сказал он. Рука скользнула под ткань, и, полузакрыв глаза, он следил за ней; уступив свои губы, Элизабет закрыла глаза, она не могла вынести этот

взгляд, взгляд профессионала, искусные пальцы, покрывавшие ее тело дождем воздушных ласк; она вдруг почувствовала, что это пальцы знатока, сведущего в умении, столь же определенном, как умение парикмахера, массажиста, дантиста. Гимьо добросовестно выполнял свою работу самца, как могла она согласиться с такой насмешливой услужливостью?

Она попыталась высвободиться; однако все в ней было таким тяжелым и таким вялым, что, не успев выпрямиться, она почувствовала на себе обнаженное тело Гимьо. Такая непринужденность в умении раздеться тоже составляла часть ремесла. Это плавное, нежное тело слишком легко сливалось с ее телом. Тяжелые поцелуи, жесткие объятия Клода… она приоткрыла глаза. Наслаждение сморщило губы Гимьо и сделало его глаза косыми; теперь он с жадностью рвача думал лишь о себе. Она снова закрыла глаза; ее терзало жгучее унижение. Ей не терпелось, чтобы это кончилось.

Гимьо ласково прижался щекой к плечу Элизабет. Она откинула голову на подушку. Но она знала, что больше не заснет. Теперь все, помощи ждать нечего; нельзя избежать страдания.

## Глава V

— Три кофе в чашке, — сказал Пьер.

— Вы упрямец, — сказал Жербер. — Как-то мы с Вюйменом смерили: стакан вмещает столько же.

— После еды кофе следует пить из чашки, — заявил Пьер непререкаемым тоном.

— Он уверяет, что вкус другой, — заметила Франсуаза.

— Опасный мечтатель! — сказал Жербер. На мгновение он задумался. — С вами можно согласиться, что в чашках кофе остывает не так быстро.

— А почему он должен остывать не так быстро? — спросила Франсуаза.

— Поверхность испарения меньше, — с апломбом заявил Пьер.

— Тут вы ошибаетесь, — сказал Жербер. — Дело в том, что фарфор лучше сохраняет тепло.

Они радовались, когда обсуждали физическое явление. Обычно это был некий целиком выдуманный факт.

— Он остывает точно так же, — заметила Франсуаза.

— Вы слышите? — сказал Пьер.

Жербер демонстративно приложил палец к губам; Пьер с понимающим видом кивнул; то была их привычная мимика, дабы подчеркнуть их вызывающее сообщничество; однако сегодня их жестам недоставало убежденности. Обед тянулся невесело; Жербер выглядел угасшим; они долго обсуждали итальянские требования: чтобы беседа увязала в таких общих положениях, было большой редкостью.

— Вы читали утром статью Суде? — спросила Франсуаза. — Он ничего в этом не понимает, утверждает, что переводить текст полностью — значит искажать его.

— Старые маразматики, — сказал Жербер. — Они не решаются признаться, что им досаждает Шекспир.

— Это не имеет значения, — сказала Франсуаза. — О нас пишут, и это главное.

— Пять вызовов вчера вечером, я сосчитал, — заметил Жербер.

— Я довольна, — сказала Франсуаза. — Я была уверена, что можно тронуть людей, не соглашаясь ни на какие уступки. — Она весело обратилась к Пьеру: — Теперь совершенно очевидно, что ты не только кабинетный экспериментатор, сектантский эстетик. Коридорный в отеле сказал

мне, что он плакал, когда тебя убивали.

— Я всегда думал, что он поэт, — отозвался Пьер. Он слегка смущенно улыбнулся; воодушевление Франсуазы поубавилось. Выйдя четырьмя днями ранее после генеральной репетиции, Пьер был радостно возбужден, они вместе с Ксавьер провели восторженную ночь! Но уже на следующий день это чувство триумфа его покинуло. Таков уж он был: неудача бывала для него мучительна, однако успех всегда казался ему лишь незначительным этапом к более трудным задачам, которые он сразу же себе ставил. Он никогда не поддавался слабостям тщеславия, но и светлой радости от хорошо проделанной работы тоже не знал. Он спросил Жербера: — Что говорят в окружении Пеклара?

— О! Вы совсем не в нужной струе, — отвечал Жербер. — Они придерживаются линии возвращения человека и прочей ерунды. Тем не менее им бы очень хотелось знать, что на самом деле у вас за душой.

Франсуаза была уверена, что не ошибается; в сердечности Жербера сквозило что-то нарочитое.

— Они с нетерпением будут ждать, когда в следующем году ты поставишь свою пьесу, — сказала

Франсуаза и весело добавила: — А теперь, после успеха «Юлия Цезаря», можно не сомневаться, что публика поймет тебя; ничего не скажешь, это замечательно.

— Будет хорошо, если в то же время вы опубликуете свою книгу, — сказал Жербер.

— Ты станешь не только общепризнанным, ты будешь знаменитым, — добавила Франсуаза.

— Если ничего не случится, — улыбнувшись, сказал Пьер.

— Ты же не думаешь, что мы будем сражаться за Джибути? — спросила она.

Пьер пожал плечами.

— Думаю, что мы чересчур рано обрадовались во время Мюнхена; много чего может произойти до будущего года.

Наступило короткое молчание.

— Покажите вашу пьесу в марте, — предложил Жербер.

— Неудачное время, — заметила Франсуаза, — к тому же она будет не совсем готова.

— Вопрос не в том, чтобы любой ценой поставить мою пьесу, — возразил Пьер, — важнее знать, в какой мере сохранится вообще смысл ставить пьесы.

Франсуаза взглянула на него с тревогой; неделю

назад, когда в «Поль Нор» в разговоре с Ксавьер он сравнил себя с упрямым насекомым, ей хотелось видеть в этом лишь причуду; но, похоже, у него зародилось настоящее беспокойство.

— В сентябре ты говорил мне, что, даже если разразится война, надо будет продолжать жить.

— Безусловно, но каким образом? — С уклончивым видом Пьер рассматривал свои пальцы. — Писать, ставить пьесы — это же все-таки не самоцель.

Он действительно был в растерянности, и Франсуаза чуть ли не рассердилась на него. Ей необходимо было иметь возможность спокойно верить в него.

— Если так, то что же самоцель? — спросила она.

— Именно поэтому все не так просто, — ответил Пьер. На лице его появилось туманное и едва ли не тупое выражение. Такое лицо у него бывало по утрам, когда с покрасневшими от сна глазами он отчаянно искал по комнате свои носки.

— Половина третьего, я уношу ноги, — сказал Жербер.

Обычно он никогда не уходил первым; он ничем так не дорожил, как минутами, проведенными с Пьером.

— Ксавьер опять опаздывает, — сказала Франсуаза. — Это досадно. Тетя желает, чтобы мы пришли к портвейну, ровно в три часа.

— Ксавьер там умрет от скуки, — заметил Пьер. — Надо было встретиться с ней после.

— Ей хочется посмотреть, что такое вернисаж, — сказала Франсуаза. — Не знаю, что она себе воображает.

— Наверняка вы будете смеяться! — заметил Жербер.

— Это протеже тети, — сказала Франсуаза. — Уклониться нет никакой возможности. Я уже пропустила последний коктейль, похоже, это было не очень красиво с моей стороны.

Жербер встал, кивнув Пьеру:

— До вечера.

— До скорого, — с жаром сказала Франсуаза. Она смотрела, как он идет в своем огромном, доходившем ему до пят пальто, старом пальто Пеклара. — Что-то, пожалуй, у нас сегодня не задалось.

— Он очарователен, но нам мало что есть сказать друг другу, — заметил Пьер.

— Так бывает не всегда, он показался мне каким-то мрачным. Может, это из-за того, что в пятницу вечером мы его бросили, хотя было

вполне допустимо, что мы хотим сразу пойти спать, ведь мы были так измотаны.

— Если только нас никто не встретил, — возразил Пьер.

— Мы бросились в «Поль Нор», а оттуда вскочили в такси; разве что Элизабет… Но я ее предупредила. — Франсуаза провела рукой по затылку, пригладив волосы. — Это было бы досадно, — сказала она. — Не столько сам факт, но обман, это его страшно обидело бы.

Со времен отрочества у Жербера сохранилась несколько подозрительная чувствительность; более всего он опасался показаться навязчивым. Пьер был единственным человеком в мире, который действительно был для него важен в жизни; он охотно мирился с тем, чтобы по отношению к нему брались какие-то обязательства, но при одном условии: чувствовать, что Пьер занимается им не только в силу долга.

— Нет, это маловероятно, — сказал Пьер, — впрочем, еще вчера вечером он был весел и дружелюбен.

— Возможно, у него неприятности, — сказала Франсуаза. Ее огорчило, что Жербер был печален, а она ничего не могла для него сделать; ей доставляло удовольствие знать, что он счастлив; ее

восхищала та ровная и приятная жизнь, которую он вел. Работал он успешно и со вкусом, у него было несколько товарищей, различные таланты которых его очаровывали: Молье так хорошо играл на банджо, Барисон безупречно говорил на жаргоне, Кастье без труда выдерживал шесть порций перно; по вечерам в монпарнасских кафе он зачастую упражнялся с ними, пытаясь сопротивляться перно: с банджо он справлялся лучше. Остальное время он охотно проводил в одиночестве: ходил в кино, читал, бродил по Парижу, лелея скромные, но упрямые мечты.

— Почему эта девушка не идет? — спросил Пьер.

— Возможно, она еще спит, — ответила Франсуаза.

— Да нет, вчера вечером, когда заходила ко мне в кабинет, она точно сказала, что велит разбудить себя, — сказал Пьер. — Может, она заболела, но в таком случае позвонила бы.

— Ну нет, у нее жуткий ужас перед телефоном, ей это представляется зловредным орудием. Я скорее думаю, что она забыла о времени.

— О времени она всегда забывает злонамеренно, — заметил Пьер, — но я не понимаю, почему у нее вдруг могло перемениться настроение.

— Такое случается без всякой причины.

— Причины всегда есть, — с некоторым раздражением сказал Пьер. — Тебе случается не доискиваться их глубоко, скорее так. — Тон его был неприятен Франсуазе, меж тем она была не виновата.

— Поедем за ней, — предложил Пьер.

— Она сочтет это бестактным, — сказала Франсуаза. Возможно, к Ксавьер она относилась как к механическому устройству, но, по крайней мере, с хрупкими пружинами она старалась обращаться бережно. Было крайне неприятно огорчать тетю Кристину, с другой стороны, и Ксавьер не понравится, если они придут досаждать ей в ее комнату.

— Но это ведь она поступает невежливо, — заметил Пьер.

Франсуаза встала. В конце концов, вполне возможно, что Ксавьер заболела. После ее объяснения с Пьером неделю назад у нее ни разу не наблюдалось внезапной перемены настроения; ночь, которую они все трое провели вместе в последнюю пятницу, была безоблачно радостна.

Отель находился рядом, и они оказались там мгновенно. Три часа; нельзя было терять ни минуты. Франсуаза уже поднималась по лестнице,

когда ее окликнула хозяйка.

— Мадемуазель Микель, вы идете к мадемуазель Пажес?

— Да, а в чем дело? — несколько надменно спросила Франсуаза; эта ноющая старуха была не слишком обременительна, но зачастую отличалась неуместным любопытством.

— Мне хотелось бы сказать вам несколько слов о ней. — Старуха в нерешительности остановилась на пороге маленькой гостиной, но Франсуаза за ней не последовала. — Мадемуазель Пажес только что жаловалась, что ее умывальник засорился, я заметила ей, что она бросает туда ватные тампоны, сливает грязную воду и чай. В ее комнате беспорядок, по всем углам валяются окурки и косточки от плодов, и покрывало на кровати прожжено со всех сторон, — добавила она.

— Если вы недовольны мадемуазель Пажес, обратитесь к ней, — сказала Франсуаза.

— Я так и сделала, — сказала хозяйка. — А она мне заявила, что не останется здесь ни одного дня. Я думаю, она собирает вещи. Поймите, я не испытываю трудностей со сдачей комнат, у меня каждый день на них спрос, и я с радостью рассталась бы с такой съемщицей; вы не представляете, во сколько мне обходится электричество, которое

она оставляет включенным на всю ночь. — И она добавила с благодушным видом: — Вот только раз это ваша подруга, мне не хотелось бы создавать ей затруднений; я хотела сказать вам, если она передумает, то я не буду возражать.

С тех пор как Франсуаза здесь поселилась, к ней относились с совершенно особым вниманием. Она одаривала славную женщину бесплатными билетами, и та была довольна; а главное, Франсуаза аккуратно вносила арендную плату.

— Я скажу ей, — ответила Франсуаза. — Спасибо. — Она решительно стала подниматься по лестнице.

— Нечего этой жабе докучать нам, — сказал Пьер. — На Монпарнасе есть другие отели.

— Мне хорошо в этом, — возразила Франсуаза. Отель был хорошо расположен, и в нем было тепло; Франсуазе нравилось его пестрое население и скверные обои в цветочек.

— Стучим? — с некоторым сомнением спросила Франсуаза.

Пьер постучал; дверь отворилась с неожиданной быстротой, и появилась Ксавьер, растрепанная, раскрасневшаяся. Она засучила рукава блузки, юбка ее была вся в пыли.

— А-а, это вы! — сказала она с таким видом,

будто с неба свалилась.

Бесполезно было предвидеть прием Ксавьер, ошибка была неизбежна.

Франсуаза с Пьером остановились как вкопанные.

— Что вы такое делаете? — спросил Пьер.

Ксавьер задыхалась.

— Я переезжаю, — заявила она трагическим тоном.

Картина была ошеломляющей. Франсуаза смутно вспомнила о тете Кристине, которая, верно, уже начинала злиться, но все казалось ничтожным по сравнению с бедствием, опустошавшим комнату, и лицом Ксавьер. Три раскрытых чемодана стояли посреди; шкафы выбросили на пол груды помятой одежды, бумаги, предметы туалета.

— И вы рассчитываете быстро с этим покончить? — спросил Пьер, строго взирая на разоренное жилище.

— Мне никогда с этим не справиться! — молвила Ксавьер, сжимая пальцами виски; она упала в кресло. — Эта ведьма…

— Я только что с ней разговаривала, — сказала Франсуаза. — Она позволяет вам остаться на эту ночь, если вас это устроит.

— Ах! — воскликнула Ксавьер, в глазах ее вспыхнула надежда, но тут же погасла. — Я должна уйти немедленно.

Франсуазе стало ее жалко.

— Но вы не найдете комнату в тот же вечер.

— Ах, конечно нет! — согласилась Ксавьер. Опустив голову, она какое-то время находилась в прострации; как заговоренные, Франсуаза и Пьер, не шевелясь, созерцали золотистый затылок.

— Тогда оставьте все это, — внезапно опомнившись, предложила Франсуаза. — Завтра поищем вместе.

— Оставить это? — удивилась Ксавьер. — Но я и часа не смогу прожить в таком разгроме.

— Вечером мы вместе все уложим, — сказала Франсуаза. Ксавьер взглянула на нее с жалобной благодарностью. — Послушайте, вы оденетесь и будете ждать нас в «Доме». Мы сбегаем на вернисаж и через полтора часа вернемся.

— Ах! Мне так хотелось туда пойти! Я буду готова через десять минут, только проведу щеткой по волосам.

— Тетя уже злится, — заметила Франсуаза.

Пьер пожал плечами.

— В любом случае портвейн пропущен, — сердито сказал он. — Теперь уже не стоит приходить

туда раньше пяти часов.

— Как хочешь, — сказала Франсуаза. — Но достанется опять мне.

— В конце концов, тебе на это наплевать, — заметил Пьер.

— Вы задобрите ее улыбками, — сказала Ксавьер.

— Хорошо, — согласилась Франсуаза. — Ты придумаешь для нас оправдание.

— Попытаюсь, — проворчал Пьер.

— Тогда мы ждем вас у меня в комнате, — сказала Франсуаза.

Они поднялись по лестнице.

— Потеряно полдня, — заметил Пьер. — После выставки у нас уже не будет времени куда-нибудь пойти.

— Я говорила тебе, что она неуживчива. — Франсуаза подошла к зеркалу: с такой высокой прической трудно было держать в порядке затылок. — Только бы она не упорствовала с переездом.

— Тебе необязательно следовать за ней, — заметил Пьер.

Он выглядел раздосадованным; с Франсуазой он всегда был таким ласковым, и она почти забыла, что характер у него неважный, хотя в театре

его гневные вспышки были всем известны. Если он воспринял случившееся как личное оскорбление, весь вечер будет кислым.

— Ты прекрасно знаешь, что я это сделаю; она не будет настаивать, но впадет в мрачное отчаяние.

Франсуаза обвела взглядом комнату.

— Мой добрый отельчик. К счастью, надо учитывать ее слабоволие.

Пьер подошел к сложенным на столе рукописям.

— Знаешь, я думаю придержать рукопись «Господин Ветер», — сказал он. — Этот тип меня интересует, ему надо поспособствовать. В ближайший вечер я приглашу его на ужин, чтобы ты составила себе о нем понятие.

— Мне тоже надо передать тебе «Гиацинт», — откликнулась Франсуаза. — Тут, кажется, есть что-то обнадеживающее.

— Покажи. — Пьер начал читать рукопись, а Франсуаза положила голову на его плечо, чтобы читать вместе с ним. Настроение у нее было не слишком хорошее. Будь она только с Пьером, то быстро отделалась бы от этого вернисажа, но с Ксавьер все сразу осложнялось: казалось, будто идешь по жизни с килограммами глины на подошвах. Пьеру не надо было соглашаться ждать

ее; он тоже, казалось, встал не с той ноги. Прошло около получаса, прежде чем Ксавьер постучала. Они быстро спустились по лестнице.

— Куда вы хотите пойти? — спросила Франсуаза.

— Мне все равно, — ответила Ксавьер.

— На час, который у нас есть, зайдем в «Дом», — предложил Пьер.

— Как холодно, — сказала Ксавьер, закрывая платком лицо.

— Это в двух шагах, — успокоила ее Франсуаза.

— У нас разные представления о расстояниях, — заметила Ксавьер, ее лицо сморщилось.

— И о времени, — сухо добавил Пьер.

Франсуаза начинала хорошо разбираться в Ксавьер; Ксавьер сознавала свою вину, она думала, что на нее сердятся, и старалась противостоять. К тому же эта попытка переезда измучила ее. Франсуаза хотела взять ее за руку: в пятницу ночью они все время ходили рука об руку и в ногу.

— Нет, — сказала Ксавьер, — по отдельности мы пойдем быстрее.

Лицо Пьера помрачнело еще больше; Франсуаза опасалась, как бы он действительно не рассердился.

Они сели в глубине кафе.

— Знаете, ничего интересного на этом вернисаже не будет, — сказала Франсуаза, — у подопечных тетушки никогда не бывает и тени таланта, у нее верная рука.

— Мне на это наплевать, — сказала Ксавьер, — меня интересует церемония; живопись всегда наводит на меня скуку.

— Это потому, что вы никогда ее не видели, — сказала Франсуаза. — Если вы пойдете со мной на выставки или даже в Лувр…

— Это ничего не изменит, — заявила Ксавьер. Она поморщилась. — Картина — это строго, это так плоско.

— Если бы вы немного познакомились с этим, то, я уверена, вам бы понравилось, — настаивала Франсуаза.

— То есть я пойму, почему это должно мне нравиться, — возразила Ксавьер, — Нет, я никогда этим не удовольствуюсь; в тот день, когда я ничего не буду чувствовать, я не стану искать причин для чувствования.

— То, что вы называете чувствовать, по сути есть манера понимать, — сказала Франсуаза. — Вы же любите музыку!..

Ксавьер резко прервала ее:

— Знаете, когда говорят о хорошей или о плохой

музыке, это не укладывается у меня в голове, — заявила она с агрессивной скромностью. — Я совсем ничего не понимаю, я люблю ноты сами по себе: только звук, этого мне довольно. — Она посмотрела в глаза Франсуазе. — Радости разума — меня это пугает.

Когда Ксавьер упорствовала, спорить было бесполезно. Франсуаза с упреком взглянула на Пьера — ведь это он хотел, чтобы они дождались Ксавьер, мог бы, по крайней мере, поучаствовать в разговоре, а не прикрываться язвительной улыбкой.

— Предупреждаю вас, что в церемонии, как вы говорите, нет ничего забавного, — сказала Франсуаза. — Только люди, которые говорят друг другу любезности.

— Ах! Это же всегда много людей, движение, — сказала Ксавьер страстно-требовательным тоном.

— Вам сейчас хочется развлечений?

— Еще бы! — воскликнула Ксавьер.

Ее глаза загорелись неистовым блеском.

— С утра до вечера быть запертой в этой комнате, да я с ума сойду. Я не могу больше этого выносить, вы не можете себе представить, как я буду счастлива ее покинуть.

— Кто вам мешает выходить? — спросил Пьер.

— Вы говорите, что когда танцуют женщины с женщинами — это неинтересно; но Беграмян или Жербер охотно присоединились бы к вам, они очень хорошо танцуют, — сказала Франсуаза.

Ксавьер покачала головой.

— Если решают веселиться по команде, это всегда выглядит жалко.

— Вы хотите, чтобы все вам падало с неба, как манна, — заметила Франсуаза, — вы пальцем не желаете пошевелить, а потом сваливаете вину на мир. Так что…

— Должны же быть, — мечтательно произнесла Ксавьер, — теплые страны: Греция, Сицилия. Наверняка там не надо прилагать никаких усилий. — Она нахмурилась. — А здесь надо хвататься двумя руками, и ради чего?

— И там тоже, — заметила Франсуаза.

Глаза Ксавьер заблестели.

— Где остров, весь красный, окруженный кипящей водой? — воодушевившись, спросила она.

— Санторини, это в Греции, — ответила Франсуаза. — Но я вам говорила не совсем то. Красные там только прибрежные скалы. А море кипит лишь между двумя черными островками, плевками вулкана. О! — с жаром воскликнула она. — Я

помню озеро серной воды между лавой; его, совсем желтое, окаймлял язык черной, как антрацит, земли, и сразу за этой черной полосой виднелось ослепительной голубизны море.

Ксавьер смотрела на нее со жгучим вниманием.

— Как подумаю обо всем, что вы видели, — с явным упреком в голосе сказала она.

— Вы полагаете, что это незаслуженно, — заметил Пьер.

Смерив его взглядом, Ксавьер показала на грязные кожаные банкетки, на сомнительной чистоты столы.

— И подумать, что после такого вы можете приходить и сидеть здесь.

— А что хорошего истязать себя сожалениями? — спросила Франсуаза.

— Разумеется, вы не желаете ни о чем сожалеть, — сказала Ксавьер. — Вы так хотите быть счастливой.

Она устремила взгляд куда-то вдаль.

— Я родилась несмирившейся.

Франсуаза была задета за живое. Значит, это упорное стремление к счастью, казавшееся ей столь непреложной очевидностью, могли с презрением отвергнуть? Справедливо или нет, но

она уже не рассматривала слова Ксавьер как прихоть; в этом крылась целая система ценностей, противоречившая ее собственной; Франсуаза сколько угодно могла не признавать ее, смущало то, что она существовала.

— Это вовсе не смирение, — с живостью возразила она. — Мы любим Париж, его улицы, его кафе.

— Как можно любить гнусные места, мерзкие вещи и всех этих гадких людей? — Голос Ксавьер с отвращением подчеркивал эпитеты.

— Дело в том, что нас интересует весь мир целиком, — возразила Франсуаза. — Вы юная эстетка, вам требуется красота исключительно в чистом виде, но это весьма ограниченная точка зрения.

— А нужно, чтобы меня интересовало это блюдце под предлогом того, что оно присоединяется к существованию? — Ксавьер сердито посмотрела на блюдце. — Довольно уже и того, что оно здесь. — И добавила с нарочитым простодушием: — Мне казалось, что быть артистом — значит любить красивые вещи.

— Все зависит от того, что называть красивыми вещами, — заметил Пьер.

Ксавьер в упор посмотрела на него.

— Вот как, вы слушаете, — с изумлением мягко

произнесла она, — а я думала, что вы погружены в глубокие мысли.

— Я внимательно слушаю, — сказал Пьер.

— Настроение у вас неважное, — с улыбкой заметила Ксавьер.

— Я в отличном настроении, — возразил Пьер. — Я нахожу, что мы восхитительно проводим время. Мы собираемся на вернисаж, а выйдя оттуда, едва успеем проглотить сэндвич. Просто замечательно.

— Вы считаете, что это по моей вине? — спросила Ксавьер, обнажив зубы.

— Не думаю, что по моей, — ответил Пьер.

«Это определенно для того, чтобы проявить жесткость в отношении Ксавьер, он настаивал на встрече с ней пораньше. Мог бы немного подумать и обо мне», — с обидой говорила себе Франсуаза; ситуация была для нее неприятной.

— Это верно, — с еще более явной усмешкой сказала Ксавьер, — в кои-то веки у вас выдалась свободная минутка, какое несчастье — потратить ее впустую.

Упрек удивил Франсуазу. Неужели она и на этот раз плохо разобралась в Ксавьер? С пятницы прошло всего четыре дня, и накануне в театре Пьер весьма любезно поприветствовал Ксавьер.

Чтобы счесть себя обделенной вниманием, надо было уж очень дорожить им.

Ксавьер повернулась к Франсуазе.

— Я совсем иначе представляла себе жизнь писателей и артистов, — сказала она светским тоном. — Я не думала, что это определяется вот так, по звонку.

— Вам хотелось бы, чтобы они пробирались сквозь бурю с распущенными волосами. — Под насмешливым взглядом Пьера Франсуаза чувствовала, что становится просто глупой.

— Нет. У Бодлера не было распущенных волос, — ответила Ксавьер. Она продолжала строгим голосом: — Вообще, за исключением его и Рембо, художники — это все равно что чиновники.

— Потому что мы, как правило, работаем с раннего утра? — спросила Франсуаза.

Ксавьер мило улыбнулась.

— И еще считаете часы своего сна, два раза в день принимаете пищу, наносите визиты. Вы никогда не ходите гулять друг без друга. Безусловно, иначе это быть не может…

— И вас это приводит в отчаяние? — с натянутой улыбкой спросила Франсуаза. Ксавьер предлагала им далеко не лестный образ их са-

мих.

— Это странно, садиться каждый день за письменный стол, чтобы нанизывать фразы, — сказала Ксавьер. — Я вполне допускаю, что надо писать, — с живостью добавила она, — слова — это наслаждение. Но лишь когда есть на то желание.

— Желать можно произведения в целом и стремиться к нему, — возразила Франсуаза; отчасти ей хотелось оправдаться в глазах Ксавьер.

— Мне нравится возвышенный уровень ваших разговоров, — заметил Пьер. Его недобрая улыбка была обращена одинаково и к Франсуазе, и к Ксавьер, и это привело Франсуазу в замешательство; как он мог судить о ней со стороны, как о чужой, о ней, которая ни на шаг не могла отойти от него в сторону? Это было нечестно.

Ксавьер и глазом не моргнула.

— Это становится определенной задачей, — заметила она и снисходительно рассмеялась. — Впрочем, это ведь ваша манера ви́дения, вы все превращаете в обязанность.

— Что вы хотите сказать? — спросила Франсуаза. — Уверяю вас, я не ощущаю себя настолько связанной.

Да, она раз и навсегда объяснится с Ксавьер и

скажет ей, в свою очередь, что о ней думает; очень мило давать ей множество мелких преимуществ, но Ксавьер этим злоупотребляла.

— Взять хотя бы ваши отношения с людьми. — Ксавьер сосчитала на пальцах: — Элизабет, ваша тетя, Жербер и столько еще других. Я предпочла бы лучше жить одна в мире, сохраняя свою свободу.

— Вы не понимаете, что более или менее постоянные отношения — это не рабство, — с досадой возразила Франсуаза. — Мы добровольно пытаемся, например, не слишком огорчать Элизабет.

— Вы даете им права на вас, — с презрением сказала Ксавьер.

— Вовсе нет, — ответила Франсуаза. — С тетей это своего рода циничная сделка, поскольку она дает нам деньги. Элизабет берет то, что ей дают, а с Жербером мы встречаемся, потому что нам это нравится.

— О! Он более чем уверен, что имеет на вас права, — убежденно заявила Ксавьер.

— Никто в мире меньше, чем Жербер, не претендует на права, — спокойно заметил Пьер.

— Вы так думаете? — молвила Ксавьер. — А я знаю обратное.

— Что вы можете знать? — с интересом спро-

сила Франсуаза. — Вы и тремя словами с ним не обмолвились.

Ксавьер заколебалась.

— Это интуиция, секрет которой ведом сердцу с прирожденными задатками, — сказал Пьер.

— Ну что ж! Раз вы хотите знать, — запальчиво отвечала Ксавьер, — у него был вид оскорбленного маленького принца, когда вчера вечером я сказала ему, что в пятницу выходила вместе с вами.

— Вы ему сказали! — воскликнул Пьер.

— А ведь вам посоветовали молчать, — сказала Франсуаза.

— Ах, я об этом забыла, — беспечно ответила Ксавьер. — Я не привыкла ко всем этим хитростям.

Франсуаза обменялась с Пьером удрученным взглядом. Наверняка Ксавьер сделала это нарочно из низкой зависти. В ней нет ничего от ветреницы, и в фойе она пробыла очень короткое время.

— Вот в чем дело, — сказала Франсуаза. — Не надо было ему лгать.

— Э-э! Как можно было об этом догадаться? — сказал Пьер.

Он кусал ногти и казался очень озабоченным. Для Жербера это был удар, от которого его слепое

доверие к Пьеру, возможно, никогда не оправится. У Франсуазы перехватило горло при мысли о маленькой потерянной душе, с которой он бродил по Парижу.

— Надо что-то делать, — нервно сказала она.

— Сегодня вечером я с ним объяснюсь, — сказал Пьер, — но что объяснять? Бросить его — куда ни шло, но такая бесполезная ложь…

— Она всегда бесполезна, когда открывается, — заметила Франсуаза.

Пьер строго посмотрел на Ксавьер.

— Что вы в точности ему сказали?

— Он мне рассказывал, как в пятницу они напились с Тедеско и Канзетти и как это было забавно; я сказала, что очень сожалею, что не встретила их, поскольку мы сидели взаперти в «Поль Нор» и ничего не видели, — ворчливым тоном ответила Ксавьер.

Она проявила себя тем более неприятно, что сама настояла провести всю ночь в «Поль Нор».

— Это все, что вы ему сказали? — спросил Пьер.

— Ну конечно все, — неохотно ответила Ксавьер.

— Тогда, возможно, это еще можно уладить, — сказал Пьер, глядя на Франсуазу. — Я скажу, что

мы решительно были настроены пойти спать, но Ксавьер так огорчилась, что в последнюю минуту согласились бодрствовать.

Ксавьер скривила губы.

— Он может поверить, а может и нет, — сказала Франсуаза.

— Я сделаю так, что он поверит, — сказал Пьер, — у нас то преимущество, что до сих пор мы никогда его не обманывали.

— И то верно, ты святой Иоанн Златоуст, — сказала Франсуаза. — Ты должен попытаться увидеть его немедленно.

— А тетя? Тем хуже для тети!

— Ну нет, мы заедем к ней в шесть часов, — нервно сказала Франсуаза. — Необходимо заехать, она нам этого не простит.

Пьер встал.

— Я позвоню ему, — сказал он и ушел.

Стараясь сохранить самообладание, Франсуаза закурила сигарету; внутри она дрожала от гнева, невыносимо было представлять себе Жербера несчастным, причем несчастным по их вине.

Ксавьер молча теребила волосы.

— В конце концов, не умрет же он от этого, бедный мальчик, — с немного наигранной заносчивостью заметила она.

— Хотела бы я видеть вас на его месте, — резко ответила Франсуаза.

Ксавьер смутилась.

— Я не думала, что это так важно, — сказала она.

— Вас предупреждали, — возразила Франсуаза.

Воцарилось долгое молчание. С некоторым ужасом Франсуаза взирала на эту живую катастрофу, исподтишка вторгавшуюся в ее жизнь; это Пьер своей оценкой, своим уважением разрушил барьеры, в окружении которых держала ее Франсуаза. Теперь, когда она вышла из повиновения, куда все это приведет? Итог дня уже был похвальный: гнев владелицы отеля, наполовину пропущенный вернисаж, тревожная нервозность Пьера, ссора с Жербером. Да и самой Франсуазой овладело беспокойство, поселившееся неделю назад; быть может, именно это более всего ее пугало.

— Вы рассердились? — прошептала Ксавьер. Ее подавленный вид не смягчил Франсуазу.

— Зачем вы это сделали? — спросила она.

— Не знаю, — тихо ответила Ксавьер, понурив голову. — Вот и хорошо, — еще тише сказала она, — вы узнаете, чего я стою, и отвернетесь от меня; вот и хорошо.

— Хорошо, что я отвернусь от вас?

— Да. Я не заслуживаю, чтобы мной интересовались, — с отчаянием произнесла Ксавьер. — Теперь вы меня знаете. Я вам это говорила, я ничего не стою. Надо было оставить меня в Руане.

Все упреки, готовые слететь с губ Франсуазы, становились напрасными перед лицом столь страстных обвинений. Франсуаза умолкла. Кафе наполнялось людьми и дымом; за одним столиком сидела группа немецких беженцев, внимательно следивших за партией в шахматы; за соседним столиком какая-то сумасшедшая, почитавшая себя проституткой, сидя в одиночестве перед кофе со сливками, кокетничала с невидимым собеседником.

— Я не застал его, — сказал Пьер.

— Долго же тебя не было, — заметила Франсуаза.

— Я воспользовался возможностью немного пройтись, мне хотелось проветриться.

Он сел, закурив свою трубку, и выглядел успокоенным.

— Я пойду, — сказала Ксавьер.

— Да, пора уходить, — присоединилась к ней Франсуаза.

Никто не шелохнулся.

— Вот что мне хотелось бы знать, — начал Пьер. — Почему вы это ему сказали?

Он разглядывал Ксавьер с большим интересом, рассеявшим его гнев.

— Я не знаю, — снова сказала Ксавьер. Но Пьер так быстро не отступал.

— Да нет же, знаете, — мягко настаивал он.

Ксавьер удрученно пожала плечами.

— Я не могла удержаться.

— Что-то такое было у вас в голове, — продолжал Пьер. — Что именно? — Он улыбнулся. — Хотели доставить нам неприятность?

— О! Как вы могли подумать? — молвила она.

— Вам казалось, что этот маленький секрет давал Жерберу преимущество перед вами?

В глазах Ксавьер промелькнуло осуждение.

— Меня всегда раздражает, если приходится что-то скрывать, — призналась она.

— Значит, из-за этого? — спросил Пьер.

— Да нет. Говорю вам, это произошло само собой, — с мученическим видом ответила она.

— Вы сами говорите, что этот секрет вас раздражал, — заметил Пьер.

— Это не имеет значения, — сказала Ксавьер.

Франсуаза в нетерпении взглянула на часы; соображения Ксавьер были неважны, ее поведение

— непростительно.

— Вас смущает мысль, что мы обязаны давать отчет другому. Я понимаю: неприятно чувствовать, что люди рядом с вами несвободны, — сказал Пьер.

— Да, отчасти, — согласилась Ксавьер. — И еще…

— Что еще? — дружеским тоном спросил Пьер. Казалось, он готов был полностью поддержать Ксавьер.

— Нет, это отвратительно, — сказала Ксавьер, закрыв лицо руками. — Я отвратительна, оставьте меня.

— Да ничего тут нет отвратительного, — возразил Пьер. — Мне хотелось бы понять вас. — Он заколебался. — Это была маленькая месть за то, что Жербер не был с вами любезен в тот вечер?

Ксавьер открыла лицо: она казалась весьма удивленной.

— Но он был любезен, во всяком случае, так же, как я.

— Так, значит, это не для того, чтобы обидеть его? — спросил Пьер.

— Конечно нет. — Поколебавшись, она произнесла с таким видом, словно бросилась в воду: — Я хотела посмотреть, что из этого выйдет.

Франсуаза глядела на нее со все растущим беспокойством. Лицо Пьера отражало такое пылкое любопытство, что его можно было принять за нежность; неужели он соглашался с ревностью, извращенностью, эгоизмом, в которых едва прикрыто признавалась Ксавьер. Если бы Франсуаза обнаружила в себе зачаток подобных чувств, с какой решимостью она поборола бы их. А Пьер улыбался.

Ксавьер внезапно возмутилась:

— Зачем вы заставляете меня говорить все это? Чтобы сильнее презирать меня? Но вы не сможете презирать меня больше, чем я сама себя презираю!

— Как вы могли подумать, что я вас презираю! — сказал Пьер.

— Вы правы, если презираете меня, — продолжала Ксавьер. — Я не умею вести себя! Я всюду приношу вред. О! На мне лежит проклятие! — со страстью простонала она.

Опершись головой о банкетку, она обратила лицо к потолку, чтобы помешать литься слезам; шея ее конвульсивно вздрагивала.

— Я уверен, что эта история уладится, — настаивал Пьер. — Не отчаивайтесь.

— Дело не только в этом, — проговорила Кса-

вьер. — Тут… все. — Устремив в пустоту непримиримый взгляд, она тихо сказала: — Я сама себе противна, я в ужасе от себя.

Мало-помалу Франсуазу тронула ее интонация; чувствовалось, что слова эти не только что родились на ее губах, она исторгала их из самой глубины своей души; должно быть, во время долгих часов бессонных ночей она горестно их перемалывала.

— Вы не должны, — уговаривал ее Пьер. — Мы, кто так вас ценит…

— Не теперь, — едва слышно прошептала Ксавьер.

— Ну что вы, — возразил Пьер, — я хорошо понимаю помутнение, которое на вас нашло.

Франсуаза возмутилась; она не так уж ценила Ксавьер и не извиняла этого помутнения; Пьер не имел права говорить от ее имени. Он шел своим путем, даже не оборачиваясь в ее сторону, а потом утверждал, что она следует за ним. Какая самоуверенность. Она почувствовала, как с головы до ног превратилась в свинцовую глыбу. Размолвка оказалась для нее жестокой, однако ничто не заставит ее соскользнуть на этот призрачный склон, в конце которого неведомо какая пропасть.

— Помутнение, оцепенение, вот все, на что я способна, — сказала Ксавьер.

Лицо ее утратило краски, и под глазами появились скверные круги; она была поразительно некрасива, с покрасневшим носом и повисшими волосами, казавшимися вдруг потускневшими. Не оставалось сомнений, что она искренне взволнована; однако это было бы слишком удобно, если бы угрызения сглаживали все, подумала Франсуаза.

А Ксавьер продолжала в манере унылой жалобы:

— Когда я находилась в Руане, еще можно было найти мне извинение, но что я сделала с тех пор, как живу в Париже? — Она снова заплакала. — Я ничего больше не чувствую, я — ничто.

Казалось, она боролась с физической болью, безответной жертвой которой была.

— Это пройдет, — сказал Пьер, — доверьтесь нам, мы вам поможем.

— Мне нельзя помочь, — сказала Ксавьер в приступе детского отчаяния, — я меченая!

Ее душили рыдания; выпрямившись, с перекошенным лицом, она, не сопротивляясь, лила слезы, и перед их обезоруживающим простодушием Франсуаза почувствовала, что сердце ее

тает; ей хотелось найти какой-нибудь жест, слово, но это было нелегко, она возвращалась издалека. Наступило тягостное молчание; между пожелтевшими зеркалами утомленный день никак не решался угаснуть; игроки в шахматы не изменили своего положения; рядом с сумасшедшей сел какой-то мужчина; она казалась гораздо менее безумной теперь, когда ее собеседник обрел тело.

— Я такая трусливая, — проговорила Ксавьер. — Мне следовало бы убить себя, я давно уже должна была бы это сделать. — Лицо ее исказилось. — Я это сделаю, — с вызовом заявила она.

Пьер в растерянности сокрушенно смотрел на нее и вдруг повернулся к Франсуазе.

— Послушай! Ты видишь, в каком она состоянии! Попробуй успокоить ее, — с негодованием сказал он.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала? — спросила Франсуаза. Ее жалость сразу заледенела.

— Тебе давно уже следовало бы обнять ее и сказать ей… хоть что-то сказать ей, — закончил он.

Мысленно руки Пьера обнимали Ксавьер и убаюкивали ее, однако уважение, приличия и множество строгих запретов парализовали его; только с помощью Франсуазы он мог воплотить свое горячее сочувствие. Неподвижная,

застывшая, Франсуаза не шелохнулась. Повелительный голос Пьера лишил ее собственной воли, но всеми своими напрягшимися мышцами она противилась постороннему беспокойному вмешательству. Пьер тоже застыл неподвижно, целиком охваченный бесполезной нежностью. Какое-то время агония Ксавьер продолжалась в молчании.

— Успокойтесь, — ласково заговорил Пьер. — Доверьтесь нам. До сих пор вы жили наугад, но жизнь — это целое мероприятие. Мы будем вместе обдумывать ее и строить планы.

— Не надо никаких планов, — мрачно возразила Ксавьер. — Мне остается лишь вернуться в Руан, это лучше всего.

— Вернуться в Руан! Это было бы действительно неумно, — отозвался Пьер. — Вы же прекрасно видите, что мы на вас не сердимся.

Он бросил нетерпеливый взгляд на Франсуазу.

— Скажи ей, по крайней мере, что ты на нее не сердишься.

— Конечно, я на вас не сержусь, — ровным голосом произнесла Франсуаза.

А на кого она сердилась? Она испытывала болезненное чувство, будто ее против воли рвут на части. Было уже шесть часов, но о том, чтобы

уйти, и речи быть не могло.

— Не воспринимайте все так трагически, — сказал Пьер, — поговорим спокойно.

Было в нем нечто внушающее доверие, такое основательное, что Ксавьер немного успокоилась. Она смотрела на него с какой-то покорностью.

— Чего вам больше всего недостает, — сказал Пьер, — так это какого-нибудь дела.

Ксавьер обескураженно махнула рукой.

— Речь идет не о занятии, чтобы заполнить время; я прекрасно понимаю, что вы слишком требовательны, чтобы удовлетвориться замаскированной пустотой, вы не можете попросту развлекаться. Нужно нечто такое, что по-настоящему придаст смысл вашему существованию.

Без особого удовольствия Франсуаза на лету поймала критику Пьера; она никогда не предлагала Ксавьер ничего, кроме развлечений, она действительно не воспринимала ее серьезно, и теперь через ее голову Пьер искал согласия с Ксавьер.

— Но говорю вам, я ни на что не гожусь, — возразила Ксавьер.

— Но вы ничего и не пытались сделать, — улыбнувшись, заметил Пьер. — У меня есть одна идея.

— Какая? — с любопытством спросила она.

— Почему бы вам не заняться театром?

Ксавьер изумленно раскрыла глаза.

— Театром?

— А почему нет? У вас превосходные физические данные, глубоко осмысленное поведение и игра лица. Это не позволяет утверждать, что у вас есть талант, но все дает возможность на это надеяться.

— Я никогда не смогу, — сказала Ксавьер.

— Вас это не привлекает?

— Напротив, — отвечала Ксавьер, — но это ни к чему не ведет.

— У вас есть восприимчивость и сообразительность, которые не всем даны, — сказал Пьер. — Это большие преимущества. — Он серьезно посмотрел на нее. — Ну что ж! Надо работать, вы будете посещать занятия; два урока я веду сам, а Баен и Рамбер оба на редкость любезны.

В глазах Ксавьер мелькнул проблеск надежды.

— Мне никогда не суметь, — молвила она.

— Чтобы вы освоились, я буду давать вам персональные уроки. Клянусь, если у вас есть хоть капля таланта, я заставлю вас его извлечь.

Ксавьер покачала головой.

— Это прекрасная мечта, — сказала она.

Франсуаза сделала над собой усилие; возмож-

но, Ксавьер действительно одарена, и в любом случае хорошо будет, если ее удастся чем-нибудь заинтересовать.

— То же самое вы говорили по поводу вашего приезда в Париж, — сказала она. — И вот видите, вы уже здесь.

— Это верно, — согласилась Ксавьер.

Франсуаза улыбнулась.

— Вы настолько живете в настоящем, что неважно, какое будущее представляется вам мечтой; вы сомневаетесь в самом времени.

Ксавьер тоже улыбнулась, но робко.

— Это так неопределенно, — сказала она.

— Вы в Париже или нет? — спросила Франсуаза.

— Да, но это совсем другое, — возразила Ксавьер.

— Париж. Чтобы приехать сюда, довольно одного раза, — весело продолжал Пьер. — А дальше каждый раз надо снова прилагать усилие. Но положитесь на нас; у нас воли хватит на троих.

— Увы! — с улыбкой отозвалась Ксавьер. — В этом вы сильны.

Пьер развивал свою мысль:

— С понедельника вы будете ходить на уроки импровизации. Увидите, это все равно что

игры, которыми вы забавлялись, когда были маленькой. Вас попросят вообразить, будто вы завтракаете с подругой или вас застают в тот момент, когда вы что-то крадете с полки, где выставлены товары; вы должны одновременно и придумать сцену, и сыграть ее.

— Это должно быть очень забавно, — сказала Ксавьер.

— И потом вы сразу же выберете роль, над которой начнете работать, по крайней мере над отрывками.

Пьер обратил вопросительный взгляд на Франсуазу:

— Что мы могли бы ей посоветовать?

Франсуаза задумалась.

— Что-нибудь, что не требует большого ремесла, но не заставит также попросту играть с ее естественным очарованием. Например, «Случайность» Мериме. — Идея ей понравилась. Быть может, Ксавьер станет актрисой; во всяком случае, интересно попробовать.

— Это будет совсем неплохо, — сказал Пьер.

Ксавьер с радостным видом переводила взгляд с одного на другого.

— Мне так хотелось бы стать актрисой! Я смогу играть на настоящей сцене, как вы?

— Конечно, — ответил Пьер. — И возможно, уже со следующего года маленькую роль.

— О! — с восторгом произнесла Ксавьер. — О! Я буду работать, вот увидите.

В ней все было так непредсказуемо, возможно, она и в самом деле будет работать; Франсуаза вновь принялась радоваться будущему, которое она для нее воображала.

— Завтра воскресенье, я занят, — сказал Пьер, — но в четверг я дам вам первый урок дикции. Хотите, чтобы я встречался с вами в моем кабинете по понедельникам и четвергам с трех до четырех?

— Но это будет вам мешать, — сказала Ксавьер.

— Напротив, мне будет интересно, — возразил Пьер.

Ксавьер совсем успокоилась, а Пьер сиял; надо признать, что он совершил почти богатырский подвиг, приведя Ксавьер из глубин отчаяния к состоянию доверия и радости. Так что он полностью забыл и Жербера, и вернисаж.

— Ты должен снова позвонить Жерберу, — сказала Франсуаза, — будет лучше, если ты встретишься с ним до спектакля.

— Ты думаешь? — спросил Пьер.

— А ты нет? — немного сухо ответила она.

— Да, — с сожалением ответил Пьер, — я иду.

Ксавьер взглянула на часы.

— О! Я заставила вас пропустить вернисаж, — сокрушенно произнесла она.

— Это неважно, — сказала Франсуаза, хотя, напротив, это было очень важно, на следующий день ей придется идти и приносить тете извинения, которые не будут приняты.

— Мне стыдно, — тихонько сказала Ксавьер.

— Не стоит того, — ответила Франсуаза.

Сожаления Ксавьер и ее решение действительно тронули Франсуазу; нельзя было судить ее, как любого другого. Она положила руку на руку Ксавьер:

— Вот увидите, все будет хорошо.

Ксавьер с благоговением глядела на нее.

— Когда я вижу себя и смотрю на вас, — со страстью произнесла она, — мне стыдно!

— Это нелепо, — сказала Франсуаза.

— Вы безупречны, — с жаром воскликнула Ксавьер.

— О! Конечно нет, — возразила Франсуаза.

Раньше такие слова заставили бы ее лишь улыбнуться, но сегодня они ее смутили.

— Иногда ночью, когда я думаю о вас, — призналась Ксавьер, — меня это так восхищает,

что я не могу больше верить, что вы на самом деле существуете. — Она улыбнулась. — А вы существуете, — с очаровательной нежностью сказала она.

Франсуаза знала: любовь, которую питала к ней Ксавьер, безраздельно овладевала ею по ночам в уединении ее комнаты; тогда никто не мог оспаривать образ, который она носила в своем сердце. Усевшись в кресло и устремив взгляд куда-то вдаль, она с восторгом предавалась его созерцанию. К живой женщине из плоти и крови, принадлежавшей Пьеру, другим и себе самой, этот ревнивый культ имел весьма отдаленное отношение.

— Я не заслуживаю того, что вы думаете обо мне, — с некоторым сожалением сказала Франсуаза.

Появился довольный Пьер.

— Я его застал и сказал, чтобы он был в театре около восьми часов, что мне хотелось бы с ним поговорить.

— И что он ответил?

— Он ответил: хорошо!

— Не останавливайся ни перед каким софизмом, — посоветовала Франсуаза.

— Доверься мне, — сказал Пьер.

Он улыбнулся Ксавьер:

— А что, если, прежде чем расстаться, нам пойти в «Поль Нор» выпить по стаканчику?

— О да, пошли в «Поль Нор», — с нежностью сказала Ксавьер.

Именно там они скрепили свою дружбу, и место уже стало легендарным и символическим. Выйдя из кафе, Ксавьер сама взяла за руку Пьера и Франсуазу, и все трое, шагая дружно, направились на паломничество к бару.

Ксавьер не захотела, чтобы Франсуаза помогла ей прибраться в комнате: из скромности, а кроме того, ей наверняка не нравилось, чтобы чужая рука, пускай даже принадлежавшая божеству, касалась ее мелких вещей. Поэтому Франсуаза поднялась к себе, надела домашнее платье и разложила на столе свои бумаги. Чаще всего именно в этот час, пока Пьер играл в театре, она занималась своим романом; она начала перечитывать страницы, которые написала накануне, но ей трудно было сосредоточиться. В соседнем номере негр давал урок чечетки белокурой шлюхе; с ними находилась маленькая испанка, работавшая официанткой в «Топси», Франсуаза узнавала их голоса. Она достала из своей сумки пилочку и стала подпиливать ногти. Даже если Пьеру удастся

убедить Жербера, разве не поселится между ними какая-то тень? Как-то встретит ее завтра тетя Кристина? Франсуазе не удавалось избавиться от этих мелких неприятных мыслей. Но главное, не отпускало то, что вторую половину дня они с Пьером провели в разладе; безусловно, как только она снова поговорит с ним, это тягостное впечатление рассеется, но пока это тяжело давило на сердце. Она посмотрела на свои ногти. Это было глупо; ей не следовало придавать такое значение легкому разногласию; она не должна приходить в смятение при малейшем неодобрении Пьера.

Ногти оказались плохо обточены и были неровными. Франсуаза снова взялась за пилочку. Ошибка ее заключалась в том, что она целиком и полностью полагалась на Пьера; это была настоящая ошибка, она не должна возлагать на другого ответственность за самое себя. Она в нетерпении стряхнула белую пыль от ногтей, прилипшую к платью. Чтобы стать полностью ответственной за себя, ей довольно было этого захотеть; но в действительности она этого не хотела. Даже на те порицания, которые она к себе обращала, ей потребуется одобрение Пьера. Все, о чем она думала, — всегда быть вместе с ним и для него; действие, которое исходило бы лишь от нее самой

и которое она совершила бы абсолютно вне зависимости от него, действие, которое подтверждало бы некую подлинную независимость, — ничего такого она даже вообразить не могла. Впрочем, это не тяготило, у нее никогда не возникнет необходимости обращаться за помощью к себе против Пьера.

Франсуаза отбросила пилочку. Нелепо было тратить на умствования три драгоценных часа работы. Пьеру уже случалось сильно увлекаться другими женщинами; почему же теперь она чувствовала себя задетой? И еще ее тревожила та непреклонная враждебность, которую она в себе открыла и которая полностью не рассеялась. Она заколебалась; на мгновение у нее появилось искушение окончательно прояснить свое чувство беспокойства, но потом ей стало лень. Она склонилась над бумагами.

Было около полуночи, когда Пьер вернулся из театра; лицо его сильно раскраснелось от холода.

— Ты видел Жербера? — с тревогой спросила Франсуаза.

— Да, все улажено, — весело ответил Пьер, снимая шарф и пальто. — Сначала Жербер говорил, что это не имеет значения, и не хотел

объясняться, но я стоял на своем; я доказывал, что мы никогда не церемонились с ним и если бы хотели бросить его, то так прямо ему и сказали бы. Он выражал некоторое недоверие, но это для приличия.

— Ты настоящий Златоуст, — сказала Франсуаза. Что-то вроде обиды примешивалось к ее облегчению; ее раздражало, что она чувствовала себя сообщницей Ксавьер в ее игре против Жербера, и ей хотелось бы, чтобы Пьер тоже был этим огорчен, а не потирал благодушно руки. Небольшое искажение фактов — это ничего, но ложь от сердца к сердцу — это калечит что-то в отношениях между людьми.

— И все-таки чертовски скверно то, что сделала Ксавьер, — сказала она.

— Ты чересчур строга, — с улыбкой заметил Пьер. — Какой же суровой ты станешь, когда постареешь!

— Поначалу из нас двоих ты был более строгим, — возразила Франсуаза, — ты был почти нестерпим.

Она не без тревоги поняла, что будет не так-то просто рассеять дружеской беседой недоразумения дня. Стоило ей о них вспомнить, и в ее душе оживала неприязненная досада.

Пьер начал развязывать галстук, который надел в честь вернисажа.

— Я счел недопустимым легкомыслие, с каким она забыла о встрече с нами, — произнес он оскорбленным тоном, но с улыбкой, снимавшей его значимость. — А потом, после того как я совершил успокоительную прогулку, факты представились мне под другим углом.

Его беспечное хорошее настроение усилило раздражение Франсуазы.

— Я заметила; ее поведение с Жербером тебя вдруг склонило к снисхождению, ты готов был чуть ли не похвалить ее.

— Все это становилось чересчур серьезным, чтобы объясняться одним легкомыслием, — сказал Пьер. — И я подумал, что все это: ее раздражительность, потребность в развлечениях, забытая встреча и вчерашнее предательство — все это одно целое, которое должно иметь какую-то причину.

— Причину она тебе сказала, — заметила Франсуаза.

— Не стоит верить тому, что она говорит, устраивая скандал, чтобы об этом сказать, — ответил Пьер.

— В таком случае действительно не стоит труда

так настаивать, — сказала Франсуаза, с досадой вспомнив его нескончаемые расспросы.

— Однако она и не совсем врет. Надо истолковывать ее слова.

Можно было подумать, что речь идет о какой-то пифии.

— К чему ты клонишь? — в нетерпении спросила Франсуаза.

Пьер усмехнулся.

— Тебя не удивило, что она в общем-то упрекала меня в том, что я с пятницы не виделся с ней?

— Да, — согласилась Франсуаза, — это доказывает, что она начинает дорожить тобой.

— Начинать и идти до конца для этой девушки одно и то же, — сказал Пьер.

— Как это?

— Мне кажется, у нее ко мне чересчур добрые чувства, — сказал Пьер с самодовольством, отчасти наигранным, но выдававшим глубокое удовлетворение. Франсуаза была этим шокирована; обычно сдержанная прямолинейность Пьера ее забавляла, однако Пьер ценил Ксавьер, нежность, которая в «Поль Нор» светилась во всех его улыбках, была непритворной, и этот циничный тон настораживал.

— Я не понимаю, в чем ее добрые чувства к тебе

извиняют Ксавьер, — сказала она.

— Надо поставить себя на ее место, — отвечал Пьер. — Вот создание пылкое и горделивое: я торжественно предлагаю ей свою дружбу, и в первый же раз, когда встает вопрос о встрече, я выгляжу так, словно мне предстоит свернуть горы, чтобы выкроить для нее несколько часов. Ее это обидело.

— Во всяком случае, не сразу, — возразила Франсуаза.

— Безусловно, но она это обдумала, и поскольку в последующие дни она не видела меня, как ей того хотелось, это стало страшной обидой. Добавь, в пятницу именно ты особенно возражала в отношении Жербера: как бы она ни любила тебя всем сердцем, для ее собственнической душонки ты все-таки самая большая преграда между нею и мной; с помощью секрета, который требовался от нее, она ухватила целую судьбу. И она поступила как ребенок, который смешивает карты, когда проигрывает партию.

— Ты слишком многое ей приписываешь, — заметила Франсуаза.

— А ты всегда слишком мало, — нетерпеливо возразил Пьер; не в первый раз за день он говорил по поводу Ксавьер резким тоном. — Я не

утверждаю, что она четко все это для себя сформировала, но таков смысл ее поступка.

— Возможно, — согласилась Франсуаза.

Таким образом, если верить Пьеру, Ксавьер рассматривала ее как нежелательное лицо и ревновала к ней; Франсуаза без удовольствия вспомнила чувство, которое испытала при виде благоговейного лица Ксавьер; ей почудилось, что ее обманули.

— Это замысловатое толкование, — продолжала она, — но я не думаю, что для поступков Ксавьер вообще можно найти окончательное толкование: в основном она живет согласно своим настроениям.

— Но зато у ее настроений двойное дно, — сказал Пьер. — Тебе не кажется, что она пришла в ярость из-за умывальника потому, что уже была возбуждена? Ее переезд — это было бегство, и я уверен, что она бежала от меня, поскольку сердилась на себя за то, что привязалась ко мне.

— Словом, ты думаешь, что к ее поведению есть ключ, и ключ этот — внезапная страсть к тебе?

Губа Пьера слегка выдвинулась вперед.

— Я не говорю, что это страсть, — сказал он.

Слова Франсуазы раздосадовали его: по сути, это было одно из тех прямолинейных уточнений,

за которые он упрекал Элизабет.

— Настоящая любовь… — сказала Франсуаза. — Я не думаю, что Ксавьер на такую способна. — Она задумалась. — Восторги, желания, досада, требования — допускаю, но того вида согласия, которое нужно, чтобы все эти опыты стали основой прочного чувства, этого, я полагаю, от нее никогда не добиться.

— Будущее нам покажет, — сказал Пьер; профиль его еще более заострился.

Сняв пиджак, он исчез за ширмой. Франсуаза начала раздеваться. Она говорила искренне; с Пьером она никогда не осторожничала — не было в нем ничего болезненного или скрытого, к чему следовало приближаться только на цыпочках, и она была не права. В этот вечер надо было хорошенько подумать, прежде чем говорить.

— Разумеется, никогда она не смотрела на тебя так, как этим вечером в «Поль Нор», — сказала Франсуаза.

— Ты тоже заметила? — спросил Пьер.

У Франсуазы перехватило горло; эта фраза была заранее обусловлена, фраза для чужого, и она достигла своей цели. За ширмой находился чужой, который чистил зубы. Ее осенила одна мысль. Если Ксавьер отказалась сегодня от ее помощи,

то в основном не потому ли, что хотела поскорее остаться наедине с образом Пьера? Вполне возможно, что он угадал истину; это ведь был диалог между ними, который продолжался весь день; это ведь Пьеру Ксавьер с готовностью открывала свою душу, и объединял их своего рода сговор. Что ж! Так оно лучше; это освобождало ее от той истории, бремени которой она начала опасаться. Пьер уже принял Ксавьер в гораздо большей степени, чем когда-либо соглашалась это сделать Франсуаза; она оставляла ее ему. Отныне Ксавьер принадлежала Пьеру.

## Глава VI

— Нигде не пьют такого хорошего кофе, как здесь, — сказала Франсуаза, поставив чашку на блюдце.

Мадам Микель улыбнулась:

— Еще бы, такой тебе не подают в твоих дешевых ресторанах.

Она листала модную газету, и Франсуаза присела на ручку ее кресла. Мадам Микель читала «Тан» у камина, где пылал огонь. За двадцать лет ничего не изменилось, это было гнетуще. Когда Франсуаза вновь попадала в эту квартиру, ей казалось, что все эти годы никуда ее не привели: время расстилалось вокруг нее сладковатой застойной лужей. Жить означало стареть, и ничего более.

— Даладье действительно замечательно говорил, — сказала мадам Микель. — Очень твердо, очень достойно; он не уступит ни пяди.

— Говорят, будто лично Бонне расположен к уступкам, — сказала Франсуаза, — уверяют даже, что он будто бы приступил к переговорам снизу относительно Джибути.

— Заметь, что в самих итальянских требова-

ниях нет ничего чрезмерного, — сказала мадам Микель, — но их тон недопустим; ни в коем случае нельзя идти на уступки после такого ультиматума.

— Ты же не начнешь все-таки войну из-за вопроса престижа? — спросила Франсуаза.

— Но мы не можем также согласиться стать нацией второго порядка, спрятавшись за линией Мажино.

— Нет, — согласилась Франсуаза. — Это трудно.

Избегая когда-либо касаться принципиальных вопросов, она с легкостью приходила к определенному пониманию с родственниками.

— Ты думаешь, мне пойдет такой покрой платья?

— Конечно, мама, ты такая худенькая.

Она взглянула на часы: два. Пьер уже сидел за столиком с чашкой скверного кофе; первые два раза Ксавьер являлась на урок с таким опозданием, что сегодня они решили встретиться в «Доме» часом раньше, чтобы действительно приняться за работу в нужное время; возможно, она была уже там, она непредсказуема.

— На сотое представление «Юлия Цезаря» мне потребуется вечернее платье, — сказала Франсуаза, — не знаю, что выбрать.

— У нас есть время об этом подумать, — сказала мадам Микель. Она положила свою газету. — Ты рассчитываешь на сотое представление?

— По крайней мере на это, каждый вечер зал полон.

Взяв себя в руки, она подошла к зеркалу; атмосфера здесь была гнетущей.

— Мне пора идти, — сказала она, — у меня встреча.

— Мне не нравится эта мода ходить без шляпы, — заметила мадам Микель; она пощупала пальто Франсуазы. — Почему ты не купила шубу, как я тебе говорила? У тебя на спине ничего нет.

— Тебе не нравится этот жакет? Я нахожу его красивым, — возразила Франсуаза.

— Это демисезонное пальто, — сказала ее мать и добавила, пожав плечами: — Я спрашиваю себя, что ты делаешь со своими деньгами? — Потом продолжила: — Когда собираешься снова прийти? В среду вечером будут Морис и его жена.

— Тогда я приду в четверг вечером, — ответила Франсуаза, — я предпочитаю встречаться с вами наедине.

Она медленно спустилась по лестнице и пошла по улице Медичи; воздух был липким и влажным, но она чувствовала себя лучше на улице,

чем в теплой библиотеке; время медленно снова двинулось в путь: ей предстояло встретиться с Жербером, это, по крайней мере, придавало какой-то смысл мгновениям.

«Теперь Ксавьер наверняка уже пришла, — подумала Франсуаза, ощутив легкий укол в сердце. — Ксавьер надела свое синее платье или красивую красную блузку с белыми полосами, аккуратно уложенные волосы обрамляли ее лицо, и она улыбалась; какой была эта неизвестная улыбка? Как смотрел на нее Пьер?» Франсуаза остановилась на краю тротуара: ее тяготило ощущение, будто она находится в изгнании. Обычно центром Парижа было как раз то место, где находилась она. Сегодня центром Парижа стало то кафе, где сидели Пьер и Ксавьер, а Франсуаза скиталась в заброшенных предместьях.

Франсуаза села возле жаровни на террасе «Де Маго». Вечером Пьер расскажет ей все, но с некоторых пор она до конца не верила словам.

— Черный кофе, — сказала она официанту.

Ее пронзил страх: это было не какое-то определенное страдание, надо было возвратиться в очень далекое прошлое, чтобы вновь ощутить похожую тяжесть. И воспоминание ожило. В доме было пусто; из-за солнца закрыли ставни,

и стало темно; на площадке второго этажа маленькая девочка, прижавшись к стене, затаила дыхание. Это было странно: очутиться здесь совсем одной, в то время как все другие находились в саду — это было странно, и это внушало страх; мебель выглядела как обычно, но в то же время все изменилось: все стало плотным, тяжелым, потаенным; под книжным шкафом и мраморным столиком застыла густая тень. Желания бежать не было, но сердце сжималось.

На спинке стула висел старый пиджак; наверняка Анна почистила его бензином или только что вытащила из нафталина и повесила сюда проветриться; он был очень старым и выглядел очень поношенным. Но, будучи старым и поношенным, он не мог пожаловаться, как жаловалась Франсуаза, когда делала себе больно, он не мог сказать себе: «Я старый поношенный пиджак». Это было странно; Франсуаза попыталась представить себе, что с ней станется, если она не сможет сказать: «Я Франсуаза, мне шесть лет, я в доме бабушки», если она вообще ничего не сможет сказать. Она закрыла глаза. «Это как если бы я не существовала; однако сюда пришли бы другие люди, они увидели бы меня и заговорили бы обо мне». Она открыла глаза и увидела пиджак, он су-

ществовал и не отдавал себе в этом отчета, было в этом что-то раздражающее и немного пугающее. Зачем ему существовать, если он этого не знает? Она задумалась; возможно, есть способ. Раз я могу сказать «я», то почему бы мне не сказать это за него? Пожалуй, вышло огорчительно; сколько бы она ни смотрела на пиджак, ничего не видя, кроме него, и быстро приговаривая: «Я старый, я поношенный», — не происходило ничего нового. Пиджак оставался на месте, равнодушный, совершенно посторонний, а она по-прежнему была Франсуазой. Впрочем, если она станет пиджаком, она, Франсуаза, ничего не будет об этом знать. Все закружилось у нее в голове, и она бегом снова спустилась в сад.

Франсуаза залпом выпила свою чашку почти совсем остывшего кофе; связи никакой не было, почему она обо всем этом вспомнила? Она посмотрела на мутное небо. А было в эту минуту лишь то, что нынешний мир для нее недосягаем; она не только изгнана из Парижа, она изгнана из целой вселенной. Люди, сидевшие на террасе, люди, которые шли по улице, они не давили на землю, это были тени; дома были всего лишь декорацией без рельефности, без глубины. И Жербер, который приближался с улыбкой, тоже

был всего лишь легкой и прелестной тенью.

— Привет, — сказал он.

На нем было большое бежевое пальто, рубашка в коричневую с желтым клеточку, желтый галстук, который подчеркивал матовый цвет его лица. Он всегда одевался с изяществом. Франсуаза рада была его видеть, однако она сразу же поняла, что не должна рассчитывать на его помощь, чтобы снова занять свое место в мире. Это будет всего-навсего приятный спутник в изгнании.

— Мы по-прежнему собираемся на блошиный рынок, несмотря на гнусную погоду? — спросила Франсуаза.

— Это только изморось, — ответил Жербер, — дождя нет.

Они пересекли площадь и спустились по лестнице в метро.

«Что я буду ему рассказывать весь день?» — подумала Франсуаза.

Это был первый раз за долгое время, когда она выходила с ним одна, и ей хотелось быть очень любезной, чтобы сгладить осадок, который мог остаться у него после объяснений с Пьером. Но о чем речь? Она работала, Пьер тоже работал. Жизнь служащих, как говорила Ксавьер.

— Я думал, что мне никогда не удастся выбрать-

ся, — сказал Жербер. — На обеде была целая толпа: Мишель, и Лермьер, и Адельсоны — весь цвет, как видите; все пустились в разговоры: настоящий фейерверк; было тягостно. Пеклар написал для Доминики Ороль новую песню против войны, надо отдать справедливость, совсем неплохую. Только их песни никуда не продвигают.

— Песни, речи, — сказала Франсуаза, — никогда не потребляли столько слов.

— О! Газеты сейчас — это что-то чудовищное, — воскликнул Жербер, широкая улыбка осветила его лицо; возмущения у него всегда сопровождались взрывом смеха.

— Что они преподносят нам в виде угощения в связи с французским владением! А все потому, что Италия напугала их меньше, чем Германия.

— Фактически воевать за Джибути не будут.

— Хотелось бы, — сказал Жербер. — Но когда бы это ни случилось — через два года или через шесть месяцев, — совсем не вдохновляет мысль о том, что нам придется через это пройти.

— Это самое малое, что можно сказать, — заметила Франсуаза.

С Пьером она чувствовала себя более беспечной: будь что будет. Но Жербер смущал ее: невесело быть молодым в такие времена. Она с

некоторой тревогой взглянула на него. Что он, в сущности, думал о себе самом, о жизни, о мире? Ничего сокровенного он никогда не выдавал. Она попробует серьезно поговорить с ним, а пока шум метро делал разговор затруднительным. На черной стене туннеля она увидела обрывки желтого плаката. Даже любопытство сегодня ей изменило. Это был пустой день, никчемный день.

— А знаете, у меня есть маленькая надежда сняться в «Потопах», — сказал Жербер. — Всего лишь эпизодическая роль, но это хорошо оплачивается. — Он нахмурил брови. — Как только получу немного денег, я куплю автомобиль — подержанный, есть такие, что ничего не стоят.

— Это было бы замечательно, — сказала Франсуаза. — Вы меня наверняка убьете, но я с вами поеду.

Они вышли из метро.

— Или еще, — продолжал Жербер, — я вместе с Мюлье организую театр кукол. Беграмян все-таки обязан свести нас с руководством «Имаж», но он такой ненадежный.

— Куклы — это забавно, — сказала Франсуаза.

— Только получить зал и свое устройство стоит бешеных денег.

— Возможно, когда-нибудь это сбудется, — ска-

зала Франсуаза.

Сегодня планы Жербера ее не увлекали; она даже спрашивала себя, почему обычно в его существовании она видела неброскую привлекательность. Он был рядом, он пришел после скучного обеда у Пеклара, вечером он в двадцатый раз будет играть юного Катона, в этом не было ничего особо трогательного. Франсуаза оглянулась вокруг; ей хотелось бы отыскать какую-нибудь вещь, которая хоть самую малость что-то говорила ее сердцу, но эта длинная прямая авеню ничего ему не говорила. В маленьких машинах, выстроившихся по краю тротуара, продавали лишь обычные товары: хлопчатобумажные ткани, носки, мыло.

— Свернем, пожалуй, на одну из этих улочек, — предложила она.

Там прямо на грязной земле лежали старые ботинки, эмалированные миски, выщербленный фарфор; у изгороди на газетах или старых коврах сидели черноволосые женщины в ярких лохмотьях. Все это тоже не трогало.

— Посмотрите, — сказал Жербер, — мы наверняка найдем здесь аксессуары.

Франсуаза без восторга взглянула на расположенный у ее ног хлам. Конечно, у всех этих

испачканных предметов были свои забавные истории, но то, что было на виду, — это браслеты, сломанные куклы, выцветшие ткани, не рассказывающие никаких преданий. Жербер погладил рукой стеклянный шар, в котором плавали разноцветные конфетти.

— Можно подумать, шар для предсказания будущего, — заметил он.

— Это пресс-папье, — сказала Франсуаза.

Торговка следила за ними краешком глаза. Это была толстая накрашенная женщина с волнистыми волосами, закутанная в шерстяные шали, ее ноги были обернуты старыми газетами. Она тоже была без истории, без будущего — только масса продрогшей плоти, и ничего больше. А изгороди, железные лачуги, жалкие сады, где скапливался ржавый металлолом — все это представлялось не как обычно грязным, но привлекательным миром; тут все скучивалось вместе, безжизненное, бесформенное.

— Что это за история с гастролями? — спросил Жербер. — Бернхайм говорит об этом так, словно все должно состояться в следующем году.

— Бернхайм забрал себе это в голову, — отвечала Франсуаза. — Еще бы! Его интересуют лишь деньги, но Пьер вовсе этого не хочет; на следую-

щий год у нас другие планы.

Она перешагнула через грязную лужу. Это было в точности как в доме бабушки, когда она закрывала дверь, оставляя за ней ласковый вечер и запахи кустарников: она чувствовала себя навсегда отрезанной от какого-то значительного мгновения мироздания. Что-то продолжало жить без нее, и лишь оно имело значение. На сей раз нельзя было сказать себе: оно не знает, что существует, и потому его не существует. Оно знало. Пьер не упускал ни одной улыбки Ксавьер, а Ксавьер с зачарованным вниманием ловила каждое слово, сказанное ей Пьером, вместе их глаза отражали кабинет Пьера с портретом Шекспира на стене. Работали ли они? Или отдыхали, беседуя об отце Ксавьер, о полном птиц вольере, о запахе конюшни?

— Ксавьер что-нибудь делала вчера на уроке дикции? — спросила Франсуаза.

Жербер рассмеялся.

— Рамбер попросил ее повторить: *Карл у Клары украл кораллы, а Клара у Карла украла кларнет!* Она покраснела и, не произнеся ни звука, уставилась на свои ноги.

— Вы думаете, у нее есть талант? — спросила Франсуаза.

Жербер схватил Франсуазу за локоть.

— Посмотрите-ка, — сказал он вдруг, расчищая себе путь в толпе. Люди окружали большой раскрытый зонт, стоявший на грязной земле; какой-то человек раскладывал на черной ткани карты.

— Двести франков, — сказала старая женщина с седыми волосами, бросавшая вокруг растерянные взгляды. — Двести франков! — Губы ее дрожали. Кто-то ее грубо оттолкнул.

— Это жулики, — сказала Франсуаза.

— Ясное дело, — отозвался Жербер.

Франсуаза с любопытством посмотрела на шулера с плутоватыми руками, который проворно метал на шелк зонтика три колоды засаленных карт.

— Двести на эту, — сказал какой-то мужчина, выкладывая на одну из карт две купюры. Он хитро подмигнул: один из уголков немного загнулся, и видно было короля червей.

— Выигрыш, — сказал шулер, переворачивая короля. Карты снова заскользили в его пальцах.

— Он здесь, следите за картой, смотрите хорошенько, он здесь, здесь; король червей за двести франков.

— Он там. Кто поставит со мной сто франков? —

крикнул кто-то.

— Выигрыш, — сказал шулер, бросив четыре смятые купюры. Конечно, он нарочно давал им выиграть, чтобы раззадорить публику. Подходящий момент сделать ставку; это было нетрудно, Франсуаза сразу угадывала короля. Это было ошеломляюще: следить за стремительным движением карт; они скользили, отскакивали, вправо, влево, в середину, влево.

— Это глупо, — заметила Франсуаза, — его каждый раз видно.

— Он тут, — сказал какой-то мужчина.

— На четыреста франков, — объявил шулер.

Мужчина повернулся к Франсуазе:

— У меня только двести. Он тут, поставьте со мной двести франков, — торопливо попросил он.

Вправо, в середину, влево, это наверняка здесь. Франсуаза положила на карту две купюры.

— Семерка треф, — объявил шулер и забрал деньги.

— Какая глупость! — сказала Франсуаза.

Она стояла озадаченная, как недавно та женщина; ничтожный поспешный жест, не может быть, чтобы деньги действительно были потеряны, наверняка можно вернуться назад. В следующий раз, внимательно наблюдая…

— Пойдемте, — сказал Жербер, — здесь все соучастники. Пойдемте, вы потеряете все до последнего су.

Франсуаза последовала за ним.

— А ведь я прекрасно знаю, что никогда не выигрывают, — сердито сказала она.

Это был как раз подходящий день, чтобы делать подобные глупости. Нелепо все: места, люди, слова, которые говоришь. Как холодно! Мадам Микель была права, это пальто слишком легкое.

— А что, если нам пойти выпить по стаканчику, — предложила она.

— Я готов, — ответил Жербер, — пошли в большой кафешантан.

Спускалась ночь; урок закончился, но они наверняка еще не расстались. Где они находятся? Быть может, они вернулись в «Поль Нор»; если какое-то место нравилось Ксавьер, она тотчас устраивала там себе гнездо. Франсуазе вспомнились кожаные банкетки с большими медно-красными гвоздями, и витражи, и абажуры в красно-белую клеточку, но все напрасно: лица, и голоса, и вкус медовых коктейлей, все приобрело таинственный смысл, который рассеялся бы, если бы Франсуаза открыла дверь. Оба ласково улыбнулись бы, Пьер в общих чертах

изложил бы их разговор, она пила бы из стакана через соломинку; но никогда, даже через них, секрет их встречи наедине не будет раскрыт.

— Вот это кафе, — сказал Жербер.

Это был своего рода ангар, обогреваемый огромными жаровнями, заполненный народом. Оркестр громко аккомпанировал певцу в солдатской форме.

— Я возьму водку, — сказала Франсуаза, — это меня согреет.

Липкая изморось проникла до глубины ее души, она вздрогнула; она не знала, что делать со своим телом и со своими мыслями. Она взглянула на женщин в галошах, закутанных в толстые шали, которые пили у стойки кофе с коньяком. «Почему шали всегда фиолетовые?» — задалась она вопросом. У солдата лицо было размалевано красным, он игриво хлопал в ладоши, хотя до непристойного куплета еще не дошел.

— Расплатитесь, пожалуйста, сразу, — попросил официант. Франсуаза обмакнула губы в свою рюмку, рот ее наполнил резкий вкус бензина и плесени. Жербер внезапно расхохотался.

— В чем дело? — спросила Франсуаза; в эту минуту ему можно было дать лет двенадцать.

— Сквернословие всегда вызывает у меня

смех, — смущенно ответил он.

— Что за слово вдруг заставило вас рассмеяться? — поинтересовалась Франсуаза.

— «Смыться», — ответил Жербер.

— «Смыться»! — повторила Франсуаза.

— Да, но мне надо представить его себе написанным! — сказал Жербер.

Оркестр приступил к пасадоблю. На эстраде рядом с аккордеонистом стояла большая кукла, увенчанная сомбреро, казавшаяся почти живой. Наступило молчание.

«Он опять решит, что докучает нам, — с сожалением подумала Франсуаза. — Пьер не приложил больших усилий, чтобы вернуть доверие Жербера; он так мало вкладывал себя даже в самую искреннюю дружбу!» Франсуаза попыталась стряхнуть с себя оцепенение; надо было хоть немного объяснить Жерберу, почему Ксавьер заняла такое место в их жизни.

— Пьер думает, что Ксавьер сможет стать актрисой, — сказала Франсуаза.

— Да, я знаю, похоже, он действительно ее ценит, — несколько натянуто сказал Жербер.

— Это странная личность, — продолжала Франсуаза. — Отношения с ней непростые.

— Пожалуй, она не слишком приветлива, —

заметил Жербер. — Не знаешь, как с ней разговаривать.

— Она отрицает всякую вежливость, это смело, но довольно неудобно.

— На занятиях она никогда ни с кем не разговаривает; сидит в углу, закрыв лицо волосами.

— Есть одна вещь, которая больше всего выводит ее из себя, — продолжала Франсуаза. — Это то, что мы с Пьером всегда приветливы друг с другом.

Жербер удивился:

— Но ведь она прекрасно знает, как это все у вас?

— Да, но ей хотелось бы, чтобы люди оставались свободны в отношении своих чувств. Постоянство, ей кажется, достигается лишь путем компромиссов и обманов.

— Это смешно! Она должна была бы прекрасно видеть, что вы в этом не нуждаетесь, — заметил Жербер.

— Разумеется, — согласилась Франсуаза.

Она не без досады взглянула на Жербера: любовь — это все-таки не так просто, как он думает. Это сильнее времени, но существует все-таки во времени, и случаются время от времени тревоги, отречения, мелкие огорчения. Конечно, все это не

в счет, поскольку отказываешься это учитывать, но порой, однако, требуется маленькое усилие.

— Дайте мне сигарету, — попросила она, — это создает иллюзию тепла.

Жербер с улыбкой протянул ей пачку; эта улыбка была прелестной и не более того, хотя можно было бы найти в ней волнующее расположение. Франсуаза догадывалась, сколько нежности обнаружила бы она в этих зеленых глазах, если бы любила их. Все эти драгоценные дары — она от них отказалась, даже не познав их, и никогда она их не узнает. Ни малейшего сожаления о них она не испытывала, хотя они этого вполне заслуживали.

— Смех один, когда видишь Лабруса с юной Пажес, — сказал Жербер. — Кажется, будто он шагает по стеклу.

— Да, обычно так он бывает заинтересован, когда видит в людях устремленность, чаяния, смелость, но тут совсем иное. Никто не проявляет такой беззаботности в отношении собственной жизни, как она.

— Он действительно дорожит ею? — спросил Жербер.

— Не так легко сказать, что это означает для Пьера — дорожить кем-то, — заметила Франс-

уаза. Она в сомнении пристально смотрела на огонек своей сигареты. Прежде, когда она говорила о Пьере, то заглядывала в себя. Теперь, чтобы определить его черты, ей приходилось от него отстраняться. Ответить Жерберу было почти невозможно: Пьер всегда отвергал всякое единомыслие с самим собой; от каждой минуты он требовал продвижения вперед и с яростью вероотступника приносил свое прошлое в жертву настоящему. Предполагалось, что вы держите его вместе с собой запертым в неизменном стремлении к нежности, искренности, страданию, а он, словно эльф, уже перемещался на другой край времени. У вас в руках он оставлял некий призрак, который с высоты своих только что обретенных достоинств сурово осуждал. А самое скверное, что он сердился на обманутых за то, что они могли довольствоваться неким его подобием, причем подобием устаревшим. Франсуаза погасила окурок в пепельнице. Прежде ей казалось забавным, что Пьер никогда не держится за настоящий момент. Но сама-то она до какой степени была защищена от таких предательских отлучек? Безусловно, ни с кем в мире Пьер не согласился бы на соучастие против нее; но с самим собой? Понятно было, что домашней жизни у

него нет, но необходимо было потворство, чтобы до конца этому верить. Франсуаза почувствовала, что Жербер украдкой смотрит на нее, и взяла себя в руки.

— Главное в том, что она внушает ему беспокойство, — сказала Франсуаза.

— Как это? — спросил Жербер.

Он был очень удивлен, ему тоже Пьер казался таким цельным, таким твердым, полностью замкнутым на себе самом: не представлялось никакой щели, через которую могло просочиться беспокойство. А между тем Ксавьер подорвала это спокойствие. Или она всего лишь обнаружила незаметную щербинку?

— Я часто вам говорила, что если Пьер сделал такую ставку на театр, на искусство вообще, то по определенному решению, — сказала Франсуаза. — А любое решение, когда начинаешь думать об этом, всегда волнительно. — Она улыбнулась. — Ксавьер — это живой вопросительный знак.

— Однако он порядком сосредоточен на этой теме.

— Еще один довод. Его задевает, когда ему в лицо говорят, что выпить кофе со сливками или написать «Юлия Цезаря» — разницы нет ника-

кой, одно другого стоит.

У Франсуазы защемило сердце; могла ли она в самом деле утверждать, что в течение всех этих лет Пьера никогда не посещало сомнение? Или просто она не хотела об этом задумываться?

— А что вы сами об этом думаете? — спросил Жербер.

— О чем?

— О важности кофе со сливками?

— О, я! — молвила Франсуаза; ей вспомнилась некая улыбка Ксавьер. — Я так стараюсь быть счастливой, — с презрением сказала она.

— Я не вижу связи, — заметил Жербер.

— Утомительно задаваться вопросами, — сказала она. — Это опасно.

По сути, она была похожа на Элизабет: раз и навсегда установила для себя истину и спокойно почивала на отжившей очевидности. Надо было бы все поставить под вопрос, с самого начала, но это требовало нечеловеческой силы.

— А вы, — спросила она, — что вы об этом думаете?

— О! Это кому как, — с улыбкой ответил Жербер. — В зависимости от желания пить или писать.

— Я часто спрашивала себя, чего вы ждете от

вашей жизни, — сказала она.

— Для начала я хотел бы быть уверенным, что мне ее оставят еще на какое-то время, — ответил он.

Франсуаза улыбнулась:

— Это правомерно; но предположим, что вы имеете такой шанс.

— Тогда не знаю. — Жербер задумался. — Возможно, в другие времена я бы лучше знал.

Франсуаза постаралась выглядеть равнодушной; если Жербер не заметит важности вопроса, быть может, он ответит.

— Но вы довольны своим существованием или нет?

— Бывают хорошие моменты и менее хорошие, — отвечал он.

— Да, — слегка разочарованно согласилась Франсуаза; она заколебалась. Если ограничиться этим, то получается мрачновато.

— Все зависит от дней, — продолжал Жербер; он сделал усилие. — Все, что можно сказать о жизни, это, мне кажется, всегда только слова.

— Быть счастливым или несчастливым — для вас это слова?

— Да, я не очень хорошо понимаю, что это означает.

— Но вы по своей натуре скорее веселый, — заметила Франсуаза.

— Я часто скучаю, — сказал Жербер.

Сказал он это спокойно. Ему казалось это нормальным: долгая скука, перемежающаяся короткими взрывами радости. Хорошие моменты и другие, менее хорошие. Разве в конечном счете он не прав? Разве остальное не было иллюзией и литературой? Они сидели здесь на жесткой деревянной скамье, было холодно, вокруг столиков собрались военные и семьи. Пьер в это время сидел с Ксавьер за другим столиком, они курили сигареты, пили из стаканчиков и произносили слова. И эти звуки, эти пары́ не сгущались, превращаясь в таинственные часы, запретной близости которых должна была бы завидовать Франсуаза. Они расстанутся, и нигде не сохранится нить, которая снова привяжет их, одного к другому. Не было ничего и нигде, чтобы завидовать и сожалеть или бояться. Прошлое, будущее, любовь, счастье — это всего лишь звуки, произносимые губами. Не существовало ничего, кроме музыкантов в малиновых блузах и куклы в черном платье с красным шарфом на шее; ее юбки, приподнятые над широкой вышитой нижней юбкой, открывали тонкие ноги. Она была там, ее

было достаточно, чтобы заполнить взгляды, которые смогут отдыхать на ней в течение вечного настоящего.

— Дай мне руку, красавица, я предскажу тебе будущее.

Франсуаза вздрогнула, машинально протянув руку цыганке, одетой в желтое и фиолетовое.

— У тебя все идет не так, как тебе хотелось бы, но наберись терпения — скоро ты узнаешь новость, которая принесет тебе счастье, — одним духом произнесла та. — У тебя есть деньги, красавица, но не столько, как думают люди; ты гордая, и поэтому у тебя есть враги, но ты справишься со всеми неприятностями. Если пойдешь со мной, красавица, я открою тебе маленький секрет.

— Ступайте, — настойчиво посоветовал Жербер.

Франсуаза последовала за цыганкой, которая вытащила из кармана кусочек светлого дерева.

— Я открою тебе секрет: есть темноволосый молодой человек, ты его очень любишь, но несчастлива с ним из-за светловолосой девушки. Это амулет, ты положишь его в платочек и три дня станешь носить на себе, и тогда будешь счастлива с молодым человеком. Я никому его не даю, это самый ценный амулет, но тебе отдам за

сто франков.

— Спасибо, — сказала Франсуаза, — мне не надо амулета. А это за предсказание.

Женщина схватила серебряную монету.

— Сто франков для твоего счастья — это пустяки. Сколько ты хочешь заплатить за свое счастье? Двадцать франков?

— Совсем ничего, — ответила Франсуаза.

Она вернулась и села рядом с Жербером.

— Что она рассказывала? — спросил тот.

— Ничего, один вздор, — с улыбкой ответила Франсуаза. — Она предлагала мне счастье за двадцать франков, но я нахожу, что это слишком дорого, если, как вы говорите, это всего лишь слово.

— Я этого не говорил! — воскликнул Жербер, испугавшись, что до такой степени выдал себя.

— Возможно, это правда, — сказала Франсуаза. — С Пьером мы используем столько слов, но что под ними на самом деле?

Внезапно охватившая ее тревога была такой сильной, что хотелось закричать; мир словно вдруг опустел; нечего было больше бояться, но и любить тоже нечего. Не было решительно ничего. Она встретится с Пьером, они вместе станут говорить фразы, а потом разойдутся. Если дружба

Пьера и Ксавьер была лишь пустым миражем, любовь Франсуазы и Пьера была не более реальна. Не было ничего, кроме бесконечного умножения не имеющих значения мгновений; ничего, кроме беспорядочного мельтешения плоти и мыслей со смертью в конце.

— Пойдем отсюда, — неожиданно предложила она.

Никогда Пьер не опаздывал на встречу; когда Франсуаза вошла в ресторан, он уже сидел за привычным столиком. Увидев его, она обрадовалась, но тут же подумала: у нас впереди только два часа, и ее радость улетучилась.

— У тебя хороший был день? — ласково спросил Пьер; широкая улыбка делала его лицо более круглым и наделяла его черты неким простодушием.

— Мы ходили на блошиный рынок, — ответила Франсуаза. — Жербер был очень мил, но погода стояла мерзкая. Я проиграла двести франков в бонто.

— Как это тебя угораздило? Ты слишком неразумна! — отозвался Пьер. Он протянул ей меню. — Что ты возьмешь?

— Гренки по-валлийски.

Пьер с озабоченным видом изучал меню.

— Яйца под майонезом нет, — заметил он. Его озадаченное, разочарованное лицо не тронуло Франсуазу. Она холодно отметила, что лицо это трогательно.

— Тогда два раза гренки по-валлийски, — сказал Пьер.

— Тебе интересно послушать, о чем мы говорили? — спросила Франсуаза.

— Конечно, интересно, — с жаром ответил Пьер.

Она бросила на него недоверчивый взгляд. Еще недавно она, не задумываясь, решила бы: «Ему это интересно», — и быстро все ему рассказала бы. Когда Пьер обращался к ней, его слова, улыбки — это был он сам. Внезапно они представились ей двусмысленными знаками; Пьер обдуманно подавал их, он спрятался за ними, и утверждать можно только одно: «Он говорит, что ему это интересно». И ничего более.

Она положила ладонь на руку Пьера.

— Рассказывай сначала ты, — сказала она. — Что ты делал с Ксавьер? Вы наконец поработали?

Пьер немного виновато посмотрел на нее.

— Совсем немного, — ответил он.

— Как же так! — Франсуаза не скрывала своей

досады. Надо, чтобы Ксавьер работала, ради ее блага и их собственного. Не могла же она годами жить паразитом.

— Три четверти послеполуденного времени мы провели в перебранке.

Франсуаза почувствовала, что следит за своим лицом, не зная толком, что опасалась на нем показать.

— По поводу чего? — спросила она.

— Как раз по поводу ее работы, — ответил Пьер. Он улыбнулся в пустоту. — Сегодня утром, во время импровизации, Баен попросил ее прогуляться по лесу, собирая цветы; она с ужасом заявила, что терпеть не может цветов и не желает менять своего мнения. Она с гордостью рассказывала мне об этом, и это вывело меня из себя.

С безмятежным видом Пьер полил английским соусом дымящиеся гренки по-валлийски.

— И что? — нетерпеливо спросила Франсуаза. Он не спешил с ответом, не подозревая, насколько важно было для нее знать.

— О! Тут и началось! — воскликнул Пьер. — Она была оскорблена; она явилась вся такая ласковая и улыбчивая, не сомневаясь в том, что я буду петь ей дифирамбы, а я смешал ее с грязью! Закусив удила, она объяснила мне с той коварной учти-

востью, которая тебе хорошо известна, что мы хуже, чем буржуи, поскольку жаждем морального комфорта. Это было не так уж неверно, но я пришел в неописуемую ярость, и мы целый час просидели в «Доме» напротив друг друга, не проронив ни слова.

Эти теории относительно жизни без надежды, о тщетности усилий — все это стало вызывать раздражение. Франсуаза сдержалась: ей не хотелось проводить свое время, критикуя Ксавьер.

— Должно быть, это было весело! — заметила она. До чего глупо это стеснение в горле: неужели она дошла до того, что стала обдумывать свое поведение с Пьером?

— Не так уж неприятно кипеть гневом, — сказал Пьер. — Думаю, что и она не против. Но у нее меньше сопротивляемости, чем у меня, и под конец она не выдержала; тогда я сделал шаг к примирению. Это было трудно, поскольку она отчаянно цеплялась за ненависть, но я в конце концов ее одолел. — И он с удовлетворением добавил: — Мы подписали торжественный мир, и, чтобы скрепить примирение, она пригласила меня пить чай к себе в комнату.

— К себе в комнату? — удивилась Франсуаза. Давно уже Ксавьер не принимала ее у себя в но-

мере; она почувствовала досаду, это походило на легкий ожог.

— Тебе удалось под конец добиться от нее разумных решений?

— Мы заговорили о других вещах, — ответил Пьер. — Я рассказывал ей истории о наших путешествиях, и мы подумали, что сможем совершить их вместе. — Он улыбнулся. — Мы напридумывали множество сценок; какая-нибудь встреча в сердце пустыни между английским экскурсантом и отъявленным авантюристом, ты представляешь себе жанр. У нее есть фантазия. Только бы ей удалось извлечь из этого пользу.

— С ней надо стоять на своем, — с упреком заметила Франсуаза.

— Я так и сделаю, — сказал Пьер, — не брани меня. — Он как-то странно улыбнулся, покорно и слащаво. — Она сказала мне вдруг: «Я провожу с вами потрясающие минуты».

— Ну что ж! Это успех, — проронила Франсуаза. «Я провожу с вами потрясающие минуты…» Она стояла, устремив глаза в пустоту, или сидела на краю дивана, глядя Пьеру прямо в лицо? Спрашивать об этом не стоило. Как в точности определить оттенок ее голоса, запах в комнате в это мгновение? Слова могли только приблизить

вас к тайне, но не сделать ее менее непроницаемой: она лишь отбросила на сердце более холодную тень.

— Я в точности не понимаю, каковы теперь ее чувства ко мне, — озабоченно сказал Пьер. — Мне кажется, я делаю успехи, но успехи такие зыбкие.

— Ты продвигаешься день ото дня, — отозвалась Франсуаза.

— Когда я уходил от нее, она снова стала мрачной, — сказал он. — Она сердилась на себя, что не воспользовалась уроком, и испытывала еще большее к себе отвращение. — Он серьезно взглянул на Франсуазу. — Ты сейчас будешь с ней любезна.

— Я всегда с ней любезна, — довольно холодно ответила Франсуаза. Каждый раз, когда Пьер пытался диктовать ей ее поведение в отношении Ксавьер, она вся сжималась. У нее не было ни малейшего желания идти к Ксавьер и быть любезной, если теперь это становилось обязанностью.

— Она страшно самолюбива! — сказала Франсуаза. — Ей нужно быть уверенной в немедленном и оглушительном успехе, чтобы согласиться рискнуть.

— Это не только самолюбие, — возразил Пьер.

— А что же еще?

— Она сто раз говорила, что ей отвратительно унижаться, опускаясь до всяких там расчетов и упорства.

— Ты сам-то ощущаешь это как унижение? — спросила Франсуаза.

— У меня нет морали, — ответил Пьер.

— Откровенно говоря, ты полагаешь, что она поступает так по моральным соображениям?

— Ну конечно, в каком-то смысле, — с некоторым раздражением ответил Пьер. — У нее совершенно определенная позиция по отношению к жизни, с которой она не заключает сделок. Это то, что я называю моралью. Она стремится к наполненности. Такое требование мы всегда ценим.

— В ее случае слишком много слабоволия, — заметила Франсуаза.

— Слабоволие? А что это? — спросил Пьер. — Способ замыкаться в настоящем, только там она находит наполненность. Если настоящее ничего не дает, она забивается в свой угол, как больное животное. Но знаешь, когда бездеятельность доводят до такой степени, до какой доводит ее она, название «слабоволие» не подходит — это становится могуществом. Ни ты, ни я не имеем сил

оставаться сорок восемь часов в какой-нибудь комнате, никого при этом не видеть и ничего не делать.

— Тут ничего не скажешь, — согласилась Франсуаза. У нее вдруг возникла мучительная потребность увидеть Ксавьер. В голосе Пьера слышалась необычная теплота, хотя восхищение, по его словам, было неведомым ему чувством.

— Зато, — продолжал Пьер, — когда что-то ее волнует, она проявляет поразительную способность этим наслаждаться; рядом с ней я чувствую свою кровь такой холодной. Еще немного, и меня бы это унизило.

— Тогда, значит, ты первый раз в жизни познал бы унижение, — сказала Франсуаза, пытаясь рассмеяться.

— Уходя от нее, я сказал, что она маленькая черная жемчужина, — серьезно произнес Пьер. — Она пожала плечами, но я действительно так думаю. В ней все так чисто и так неистово.

— Почему черная? — спросила Франсуаза.

— Из-за той своеобразной извращенности, которая в ней есть. Можно подумать, что временами ею овладевает потребность делать зло, причинять зло себе и вызывать к себе ненависть. — На минуту он задумался. — Знаешь, это

забавно: часто, когда ей говорят, что уважают ее, она, словно испугавшись, встает на дыбы. Она чувствует себя скованной уважением, с которым к ней относятся.

— И она быстро сбрасывает оковы, — заметила Франсуаза.

Она заколебалась: ей почти хотелось уверовать в этот привлекательный образ. Если теперь она нередко чувствовала себя обособленной от Пьера, то потому, что позволила ему одному идти вперед по путям восхищения и нежности: их глазам не открывались больше одни и те же образы; она видела лишь капризную девочку там, где Пьер усматривал душу требовательную и непримиримую. Если она соглашалась присоединиться к нему, если отказывалась от этого упорного сопротивления…

— Есть во всем этом правда, — сказала она. — Я часто ощущаю в ней что-то волнующее.

И снова она напряглась, собравшись с силами; такая привлекательная маска — да это же хитрость, она не поддастся этому колдовству; она представить себе не могла, что будет, если она все-таки поддастся, но знала лишь одно: ей грозит опасность.

— С ней невозможно иметь дружеские от-

ношения, — резко сказала Франсуаза. — У нее чудовищный эгоизм. Дело даже не в том, что она предпочитает себя другим людям, у нее совершенно отсутствует понятие об их существовании.

— Однако тебя она очень сильно любит, — с упреком заметил Пьер. — А ты довольно сурова с ней, сама знаешь.

— Это не самая приятная любовь, — сказала Франсуаза, — она относится ко мне как к идолу и в то же время как к шуту. Возможно, в тайниках своей души она с обожанием созерцает мою сущность, но что касается моей бедной особы во плоти, то она располагает ею с непринужденностью скорее тягостной. Да это и понятно: идол никогда не хочет есть, спать, не испытывает головной боли, его почитают, не спрашивая его мнения о культе, который ему воздают.

Пьер рассмеялся.

— Это правда. Ты, конечно, считаешь меня пристрастным, но меня трогает ее неспособность иметь с людьми человеческие отношения.

Франсуаза тоже улыбнулась.

— Я действительно нахожу тебя немного пристрастным, — сказала она.

Они вышли из ресторана, и речь снова зашла о Ксавьер. Те минуты, которые они проводили вме-

сте, уходили на разговоры о ней, это становилось наваждением. Франсуаза с грустью взглянула на Пьера: он не задал ни одного вопроса и был совершенно равнодушен к тому, о чем думала Франсуаза в течение дня, а слушал ее с видимым интересом не из вежливости ли? Она прижала его руку к своей, чтобы по крайней мере сохранить с ним контакт. Пьер слегка сжал ее руку.

— Знаешь, я немного жалею, что больше не сплю у тебя, — сказал он.

— Но ведь теперь твой кабинет стал очень красивым, — заметила Франсуаза. — Он целиком покрашен заново.

Это немного пугало: ласковая фраза, нежный жест, она видела в них лишь любезное намерение, это не было чем-то наполнено, и это не трогало. Она вздрогнула. Казалось, вопреки ее воле произошел щелчок, и теперь, когда это началось, возможно ли когда-нибудь преградить путь сомнению.

— Хорошего тебе вечера, — нежно сказал Пьер.

— Спасибо, до завтрашнего утра, — ответила Франсуаза.

Она смотрела, как он исчезает за маленькой дверцей театра, и ее пронзила острая боль. Что скрывалось за фразами и жестами? «Мы одно

целое». Под прикрытием этого удобного смешения она освобождала себя от тревог о Пьере, однако это были всего лишь слова: их оказалось двое. Это она почувствовала однажды вечером в «Поль Нор»; именно в этом она через несколько дней упрекала Пьера. Ей не хотелось вникать в свое замешательство, и она рассердилась, чтобы укрыться от истины. Но Пьер не был виноват, он ведь не изменился. Это она в течение долгих лет совершала ошибку, рассматривая его лишь как оправдание себя самой. Сегодня она осознала, что он живет сам по себе, независимо от нее, и расплатой за ее безрассудное доверие стало то, что она оказалась вдруг перед лицом незнакомца.

Франсуаза ускорила шаг. Единственным способом, дававшим ей возможность сблизиться с Пьером, было встретиться с Ксавьер и попытаться увидеть ее его глазами. Далеко ушло время, когда Ксавьер представлялась Франсуазе частью ее собственной жизни. Теперь она с жадной тревогой в смущении спешила к чужому миру, едва приоткрывавшемуся перед ней.

Франсуаза на минуту застыла перед дверью. Эта дверь вызывала у нее робость; это место действительно было священным, там вершился не один культ, но высшим божеством, к которому

поднимался дым от сигарет белого табака и ароматы лаванды и чая, была сама Ксавьер — такая, какой ее созерцали собственные ее глаза.

Франсуаза тихонько постучала.

— Входите, — послышался веселый голос.

Слегка удивленная, Франсуаза толкнула дверь. Ксавьер, в длинном зеленом с белым домашнем платье, улыбалась, радуясь удивлению, которое рассчитывала вызвать. Занавешенная красным лампа отбрасывала в комнату кровавый отблеск.

— Хотите, мы проведем вечер у меня? — спросила Ксавьер. — Я приготовила ужин.

Возле умывальника урчал на спиртовке маленький чайник, и в полумраке Франсуаза заметила две тарелки с разноцветными сэндвичами. О том, чтобы отказаться от приглашения, и речи не было: приглашения Ксавьер, при всей их видимой робости, всегда были властными приказаниями.

— Как мило с вашей стороны, — сказала Франсуаза. — Если бы я знала, что это праздничный вечер, я бы принарядилась.

— Вы и так очень красивы, — ласково отозвалась Ксавьер. — Располагайтесь поудобнее. Посмотрите, я купила зеленого чая, листочки еще выглядят совсем живыми, и вы увидите, как это

ароматно.

Надув щеки, она изо всех сил подула на пламя спиртовки. Франсуазе стало стыдно за свою недоброжелательность.

«Я и правда суровая, — подумала она, — я старею».

Каким резким только что был ее тон при разговоре с Пьером! Между тем заботливое выражение лица Ксавьер, склонившейся над чайником, обезоруживало.

— Вы любите красную икру? — спросила Ксавьер.

— Да, очень, — ответила Франсуаза.

— Ах, тем лучше, я так боялась, что вы ее не любите.

Франсуаза не без опаски взглянула на сэндвичи; на кусочках ржаного хлеба, нарезанного кружками, квадратами, ромбами, была разложена разноцветная снедь: то тут, то там выглядывали анчоус, оливка, кружочек свеклы.

— Не найдете и двух одинаковых, — с гордостью сказала Ксавьер, наливая в чашку дымящийся чай. — Мне пришлось кое-где добавить чуточку томатного соуса, — поспешно сказала она, — так получалось гораздо красивее, но вы этого даже не заметите.

— У них приятный вид, — безропотно сказала Франсуаза. Она терпеть не могла томата и выбрала наименее красный из сэндвичей; вкус у него был странный, но совсем неплохой.

— Вы видели, у меня новые фотографии, — сказала Ксавьер.

На обои в зелено-красных разводах, которыми была оклеена комната, она приколола серию художественных ню. Франсуаза тщательно рассмотрела длинные изогнутые спины, предлагающие себя груди.

— Я не думаю, что месье Лаврус нашел их красивыми, — с недовольной миной произнесла Ксавьер.

— Блондинка, пожалуй, чуточку толстовата, — заметила Франсуаза, — но маленькая брюнетка очаровательна.

— У нее прекрасный вытянутый затылок, похожий на ваш, — ласковым голосом сказала Ксавьер. Франсуаза улыбнулась ей, внезапно почувствовав себя освободившейся: вся скверная поэзия этого дня рассеялась. Она посмотрела на диван, на кресла, обтянутые, словно костюм Арлекина, ромбовидной звездой с желтыми, зелеными, красными полосами. Ей нравилась эта игра дерзких, поблекших цветов, и этот мрачный

свет, и этот запах мертвых цветов и живой плоти, который всегда окружал Ксавьер; из этой комнаты Пьер не извлек ничего нового, и Ксавьер не обращала к нему лицо, более трогательное, чем то, которое она сейчас повернула к Франсуазе. Эти приятные черты представляли открытое детское лицо, а не смущающую маску чародейки.

— Возьмите еще сэндвич, — предложила Ксавьер.

— Я правда не голодна, — ответила Франсуаза.

— О! — обронила Ксавьер с огорченным выражением лица. — Значит, они вам не понравились.

— Напротив, они мне понравились, — сказала Франсуаза, протягивая руку к тарелке; ей прекрасно была знакома эта ласковая тирания. Ксавьер не искала удовольствия другого, она эгоистично радовалась удовольствию доставлять удовольствие. Но надо ли было ее за это осуждать? Не проявляла ли она таким образом любезность? Глаза удовлетворенно блестели, она смотрела, как Франсуаза поглощает густое томатное пюре: надо было быть каменной, чтобы не проникнуться ее радостью.

— Только что мне выпало большое счастье, — доверительным тоном сказала Ксавьер.

— Что же это такое? — спросила Франсуаза.

— Красавец танцор-негр! — ответила Ксавьер. — Он заговорил со мной.

— Берегитесь, как бы блондинка не выцарапала вам глаза, — предостерегла Франсуаза.

— Я встретила его на лестнице, когда поднималась с чаем и своими пакетиками. — Глаза Ксавьер загорелись. — Как он был мил! На нем были светлое пальто и бледно-серая шляпа, это так красиво сочеталось с его темной кожей. У меня даже пакеты выпали из рук. Он подобрал их с широкой улыбкой и сказал: «Добрый вечер, мадемуазель, приятного аппетита».

— И что вы ответили? — спросила Франсуаза.

— Ничего! — с негодующим видом ответила Ксавьер. — Я убежала.

Она улыбнулась.

— Он грациозен, как кот, выглядит и бесхитростным, и коварным.

Франсуаза ни разу внимательно не посмотрела на негра; рядом с Ксавьер она чувствовала себя сухой: сколько воспоминаний вынесла бы Ксавьер с блошиного рынка, а она сумела увидеть лишь грязное тряпье и дырявые бараки.

Ксавьер снова наполнила чашку Франсуазы.

— Вы хорошо поработали сегодня утром? — с

ласковым видом спросила она.

Франсуаза улыбнулась, это был явно аванс со стороны Ксавьер. Обычно она ненавидела работу, которой Франсуаза посвящала лучшую часть своего времени.

— Достаточно хорошо, — ответила она. — Но в полдень мне пришлось уйти на обед к матери.

— А я смогу когда-нибудь почитать вашу книгу? — кокетливо спросила Ксавьер.

— Разумеется, — ответила Франсуаза. — Я покажу вам первые главы, как только вы захотите.

— О чем в них рассказывается? — спросила Ксавьер.

Усевшись на подушку и поджав под себя ноги, она слегка подула на горячий чай. Франсуаза с некоторым раскаянием взглянула на нее — она была тронута тем интересом, какой к ней проявила Ксавьер. Ей следовало бы попытаться чаще вести с ней настоящие разговоры.

— Это о моей юности, — ответила Франсуаза. — Мне хотелось объяснить, почему в юности люди бывают столь неуклюжими.

— Вы находите, что я неуклюжа? — спросила Ксавьер.

— Вы — нет, — сказала Франсуаза. — У вас благородная душа. — Она задумалась. — Видите ли, в

детстве люди легко соглашаются с тем, что их не берут в расчет, однако в семнадцать лет это меняется. Мы начинаем стремиться существовать всерьез, а поскольку чувствуем себя по-прежнему такими же, то наивно ищем доказательства своей значимости.

— Как это? — спросила Ксавьер.

— Ищем одобрения людей, записываем свои мысли, сравниваем себя с проверенными образцами. Да вот, возьмите Элизабет, — сказала Франсуаза. — В каком-то смысле она так и не преодолела эту стадию. Она вечный подросток.

Ксавьер рассмеялась.

— Вы наверняка не были похожи на Элизабет, — заметила она.

— Отчасти, — сказала Франсуаза. — Элизабет нас раздражает, поскольку раболепно слушает нас, Пьера и меня, и без конца создает себя. Но если попытаться понять ее с малой долей сочувствия, то обнаружишь во всем этом неуклюжее усилие придать своей жизни и своей личности определенную ценность. Даже ее уважение к социальным формальностям: браку, известности — это опять-таки проявление все той же заботы.

Лицо Ксавьер слегка помрачнело.

— Элизабет жалкое тщеславное существо, —

сказала она. — Вот и все!

— Нет, как раз не все, — возразила Франсуаза. — Следует еще понять, откуда это идет.

Ксавьер пожала плечами.

— Для чего пытаться понять людей, которые того не стоят.

Франсуаза сдержала порыв нетерпения; Ксавьер чувствовала себя задетой, когда о ком-то, кроме нее, говорили снисходительно или просто непредвзято.

— В каком-то смысле того стоят все, — сказала она Ксавьер, слушавшей ее с недовольным вниманием. — Элизабет теряет голову, когда заглядывает в себя, поскольку находит лишь полнейшую пустоту; она не отдает себе отчета, что это общая судьба; зато что касается других людей, то она видит их снаружи, воспринимая через слова, жесты, лица, которые наполнены. Это производит впечатление миража.

— Странно, — заметила Ксавьер. — Обычно вы не находите для нее столько оправданий.

— Но речь вовсе не о том, чтобы оправдывать или осуждать, — сказала Франсуаза.

— Я уже заметила, — возразила Ксавьер. — Месье Лабрус и вы всегда приписываете людям кучу тайн. Но они на самом деле гораздо проще.

Франсуаза улыбнулась — это был упрек, который однажды она сама адресовала Пьеру: без причины усложнять Ксавьер.

— Они простые, если смотреть на них поверхностно, — заметила она.

— Возможно, — с небрежной вежливостью согласилась Ксавьер, решительно положив тем самым конец разговору. Поставив чашку, она улыбнулась Франсуазе с интригующим видом. — А знаете, что рассказала мне горничная? — сказала она. — Оказывается, в девятом номере живет тип, который одновременно и мужчина, и женщина.

— Девятый, так, стало быть, поэтому у нее такая странная голова и такой грубый голос! — сказала Франсуаза. — Хотя он одевается, как женщина, ваш тип. Это он?

— Да, но имя у него мужское. Это австриец. Похоже, что при его рождении колебались, но в конце концов записали его мальчиком; а к пятнадцати годам с ним произошло нечто типично женское, однако родители не стали менять его гражданское состояние. — Ксавьер тихонько добавила: — Впрочем, у него волосы на груди и другие особенности. У себя в стране он был знаменит, о нем сняли фильм, он зарабатывал

много денег.

— Представляю себе, в достославные времена психоанализа и сексологии быть там гермафродитом оказалось удачей, — заметила Франсуаза.

— Да, но когда начались политические истории, знаете, — продолжала Ксавьер с отстраненным видом, — ее прогнали. Тогда она укрылась здесь; у нее нет денег, и, похоже, она очень несчастна, поскольку сердце влечет ее к мужчинам, но мужчинам она совсем не нужна.

— А-а, бедняга! Это верно, даже педерастам она, должно быть, не подходит, — сказала Франсуаза.

— Она все время плачет, — сокрушенно поведала Ксавьер. Она посмотрела на Франсуазу. — А ведь это не ее вина; как можно выгонять из страны из-за того, что вы созданы так или иначе? Нет такого права.

— Правительства имеют права, какие берут, — заметила Франсуаза.

— Я этого не понимаю, — сказала Ксавьер осуждающим тоном. — Разве нет ни одной страны, где можно делать что хочешь?

— Ни одной.

— Тогда надо уехать на необитаемый остров, — заметила Ксавьер.

— Даже необитаемые острова теперь принадле-

жат людям, — ответила Франсуаза. — Нас загнали в угол.

— О, я найду способ, — отозвалась Ксавьер.

— Не думаю, — возразила Франсуаза, — вам придется, как всем, мириться со множеством вещей, которые вам не понравятся.

Она улыбнулась.

— Такая мысль вас возмущает?

— Да, — сказала Ксавьер.

Она украдкой взглянула на Франсуазу.

— Месье Лабрус говорил вам, что недоволен моей работой?

— Он сказал, что вы долго спорили. — Франсуаза весело добавила: — Он был весьма польщен тем, что вы пригласили его к себе.

— О! Так уж случилось, — сухо сказала Ксавьер.

Она повернулась спиной, чтобы пойти наполнить водой кастрюлю. Наступило молчание. Пьер ошибался, если думал, будто получил ее прощение: у Ксавьер последнее впечатление никогда не одерживало верх. Она должна была с гневом вновь обдумать этот день, и более всего ее рассердило финальное примирение.

Франсуаза внимательно посмотрела на нее. Этот очаровательный прием — разве не было это

попросту своего рода заклинанием? Разве чай, сэндвичи, красивое зеленое платье были предназначены не для того, чтобы оказать ей честь, а скорее, чтобы отобрать у Пьера необдуманно дарованную привилегию? У нее перехватило горло. Нет, невозможно предаваться этой дружбе. Сразу же во рту появляется ложный привкус — привкус металлического пореза.

## Глава VII

— Возьмите обязательно вазочку с фруктами, — говорила Франсуаза, прокладывая локтями путь к буфету для Жанны Арблей. Тетя Кристина не могла оторваться от стола, она с обожанием улыбалась Гимьо, который с высокомерным видом пил кофе глясе. Бросив взгляд на тарелки с сэндвичами и печеньем, Франсуаза удостоверилась, что они еще выглядят достойно; людей было в два раза больше, чем на прошлогоднее Рождество.

— Прелестная декорация, — сказала Жанна Арблей.

Франсуаза ответила в десятый раз:

— Ее установил Беграмян, у него есть вкус.

Заслуга его состояла в том, что он очень быстро преобразил римское поле битвы в танцевальный зал, однако Франсуазе не очень нравилось такое изобилие остролистов, омел, пихтовых веток. Она огляделась в поисках новых лиц.

— Как мило, что вы пришли! Лаброс будет рад вас видеть.

— А где же дорогой славный мэтр?

— Вон там, с Берже, он очень нуждается в вас, чтобы отвлечься.

Бланш Буге представляла не больший интерес, чем Берже, но все-таки какая-то перемена. У Пьера был непраздничный вид. Время от времени он озабоченно поднимал голову; его беспокоила Ксавьер: он опасался, как бы она не напилась или не убежала. В эту минуту она сидела на авансцене рядом с Жербером; их ноги болтались в пустоте, и оба, казалось, страшно скучали.

На проигрывателе звучала румба, но сутолока была слишком плотной, чтобы можно было танцевать.

«Тем хуже для Ксавьер!» — подумала Франсуаза; вечер и без того был достаточно тягостным, стало бы совсем невыносимо, если бы пришлось считаться с ее суждениями и настроениями.

«Тем хуже», — повторила себе Франсуаза не очень уверенно.

— Вы уже уходите? Какая жалость!

Она с удовлетворением провожала взглядом силуэт Абельсона; когда все серьезные гости уйдут, не придется больше тратить столько сил. Франсуаза направилась к Элизабет; вот уже полчаса, как та курила, с остановившимся взглядом прислонившись к подставке для кулис и ни с кем не разговаривая. Однако пересечь сцену было делом нелегким.

— Как мило, что вы пришли! Лабрус будет очень доволен! Он в руках у Бланш Буге, попытайтесь его освободить.

Франсуаза преодолела несколько сантиметров.

— Вы ослепительны, Мари-Анж, это синее с фиолетовым так красиво!

— Это костюмчик от Ланвен, мило, не правда ли?

Еще несколько рукопожатий, несколько улыбок, и Франсуаза очутилась возле Элизабет.

— Тяжелое дело, — призналась она. Она в самом деле чувствовала себя усталой, в последнее время она часто уставала.

— Сколько элегантности в этот вечер! — заметила Элизабет. — Все эти актрисы, ты видела, какая у них скверная кожа?

Кожа Элизабет тоже была не блестящей — одутловатая и отливающая желтизной. «Она распустилась», — подумала Франсуаза, трудно было поверить, что шесть недель назад на генеральной репетиции она выглядела ослепительно.

— Это из-за грима, — объяснила Франсуаза.

— Тела потрясающие, — беспристрастно продолжала Элизабет. — Как подумаешь о Бланш Буге, которой за сорок!

Тела были молодые, и волосы чересчур точных оттенков, и даже рисунок лиц твердый, однако эта молодость не отличалась живой свежестью, то была забальзамированная молодость; ни одной морщинки не отпечаталось на хорошо массированной плоти, но от этого изнуренный вид вокруг глаз вызывал еще большую тревогу. Все старело изнутри и сможет стареть еще долго, причем лощеный панцирь не треснет, а потом вдруг однажды эта блестящая скорлупа, ставшая тонкой, как шелковистая бумага, рассыплется в прах, и тогда глазам предстанет совершенно законченная старуха, с морщинами, пятнами на коже, раздувшимися венами, узловатыми пальцами.

— «Хорошо сохранившиеся женщины», какое ужасное выражение, — сказала Франсуаза. — Мне всегда на ум приходят консервированные омары и официант, который говорит: «Они так же хороши, как свежие».

— У меня нет предпочтения в пользу молодости, — сказала Элизабет. — Эти девчонки так безвкусно одеты. Они не производят ни малейшего впечатления.

— Ты не находишь приятной Канзетти, с ее широкой цыганской юбкой? — спросила Фран-

суаза. — А посмотри на малышку Элуа и Шано; конечно, покрой не безупречен…

Эти платья, немного несуразные, обладали некой прелестью смутных существований, отражая их стремления, мечты, трудности, возможности своих хозяек. Широкий желтый пояс Канзетти, вышивки, которыми Элуа усыпала свой корсаж, были столь же неотъемлемой их частью, как улыбки. Именно так одевалась когда-то Элизабет.

— Ручаюсь, они много отдали бы, эти дамочки, чтобы походить на Арблей или на Буге, — язвительно заметила Элизабет.

— Это верно, если они преуспеют, то станут точно такими, как другие, — сказала Франсуаза.

Она окинула взглядом сцену: красивые успешные актрисы, дебютантки, пристойные неудачницы — такое множество отдельных судеб, которые составляли это смутное кишение, вызывавшее легкое головокружение. В иные моменты Франсуазе казалось, что эти жизни специально ради нее пересеклись в той точке пространства и времени, в которой находилась она, в другие мгновения все выглядело совсем не так. Люди были разбросаны, каждый сам по себе.

— Во всяком случае, этим вечером Ксавьер на

редкость невзрачна, — заметила Элизабет, — цветы, которые она засунула в волосы, дурного вкуса.

Франсуаза провела с Ксавьер много времени, собирая этот робкий букетик, но ей не хотелось перечить Элизабет; и без того в ее взгляде всегда хватало враждебности, даже если придерживаешься ее мнения.

— Они оба забавные, — сказала Франсуаза.

Жербер как раз зажигал сигарету Ксавьер, но старательно избегал ее взгляда; он был таким чопорным в элегантном темном костюме, который позаимствовал, верно, у Пеклара. Ксавьер упорно смотрела на мыски своих туфелек.

— С тех пор, как я наблюдаю за ними, они не обменялись ни словом, — сказала Элизабет, — они застенчивы, как двое влюбленных.

— Они терроризируют друг друга, — отозвалась Франсуаза. — А жаль, они могли бы стать хорошими товарищами.

Коварство Элизабет ее не задевало, ее нежность к Жерберу была чиста и лишена всякой ревности, но чувствовать себя столь яро ненавидимой было неприятно. То была почти нескрываемая ненависть. Никогда больше Элизабет не откровенничала, и все ее слова, все умолчания были

живыми упреками.

— Бернхайм сказал мне, что в следующем году вы наверняка поедете на гастроли, — сказала Элизабет.

— Конечно нет, это неправда, — ответила Франсуаза. — Он вбил себе в голову, что Пьер в конце концов уступит, но он ошибается. Следующей зимой Пьер поставит свою пьесу.

— Вы начнете этим сезон? — спросила Элизабет.

— Пока не знаю, — ответила Франсуаза.

— Было бы жаль уехать на гастроли, — с озабоченным видом заметила Элизабет.

— Я того же мнения, — отозвалась Франсуаза.

Она не без удивления задавалась вопросом, неужели Элизабет все еще чего-то ожидает от Пьера; быть может, она рассчитывала сделать в октябре новую попытку в пользу Батье.

— Понемногу расходятся, — заметила она.

— Мне надо повидать Лизу Малон, — сказала Элизабет, — вроде бы она должна сказать мне что-то важное.

— А я пойду на помощь к Пьеру, — сказала Франсуаза.

Пьер горячо пожимал руки, однако, как бы он ни старался, ему не удавалось улыбаться тепло

— это было искусство, которому мадам Микель постаралась изо всех сил научить свою дочь.

«Я задаюсь вопросом, как там у нее дела с Батье», — думала Франсуаза, продолжая прощаться и расточая сожаления. Элизабет прогнала Гимьо под предлогом того, что он крал у нее сигареты, она помирилась с Клодом, но дело, верно, не клеилось, никогда она не была более мрачной.

— Куда это подевался Жербер? — спросил Пьер.

Растерянно опустив руки, Ксавьер стояла посреди сцены совсем одна.

— Почему не танцуют? — продолжал Пьер. — Места хватает.

В его голосе слышалась нервозность. Со сжавшимся сердцем Франсуаза взглянула на это лицо, которое со слепым спокойствием так долго любила. Она научилась читать по этому лицу. Этим вечером Пьер выглядел неутешительно и казался еще более уязвимым. Лицо его было застывшим и напряженным.

— Десять минут третьего, — сказала Франсуаза, — больше никто не придет.

Пьер был так устроен, что не испытывал большой радости, когда Ксавьер вела себя с ним приветливо, но стоило ей только слегка нахмурить брови, как он предавался ярости или

покаянию. Ему надо было чувствовать ее в своей власти, для того чтобы быть в мире с самим собой. Когда между ним и ею вставали какие-то люди, его всегда охватывали тревога и раздражение.

— Вы не очень скучаете? — спросила Франсуаза.

— Нет, — ответила Ксавьер. — Только это мучительно — слушать хороший джаз и не иметь возможности танцевать.

— Но теперь вполне можно танцевать, — отозвался Пьер.

Наступило молчание. Все трое улыбались, но не находили нужных слов.

— Сейчас я научу вас танцевать румбу, — с излишней горячностью предложила Ксавьер Франсуазе.

— Я отдаю предпочтение медленному фокстроту, — ответила Франсуаза, — для румбы я слишком стара.

— Как вы можете так говорить? — возмутилась Ксавьер; она с жалобным видом посмотрела на Пьера: — Она прекрасно танцевала бы, если бы захотела.

— Ничего подобного, ты вовсе не старая! — сказал Пьер.

Внезапно рядом с Ксавьер лицо и голос его по-

светлели; со смущающим вниманием он следил за малейшими нюансами: он явно был настороже — ведь ему совсем была несвойственна та легкая и ласковая веселость, сиявшая сейчас в его глазах.

— Как раз возраст Элизабет, — заметила Франсуаза, — я только что ее видела, это неутешительно.

— Что ты нам рассказываешь об Элизабет, — сказал Пьер, — ты посмотри на себя.

— Она никогда на себя не смотрит, — с сожалением сказала Ксавьер. — Надо бы когда-нибудь снять маленький фильм, так, чтобы она об этом не подозревала, а потом неожиданно показать ей. Она была бы вынуждена посмотреть на себя и очень бы удивилась.

— Она любит воображать себя толстой зрелой дамой, — подхватил Пьер. — Если бы ты знала, как молодо ты выглядишь!

— Но мне не хочется танцевать, — сказала Франсуаза.

Этот умилительный хор вызывал у нее чувство неловкости.

— Тогда хотите, мы вдвоем потанцуем? — спросил Пьер.

Франсуаза следила за ними. На них приятно

было смотреть. Ксавьер танцевала с воздушной легкостью, она не касалась земли; у Пьера тело было тяжелое, но можно было подумать, что с помощью невидимых нитей оно не подчинялось законам притяжения: он обладал чудесной непринужденностью марионетки.

«Мне хотелось бы уметь танцевать», — подумала Франсуаза.

Десять лет, как она это забросила. Было слишком поздно, чтобы начинать заново. Она приподняла занавес и в темноте кулис закурила сигарету; здесь, по крайней мере, у нее будет передышка. Слишком поздно. Никогда она не станет женщиной, бесспорно умеющей полностью владеть своим телом; то, что она могла бы приобрести сегодня — всевозможное украшательство, — не представляло интереса и было чуждым ей. Вот что это значит: тридцать лет — окончательно определившаяся женщина. Она навечно осталась женщиной, которая не умеет танцевать; женщиной, у которой была лишь одна любовь в жизни; женщиной, которая не спускалась на каноэ по каньонам Колорадо, не пересекала пешком плато Тибета. Тридцать лет — это не только прошлое, которое тянулось за ней. Годы расположили все вокруг нее и в ней са-

мой, это было ее настоящее, ее будущее, это была субстанция, из которой она состояла. Никакой героизм, никакая нелепость ничего не могли в этом изменить. Конечно, до смерти у нее было вполне достаточно времени, чтобы выучить русский язык, прочитать Данте, увидеть Брюгге и Константинополь; она могла еще заполнять местами свою жизнь неожиданными эпизодами, новыми талантами; однако до самого конца все это останется именно такой жизнью и никакой другой; а ее жизнь не отличалась от нее самой. С мучительным изумлением Франсуаза ощутила, как ее пронзил безжизненный белый свет, не оставлявший ей ни малейшей надежды; на мгновение она застыла, глядя на блестевший в темноте красный кончик сигареты. Из оцепенения ее вывели перешептывания и смешок: эти темные коридоры всегда пользовались спросом. Она бесшумно удалилась, вернувшись на сцену; теперь люди, казалось, развесели– лись.

— Откуда это ты? — спросил Пьер. — Мы только что поговорили с Поль Берже. Ксавьер нашла ее очень красивой.

— Я видела ее, — сказала Франсуаза, — и даже пригласила остаться до утра.

К Поль она питала дружеские чувства, только

вот встречаться с ней без ее мужа и остального их окружения было трудно.

— Она невероятно красива, — заметила Ксавьер, — она не похожа на всех этих великих манекенов.

— Пожалуй, она отчасти похожа на монашку или миссионера, — сказал Пьер.

Поль как раз разговаривала с Инес. На ней было черное закрытое бархатное платье; светло-рыжие, причесанные на прямой пробор волосы обрамляли ее лицо с широким гладким лбом и глубокими глазницами.

— Щеки немного аскетические, — добавила Ксавьер, — зато большой рот такой привлекательный, и такие живые глаза.

— Прозрачные глаза, — сказал Пьер, с улыбкой взглянув на Ксавьер. — Мне больше нравится тяжелый взгляд.

Говорить о Поль в таком тоне со стороны Пьера было отчасти предательством — обычно он высоко ее ценил. Он получал недоброе удовольствие, без причин принося ее в жертву Ксавьер.

— Она неподражаема, когда танцует, — сказала Франсуаза. — То, что она делает, — это скорее не танец, а пантомима; техника не бог весть какая, но она может выразить что угодно.

— Мне так хотелось бы увидеть, как она танцует! — воскликнула Ксавьер.

Пьер взглянул на Франсуазу.

— Ты должна пойти и попросить ее, — сказал он.

— Боюсь, это будет бестактно, — ответила Франсуаза.

— Обычно она не заставляет себя просить, — возразил Пьер.

— Я перед ней робею, — сказала Франсуаза.

Поль Берже со всеми была отменно любезна, но никто никогда не знал, что она думает.

— Вам уже доводилось видеть оробевшую Франсуазу? — со смехом спросил Пьер. — В моей жизни это первый раз!

— А было бы так приятно! — сказала Ксавьер.

— Хорошо, я пойду, — согласилась Франсуаза.

Она с улыбкой подошла к Поль Берже. У Инес, одетой в потрясающее красное муаровое платье и с золотой сеткой на желтых волосах, был подавленный вид. Поль смотрела ей в глаза, слегка материнским тоном рассуждая о чем-то ободряющем. Она с горячностью обратилась к Франсуазе:

— Ведь правда, что в театре никакие таланты не помогут, если нет смелости и веры?

— Безусловно, — ответила Франсуаза.

Вопрос был не в том, и Инес это прекрасно знала, но все-таки, похоже, немного успокоилась.

— Я пришла к вам с просьбой, — начала Франсуаза. Она почувствовала, что краснеет, и рассердилась на Пьера и на Ксавьер. — Если вам это хоть в малейшей мере неприятно, непременно скажите мне, но нам доставит огромное удовольствие, если вы согласитесь что-нибудь станцевать.

— Я с радостью, — ответила Поль, — но только у меня нет ни музыки, ни аксессуаров. — Она улыбнулась, извиняясь. — Теперь я танцую с музыкой и в длинном платье.

— Наверное, очень красиво, — сказала Франсуаза.

Поль в нерешительности посмотрела на Инес.

— Ты можешь аккомпанировать мне в танце машины? — попросила она. — А домработницу я исполняю без музыки. Только вы ведь это уже знаете?

— Неважно, мне очень хотелось бы снова увидеть, — сказала Франсуаза. — Вы так любезны, я выключу проигрыватель.

Ксавьер с Пьером с заговорщицким видом с интересом следили за ней.

— Она согласилась, — сказала Франсуаза.

— Ты отличный ходатай, — заметил Пьер.

У него был до того простодушно-счастливый вид, что Франсуаза удивилась. Устремив глаза на Поль Берже, Ксавьер с восторгом замерла в ожидании: именно эту детскую радость отражало лицо Пьера.

Поль вышла на середину сцены; она пока была не очень известна широкой публике, но здесь все восхищались ее искусством; Канзетти присела на пятки, разложив вокруг себя широкую сиреневую юбку; Элуа в кошачьей позе растянулась на полу в нескольких шагах от Тедеско; тетя Кристина исчезла, а Гимьо, стоя рядом с Марком Антонием, кокетливо ему улыбался. Все, казалось, были заинтересованы. Инес взяла на пианино первые аккорды; руки Поль медленно оживали, дремавшая машина пускалась в путь; ритм постепенно ускорялся, но Франсуаза не видела ни рычагов, ни катков, ни всех остальных ее движений. Она смотрела на Поль. Женщину своего возраста, женщину, у которой тоже была своя история, своя работа, своя жизнь; женщину, которая танцевала, не заботясь о Франсуазе, и когда только что она ей улыбалась, то как зрительнице среди прочих, для нее Франсуаза была лишь частью декорации.

«Если бы только можно было спокойно отдавать себе предпочтение», — с тоской подумала

Франсуаза.

В это мгновение на земле тысячи женщин с волнением прислушивались к биению своих сердец. Каждая к своему, каждая для себя. Как могла она верить, что находится в некоем привилегированном центре мира? Существовали Поль и Ксавьер и столько еще других. Нельзя было даже сравнивать себя.

Рука Франсуазы медленно опустилась вдоль юбки.

«Что же это такое?» — вопрошала она себя; она взглянула на Поль, взглянула на Ксавьер, чье лицо сияло бесстыдным восхищением; это женщины, известно, кто они такие; у них были определенные воспоминания, вкусы и мысли, присущие только им, вполне сложившиеся характеры, находившие отражение в чертах их лиц; но в самой себе Франсуаза не различала никакой ясной формы; свет, который только что озарил ее, обнаружил в ней лишь пустоту. «Она никогда на себя не смотрит», — сказала Ксавьер; это было правдой. Франсуаза проявляла внимание к своему лицу лишь для того, чтобы позаботиться о нем как о постороннем предмете; в своем прошлом она искала пейзажи, людей, но не себя; и даже ее мысли, ее вкусы не определяли ее лица, это было

отражением открывавшихся ей истин, которые принадлежали ей не больше, чем развешанные на колосниках пучки омелы и остролиста.

«Я — никто», — подумала Франсуаза; нередко она испытывала гордость не быть запертой, как другие, в узкие личные пределы, например, находясь в «Прери» однажды ночью не так давно с Элизабет и Ксавьер. Чистое сознание перед лицом мира — так она думала о себе. Она коснулась своего лица: для нее это была всего лишь белая маска. Только вот одно: все эти люди видели его, и волей-неволей она тоже находилась в этом мире, сама частица этого мира; она была одной из женщин среди прочих, и этой женщине она позволила произрастать как придется, не навязывая очертаний; об этой незнакомке она была не способна вынести никакого суждения. А между тем Ксавьер ее судила, она сравнивала ее с Поль; кого из них она предпочитала? А Пьер? Когда он смотрел на нее, кого он видел? Она обратила взгляд на Пьера, но Пьер на нее не смотрел.

Он смотрел на Ксавьер; приоткрыв рот, с затуманенным взором, Ксавьер с трудом дышала; она уже не знала, где находится, казалось, она была вне себя; Франсуаза смущенно отвела глаза, настойчивость Пьера была нескромной и почти

непристойной; это лицо одержимой не предназначалось для посторонних взглядов. Это, по крайней мере, Франсуаза могла знать: сама она не способна на столь пылкий экстаз. С большой долей уверенности Франсуаза могла знать, чем она не была; это тягостно — сознавать себя как череду отсутствий.

— Ты видела лицо Ксавьер? — спросил Пьер.

— Да, — ответила Франсуаза.

Он произнес эти слова, не отводя глаз от Ксавьер.

«Так и есть», — подумала Франсуаза. Не только для себя, но и для него тоже она не обладала отчетливыми чертами; невидимая, бесформенная, она смутно была частью его, он говорил с ней, как с самим собой, а его взгляд был прикован к Ксавьер. В это мгновение Ксавьер, с ее распухшими губами и двумя слезинками, катившимися по мертвенно-бледным щекам, была прекрасна.

Все зааплодировали.

— Надо пойти поблагодарить Поль, — сказала Франсуаза. «А я ничего уже больше не чувствую», — подумалось ей. Едва взглянув на танец, она, подобно старым женщинам, перемалывала навязчивые мысли.

Поль приняла комплименты с большим изяще-

ством; Франсуаза восхищалась ее умением всегда так безупречно себя вести.

— Мне хочется послать за моим платьем, моими пластинками и масками, — сказала Поль, устремив на Пьера свои большие ясные глаза. — Мне хотелось бы знать, что вы об этом думаете.

— Мне очень интересно увидеть, в каком направлении вы работаете, — ответил Пьер, — есть столько разных возможностей в том, что вы нам показали.

На проигрывателе зазвучал пасадобль; снова образовались пары.

— Потанцуйте со мной, — настойчиво обратилась Поль к Франсуазе.

Франсуаза покорно последовала за ней; она услышала, как Ксавьер недовольным тоном сказала Пьеру:

— Нет, я не хочу танцевать.

Она возмутилась. Ну вот! Опять она виновата, Ксавьер в ярости, а Пьер будет сердиться на нее за ярость Ксавьер. Но Поль вела так хорошо, и было одно удовольствие подчиняться ей; Ксавьер ничего не умела.

На сцене танцевали пар пятнадцать; другие разошлись по кулисам, ложам; одна группа расположилась в креслах балкона. Внезапно на

авансцену, словно эльф, выскочил Жербер; его преследовал Марк Антоний, изображая вокруг него танец обольщения; это был мужчина с довольно плотным телом, исполненным, однако, живости и грации. Жербер выглядел слегка пьяным. Большая черная прядь волос падала ему на глаза, он останавливался, неуверенно кокетничая, потом бросался прочь, стыдливо прикрывая рукой голову, то убегал, то возвращался с видом робким и соблазнительным.

— Они очаровательны, — заметила Поль.

— Самое пикантное то, что у Рамблена действительно такие наклонности. Впрочем, он этого и не скрывает.

— А я задавалась вопросом: та женственность, которой он наделил Марка Антония, — результат искусства или природных наклонностей? — сказала Поль.

Франсуаза бросила взгляд на Пьера; он оживленно что-то рассказывал Ксавьер, которая, казалось, вовсе его не слушала; с жадным интересом она зачарованно смотрела на Жербера. Франсуазу неприятно поразил этот взгляд: похоже было на тайное, но настойчивое овладение.

Музыка смолкла, и Франсуаза отошла от Поль.

— Я тоже хочу потанцевать с вами, — сказала

Ксавьер, завладевая Франсуазой. Она обняла ее, и Франсуаза готова была улыбнуться, почувствовав, как судорожно сжалась эта маленькая ручка на ее талии; она с нежностью вдохнула запах чая, меда и плоти, запах Ксавьер.

«Если бы я могла сделать ее своей, я полюбила бы ее», — подумала Франсуаза.

Эта властная девочка тоже была не чем иным, как кусочком вялого, беспомощного мира.

Ксавьер не упорствовала в своем усилии: как обычно, она стала танцевать сама по себе, не заботясь о Франсуазе, которой не удавалось успевать за ней.

— Дело не ладится, — с обескураженным видом сказала Ксавьер. — Я умираю от жажды. А вы?

— В буфете Элизабет, — заметила Франсуаза.

— Ну и что, — сказала Ксавьер, — я хочу пить.

Элизабет разговаривала с Пьером; она много танцевала и казалась чуть менее мрачной; она усмехнулась как заядлая сплетница:

— Я только что рассказывала Пьеру, как Элуа весь вечер крутилась вокруг Тедеско. Канзетти была без ума от ярости.

— Элуа хороша сегодня, — заметил Пьер, — эта прическа ей на пользу; у нее больше физических возможностей, чем я думал.

— Гимьо говорил мне, что она бросается на шею всем подряд, — сказала Элизабет.

— На шею — это только так говорится, — заметила Франсуаза.

Слово у нее вырвалось, однако Ксавьер и не поморщилась. Возможно, она не поняла. Когда разговоры с Элизабет не были напряженными, они легко приобретали пошловатый оборот. Было тягостно чувствовать рядом с собой эту строгую маленькую добродетель.

— К ней относятся как к последней шлюхе, — сказала Франсуаза. — Самое забавное то, что она девственница и стремится таковой оставаться.

— Это какой-то комплекс? — спросила Элизабет.

— Это из-за цвета ее лица, — со смехом ответила Франсуаза.

Она умолкла. Пьер, похоже, испытывал невыносимые муки.

— Вы больше не танцуете? — поспешно обратился он к Ксавьер.

— Я устала, — ответила та.

— Вас интересует театр? — с воодушевлением спросила Элизабет. — У вас действительно призвание?

— Знаешь, поначалу это скорее тяжело, — ска-

зала Франсуаза.

Наступило молчание. Ксавьер вся целиком, с ног до головы, была живым укором. Когда она находилась рядом, все приобретало такой вес, это было удручающе.

— Ты сейчас работаешь? — спросил Пьер.

— Да, все в порядке, — ответила Элизабет и добавила безразличным тоном: — Лиза Малан по поручению Доминики хотела выяснить мои намерения относительно художественного оформления ее кабаре; возможно, я соглашусь.

У Франсуазы сложилось впечатление, что Элизабет хотелось бы сохранить секрет, но она не могла устоять перед желанием поразить их.

— Соглашайся, — посоветовал Пьер, — это дело будущего, с таким заведением Доминика только выиграет.

— Милая Доминика, это забавно, — со смехом сказала Элизабет. — Люди для нее определены раз и навсегда. Любое изменение исключено в этом застывшем мире, где она с таким упорством искала надежные ориентиры.

— Она очень талантлива, — заметил Пьер.

— Она была мила со мной и всегда безмерно мной восхищалась, — беспристрастным тоном сказала Элизабет.

Франсуаза почувствовала, как нога Пьера больно придавила ее ногу.

— Ты непременно должна выполнить свое обещание, — сказал он. — Ты слишком ленива; Ксавьер научит тебя танцевать румбу.

— Пошли! — покорно сказала Франсуаза, увлекая за собой Ксавьер.

— Потанцуем три минутки, чтобы отвязаться от Элизабет, — предложила она.

С озабоченным видом Пьер пересек сцену.

— Я буду ждать вас в твоем кабинете, — сказал он. — Выпьем спокойно наверху по стаканчику.

— Пригласим Поль и Жербера? — спросила Франсуаза.

— Нет, зачем? Пойдем втроем, — немного сухо ответил Пьер.

Он исчез. За ним на некотором расстоянии последовали Франсуаза и Ксавьер. На лестнице они встретили Беграмяна, который пылко целовал малютку Шано; фарандола торопливо пересекла фойе второго этажа.

— Наконец-то у нас будет немного покоя, — сказал Пьер.

Франсуаза достала из шкафа бутылку шампанского. Это было хорошее шампанское, припасенное для избранных гостей; были еще сэндвичи и

печенье, которые подадут на рассвете, перед тем как расстаться.

— Открой-ка это, — сказала она Пьеру. — Чудовищно, сколько пыли глотаешь на сцене, в горле пересохло.

Пьер ловко открыл пробку и наполнил бокалы.

— Хороший вечер? — спросил он Ксавьер.

— Божественный вечер! — ответила Ксавьер; залпом опустошив свой бокал, она рассмеялась. — Боже мой! Какой вид важного господина был у вас вначале, когда вы разговаривали с тем толстым типом. Я подумала, что вижу своего дядю!

— А теперь? — спросил Пьер.

Отразившаяся на его лице нежность была все-таки сдержанной и словно завуалированной; довольно было одной складки губ, чтобы совершенно гладкая пелена равнодушия, не дрогнув, преобразилась.

— Теперь это снова вы, — сказала Ксавьер, слегка выпятив губы. Лицо Пьера прояснилось. Франсуаза взглянула на него с тревожной озабоченностью; раньше, когда она смотрела на Пьера, через него ей открывался весь мир целиком, но теперь она видела лишь его одного. Пьер был именно там, где находилось его тело, то

самое тело, которое можно было охватить одним взглядом.

— С тем толстым типом? — сказал Пьер. — А вы знаете, кто это был? Берже, муж Поль.

— Ее муж? — На секунду Ксавьер, казалось, пришла в замешательство, а потом заявила резким тоном: — Она его не любит.

— Она страшно к нему привязана, — возразил Пьер. — Она была замужем, у нее был ребенок, и она развелась, чтобы выйти за него, и это породило множество драм, поскольку она из католической семьи. Вы никогда не читали романы Массона? Это ее отец. Она вполне в духе дочери великого человека.

— Она не любит его по-настоящему, — сказала Ксавьер, скептически скривив губы. — Люди так всё путают!

— Мне нравятся сокровища вашего опыта, — весело сказал Пьер; он улыбнулся Франсуазе: — Если бы ты слышала, как только что она заявила: «Этот милый Жербер из породы людей, которые настолько глубоко себя любят, что даже не стараются нравиться…»

Он безупречно изобразил голос Ксавьер, которая бросила на него веселый и рассерженный взгляд.

— Самое поразительное то, что она нередко попадает в точку, — заметила Франсуаза.

— Она ведунья, — ласково сказал Пьер.

Ксавьер рассмеялась с глупым видом, словно осталась очень довольной.

— Что касается Поль Берже, то, думается, она человек сильных страстей, но без огня, — заметила Франсуаза.

— Не может она быть без огня, — возразила Ксавьер. — Мне так понравился второй танец; под конец, когда она шатается от усталости, это такое глубокое истощение, которое становится сладострастным.

Свежие губы медленно выговорили слово «сладострастным».

— Она умеет изобразить чувственность, — сказал Пьер, — но сама чувственной мне не кажется.

— Эта женщина чувствует существование своего тела, — сказала Ксавьер с улыбкой тайного соучастия.

«Я не чувствую существования своего тела», — подумала Франсуаза; это было еще одно открытие, однако такое бесконечное нагнетание ни к чему не вело.

— Когда она неподвижна в своем длинном

черном платье, — продолжала Ксавьер, — она наводит на мысль об одеревенелых средневековых девах, но как только приходит в движение — это бамбук.

Франсуаза снова наполнила свой бокал. Она не участвовала в разговоре; она тоже могла бы найти сравнение для волос Поль, ее гибкой талии, изгиба ее рук, но все-таки оставалась в стороне, поскольку Пьер и Ксавьер глубоко интересовались тем, о чем говорили. На какое-то время случился полный провал, Франсуаза больше не следила за хитроумными арабесками, которые выводили в воздухе голоса; потом она снова услышала голос Пьера, который произнес:

— Поль Берже воплощает патетику, она вся в движении. По-настоящему трагическим для меня было ваше лицо, когда вы на нее смотрели.

Ксавьер покраснела.

— Я выставила себя напоказ, — сказала она.

— Никто не заметил, — сказал Пьер. — Я завидую вашей способности так глубоко все чувствовать.

Ксавьер сосредоточенно разглядывала дно своего бокала.

— Люди такие забавные, — с наивным видом заметила она. — Они аплодировали, но никто

не выглядел по-настоящему заинтересованным. Возможно, потому, что вы столько всего знаете, но и вы тоже, похоже, не делаете различий. — Тряхнув головой, она сурово добавила: — Это очень странно. Вы говорили мне о Поль Берже просто так, на ветер, как говорите о какой-нибудь Арблей; и этот вечер вы провели, словно на своей работе. А я никогда так не радовалась жизни.

— Это верно, — согласился Пьер, — я не делаю особых различий.

Он умолк. В дверь постучали.

— Извините, — сказала Инес, — я пришла предупредить вас: Лиза Малан собирается петь свои последние вещи, и потом Поль будет танцевать, я привезла ее музыку и маски.

— Мы сейчас спустимся, — сказала Франсуаза. Инес закрыла дверь.

— Здесь нам было так хорошо, — недовольным тоном сказала Ксавьер.

— Мне плевать на песни Лизы, — заявил Пьер, — спустимся через четверть часа.

Никогда он ничего не решал самовольно, не посоветовавшись с Франсуазой. Она почувствовала, как кровь прилила к ее щекам, и заметила:

— Это не очень любезно.

Тон показался ей более сухим, чем она того

хотела, но она слишком много выпила, чтобы полностью контролировать себя. Не спуститься было просто неприлично; не станут же они подчиняться капризам Ксавьер.

— Они даже не заметят нашего отсутствия, — с решительным видом заявил Пьер.

Ксавьер улыбнулась ему. Каждый раз, когда ради нее жертвовали чем-то, а в особенности кем-то, на ее лице появлялось выражение ангельской кротости.

— Отсюда никогда не следовало бы спускаться, никогда, — со смехом сказала она. — Мы заперли бы дверь на ключ, и нам поднимали бы еду с помощью специального механизма.

— И вы научили бы меня делать различия, — подхватил Пьер.

Он нежно улыбнулся Франсуазе.

— Это маленькая ведунья, — сказал он, — она смотрит на вещи неискушенными глазами по-новому, и вот теперь вещи начинают существовать для нас именно такими, какими она их видит. В другие разы мы просто пожимали руки, была лишь череда мелких забот: в этом году благодаря ей у нас настоящая Рождественская ночь!

— Да, — отозвалась Франсуаза.

Слова Пьера были обращены не к ней и не к

Ксавьер; Пьер говорил для себя самого. В этом и заключалась самая большая перемена: раньше он жил ради театра, ради Франсуазы, ради идей, с ним всегда можно было сотрудничать; но принимать участие в его отношениях с самим собой не было никакой возможности. Франсуаза выпила свой бокал. Ей предстоит раз и навсегда решиться прямо взглянуть на все изменения, которые произошли. Вот уже многие дни все ее мысли были пропитаны горечью: то же самое должно было быть внутри у Элизабет. Не следовало вести себя как она.

«Я хочу ясно все видеть», — сказала себе Франсуаза.

Однако голова ее полнилась нескончаемым красноватым и едким кружением.

— Надо спускаться, — сказала она вдруг.

— Да, на этот раз надо, — согласился Пьер.

Лицо Ксавьер исказилось:

— Но я хочу допить свое шампанское.

— Пейте скорее, — сказала Франсуаза.

— Но я не хочу пить скорее, я хочу пить, докуривая сигарету. — Она откинулась назад. — Я не хочу спускаться.

— Вы так хотели видеть, как танцует Поль, — сказал Пьер. — Пошли, мы непременно должны

спуститься.

— Ступайте без меня. — Ксавьер поудобнее устроилась в кресле и с упрямым видом повторила: — Я хочу допить свое шампанское.

— Тогда до встречи, — ответила Франсуаза, открывая дверь.

— Она опустошит все бутылки, — с тревогой заметил Пьер.

— Она невыносима со своими капризами, — отозвалась Франсуаза.

— Это не капризы, — резко ответил Пьер. — Она радовалась, заполучив нас ненадолго для себя одной.

Ну разумеется, как только Ксавьер проявляла интерес к нему, ему все казалось превосходным; Франсуаза чуть было не сказала ему об этом, но промолчала. Она теперь многое хранила при себе.

«Не я ли сама изменилась?» — подумала она.

Внезапно она была ошеломлена, почувствовав, сколько враждебности она вложила в свою мысль.

На Поль было что-то вроде белой шерстяной гандуры[3]; в руках она держала маску из сетки с

---

**[3] notes: 3**

Длинная верхняя одежда без рукавов в арабских странах.

мелкими клеточками.

— Знаете, я оробела, — с улыбкой призналась она.

На сцене оставалось не так много людей; Поль закрыла маской лицо, за кулисами зазвучала бурная музыка, и она ринулась вперед. Она изображала бурю, сама превращаясь в неистовый ураган. Резкие, назойливые ритмы, подсказанные индусскими оркестрами, сопровождали ее движения. Туман в голове Франсуазы рассеялся; она ясно видела, что происходит между ней и Пьером. Они возвели прекрасные, безупречные конструкции и укрывались под их сенью, не беспокоясь больше о том, что же они могли в себе заключать. Пьер все еще повторял: «Мы одно целое», — однако она обнаружила, что он жил сам по себе. Не теряя свою безупречную форму, их любовь, их жизнь медленно лишались содержания, подобно тем большим гусеницам с неуязвимой оболочкой, которые носят между тем в своей мягкой плоти крохотных червячков, старательно их чистящих.

«Я поговорю с ним», — подумала Франсуаза. Она почувствовала облегчение; существовала опасность, от которой, однако, они будут защищаться вместе; надо было только более внимательно от-

носиться к каждому мгновению. Повернувшись к Поль, она постаралась следить за ее прекрасными движениями, не давая себе отвлекаться.

— Вам следует как можно скорее дать концерт, — с жаром сказал Пьер.

— Ах, я как раз раздумываю, — с тревогой отозвалась Поль. — Берже говорит, что это не то искусство, которое самодостаточно.

— Вы, верно, устали, — сказала Франсуаза. — У меня наверху подходящее шампанское, пойдем выпьем в фойе, там будет удобнее, чем здесь.

Сцена была чересчур большой для малого числа оставшихся и усеяна окурками, косточками и обрывками бумаги.

— Вы принесете пластинки и стаканы, — обратилась Франсуаза к Инес и Канзетти.

Она увлекла Пьера к электрощитку и опустила ручки.

— Мне хотелось бы поскорее со всем покончить, чтобы пройтись немного только вдвоем, — сказала она.

— Ну конечно, — ответил Пьер, с некоторым любопытством взглянув на нее. — Тебе нехорошо?

— Да нет, все в порядке, — сказала Франсуаза. В ее голосе прозвучала нотка раздражения. Пьер, похоже, не думал, что она может быть уязвима

не только телом.

— Но мне хочется побыть с тобой. Такого рода вечера угнетают.

Они начали подниматься по лестнице, и Пьер взял ее за руку.

Она пожала плечами, голос ее слегка дрогнул:

— Когда смотришь на жизнь людей — Поль, Элизабет, Инес, — это производит странное впечатление. Задаешься вопросом, как будут судить твою со стороны.

— Ты недовольна своей жизнью? — с тревогой спросил Пьер.

Франсуаза улыбнулась. В конце концов, это было не так уж важно — как только она объяснится с Пьером, все пройдет.

— Дело в том, что нельзя иметь доказательств, — продолжила она. — Нужен поступок, подтверждающий верность своим убеждениям.

Она умолкла; с напряженным и почти мучительным выражением лица. Пьер пристально смотрел на дверь наверху лестницы, за которой они оставили Ксавьер.

— Она должна быть мертвецки пьяной, — сказал он.

Отпустив руку Франсуазы, он торопливо поднялся по последним ступенькам.

— Ничего не слышно.

Он застыл на мгновение. Тревога, которая заставила вытянуться его лицо, была не такой, какую вызывала у него Франсуаза, воспринятой со спокойствием; она причиняла ему боль.

Франсуаза почувствовала, как кровь отхлынула от ее щек; если бы он вдруг ударил ее, шок не был бы сильнее. Никогда она не забудет, как эта дружеская рука без колебаний оставила ее руку.

Пьер толкнул дверь; на полу перед окном Ксавьер глубоко спала, свернувшись клубочком. Пьер склонился над ней. Франсуаза взяла в шкафу коробку с едой, корзину бутылок и, не сказав ни слова, вышла; ей хотелось попытаться думать и плакать. Вот, значит, до чего они дожили: недовольная гримаса Ксавьер значила больше, нежели ее собственное смятение; а между тем Пьер продолжал говорить, что любит ее.

На проигрывателе звучала какая-то старая грустная мелодия; Канзетти взяла из рук Франсуазы корзину и расположилась за баром; она передала бутылки Рамблену с Жербером, взобравшимся вместе с Тедеско на табуреты. Поль Берже, Инес, Элуа и Шано сидели у больших оконных проемов.

— Мне хочется немного шампанского, — сказа-

ла Франсуаза.

В голове у нее шумело; ей казалось, что-то в ней: какая-нибудь артерия, или ребра, или сердце вот-вот разорвутся. Она не привыкла страдать, это было попросту невыносимо. Подошла Канзетти, осторожно державшая полный бокал; длинная юбка придавала ей величие молодой жрицы; между ней и Франсуазой внезапно возникла Элуа со стаканом в руке. На секунду Франсуаза заколебалась, потом взяла стакан.

— Спасибо. — Она с извиняющимся видом улыбнулась Канзетти.

Канзетти бросила на Элуа насмешливый взгляд.

— Берут реванш, какой могут, — прошептала она сквозь зубы; так же сквозь зубы Элуа что-то ответила, чего Франсуаза не расслышала.

— Как ты смеешь! И при мадемуазель Микель! — воскликнула Канзетти.

Рука ее обрушилась на розовую щеку Элуа; мгновение Элуа в замешательстве смотрела на Канзетти, потом набросилась на нее; схватив друг друга за волосы, они, сжав челюсти, принялись кружить на месте. Поль Берже устремилась к ним.

— О чем вы думаете? — сказала она, положив

свои прекрасные руки на плечи Элуа.

Послышался пронзительный смех, с застывшим взглядом приближалась белая как мел Ксавьер. Пьер шел следом за ней. Все лица обратились к ним. Смех Ксавьер сразу смолк.

— Какая ужасная музыка, — сказала она и с мрачным, решительным видом направилась к проигрывателю.

— Подождите, я поставлю другую пластинку, — сказал Пьер.

Франсуаза взглянула на него со страдальческим изумлением. До сих пор, когда она думала: «Мы разлучены», — разлука эта все еще оставалась общим несчастьем, которое поражало их обоих, которое они будут устранять вместе. Теперь она понимала: быть разлученными означало переживать разлуку совсем одной.

Прижавшись лбом к стеклу, Элуа тихонько плакала. Франсуаза положила руку ей на плечо; она испытывала легкое отвращение к этому толстому маленькому телу, так часто трепанному и всегда остававшемуся нетронутым, однако это было удобное алиби.

— Не надо плакать, — произнесла Франсуаза, ни о чем не думая; в этих слезах, в этой теплой плоти было что-то успокаивающее. Ксавьер танцевала

с Поль, Жербер с Канзетти; лица у них были угасшими, их движения — лихорадочными. Для всех эта ночь уже стала историей, которая оборачивалась усталостью, разочарованием, сожалением и приводила в смятение их сердца. Чувствовалось, что они страшатся момента ухода, но не испытывают удовольствия, задерживаясь здесь; у всех них появилось желание свернуться клубочком на полу и заснуть, как это сделала Ксавьер. Да и у самой Франсуазы другого желания не было. На улице под бледнеющим небом уже проступали черные силуэты деревьев.

Франсуаза вздрогнула. Рядом с ней стоял Пьер.

— Надо бы пройтись перед уходом. Ты идешь со мной?

— Иду, — ответила Франсуаза.

— Мы проводим Ксавьер, а потом вдвоем пойдем в «Дом», — сказал Пьер. — На рассвете это так приятно.

— Да, — ответила Франсуаза.

У него не было необходимости быть столь любезным с ней. Чего бы ей хотелось от него — так это чтобы однажды он обратился к ней с тем неконтролируемым выражением лица, с которым склонился над заснувшей Ксавьер.

— В чем дело? — спросил Пьер.

Зал погрузился во тьму, и он не мог видеть, что губы Франсуазы дрожат. Она взяла себя в руки.

— Все в порядке, а что такое? Я не больна, вечер удался, все хорошо.

Пьер схватил ее за руку, она вдруг отстранилась.

— Возможно, я выпила немного лишнего, — со смешком сказала она.

— Сядь сюда. — Пьер устроился рядом с ней в первом ряду партера. — Скажи, что с тобой происходит. Похоже, ты сердишься на меня? Что я сделал?

— Ничего ты не сделал, — с нежностью сказала она, взяв Пьера за руку. Несправедливо было сердиться на него, он был с ней так безупречен. — Естественно, ты ничего не сделал, — повторила она сдавленным голосом, отпустив его руку.

— Это из-за Ксавьер? Ты прекрасно знаешь, между нами это ничего не может изменить. Как знаешь и то, что, если эта история тебе хоть в малейшей степени неприятна, стоит сказать лишь слово.

— Вопрос не в этом, — с живостью ответила она.

Ведь не с помощью жертв он сможет вернуть ей радость; разумеется, в своих обдуманных

действиях он всегда ставил Франсуазу превыше всего. Но не к этому человеку, закованному в броню совестливой морали и продуманной нежности, обращалась она сегодня; ей хотелось пробиться к самой его сути, невзирая на уважение, субординацию и одобрение себя самой. Она сдержала слезы.

— Дело в том, что у меня сложилось впечатление, будто наша любовь начала стареть, — сказала она. Как только она произнесла эти слова, хлынули слезы.

— Стареть? — с негодованием повторил Пьер. — Но моя любовь к тебе никогда не была так сильна. Почему ты так думаешь?

Естественно, он сразу же попытался успокоить ее и успокоиться самому.

— Ты не отдаешь себе в этом отчета, — возразила она, — и это неудивительно. Ты настолько дорожишь этой любовью, что гарантировал ей безопасность вне времени, вне жизни, вне досягаемости; время от времени ты с удовлетворением думаешь о ней, но что с ней сталось в действительности, ты никогда не видишь.

Она разразилась рыданиями.

— А я хочу видеть, — добавила она, глотая слезы.

— Успокойся, — сказал Пьер, прижимая ее к себе, — я думаю, ты немного бредишь.

Она оттолкнула его. Он ошибался — она говорила не для того, чтобы ее успокоили, было бы слишком просто, если таким образом он мог обуздать ее мысли.

— Я не брежу. Возможно, я говорю с тобой сегодня, потому что пьяна, но я давно уже так думаю.

— Ты могла бы сказать мне об этом раньше, — сердито заметил Пьер. — Я не понимаю, в чем ты меня упрекаешь.

Он оборонялся; он терпеть не мог быть виноватым.

— Ни в чем я тебя не упрекаю, — отозвалась Франсуаза. — Твоя совесть может быть абсолютно спокойна. Но разве это единственное, что имеет значение? — страстно воскликнула она.

— Эта сцена бессмысленна, — сказал Пьер. — Я люблю тебя, ты должна это прекрасно знать, но, если тебе нравится не верить этому, у меня нет никакой возможности доказать тебе обратное.

— Верить, всегда верить, — сказала Франсуаза. — Именно так Элизабет удается верить, что Батье ее любит, и, возможно, верить, что сама она все еще любит его. Разумеется, это обеспечивает

безопасность. Тебе необходимо, чтобы твои чувства всегда сохраняли одну и ту же видимость, нужно, чтобы они окружали тебя, аккуратно расставленные, незыблемые, и даже если внутри ничего уже не осталось, тебе это совершенно безразлично. Подобно окрашенным гробам, о которых идет речь в Евангелии[4], снаружи это сияет, это прочно, это надежно, время от времени можно даже все заново приукрасить прекрасными словами. — У нее снова хлынули слезы. — Вот только никогда не следует их открывать, кроме праха и пыли, там ничего не найдешь. — Она повторила: — Праха и пыли, это неоспоримая очевидность. У-у! — с презрением выдохнула она, спрятав лицо в его согнутой руке.

Пьер опустил руку.

— Перестань плакать, — сказал он, — мне хотелось бы поговорить разумно.

Он найдет прекрасные аргументы, и будет так удобно уступить им. Лгать себе, как Элизабет, Франсуаза не хотела, она ясно все видела и упорно продолжала плакать.

— Но все это не так уж важно, — тихо сказал

---

**[4] notes: 4**

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты. Мф. 23:27–28.

Пьер. Он слегка ласково коснулся ее волос, она вздрогнула.

— Это важно, я уверена в том, что говорю; твои чувства неизменны: они могут пережить века, потому что это мумии. Это как те дамочки, — сказала она, с ужасом вдруг вспомнив лицо Бланш Буке, — это не шевелится, это целиком забальзамировано.

— Ты крайне неприятно ведешь себя, — сказал Пьер. — Плачь или рассуждай, но не все сразу вместе. — Он овладел собой. — Послушай, восторги, сердечные порывы — у меня это, конечно, редкость, но разве это составляет сущность любви? Почему именно это возмущает тебя сегодня? Ты всегда знала меня таким.

— Взять хотя бы твою дружбу с Жербером, это то же самое, — сказала Франсуаза. — Ты никогда больше с ним не встречаешься, но ты негодуешь, если я говорю, что твоя любовь к нему уменьшилась.

— Я не испытываю необходимости встречаться с людьми, это верно, — согласился Пьер.

— У тебя ни в чем нет необходимости, тебе все равно.

Она безутешно плакала. Ей было страшно думать о том мгновении, когда она отречется от

слез, чтобы вновь вернуться в мир милосердных обманов; надо бы отыскать заклинание, которое навсегда запечатлеет настоящую минуту.

— Вы здесь, — послышался чей-то голос.

Франсуаза выпрямилась; поразительно, как быстро могли прекратиться эти неудержимые рыдания. В дверном проеме показался силуэт Рамблена, он со смехом подошел.

— Меня затравили. Малютка Элуа увлекла меня в темный угол, объясняя, насколько мир зол, и там пожелала совершить надо мной высшее насилие. — Стыдливым жестом Венеры он прикрылся рукой. — Мне с величайшим трудом удалось защитить свою добродетель.

— Этим вечером ей не везло, — сказал Пьер. — Она безуспешно пыталась соблазнить Тедеско.

— Если бы рядом не оказалось Канзетти, я не знаю, что произошло бы, — сказала Франсуаза.

— Заметьте, у меня нет предрассудков, — продолжал Рамблен. — Однако ее манеры я нахожу опасными.

Он прислушался.

— Вы слышите?

— Нет, — ответила Франсуаза, — а что?

— Кто-то дышит.

Со сцены доносился легкий шум, это действи-

тельно походило на дыхание.

— Интересно, кто это, — сказал Рамблен.

Они поднялись на сцену. Стояла кромешная тьма.

— Справа, — сказал Пьер.

За бархатным занавесом лежало какое-то тело. Они наклонились.

— Гимьо! А я удивился, что он мог уйти, прежде чем опустеет последняя бутылка.

Положив голову на согнутую руку, Гимьо блаженно улыбался. Он и правда был очень красив.

— Я встряхну его, — предложил Рамблен, — и подниму его к вам наверх.

— Мы закончим наш обход, — сказал Пьер.

В артистическом фойе было пусто. Пьер закрыл дверь.

— Я хотел бы, чтобы мы объяснились, — сказал он. — Мне так горестно, что ты можешь поставить под сомнение нашу любовь.

У него было честное озабоченное лицо, и, взглянув на него, Франсуаза поддалась искушению.

— Я не думаю, что ты перестал меня любить, — прошептала она.

— Но ты говоришь, что мы тащим за собой некий старый труп. Это так несправедливо! И неправда, что у меня нет необходимости тебя ви-

деть. Когда тебя нет, я скучаю, а с тобой я никогда не скучаю. Обо всем, что со мной происходит, мне сразу же хочется рассказать тебе, я проживаю это вместе с тобой. Ты — моя жизнь, и ты это прекрасно знаешь. Я нечасто волнуюсь за тебя, это верно, но все потому, что мы счастливы; если бы ты заболела, если бы ты сделала мне какую-то гадость, я бы места себе не находил.

Эти последние слова он произнес с таким убеждением и благодушным видом, что Франсуаза ласково рассмеялась. Она взяла его за руку, и они вместе поднялись к ложам.

— Я — твоя жизнь, — сказала Франсуаза. — Но знаешь, что я остро чувствую этим вечером: наши жизни — они тут, вокруг нас и почти независимы от нас, мы их не выбирали. И меня тоже ты никогда не выбирал. Ты больше не свободен не любить меня.

— Но дело в том, что я люблю тебя, — сказал Пьер. — Ты действительно думаешь, что свобода состоит в том, чтобы каждую минуту во всем сомневаться? Обсуждая Ксавьер, мы так часто говорили, что в таком случае становишься рабом малейших изменений в своих настроениях.

— Да, — согласилась Франсуаза.

Она слишком устала, чтобы хорошо разбирать-

ся в своих мыслях, но она вновь увидела лицо Пьера, когда он отпустил ее руку: то была неопровержимая очевидность.

— И однако жизнь состоит из мгновений, полных тобой, — со страстью сказала она. — Если каждое из них пусто, ты никогда не убедишь меня, что это создает наполненное целое.

— Но у меня множество наполненных мгновений с тобой, — возразил Пьер, — разве это не видно? Ты говоришь так, будто я надутый, равнодушный чурбан.

Франсуаза коснулась его руки.

— Ты такой милый, — сказала она. — Только, видишь ли, нельзя отличить наполненные мгновения от пустых, поскольку ты всегда одинаково безупречен.

— Из чего ты делаешь вывод, что они все пустые! — воскликнул Пьер. — Прекрасная логика! Хорошо, отныне у меня будут свои капризы.

Он с упреком взглянул на Франсуазу:

— Почему ты такая мрачная, ты, кого я так люблю?

Франсуаза отвернулась.

— Не знаю, помутнение разума. — Она заколебалась. — Например, ты всегда вежливо слушаешь, когда я рассказываю о себе, независи-

мо от того, интересно это тебе или нет, и я задаюсь вопросом, а если бы ты был менее вежлив, когда слушаешь меня?

— Мне всегда это интересно, — с удивлением сказал Пьер.

— Но сам ты никогда не задаешь вопросов.

— Мне кажется, как только тебе есть что сказать, ты это говоришь, — возразил Пьер. — Он посмотрел на нее с некоторым беспокойством. — Когда это было?

— Что? — спросила Франсуаза.

— Что я не задавал вопросов?

— Случалось в последнее время, — с усмешкой ответила Франсуаза. — У тебя бывал отсутствующий вид.

Она заколебалась в неуверенности. Ей было стыдно — Пьер был доверчив, и каждое ее умолчание становилось ловушкой, куда он преспокойно попадал: он не подозревал, что Франсуаза расставляла ему западни. А не сама ли она изменилась? Не она ли лгала, когда говорила о безоблачной любви, о счастье, о побежденной ревности? Ее слова, ее поведение не соответствовали больше порывам ее сердца, а он продолжал ей верить. Была ли то вера или равнодушие?

В ложах и коридорах никого не было, все

оказалось в порядке. Они молча добрались до артистического фойе и сценической площадки. Пьер сел на краю авансцены.

— Думаю, в последнее время я был невнимателен к тебе, — сказал он. — Думаю, если бы я действительно вел себя безупречно, тебя не встревожила бы эта безупречность.

— Возможно, — согласилась Франсуаза. — Но речь даже не о невнимательности. — Она подождала, пока ее голос окрепнет. — Мне показалось, что в те минуты, когда ты, не сдерживаясь, давал себе волю, я не так уж много значила для тебя.

— Иначе говоря, я искренен, лишь когда в чем-то виноват? — спросил Пьер. — А когда веду себя достойно по отношению к тебе, то это усилием воли? Что за рассуждение?

— Вполне допустимое, — ответила Франсуаза.

— Разумеется, поскольку мои знаки внимания к тебе осуждают меня наравне с моими оплошностями. Если ты исходишь из этого, то мое поведение всегда будет доказывать твою правоту. — Он взял Франсуазу за плечо. — Это неверно, до смешного неверно. У меня нет оснований для безразличия к тебе, которое проявлялось бы время от времени. Я дорожу тобой, и когда случайно, в силу какой-либо неприятности, это на мгнове-

ние чувствуется меньше, ты сама говоришь, что это сразу видно.

Он посмотрел на нее.

— Ты мне не веришь?

— Я тебе верю, — ответила Франсуаза.

Она ему верила; но вопрос-то был не в этом. Она сама хорошенько не знала, в чем вопрос.

— Ты умница, — сказал Пьер, — только не начинай больше.

Он сжал ее руку.

— Думаю, я понимаю, как ты это ощущаешь. Мы попытались построить нашу любовь за пределами мгновений, но неоспоримы лишь мгновения; в остальном требуется вера, а вера — это отвага или лень?

— Именно об этом я себя и спрашивала, — призналась Франсуаза.

— Порой я спрашиваю себя об этом в отношении своей работы, — сказал Пьер. — Я сержусь, когда Ксавьер говорит, что я цепляюсь за работу из склонности к моральной безопасности, и однако?

Сердце Франсуазы сжалось; менее всего она могла мириться с тем, чтобы Пьер ставил под вопрос свое творчество.

— Есть в моем случае слепое упорство, — с

улыбкой продолжал Пьер. — Ты знаешь пчел, когда в глубине их ячеек делают большую дыру, они все так же продолжают сбрасывать туда мед. Мне кажется, отчасти я похож на них.

— На самом деле ты так не думаешь? — спросила Франсуаза.

— Иногда я представляюсь себе маленьким героем, который идет, не сворачивая, своим путем в потемках. — Пьер нахмурился с решительным видом.

— Да, ты маленький герой, — со смехом сказала Франсуаза.

— Хотелось бы в это верить, — отозвался Пьер.

Он поднялся, но остался стоять, прислонившись к стойке. Наверху на проигрывателе звучало танго, там продолжали танцевать, надо было идти туда.

— Это забавно, — сказал Пьер, — но меня действительно смущает это создание с ее моралью, которая смешивает нас с грязью. Мне кажется, если бы она меня любила, я обрел бы былую уверенность в себе. У меня сложилось бы впечатление, что я добился ее одобрения.

— Какой ты смешной, — возразила Франсуаза. — Она и осуждая может любить тебя.

— Это уже было бы лишь абстрактным осужде-

нием, — сказал Пьер. — Заставить ее полюбить меня — значит добиться ее признания, проникнуть в ее мир и одержать победу в соответствии с ее собственными ценностями. — Он улыбнулся. — Ты прекрасно знаешь, это такого рода победа, в которой я испытываю маниакальную потребность.

— Знаю, — подтвердила Франсуаза.

Пьер озабоченно взглянул на нее.

— Только я не хочу, чтобы эта преступная мания заставила меня испортить что-то в наших с тобой отношениях.

— Ты сам говорил, что это ничего не может испортить, — возразила Франсуаза.

— Это не может испортить ничего существенного, — продолжал Пьер, — но на деле, когда я беспокоюсь из-за нее, то невнимателен к тебе. Когда я смотрю на нее, то не смотрю на тебя. — Голос его стал настойчивым. — Я спрашиваю себя, не лучше ли было бы прекратить эту историю. Я испытываю к ней не любовь — скорее это связано с суеверием. Если она сопротивляется, я упорствую, но как только перестаю сомневаться в ней, она становится мне безразлична; и если я решу не встречаться с ней больше, то прекрасно знаю, что мгновенно перестану об этом думать.

— Но для этого нет никакой причины, — с живостью возразила Франсуаза.

Безусловно, если бы Пьер взял на себя инициативу разрыва, он не стал бы сожалеть; жизнь опять сделалась бы такой же, какой была до Ксавьер. Не без удивления Франсуаза почувствовала, что подобная уверенность породила у нее лишь своего рода разочарование.

— Ты прекрасно знаешь, — с улыбкой сказал Пьер, — я ничего ни от кого не могу получить; Ксавьер решительно ничего мне не приносит. У тебя не должно быть ни малейшего сомнения.

Он снова стал озабочен.

— Подумай хорошенько, это серьезно. Если ты считаешь, что в этом есть какая-то опасность для нашей любви, надо это сказать. Такой опасности я ни в коем случае не хочу подвергаться.

Наступило молчание. Голова Франсуазы стала тяжелой, она не чувствовала ничего, кроме своей головы, она ничего не чувствовала, у нее не было больше тела, и сердце ее тоже молчало. Как будто пласты усталости и безразличия отделили ее от себя самой. Без ревности, без любви, без возраста, без имени перед лицом своей собственной жизни она была лишь спокойным и равнодушным свидетелем.

— Все и так обдумано, — ответила она, — вопроса нет.

Пьер нежно обнял ее за плечи, и они снова поднялись на второй этаж. Уже рассвело, лица у всех были осунувшиеся. Франсуаза открыла застекленную дверь и вышла на террасу. Ее охватил холод, занимался новый день.

«А что произойдет теперь?» — подумала она.

Но что бы ни произошло, никакого другого решения она принять не могла. Она всегда отказывалась жить среди грез, но и замыкаться, жить в искалеченном мире не соглашалась. Ксавьер существовала, и отрицать этого не следовало. Надо было принимать все риски, которые предполагало ее существование.

— Возвращайся, — сказал Пьер. — Очень холодно.

Она закрыла дверь. Завтра, возможно, ее ждут страдания и слезы, но она не испытывала сочувствия к той измученной женщине, которой она снова вскоре станет. Она посмотрела на Поль, на Жербера, на Пьера, на Ксавьер и не испытала ничего, кроме безликого любопытства, и такого острого, что ее охватил радостный пыл.

## Глава VIII

— Естественно, — сказала Франсуаза, — роль не совсем вышла, вы играете чересчур внутренне, но вы чувствуете персонажа, все оттенки правильные. — Она села на край дивана рядом с Ксавьер и обняла ее за плечи. — Клянусь вашей собственной головой, вы можете показать сцену Лабрусу. Это хорошо, знаете, это действительно хорошо.

Успех был явный. Чтобы добиться от Ксавьер согласия прочитать ее монолог, пришлось умолять ее целый час, и Франсуаза чувствовала себя совсем без сил. Но все бессмысленно, если теперь она не заставит ее работать с Пьером.

— Я не осмелюсь! — в отчаянии заявила Ксавьер.

— Лабрус не такой страшный, — с улыбкой заметила Франсуаза.

— Еще какой! — ответила Ксавьер. — Как преподаватель он меня пугает.

— Тем хуже, — сказала Франсуаза. — Этой сценой вы занимаетесь месяц, это уже психостения, пора кончать с этим.

— Мне бы очень хотелось, — призналась Кса-

вьер.

— Послушайте, доверьтесь мне, — с жаром сказала Франсуаза. — Я не предложила бы вам подвергнуться суждению Лабруса, если бы не считала, что вы готовы. Я за вас ручаюсь. — Она заглянула в глаза Ксавьер. — Вы мне не верите?

— Я вам верю, — ответила Ксавьер, — но это так ужасно — ощущать, что тебя судят.

— Если хочешь работать, надо отмести самолюбие, — заметила Франсуаза. — Будьте мужественной: сделайте это с самого начала вашего урока.

Ксавьер сосредоточилась.

— Я это сделаю, — с проникновенным видом сказала она. Веки ее дрогнули. — Мне так хотелось бы, чтобы вы хоть немного были мной довольны.

— Я уверена, что вы станете настоящей актрисой, — ласково сказала Франсуаза.

— У вас появилась хорошая идея. — Лицо Ксавьер посветлело. — Весь конец получится лучше, если я буду стоять.

Она встала и с живостью произнесла:

*– Если на этой ветке четное число листьев, я вручу ему письмо… Одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать… четное.*

— Все получилось, — весело сказала Франс-

уаза.

«Интонации, выражение лица Ксавьер были пока еще всего лишь намеками, но изобретательными и прелестными; если бы только можно было вдохнуть в нее немного воли», — подумала Франсуаза: утомительно будет, если придется на руках нести ее таким образом к успеху.

— Вот и Лаброс, — сказала Франсуаза. — Он безупречно точен.

Узнав его шаги, она открыла дверь. Пьер радостно улыбнулся.

— Приветствую вас!

Он был придавлен тяжелым пальто из верблюжьей шерсти, придававшим ему вид молодого медвежонка.

— Ах, до чего же мне надоело. Весь день я занимался подсчетами вместе с Бернхаймом.

— Ну что ж! А мы не теряли времени даром, — сказала Франсуаза. — Ксавьер показала мне сцену из «Случайности». Увидишь, как она хорошо поработала.

Пьер с ободряющим видом повернулся к Ксавьер:

— Я в вашем распоряжении.

Ксавьер до того боялась высунуться наружу, что в конце концов согласилась брать уроки у

себя в комнате. Однако она не шелохнулась.

— Только не сразу, — умоляюще попросила она. — Можно подождать еще немного?

Пьер вопросительно взглянул на Франсуазу:

— Ты согласна подержать нас недолго?

— Оставайтесь до половины седьмого, — сказала Франсуаза.

— Да, всего лишь полчасика, — отозвалась Ксавьер, переводя взгляд с Франсуазы на Пьера.

— У тебя усталый вид, — сказал Пьер.

— Думаю, у меня начинается грипп, — ответила Франсуаза. — Пришло время.

Время пришло, но тут еще и недостаток сна. У Пьера было железное здоровье, а Ксавьер наверстывала днем. Оба мило посмеивались над Франсуазой, когда ей хотелось лечь раньше шести часов.

— Что рассказал Бернхайм? — спросила она.

— Он снова говорил о планах на гастроли, — ответил Пьер. Он заколебался и добавил: — Цифры, конечно, заманчивые.

— Но у нас нет такой необходимости в деньгах, — с живостью возразила Франсуаза.

— Гастроли? А где? — спросила Ксавьер.

— В Греции, Египте, Марокко, — с улыбкой ответил Пьер. — Когда придет время, мы возьмем

вас с собой.

Франсуаза вздрогнула. Это были пустые слова, но неприятно, что Пьер решился их произнести, щедрость его была необдуманной. Если когда-нибудь такое путешествие состоится, она решительно была намерена осуществить его вдвоем с ним: конечно, придется тащить за собой труппу, но это было не в счет.

— Это будет еще не скоро, — заметила она.

— Ты считаешь, если мы позволим себе небольшие каникулы, это может пойти во вред? — вкрадчивым тоном спросил Пьер.

На этот раз Франсуазу с ног до головы пронзил смерч; никогда Пьер даже не рассматривал такую идею, ведь он был на подъеме. Следующей зимой они поставят его пьесы, должна выйти его книга, у него было множество планов касательно развития школы. Франсуазе не терпелось, чтобы он достиг вершины своей карьеры и придал наконец своему творчеству окончательный облик. Она с трудом сдержала дрожь в голосе.

— Сейчас не время, — произнесла она. — Ты прекрасно знаешь, что в театре главный вопрос — своевременность. После «Юлия Цезаря» с нетерпением будут ждать твоего возвращения в начале сезона: если ты пропустишь год, люди

уже будут думать о чем-то другом.

— Золотые слова. Ты, как всегда, все говоришь правильно, — с оттенком сожаления сказал Пьер.

— До чего же вы благоразумны! — Лицо Ксавьер выражало искреннее и негодующее восхищение.

— О! Но когда-нибудь это осуществится, — весело сказал Пьер. — До чего приятно будет высадиться в Афинах, в Алжире, расположиться в их жалких театриках. А после спектакля, вместо того чтобы сидеть в «Доме», устроиться на циновках в глубине какого-нибудь мавританского кафе и курить киф.

— Киф? — с зачарованным видом спросила Ксавьер.

— Это такое растение с опием, которое они там выращивают. Похоже, от него возникают волшебные видения, хотя у меня их никогда не было, — с разочарованным видом добавил он.

— У вас меня это не удивляет, — с ласковой снисходительностью сказала Ксавьер.

— Это курят в прелестных трубочках, которые торговцы готовят специально для вас, — сказал Пьер. — Вы сможете гордиться, получив персональную маленькую трубку!

— У меня-то наверняка будут видения, — заме-

тила Ксавьер.

— Помнишь Мулэй Идрисс? — с улыбкой обратился Пьер к Франсуазе. — Где мы курили эту трубку, которую наверняка изъеденные сифилисом арабы передавали из рук в руки?

— Прекрасно помню, — ответила Франсуаза.

— Тебе было несладко, — заметил Пьер.

— Ты тоже был не на высоте, — парировала Франсуаза.

Она с трудом выдавливала из себя слова и была до предела напряжена. Между тем это были слишком отдаленные планы, и она прекрасно знала, что без ее согласия Пьер ничего не решит. Все просто — она скажет нет, и не о чем беспокоиться. Нет. Нет, будущей зимой они не поедут. Нет, Ксавьер они не возьмут. Она вздрогнула. Должно быть, у нее началась лихорадка, руки были влажные, все тело горело.

— Надо идти работать, — сказал Пьер.

— Я тоже буду работать. — Франсуаза через силу улыбнулась. Они должны были почувствовать, что с ней происходит что-то неладное, наступило какое-то замешательство. Обычно она умела лучше себя контролировать.

— У нас есть еще пять минут, — с недовольным видом улыбнулась Ксавьер. Она вздохнула. —

Всего пять минут.

Глаза ее обратились к лицу Франсуазы, потом остановились на руках с удлиненными ногтями. Когда-то Франсуаза была бы тронута этим пылким взглядом украдкой, однако Пьер обратил ее внимание на то, что Ксавьер нередко пользовалась такой уловкой, если чувствовала, что ее переполняет нежность к нему.

— Три минуты, — произнесла Ксавьер, не спуская глаз с будильника; сожаление едва скрывало упрек. «А ведь я не так скупа на себя», — подумала Франсуаза. Разумеется, по сравнению с Пьером она выглядела скупой; в последнее время он больше ничего не писал, беспечно расточая себя; она не могла соперничать с ним, она этого не хотела. И снова ее пронзила жгучая дрожь.

Пьер встал.

— В полночь я найду тебя здесь?

— Да, я никуда не выйду, — ответила Франсуаза. — Жду тебя на ужин. — Она улыбнулась Ксавьер: — Будьте мужественной, это лишь трудный момент.

Ксавьер вздохнула.

— До завтра, — сказала она.

— До завтра, — отозвалась Франсуаза.

Сев за свой стол, она безрадостно взглянула на

чистые листы; голова у нее была тяжелой, ломило затылок и спину. Она знала, что работать будет плохо. Ксавьер опять откусила полчаса, ужасно, сколько времени она пожирала. У них с Пьером никогда теперь не было больше ни свободного времени, ни уединения, ни даже просто отдыха. Они достигли состояния нечеловеческого напряжения. Нет, она скажет нет. Собрав все свои силы, она скажет нет, и Пьер ее послушает.

Франсуаза почувствовала в себе некую слабину, что-то пошатнулось; Пьер с легкостью откажется от этого путешествия, ему не так сильно этого хочется. Ну а дальше? К чему это приведет? Самое тревожное было то, что сам он не восстал против этого проекта; неужели он так мало дорожит своим творчеством? Не перешел ли он уже от замешательства к полнейшему равнодушию? Не было никакого смысла навязывать извне видимость веры, которой у него уже не оставалось; зачем желать чего-то для него, если это без него и даже против него? Решений, которых Франсуаза от него ожидала, она требовала от его воли; все ее счастье покоилось на свободном волеизъявлении Пьера, и это как раз то, на что она не имела влияния.

Она вздохнула. По лестнице кто-то торопливо

поднимался, раздался стук в дверь.

— Войдите, — сказала она.

В дверном проеме появились вместе два лица, и оба улыбались. Ксавьер спрятала свои волосы под толстым шотландским капюшоном, Пьер держал в руке трубку.

— Ты будешь нас ругать, если мы променяем урок на прогулку по снегу? — спросил он.

У Франсуазы кровь застыла в жилах. Она так радовалась, воображая удивление Пьера и удовольствие Ксавьер от похвал, полученных от него. Она всю душу вложила, чтобы заставить ее работать. До чего она была наивна — ведь уроки никогда не проходили серьезно, и к тому же еще они хотели заставить ее взять на себя ответственность за их лень.

— Это ваше дело, — ответила она, — меня это не касается.

Улыбки исчезли. Этот серьезный голос не был предусмотрен в игре.

— Ты действительно осуждаешь нас? — в растерянности спросил Пьер.

Он посмотрел на Ксавьер, которая тоже в нерешительности взглянула на него. Вид у обоих был виноватый. Впервые из-за такого соучастия, на которое обрекала их Франсуаза, они стояли перед

ней как некая пара, и, чувствуя это, они испытывали неловкость.

— Да нет, — сказала Франсуаза, — погуляйте хорошенько.

Немного поспешно закрыв дверь, она прислонилась к стене. Они молча спускались по лестнице, она угадывала их смущенные лица; работать они все равно не станут, она лишь испортила им прогулку. Франсуаза всхлипнула. Зачем все это было надо? Ей удалось лишь отравить им радость и сделать себя отвратительной в собственных глазах; она не могла хотеть чего-то вместо них, это была немыслимая затея. Внезапно она плашмя бросилась на кровать, из глаз хлынули слезы; слишком мучительна была та напряженная воля, которую она упорно сохраняла в себе, оставалось пустить все на самотек, а там будь что будет.

— Будь что будет, — повторила Франсуаза. Она чувствовала себя совсем без сил, все, чего она желала, — блаженного покоя, который белыми хлопьями спускается на измученного путника, оставалось лишь отречься от всего: от будущего Ксавьер, от творчества Пьера, от собственного счастья, и она узнает покой, ей не будут грозить спазмы в горле, душевное смятение и сухой ожог глаз в глубине орбит. Надо только решиться на

маленький жест, раскрыть руки и все из них выпустить. Подняв одну руку, она пошевелила пальцами: удивленные и послушные, они повиновались, это было чудесно — такое подчинение множества маленьких неведомых мускулов; зачем требовать большего? Франсуаза заколебалась; выпустить из рук все? Она больше не боялась будущего — будущего больше не было, однако вокруг себя она видела настоящее — такое голое, такое леденящее, что сердце у нее упало. Это как тогда в большом кабаре с Жербером: распыленность мгновений, кишение жестов и образов без продолжения. Она резко поднялась. Это было нестерпимо — любое страдание лучше, чем эта безнадежная покинутость среди пустоты и хаоса.

Она надела пальто и натянула по самые уши меховую шапочку. Надо было взять себя в руки, побеседовать с самой собой. Ей давно уже следовало бы это сделать, вместо того чтобы набрасываться на свою работу, как только выдавалась минута. Слезы навели блеск на ее ресницы и подсинили круги под глазами: это легко было бы исправить, но даже не стоило труда. До полуночи она никого не увидит, за предстоящие часы ей хотелось насытиться одиночеством. С минуту

она постояла перед зеркалом, глядя на свое лицо. Это было лицо, которое ни о чем не говорило, оно было приклеено на переднюю часть головы, как этикетка: Франсуаза Микель. Лицо Ксавьер, напротив, было неистощимым шепотом, наверняка именно поэтому она столь таинственно улыбалась себе в зеркалах. Франсуаза вышла из своей комнаты и спустилась по лестнице. Тротуары были покрыты снегом, стоял резкий холод. Она села в автобус. Чтобы очутиться в одиночестве, на свободе, надо было ускользнуть из этого квартала.

Франсуаза ладонью вытерла запотевшее стекло; из тьмы вынырнули освещенные витрины, уличные фонари, прохожие; но она не ощущала своего движения, все эти видения сменяли друг друга, а сама она не двигалась с места: то было путешествие во времени, вне пространства; она закрыла глаза. Взять себя в руки. Ксавьер с Пьером вставали перед ней, ей хотелось в свою очередь стать перед ними; овладеть собой, чем овладеть? Мысли ее блуждали. Она решительно ни о чем не могла думать.

Автобус остановился на углу улицы Дамремона, и Франсуаза вышла. Улицы Монмартра застыли в белизне и безмолвии. Франсуаза заколебалась, смущенная своей свободой — она

могла пойти куда угодно, но у нее не было ни малейшего желания куда-либо идти. Машинально она начала подниматься на холм; снег под ее ногами слегка сопротивлялся, потом уступал с шелковистым хрустом; ее то и дело охватывало разочарование — она ощущала, как рушится препятствие, прежде чем завершается усилие. Снег, кафе, лестницы, дома… «Каким образом все это меня касается?» — с изумлением подумала Франсуаза; она почувствовала прилив такой смертельной скуки, что ноги у нее подкосились. Что значили для нее все эти посторонние вещи? Это находилось на расстоянии и даже не касалось той головокружительной пустоты, которая ее поглотила. Бездна. Спускаешься по спирали все глубже и глубже, и кажется, что под конец чего-то достигнешь — покоя или отчаяния, неважно чего, но окончательного; однако по-прежнему остаешься на той же высоте, на краю пустоты. Франсуаза с тоской оглянулась вокруг, но ничто не в силах было ей помочь. Это из себя следовало бы исторгнуть порыв гордости, или жалости к себе, или нежности. У нее болели виски, спина, и даже эта боль оставалась для нее посторонней. Необходимо, чтобы кто-то был тут и сказал ей: «Я устала, я несчастна». Тогда это смутное, состра-

дальческое мгновение с достоинством заняло бы свое место в жизни. Но рядом никого не было.

«Это моя вина», — подумала Франсуаза, медленно поднимаясь по лестнице. Это была ее вина, Элизабет права, она давно уже перестала быть личностью; у нее даже не было больше облика. Самая обездоленная из женщин могла по крайней мере с любовью коснуться собственной руки, и она с удивлением посмотрела на свои руки. Наше прошлое, наше будущее, наши мысли, наша любовь… Никогда она не говорила «я». А между тем Пьер располагал своим будущим и своим сердцем; он удалялся, отступал на границы собственной жизни. Она оставалась тут, отделенная от него, отделенная от всех и без связи с самой собой; покинутая и не сумевшая обрести при этом истинного одиночества.

Облокотившись на балюстраду, она смотрела поверх нее на огромную голубую ледяную дымку. Это был Париж, и это распласталось с оскорбительным безразличием. Франсуаза откинулась назад; что она делала тут на холоде, с белыми куполами над головой, с устремлявшейся к звездам пропастью у ног? Она бегом спустилась по лестницам. Надо было пойти в кино или кому-нибудь позвонить.

— До чего плачевно, — прошептала она.

Одиночество — это не то, что можно потреблять по кусочкам; наивно было воображать, что она сможет на весь вечер найти в нем убежище, следовало полностью отказаться от него, пока она полностью его не обретет.

От острой боли у Франсуазы перехватило дыхание; остановившись, она поднесла руки к ребрам: «Что со мной?»

Сильная дрожь встряхнула ее с головы до ног. Она была вся в поту, голова гудела.

«Я больна», — с каким-то облегчением подумала Франсуаза. Она подала знак такси. Делать было нечего, следовало лишь вернуться к себе, лечь в постель и попытаться заснуть.

На площадке хлопнула дверь, и кто-то пересек коридор, шлепая стоптанными туфлями. Должно быть, это просыпалась белокурая шлюха; в комнате наверху на проигрывателе у негра тихонько звучало «Одиночество». Франсуаза открыла глаза, было уже почти темно. Около сорока восьми часов она пролежала в тепле простынь; легкое дыхание рядом с ней было дыханием Ксавьер, которая после ухода Пьера не тронулась с большого кресла. Франсуаза глубоко вздохнула: болезненная точка не исчезла, этим она была

скорее довольна, это вселяло уверенность, что она больна, и это так успокаивало; не надо было ни о чем беспокоиться и даже разговаривать. Если бы только ее пижама не промокла от пота, Франсуаза чувствовала бы себя совсем хорошо, но пижама прилипла к телу; кроме того, на правом боку оставалось жгучее пятно. Доктор был возмущен, что так плохо поставили согревающий компресс, но это по его вине, ему следовало бы получше объяснить.

В дверь тихонько постучали.

— Войдите, — сказала Ксавьер.

В дверном проеме показалась голова коридорного.

— Мадемуазель ничего не нужно?

Он робко подошел к кровати. С несчастным видом он ежечасно приходил предлагать свои услуги.

— Большое спасибо, — ответила Франсуаза. Она так задыхалась, что не могла говорить.

— Доктор сказал, что завтра утром мадемуазель непременно должна ехать в клинику. Мадемуазель не хочет, чтобы я куда-нибудь позвонил?

Франсуаза покачала головой.

— Я не собираюсь никуда ехать, — сказала она.

Кровь бросилась ей в лицо, и сердце бешено

застучало. Зачем врач всполошил прислугу в отеле? Они скажут об этом Пьеру, и Ксавьер тоже ему скажет; она и сама знала, что не сможет солгать ему. Пьер заставит ее поехать. Но она не хотела, не увезут же ее все-таки вопреки ее воле. Она увидела, как за слугой закрылась дверь, и обвела взглядом комнату. Здесь пахло болезнью. Уже два дня тут не убирали и даже не открывали окно. Напрасно Пьер, Ксавьер и Элизабет складывали на камине аппетитную еду: ветчина скорчилась, абрикосы засахарились в своем соку, крем-брюле растаяло, превратившись в светло-коричневое море. Это начинало походить на жилище узника, однако это была ее комната, и Франсуаза не хотела ее покидать. Ей нравились облупившиеся хризантемы, украшавшие обои на стене, и потертый ковер, и шумы отеля. Ее комната, ее жизнь; ей очень хотелось оставаться там, простертой и бездеятельной, а не переселяться, чтобы оказаться средь белых и безликих стен.

— Я не хочу, чтобы меня увозили отсюда, — сказала она сдавленным голосом, и снова обжигающие волны прокатились по ней, а к глазам подступили неуемные слезы.

— Не грустите, — с несчастным видом пылко сказала Ксавьер. — Вы скоро поправитесь. — Она

вдруг бросилась на кровать и своей прохладной щекой прижалась к горячечной щеке Франсуазы.

— Милая моя Ксавьер, — с чувством прошептала Франсуаза. Она обвила рукой гибкое, теплое тело. Ксавьер давила на Франсуазу всей своей тяжестью, она не могла дышать, но не хотела отпускать ее; так она прижимала ее однажды утром к своему сердцу: почему она не сумела удержать ее? Она так любила это обеспокоенное, исполненное нежности лицо.

— Милая моя Ксавьер, — повторила она. К горлу подступило рыдание; нет, она никуда не поедет. Произошла ошибка, ей хотелось все начать заново. В минуту печали ей почудилось, будто Ксавьер отдалилась от нее, но этот порыв, бросивший сейчас Ксавьер в ее объятия, не мог обмануть. Никогда Франсуазе не забыть ее запавших от беспокойства глаз и ту внимательную, горячую любовь, которую вот уже два дня без удержу расточала ей Ксавьер.

Тихонько отстранившись от Франсуазы, Ксавьер встала.

— Я пойду, — сказала она, — на лестнице я слышу шаги Лабруса.

— Я уверена, что он захочет отправить меня в

клинику, — в тревоге произнесла Франсуаза.

Постучав, вошел Пьер, вид у него был озабоченный.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он, сжав руку Франсуазы. Он улыбнулся Ксавьер: — Она была благоразумной?

— Все в порядке, — тихо ответила Франсуаза, — я немного задыхаюсь. — Она хотела приподняться, но острая боль пронзила ей грудь.

— Пожалуйста, стукните мне в дверь, когда будете уходить, — попросила Ксавьер, приветливо глядя на Пьера. — Я вернусь.

— Не стоит, — отозвалась Франсуаза, — вам надо немного пройтись.

— Разве я плохая сиделка? — с упреком спросила Ксавьер.

— Лучшая из сиделок, — ласково ответила Франсуаза.

Ксавьер бесшумно закрыла за собой дверь, и Пьер сел у изголовья Франсуазы.

— Ну как, ты видела доктора?

— Да, — с недоверием ответила Франсуаза. Лицо ее исказилось, она не хотела плакать, но совсем не могла владеть собой.

— Вызови медсестру, но оставь меня здесь, — попросила она.

— Послушай. — Пьер положил руку ей на лоб. — Внизу они мне сказали, что ты нуждаешься в постоянном уходе. Все не так страшно, но если задето легкое, то это все-таки серьезно. Тебе нужны уколы, забота и врач поблизости. Хороший врач. А этот старик настоящий осел.

— Найди другого врача и медсестру, — сказала она.

Полились слезы; изо всех жалких оставшихся у нее сил она продолжала сопротивляться. Она не уступала, она не позволит оторвать ее от своей комнаты, от своего прошлого, от своей жизни; но у нее не было больше возможности защищаться, даже голос ее был всего лишь шепотом.

— Я хочу остаться с тобой, — сказала она, совсем расплакавшись. Теперь она полностью зависела от другого, став всего лишь жалким, дрожащим в лихорадке телом, без сил, без слов и даже без мысли.

— Я весь день буду там, — сказал Пьер. — Это то же самое.

Он смотрел на нее умоляюще, взволнованно.

— Нет, не то же, — возразила Франсуаза. Ее душили рыдания. — Это конец.

Она слишком устала, чтобы ясно различать, что умирало в желтом свете комнаты, но ни за что

не желала утешиться. Она так боролась, ей давно уже грозила опасность. Она вновь вперемешку увидела столики в «Поль Нор», банкетки в «Доме», комнату Ксавьер, свою собственную комнату и снова видела себя напряженно, судорожно цепляющуюся за неведомо какое добро. Теперь время пришло; сколько бы она ни сжимала руки и ни цеплялась в последнем рывке, ее увезут вопреки ее воле. От нее ничего больше не зависело, и ей ничего не оставалось, кроме слез.

Лихорадка не отпускала Франсуазу всю ночь. Заснула она лишь под утро. Когда она открыла глаза, комнату освещало слабое зимнее солнце, а над кроватью склонился Пьер.

— Машина «Скорой помощи» уже здесь, — сказал он.

— Ах! — выдохнула Франсуаза.

Она вспомнила, что плакала накануне вечером, но уже не помнила хорошенько, почему. Она ощущала только пустоту и была совершенно спокойна.

— Мне надо взять с собой вещи, — сказала она.

Ксавьер улыбнулась.

— Пока вы спали, мы собрали ваш багаж. Пижамы, носовые платки, одеколон. Думаю, мы ничего не забыли.

— Можешь быть спокойна, — весело сказал Пьер. — Она ухитрилась заполнить огромный чемодан.

— Зато вы отпустили бы ее, как сироту, с зубной щеткой в носовом платке, — заметила Ксавьер. Подойдя к Франсуазе, она с тревогой посмотрела на нее. — Как вы себя чувствуете? Вас не слишком это утомит?

— Я чувствую себя очень хорошо, — ответила Франсуаза.

Что-то произошло, пока она спала. Ни разу на протяжении многих недель она не знала подобного покоя. По лицу Ксавьер пробежала тень; взяв руку Франсуазы, она сжала ее:

— Я слышу, они поднимаются.

— Вы будете навещать меня каждый день, — сказала Франсуаза.

— Ну конечно, каждый день, — ответила Ксавьер. Склонившись над Франсуазой, она поцеловала ее, глаза ее наполнились слезами. Франсуаза улыбнулась ей. Она еще знала, как улыбаются, но не помнила, как могут волноваться из-за слез и вообще из-за чего-то волноваться. Она с полным равнодушием увидела двух вошедших санитаров, которые подняли ее и уложили на носилки. Она в последний раз улыбнулась Ксавьер, которая,

окаменев, стояла у пустой кровати, потом дверь закрылась за Ксавьер, за комнатой, за прошлым. Франсуаза больше не была человеком, который распоряжается собственным телом: ее спускали по лестнице головой вперед, ногами в воздухе, словно тяжелый тюк, с которым санитары управлялись согласно законам тяготения и своих личных удобств.

— До скорого свидания, мадемуазель, поскорее выздоравливайте.

Хозяйка, коридорный и его жена выстроились в коридоре.

— До скорого, — ответила Франсуаза.

Ударившее ей в лицо холодное дуновение окончательно пробудило ее. У двери столпилась масса людей. Больная, которую несут в машину «Скорой помощи». Франсуаза часто видела это на улицах Парижа.

«Только на этот раз больная — это *я*», — с удивлением подумала она; ей не верилось в это до конца. Болезнь, несчастные случаи, все эти истории, издававшиеся миллионными экземплярами, это не могло стать ее историей, думалось ей всегда; она говорила себе это и по поводу войны; эти безликие, анонимные несчастья не могли произойти с ней. Неужели и сама я могу стать

неведомо кем? А между тем она находилась тут, в машине, которая плавно трогалась с места. Рядом с ней сидел Пьер. Больная. Несмотря ни на что, это случилось. Неужели она стала неведомо кем? Неужели поэтому она оказалась такой невесомой, освободившись от самой себя и от этого удушающего эскорта радостей и забот? Она закрыла глаза. Плавно катила машина, и скользило время.

«Скорая помощь» остановилась перед большим садом. Пьер плотно закутал Франсуазу одеялом, и ее перенесли по обледеневшим аллеям, потом по застеленным линолеумом коридорам. Уложили на большую кровать, и она с наслаждением ощутила под щекой свежесть нового полотна. Все здесь было таким чистым, успокаивающим. Подошла маленькая медсестра со смуглым лицом, поправила подушки и тихонько поговорила с Пьером.

— Я оставлю тебя, — сказал Пьер, — к тебе придет врач. Я скоро вернусь.

— Пока, — сказала Франсуаза.

Она без сожаления отпустила его; она в нем больше не нуждалась; ей нужны были только врач и медсестра; она была некой больной, номером 31, всего лишь банальным случаем вос-

паления легких. Простыни были свежими, стены белыми, а ее состояние — безмерно блаженным; только и всего, надо было лишь довериться, отречься, это оказалось так просто, почему она столько времени колебалась? Теперь вместо болтовни улиц, лиц, ее собственной головы ее окружало безмолвие, и ничего больше она не желала. Снаружи от ветра хрустнула какая-то ветка: в этой неизбывной пустоте малейший звук распространялся широкими волнами, их можно было почти увидеть и коснуться; это до бесконечности отзывалось множеством колебаний, повисавших в эфире вне времени и завораживающих душу больше, чем любая музыка. Медсестра поставила на столик графин с оранжадом, прозрачным и розовым. Франсуазе казалось, что ей никогда не наскучит смотреть на него; это находилось там; чудо состояло в том, что некая вещь находилась там, без усилий, эта нежная свежесть или неважно что другое; оно пребывало там без тревог и досады и не уставало существовать; почему же ее глазам перестать восхищаться этим? Да, это было как раз то, чего тремя днями раньше Франсуаза не осмеливалась желать: освобожденная, довольная, она покоилась под сенью мирных мгновений, замкнутых

на самих себе, гладких и круглых, словно галька.

— Вы можете немного приподняться? — спросил доктор. Он помог ей выпрямиться. — Так, хорошо, это ненадолго.

Вид у него был деловой и дружелюбный. Он достал из сумки какой-то аппарат и приложил его к груди Франсуазы.

— Дышите глубже, — попросил он.

Франсуаза вздохнула; это была нелегкая работа, дыхание у нее было коротким, и, как только она пыталась вздохнуть поглубже, ее пронзала острая боль.

— Считайте: один, два, три, — велел доктор.

Теперь он выслушивал спину, коротенькими ударами простукивал грудную клетку, подобно тому, как полицейский в кино прощупывает подозрительную стену. Франсуаза покорно считала, кашляла, дышала.

— Ну вот и все, — сказал доктор. Он поправил подушку под головой Франсуазы и доброжелательно посмотрел на нее:

— Это небольшая легочная инфекция. Вам будут делать уколы, чтобы поддержать сердце.

— Это надолго? — спросила Франсуаза.

— Обычно это проходит в течение девяти дней, но вам потребуется длительное выздоровление.

У вас уже были проблемы с легкими?

— Нет. А что? Вы думаете, у меня задето легкое?

— Трудно сказать, — неопределенно ответил доктор, похлопав Франсуазу по руке. — Как только вам станет лучше, вы сделаете рентген, и мы посмотрим, как с вами быть.

— Вы пошлете меня в туберкулезный санаторий?

— Я этого не говорил, — с улыбкой ответил доктор. — В любом случае несколько месяцев отдыха — это не страшно. Главное, не беспокойтесь.

— Я и не беспокоюсь, — сказала Франсуаза.

Задето легкое. Месяцы в санатории. Возможно, годы. Это было так странно. Значит, все это могло случиться. Как он был далек, тот рождественский вечер, когда она считала себя запертой в окончательно определившейся жизни, а ведь ничего еще не было установлено. Вдалеке простиралось будущее, гладкое и белое, словно простыни, словно стены, долгая спокойная дорога по мягкому снегу. Франсуаза была неведомо кем, и внезапно становилось возможным неведомо что.

Франсуаза открыла глаза; она любила такие пробуждения, они не исторгали ее из отдыха, но позволяли с радостью осознавать их; ей даже не

надо было менять положения — она уже сидела; она привыкла спать таким образом. Сон не был для нее сладостным и отчаянным пристанищем, это была деятельность среди прочих, которая осуществлялась в том же положении, что и прочие. Она неспешно взглянула на апельсины и книги, которые Пьер разложил на ночном столике; перед ней простирался свободный спокойный день.

«Скоро мне сделают рентгеноскопию», — подумала она. Это было главное событие, вокруг которого выстраивалось все остальное. К результатам исследования она испытывала безразличие. Больше всего ее интересовало, как переступить порог этой палаты, где она провела взаперти три недели. Ей казалось, что сегодня она совершенно здорова и наверняка без труда сможет держаться на ногах и даже идти.

Утро прошло быстро. Занимавшаяся Франсуазой молодая худая темноволосая медсестра, приводя ее в порядок, вела долгий разговор о судьбе современной женщины и благородстве просвещения. Затем приходил доктор. К десяти часам прибыла мадам Микель, она принесла две свежевыглаженные пижамы, кофточку из розовой ангорской шерсти, мандарины, одеколон. Она

присутствовала на завтраке, рассыпаясь в благодарностях медсестре. После ее ухода Франсуаза вытянула ноги и, лежа на спине с почти выпрямившимся телом, предоставила миру скользить к ночи. Он скользил, потом возвращался к свету и снова скользил — это было весьма мягкое покачивание. Внезапно оно прекратилось. Над кроватью склонилась Ксавьер.

— Вы хорошо провели ночь? — спросила она.

— С этими капельками я всегда сплю хорошо, — ответила Франсуаза.

Откинув назад голову, со смутной улыбкой на губах, Ксавьер развязывала платок, покрывавший ее волосы. Когда она занималась собой, в ее жестах всегда присутствовало нечто ритуальное и таинственное; платок соскользнул, и сама она снова спустилась на землю. С настороженным видом Ксавьер взяла в руки пузырек.

— Не надо к этому привыкать, — сказала она. — Потом вы не сможете без этого обойтись. Взгляд у вас станет застывшим, нос заострится, и вид будет пугающим.

— И вы сговоритесь с Лабрусом прятать от меня все мои пузырьки, — сказала Франсуаза, — но я вас выслежу. — Она закашлялась, говорить ей было тяжело.

— А я не ложилась всю ночь, — с гордостью призналась Ксавьер.

— Вы все мне подробно расскажете, — сказала Франсуаза.

Фраза Ксавьер вонзилась в нее, словно инструмент дантиста в мертвый зуб. Она не чувствовала ничего, кроме опустевшего места не существующей больше тревоги. Пьер слишком устает, Ксавьер никогда ничего не добьется: такие мысли еще присутствовали, но беспомощные и нечувствительные.

— У меня для вас кое-что есть, — сказала Ксавьер.

Она сняла свой плащ и вытащила из кармана картонную коробочку, перевязанную зеленой шелковой лентой. Франсуаза развязала узел и приподняла крышку. Под ватой и шелковистой бумагой лежал букет подснежников.

— Какие красивые, — сказала Франсуаза, — они похожи и на живые, и на искусственные.

Ксавьер слегка подула на белые венчики.

— Они трудно пережили ночь, но сегодня утром я привела их в порядок, и они чувствуют себя хорошо.

Она встала, налила воды в стакан и поставила туда цветы. Черный бархатный костюм еще более

утончал ее гибкое тело. От крестьяночки в ней больше ничего не осталось. Это была законченная и уверенная в своей прелести девушка. Она подвинула кресло к кровати.

— Мы действительно провели потрясающую ночь, — сказала она.

Почти каждую ночь она встречала Пьера у выхода из театра, между ними не осталось и следа разногласий. И никогда еще Франсуаза не видела на ее лице такого взволнованного и сострадательного выражения. Губы Ксавьер слегка выдвигались вперед, словно обещая некий дар, а глаза улыбались. Это воспоминание о Пьере, заботливо упакованное под шелковистой бумагой и ватой в хорошо закрытой шкатулке, словно ласкало Ксавьер.

— Вы же знаете, я давно уже хотела совершить большой обход Монмартра, — сказала она. — И это все никак не получалось.

Франсуаза улыбнулась; существовал вокруг квартала Монпарнас некий магический круг, который Ксавьер никогда не решалась переступить; холод, усталость тотчас останавливали ее, и она пугливо укрывалась в «Доме» или в «Поль Нор».

— Вчера вечером Лабрус совершил переворот, — рассказывала Ксавьер. — Он увез меня в

такси и высадил на площади Пигаль. Мы понятия не имели, куда хотим пойти, и отправились на разведку. — Она улыбнулась. — Должно быть, над головой у нас метались огненные языки, потому что через пять минут мы очутились перед каким-то совсем красным домиком со множеством крохотных окошек и красными занавесками. Выглядело это весьма интимно и немного двусмысленно. Я не решалась войти, но Лабрус отважно толкнул дверь; внутри было очень жарко и полно народа. Мы все-таки отыскали в углу столик с розовой скатертью и прелестными розовыми салфетками, похожими на карманные платочки для несерьезных молодых людей. Мы сели там. — Ксавьер умолкла на мгновение. — И ели кислую капусту со свининой.

— Вы ели кислую капусту? — удивилась Франсуаза.

— Ну да, — сказала Ксавьер, очень довольная произведенным впечатлением. — Я нашла это восхитительным.

Мысленно Франсуаза угадывала бесстрашный, сияющий взгляд Ксавьер: «И мне тоже кислую капусту».

То было мистическое причащение, которое она предложила Пьеру. Они сидели рядом, немного в

стороне, и смотрели на людей, потом обменивались радостным, заговорщицким, дружелюбным взглядом друг с другом. В этих картинках не было ничего тревожного. Франсуаза со спокойствием представляла их себе. Все это происходило за пределами голых стен, за пределами сада клиники, в мире таком же химерическом, как черно-белый мир кино.

— Публика там была странная, — продолжала Ксавьер, скривив губы с притворно добродетельным видом. — Наверняка торговцы кокаином, рецидивисты. Хозяин — бледнющий высокий брюнет с толстыми розовыми губами, похож на гангстера. Не на грубияна, а на довольно утонченного гангстера, без жестокости. — И она добавила, для себя самой: — Мне хотелось бы соблазнить такого человека.

— И что бы вы с ним сделали? — спросила Франсуаза.

Губы Ксавьер раздвинулись, обнажив белые зубы.

— Я заставила бы его страдать, — ответила она со сладострастным видом.

Франсуаза взглянула на нее с чувством неловкости. Эта строгая юная добродетель — казалось кощунством думать о ней как о некой женщине

с женскими желаниями. Но, однако, сама она — как она себя мыслила? Какие сны чувственности и кокетства заставляли вздрагивать ее нос, губы? Какому образу самой себя, скрытому от всех глаз, улыбалась она с загадочным потворством? В это мгновение Ксавьер ощущала свое тело. Она чувствовала себя женщиной, и у Франсуазы создалось впечатление, будто она обманута насмешливой незнакомкой, скрывавшейся за привычными чертами.

Гримаса исчезла, и Ксавьер добавила тоном ребенка:

— А потом он повел бы меня в курильни опиума и познакомил бы с преступниками.

Она на мгновение задумалась.

— Возможно, возвращаясь туда каждый вечер, мы заставили бы принять себя. Мы уже начали заводить знакомства, например, с двумя женщинами, совершенно пьяными, которые были в баре. — И она доверительно добавила: — Педерастами.

— Вы хотите сказать лесбиянками? — заметила Франсуаза.

— Это не одно и то же? — подняв брови, спросила Ксавьер.

— Педерастами называют только мужчин, —

ответила Франсуаза.

— Во всяком случае, это была пара, — с оттенком нетерпения продолжала Ксавьер; лицо ее оживилось. — Одна, с очень коротко остриженными волосами, действительно была похожа на юношу, очаровательного, совсем молоденького, который прилежно совращался. Другая была женщиной чуть постарше и довольно красивой, в черном шелковом платье с красной розой на корсаже. Поскольку молодой человек мне нравился, Лаврус сказал, что я должна попытаться соблазнить его. Я отчаянно строила глазки, и она спокойно подошла к нашему столику, предложив мне выпить из ее стакана.

— А как вы строите глазки? — спросила Франсуаза.

— Вот так, — ответила Ксавьер. Она украдкой направила на графин с оранжадом лживый, вызывающий взгляд, и снова Франсуаза пришла в замешательство — не потому, что Ксавьер обладала талантом, который ее смущал, а потому, что она с таким удовольствием восхищалась этим.

— И тогда…

— Тогда мы пригласили ее сесть, — продолжила Ксавьер.

Бесшумно отворилась дверь; к постели подо-

шла молоденькая медсестра со смуглым лицом.

— Пора делать укол, — бодрым тоном сказала она.

Ксавьер встала.

— Вам не обязательно уходить, — сказала медсестра, наполняя шприц зеленой жидкостью. — Это всего одна минута.

Ксавьер взглянула на Франсуазу с несчастным видом, в котором сквозил упрек.

— Знаете, я не кричу, — с улыбкой заметила Франсуаза.

Шагнув к окну, Ксавьер прислонилась лбом к стеклу. Откинув одеяло, медсестра обнажила часть бедра. Кожа вся была разукрашена синяками, а под ними — множеством твердых шариков. Резким движением медсестра вонзила иглу. Она была умелой и совсем не причиняла боли.

— Вот и все, — сказала она, взглянув на Франсуазу с немного сварливым видом. — Не надо много разговаривать, вы утомите себя.

— Я не разговариваю, — ответила Франсуаза.

Улыбнувшись ей, медсестра вышла из палаты.

— Какая ужасная женщина! — сказала Ксавьер.

— Она милая, — возразила Франсуаза. Она была исполнена вялой снисходительности к этой

ловкой и предупредительной девушке, которая так хорошо за ней ухаживала.

— Как можно быть медсестрой! — Ксавьер бросила на Франсуазу испуганный и брезгливый взгляд. — Она сделала вам больно?

— Да нет, это совсем не чувствуется.

Ксавьер вздрогнула. Она способна была по-настоящему испытывать дрожь при виде образов.

— Вонзающаяся в мою плоть иголка — я не смогу этого вынести.

— Если бы вы были наркоманкой… — сказала Франсуаза.

Ксавьер с презрительным смешком откинула голову назад.

— Ах, это я сама себе бы делала. Себе я могу делать что угодно.

Франсуаза узнала этот высокомерный и обиженный тон.

Ксавьер судила людей не столько по их действиям, сколько по ситуациям, в которых те находились даже не по своей воле. Она готова была закрыть глаза, поскольку речь шла о Франсуазе, но быть больной — это серьезная провинность; она вдруг вспомнила об этом.

— И все-таки вам придется это вынести, — заметила Франсуаза и не без доли недоброже-

лательства добавила: — Возможно, с вами это когда-нибудь случится.

— Ни за что, — ответила Ксавьер, — я скорее отдам концы, чем пойду к врачу.

Ее мораль отвергала лечение. Это было пошло — упорствовать жить, если жизнь ускользает. Она ненавидела любое упорство как недостаток свободы и гордости.

«Она позволит лечить себя, как любая другая», — с раздражением подумала Франсуаза, однако это было слабое утешение. В эту минуту Ксавьер, в черном костюме, была тут, свежая и свободная. Блузка из шотландки со строгим воротником подчеркивала сияющую свежесть ее лица, волосы ее блестели. Лишенная свободы действий, Франсуаза находилась во власти медсестер и докторов. Она была худой и некрасивой, совсем немощной и едва могла говорить. И внезапно свою болезнь она ощутила как унизительный позор.

— Вы закончите рассказывать мне свою историю? — сказала она.

— А она не придет снова нам мешать? — насупившись, спросила Ксавьер. — Она даже не стучит.

— Не думаю, что она вернется, — ответила

Франсуаза.

— Так вот! Та женщина подала знак своей подруге, — с усилием продолжила Ксавьер, — и они расположились рядом с нами. Та, что помоложе, допила виски и вдруг повалилась на стол руками вперед, прислонившись щекой к локтю, словно малое дитя. Она смеялась и плакала — все сразу; волосы ее взъерошились, на лбу выступил пот, и притом она оставалась опрятной и чистой. — Ксавьер умолкла, мысленно она вновь видела всю сцену. — Это поразительно, когда кто-то доходит до какого-то предела, действительно до предела, — продолжала она; с минуту она молчала, устремив взгляд в пустоту, потом с живостью проговорила: — Другая трясла ее, она во что бы то ни стало хотела ее увести. Она была похожа на заботливую шлюху, знаете, из тех шлюх, которые не хотят бросать на погибель своего любовника из корысти, собственнического инстинкта и своего рода грязной жалости. Все вместе.

— Понимаю, — сказала Франсуаза.

Можно было подумать, что целые годы своей жизни Ксавьер провела среди шлюх.

— Кто-то стучит? — спросила Франсуаза, прислушиваясь. — Скажите, пожалуйста, чтобы вошли.

— Войдите, — ясным голосом произнесла Ксавьер. Тень недовольства промелькнула в ее глазах.

Дверь отворилась.

— Привет, — сказал Жербер. Немного смутившись, он протянул руку Ксавьер. — Привет, — повторил он, подойдя к кровати.

— Как мило, что вы пришли, — сказала Франсуаза.

Она и не помышляла о его визите, но была удивлена и обрадована его появлением. Казалось, в палату ворвался свежий воздух, сметая запах болезни и душную теплоту воздуха.

— Какой странный у вас вид, — сочувственно улыбнулся Жербер. — Вы похожи на вождя индейского племени сиу.

— Я вылечилась, — ответила Франсуаза. — Такие вещи решаются за девять дней; обычно либо отдают концы, либо лихорадка проходит. Присаживайтесь.

Жербер снял свой шарф, шерстяной шарф с крупными рубчиками ослепительной белизны. Присев на пуф посреди палаты, он с немного затравленным видом переводил взгляд то на Франсуазу, то на Ксавьер.

— У меня уже нет температуры, но я еще не

уверена в своих силах, — сказала Франсуаза. — Скоро мне должны сделать рентгеноскопию. Я вот думаю, что будет, когда я спущу ноги с кровати. Собираются исследовать мое легкое, чтобы узнать, что с ним на самом деле. Доктор говорил, что, когда меня доставили сюда, мое правое легкое было похоже на кусок печени, и другое тоже потихоньку начинало превращаться в печенку.

Она слегка закашлялась.

— Надеюсь, они снова обрели должную плотность. Представляете, если бы мне пришлось годы провести в санатории.

— Было бы невесело, — сказал Жербер; в поисках вдохновения он обвел глазами палату. — Сколько у вас цветов! Можно подумать, комната невесты!

— Корзина — это от учениц школы, — ответила Франсуаза. — Горшок с азалиями — это Тедеско и Рамблен; Поль Берже прислала анемоны.

У нее снова начался кашель.

— Вот видите, вы кашляете, — с чересчур горячим сочувствием заметила Ксавьер. — Медсестра запретила вам разговаривать.

— Вы благоразумная сиделка, — сказала Франсуаза. — Я умолкаю.

Наступило недолгое молчание.

— И что, что сталось с теми женщинами? — спросила Франсуаза.

— Они ушли, вот и все, — сквозь зубы ответила Ксавьер.

С героической решимостью Жербер отбросил закрывавшую его лицо прядь.

— Мне очень хотелось бы, чтобы вы поскорее поправились и пришли посмотреть на моих кукол, — сказал он. — Знаете, дело движется, спектакль будет готов через две недели.

— Но вы поставите за год и другие? — спросила Франсуаза.

— Да, теперь, когда есть помещение. В «Имаж» хорошие ребята; мне не нравится, что они делают, но они на редкость сговорчивы.

— Вы довольны?

— Я в восторге, — ответил Жербер.

— Ксавьер говорила, что ваши куклы такие красивые, — сказала Франсуаза.

— Это глупо, мне надо было принести вам одну, — сказал Жербер. — У них там куклы на нитях, а у нас куклы как в кукольном театре. Мы руками заставляем их ходить, так гораздо забавнее. Они сшиты из клеенки, с большими расширяющимися юбками, которые скрывают всю руку: надеваются, как перчатка.

— Вы сами их сделали? — спросила Франсуаза.

— Мы вместе с Молье, но все идеи мои, — без ложной скромности сказал Жербер. Он так был переполнен интересующим его предметом, что забыл о своей застенчивости. — Знаете, маневрировать не так удобно, поскольку у движений есть ритм и выразительность, но я начинаю овладевать этим умением. Вы не представляете, сколько мелких проблем возникает с мизансценами. Взять хотя бы подготовку свидания. — Он поднял в воздух обе руки. — В каждой руке держишь куклу. Если хочешь одну отправить на край сцены, нужно найти предлог, чтобы в то же время передвинуть и другую. Это требует изобретатель– ности.

— Мне очень хотелось бы поприсутствовать на какой-нибудь репетиции, — сказала Франсуаза.

— Сейчас мы работаем каждый день, с пяти до восьми, — ответил Жербер. — Мы ставим пьесу на пять персонажей и три скетча. У меня давно уже все сложилось в голове. — Он повернулся к Ксавьер: — Вчера мы отчасти рассчитывали на вас, вас не интересует роль?

— Как это? Безмерно интересует, — с обиженным видом ответила Ксавьер.

— Тогда пойдемте сейчас со мной, — предло-

жил Жербер. — Вчера роль читала Шано, но это было ужасно. Она говорит так, словно выступает на сцене. Очень трудно найти диапазон, — обратился он к Франсуазе. — Надо, чтобы голос звучал как будто бы из кукол.

— Но я боюсь, что не смогу, — сказала Ксавьер.

— Уверен, что сможете. Четыре реплики, которые вы тогда подали, были как раз что надо.

Жербер чарующе улыбнулся.

— И знаете, поступления делятся между актерами. Если повезет, вы получите маленький гонорар в пять или шесть франков.

Франсуаза откинулась на подушки. Она была довольна, что они стали говорить между собой, она утомилась. Ей хотелось выпрямить ноги, но малейшее движение требовало целой стратегии; она сидела на резиновом круге, обсыпанном тальком, под ее пятками была резина, и что-то вроде обруча из ивы приподнимало простыни над ее коленями, иначе трение вызвало бы раздражение кожи. Ей удалось вытянуться. Если Пьер не придет сразу после их ухода, она немного поспит, ясности в голове не было. Она услышала, как Ксавьер говорит:

— Толстая женщина превратилась вдруг в воздушный шар, юбки ее задрались кверху, обра-

зовав корзину шара, и она воспарила в воздух.

Ксавьер рассказывала о куклах, которых видела на ярмарке в Руане.

— А я видела в Палермо представление «Неистового Роланда», — сказала Франсуаза.

Продолжать она не стала, у нее не было желания рассказывать. Это было на одной из крохотных улочек, возле торговца виноградом. Пьер купил ей огромную гроздь липкого муската. Место стоило пять су, и в зале были одни лишь дети. Ширина скамеек в точности соответствовала размеру их маленьких седалищ; в антрактах какой-то человек расхаживал с подносом, на котором громоздились стаканы со свежей водой, он продавал их по су за штуку, а потом он сел на скамью возле сцены. В руке он держал длинный хлыст, которым наносил удары детям, шумевшим во время спектакля. На стенах висели своего рода истории Роланда; куклы были великолепные, в рыцарских доспехах, совершенно не гнущиеся. Франсуаза закрыла глаза. Прошло всего два года, но это казалось уже чем-то доисторическим. Теперь все стало таким сложным: и чувства, и жизнь, и Европа. Ей-то это было безразлично, поскольку она пассивно давала себе волю плыть, словно обломок после кораблекрушения, но

повсюду на горизонте виднелись черные рифы. Она плыла по серому океану, а вокруг нее всюду простирались битумозные и серые воды, и она лежала на спине, ни о чем не думая, ничего не опасаясь и ничего не желая. Она снова открыла глаза.

Разговор смолк. Ксавьер разглядывала свои ноги, а Жербер судорожно сосредоточился на горшке с азалиями.

— Над чем вы сейчас работаете? — наконец спросил он.

— Над «Случайностью» Мериме[5], — ответила Ксавьер.

Она пока так и не решилась пройти свою сцену с Пьером.

— А вы? — спросила Ксавьер.

— Над Октавом в «Прихотях Марианны»[6], но это только чтобы подавать реплики Канзетти.

Снова наступило молчание; Ксавьер с недобрым видом поморщилась:

— Канзетти хорошая Марианна?

— Я не нахожу, что для нее это странно, — от-

---

**[5] notes: 5**

L'Occasion, пьеса П. Мериме 1829 г. из цикла «Театр Клары Гасуль» («Théâtre de Clara Gazul»).

**[6] notes: 6**

Les Caprices de Marianne, пьеса А. Де Мюссе 1833 г.

ветил Жербер.

— Она вульгарна, — сказала Ксавьер.

Кивком Жербер откинул волосы назад.

— А знаете, возможно, я покажу номер с куклами у Доминики Ориоль. Это будет здорово, ведь начало у ее заведения, похоже, удачное.

— Элизабет говорила мне об этом, — сказала Франсуаза.

— Она-то меня и представила. Она там задает тон.

С восторженным и негодующим видом он поднес руку ко рту:

— А как она теперь важничает, это невероятно!

— Она при деньгах, о ней стали говорить, это вносит разнообразие в ее жизнь, — заметила Франсуаза. — Она стала потрясающе элегантной.

— Мне не нравится, как она одевается, — с явным пристрастием сказал Жербер.

Странно было думать, что там, в Париже, дни не походили один на другой. Что-то происходило, двигалось, менялось. Но все эти далекие волнения, смутные мелькания не пробуждали у Франсуазы никакого желания.

— Мне пора уходить, в пять часов я должен быть в тупике Жюль-Жаплена, — сказал Жербер.

Он взглянул на Ксавьер: — Так вы пойдете со мной? Иначе Шано не выпустит роль.

— Я иду, — ответила Ксавьер. Она надела плащ и старательно завязала платок под подбородком.

— Вы еще надолго останетесь здесь? — спросил Жербер.

— Надеюсь, на неделю, — ответила Франсуаза. — А потом вернусь к себе.

— До свидания, до завтра, — немного холодно сказала Ксавьер.

— До завтра, — отозвалась Франсуаза.

Она улыбнулась Жерберу, который дружески помахал на прощание. Открыв дверь, он с обеспокоенным видом пропустил Ксавьер вперед. Верно, он спрашивал себя, о чем же он сможет с ней говорить. Франсуаза снова откинулась на подушки. Ей доставляло удовольствие думать, что Жербер испытывает добрые чувства к ней; естественно, он намного меньше, чем к Лабрусу, привязан к ней, однако это была личная симпатия, действительно обращенная к ней; она тоже очень его любила. Невозможно было представить себе более приятные отношения, чем эта дружба без особых претензий и всегда проникновенная. Она закрыла глаза, ей было хорошо; годы санатория… даже эта мысль не вызывала у нее никакого

возмущения. Через несколько мгновений она все узнает: она чувствовала себя готовой принять любой вердикт.

Дверь тихонько отворилась.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Пьер.

Кровь прилила к лицу Франсуазы; присутствие Пьера доставляло ей больше чем удовольствие. Только с ним исчезало ее безразличное спокойствие.

— Мне все лучше и лучше, — ответила она, удерживая руку Пьера в своей.

— Тебе сейчас должны делать эту рентгеноскопию?

— Да. Но знаешь, врач думает, что легкое вполне восстановилось.

— Только бы они тебя не слишком утомляли, — сказал Пьер.

— Сегодня я полна бодрости, — сказала Франсуаза.

Сердце ее переполняла нежность. Как несправедлива она была, сравнивая любовь Пьера со старым окрашенным гробом! Благодаря этой болезни она убедилась в ее живой наполненности. Она была признательна ему не только за его постоянное присутствие, телефонные звонки, знаки внимания. Незабываемую радость доставило ей

то, что кроме безусловной нежности она увидела у него страстную тревогу, которую он не сознавал и которая переполняла его. В такие минуты он не следил за своим лицом, обращенным к ней. Сколько бы ему ни говорили, что речь идет лишь о формальности, его терзало беспокойство. Он положил на кровать пачку книг.

— Посмотри, что я для тебя выбрал. Тебе это нравится?

Франсуаза взглянула на названия: два детективных романа, один американский, несколько журналов.

— Конечно, нравится, — сказала она. — Какой ты милый!

Пьер снял пальто.

— Я встретил в саду Жербера с Ксавьер.

— Он взял ее репетировать кукольную пьесу, — сказала Франсуаза. — Они забавны, когда видишь их вместе. От отчаянной говорливости они переходят к мрачному молчанию.

— Да, — согласился Пьер, — они забавны.

Он сделал шаг к двери.

— Кажется, идут.

— Четыре часа, самое время, — молвила Франсуаза.

Вошла медсестра. Впереди нее с важностью

шествовали два санитара с огромным креслом.

— Как вы находите нашу больную? — спросила медсестра. — Надеюсь, она спокойно перенесет эту маленькую экспедицию.

— Выглядит она хорошо, — заметил Пьер.

— Я очень хорошо себя чувствую, — сказала Франсуаза.

Переступить порог палаты после долгих дней заточения — это было настоящее приключение. Ее приподняли, закутали в одеяла, усадили в кресло. Было странно оказаться сидящей — это совсем не то, что сидеть в кровати, от этого немного кружилась голова.

— Все в порядке? — спросила медсестра, поворачивая ручку двери.

— Все хорошо, — отвечала Франсуаза.

Слегка шокированная, она с удивлением взглянула на эту дверь, которая открывалась для выхода наружу — обычно она открывалась, чтобы впустить людей. Теперь она внезапно меняла свое назначение, превращаясь в выходную дверь. И палата тоже выглядела необычно — с пустой кроватью она уже не была тем сердцем клиники, к которому сходились коридоры и лестница. Теперь коридор, застеленный бесшумным линолеумом, становился жизненной артери-

ей, на которую выходил неопределенный ряд маленьких ячеек. Франсуазе почудилось, будто она перешла на другую сторону мира: это было почти столь же странно, как проникнуть сквозь зеркало.

Кресло поставили в помещении, выложенном плитками и наполненном сложными аппаратами; было страшно жарко. Франсуаза прикрыла глаза — это путешествие в потусторонний мир утомило ее.

— Вы сможете простоять на ногах две минуты? — спросил только что вошедший врач.

— Я попробую, — сказала Франсуаза. Она уже не так была уверена в своих силах.

Крепкие руки поставили ее на ноги и провели среди аппаратов. Пол вихрем уходил у нее из-под ног, это вызывало тошноту. Она никогда бы не подумала, что шагать — это такая работа. Пот крупными каплями выступил у нее на лбу.

— Стойте неподвижно, — раздался чей-то голос.

Ее прислонили к аппарату, и деревянная дощечка прижалась к ее груди; Франсуаза с трудом дышала; она не сумеет продержаться две минуты, не задохнувшись. Внезапно наступила тьма, и воцарилось молчание. Она слышала лишь

короткий и учащенный свист своего дыхания; потом раздался щелчок, резкий стук, и все исчезло. Когда она снова пришла в сознание, то снова лежала в кресле. Над ней ласково склонился врач, а медсестра вытирала мокрый от пота лоб.

— Все кончено, — сказал врач. — Ваши легкие великолепны, можете спать спокойно.

— Вам лучше? — спросила медсестра.

Франсуаза едва кивнула. Она была изнурена, ей казалось, что никогда она не обретет силы и ей придется лежать всю оставшуюся жизнь. Она откинулась на спинку кресла, и ее понесли по коридорам. Голова ее была пустой и тяжелой, она заметила Пьера, шагавшего взад-вперед у двери палаты. Он с мучительным беспокойством улыбнулся ей.

— Все в порядке, — прошептала она.

Он сделал шаг к ней.

— Минуточку, будьте любезны, — сказала медсестра.

Повернув к ней голову, Франсуаза увидела ее такой крепкой на собственных ногах, и ее охватила тоска. Насколько сама она была беспомощна и немощна! Какая-то инертная масса, которую передвигают с помощью рук.

— Теперь вы должны отдохнуть, — сказала

медсестра. Она поправила подушки, натянула простыни.

— Большое спасибо. — Франсуаза с наслаждением вытянулась. — Будьте любезны, скажите, что можно войти.

Медсестра вышла из палаты; за дверью послышалось шушуканье, и вошел Пьер. Франсуаза с завистью следила за ним глазами — ему казалось так естественно передвигаться по палате.

— Я очень рад, — сказал он. — Выходит, ты здорова как бык.

Наклонившись, он поцеловал ее; светившаяся в его улыбке радость согрела сердце Франсуазы; он не изображал эту радость нарочно, чтобы передать ей, а совершенно безвозмездно проживал ее сам; его любовь снова стала блистательной очевидностью.

— Какой отчаянный у тебя был вид в кресле, — с нежностью сказал Пьер.

— Я была почти без сознания, — ответила Франсуаза.

Пьер достал из кармана сигарету.

— Знаешь, ты можешь курить свою трубку, — сказала она.

— Ни за что в жизни, — отвечал Пьер. Он с жадностью посмотрел на сигарету. — Даже этого не

следовало бы.

— Да нет, мое легкое восстановилось, — весело сказала Франсуаза.

Пьер закурил сигарету.

— А теперь тебя скоро доставят обратно. Вот увидишь, какое прекрасное выздоровление у тебя будет. Я достану тебе проигрыватель и пластинки, тебя будут навещать, ты будешь как сыр в масле кататься.

— Завтра я спрошу у доктора, когда он разрешит мне уйти, — сказала Франсуаза. Она вздохнула. — Но, кажется, я никогда больше не смогу ходить.

— О! Это быстро пройдет, — возразил Пьер. — Каждый день тебя ненадолго будут сажать в кресло, а потом на несколько минут ставить на ноги, и в конце концов ты сможешь совершать настоящие прогулки.

Франсуаза доверчиво улыбнулась ему.

— Похоже, вчера вы с Ксавьер провели замечательный вечер, — сказала она.

— Мы обнаружили довольно забавное место, — ответил Пьер.

Он вдруг нахмурился; у Франсуазы создалось впечатление, что она сразу вновь погрузила его в мир неприятных мыслей.

— Она рассказывала мне об этом с таким вос-

торгом, — разочарованно сказала она.

Пьер пожал плечами.

— В чем дело, — продолжала Франсуаза. — О чем ты думаешь?

— О! Это не представляет интереса, — со сдержанной улыбкой ответил Пьер.

— До чего ты странный! Меня все интересует, — с некоторой тревогой сказала Франсуаза.

Пьер заколебался.

— Ну что? — спросила Франсуаза, глядя на Пьера. — Прошу тебя, скажи мне, что у тебя в мыслях?

— Я задаюсь вопросом, а не влюблена ли она в Жербера.

Франсуаза с изумлением посмотрела на него.

— Что ты хочешь сказать?

— Именно то, что говорю. И это было бы естественно. Жербер красив и очарователен, как раз такого рода очарование и привлекает Ксавьер. — Он отрешенно взглянул в окно. — Это даже более чем вероятно.

— Но Ксавьер слишком занята тобой, — сказала Франсуаза. — Она, похоже, была потрясена проведенной ночью.

Губа Пьера вытянулась вперед, и Франсуаза с тревогой вновь увидела тот резкий и слегка

педантичный профиль, какого давно уже не наблюдала.

— Естественно, — высокомерно продолжал он, — я все еще в состоянии, если дам себе труд, предоставить кому-то возможность провести со мной потрясающие минуты. Но что это доказывает?

— Я не понимаю, почему ты так думаешь, — сказала Франсуаза.

Пьер, казалось, едва слушал ее.

— Речь идет о Ксавьер, а не об Элизабет, — отвечал он. — То, что я представляю для нее определенную интеллектуальную привлекательность, — бесспорно. Однако она наверняка не делает ошибки смешивать.

Франсуаза испытала шок; ведь это своей интеллектуальной привлекательностью Пьер когда-то заставил ее полюбить себя.

— Она чувственна, — продолжал он, — и ее чувственность неподдельна. Ей нравится моя беседа, но ей хочется поцелуев красивого молодого человека.

Досада Франсуазы усилилась, ведь ей нравились поцелуи Пьера. Не презирал ли он ее за это? Однако речь шла не о ней.

— Я уверена, что Жербер не ухаживает за ней, —

сказала она. — Прежде всего он прекрасно знает, что ты ею интересуешься.

— Ничего-то он не знает, — возразил Пьер, — он знает только то, что ему говорят. И потом, вопрос не в этом.

— Но, в конце-то концов, ты что-то заметил между ними? — спросила Франсуаза.

— Когда я увидел их в саду, меня поразило это как очевидность, — сказал Пьер, начиная грызть ноготь. — Ты никогда не замечала, как она смотрит на него, когда думает, что за ней не наблюдают: можно подумать, она хочет его съесть.

Франсуазе вспомнился тот жадный взгляд, который она перехватила в рождественский вечер.

— Да, — сказала она, — но Ксавьер также в восторге и от Поль Берже. Это мгновение страсти, но не настоящее чувство.

— А ты не помнишь, в какой она была ярости, когда однажды пошутили насчет тети Кристины и Жербера, — заметил Пьер. Казалось, он готов был съесть свой палец до самой кости.

— Это было в тот день, когда она с ним познакомилась, — сказала Франсуаза. — Не думаешь ли ты, что она уже его любила?

— А почему нет? Он сразу ей понравился.

Франсуаза задумалась. В тот вечер она оставила

Ксавьер одну с Жербером и, когда снова встретилась с ней, Ксавьер охватила странная ярость. Франсуаза задавалась вопросом, а не был ли он с ней невежлив? Но, возможно, напротив, Ксавьер сердилась на него за то, что он слишком ей понравился. И через несколько дней случилась та самая странная нескромность…

— Что ты об этом думаешь? — нервно спросил Пьер.

— Пытаюсь вспомнить, — ответила она.

— Вот видишь, ты сомневаешься, — настойчивым тоном продолжал Пьер. — О! Есть множество признаков. Что у нее было в голове, когда она рассказала ему, как мы не взяли его с собой?

— Ты полагал, что это было неким началом чувства к тебе.

— Было, конечно, и это. Именно в тот момент она начала интересоваться мной; но все должно было быть еще сложнее. Возможно, она действительно сожалела, что не провела с ним вечер. Возможно, она искала минутного сообщничества с ним против нас. Или еще хотела отомстить ему за желания, которые он внушал ей.

— Во всяком случае, это ни на что не указывает, — сказала Франсуаза. — Это слишком двусмысленно.

Она слегка приподнялась на подушках. Это обсуждение утомляло ее, на спине выступил пот, ладони сделались влажными. Она-то думала, что со всеми этими препирательствами, со всеми толкованиями, к которым Пьер мог возвращаться по кругу, покончено… Ей хотелось бы сохранить покой и отрешенность, но лихорадочное волнение Пьера захватило и ее.

— Только что она не дала мне повода так думать.

И снова губа Пьера заострилась. На лице его появилось странное выражение, словно он радовался той затаенной маленькой колкости, которую как раз произносил:

— Ты видишь только то, что хочешь видеть.

Франсуаза покраснела.

— Я три недели, как отошла от мира.

— Но уже тогда была куча признаков.

— Каких же? — спросила Франсуаза.

— Все те, о которых уже было сказано, — неопределенно отвечал Пьер.

— Это мало что доказывает, — возразила Франсуаза.

— Говорю тебе, что знаю, как обстоит дело, — с раздражением сказал Пьер.

— Тогда не спрашивай меня, — сказала Фран-

суаза. Голос ее задрожал. Перед неожиданной суровостью Пьера она чувствовала себя жалкой и совсем без сил.

Пьер с сожалением взглянул на нее.

— Я утомляю тебя своими историями, — сказал он в приливе нежности.

— Как ты можешь так думать? — Он казался Франсуазе измученным, и ей очень хотелось бы ему помочь. — Откровенно говоря, твои доказательства кажутся мне немного шаткими.

— У Доминики в вечер открытия она танцевала с ним один раз: когда Жербер обнял ее, Ксавьер вздрогнула с ног до головы, и у нее появилась сладострастная улыбка, которая не могла обмануть.

— Почему ты не говорил мне об этом? — спросила Франсуаза.

Пьер пожал плечами.

— Не знаю. — На мгновение он задумался. — Нет, знаю. Это самое неприятное из моих воспоминаний, которое имеет для меня самый большой вес; у меня появился своего рода страх, что если я расскажу тебе об этом, то заставлю тебя признать очевидность и сделать ее бесповоротной.

Он улыбнулся.

— Не подумал бы, что дойду до такого.

Франсуазе снова вспомнилось лицо Ксавьер, когда она говорила о Пьере — ее ласкающие губы, ее нежный взгляд.

— Мне это не кажется столь очевидным, — сказала Франсуаза.

— Сегодня вечером я поговорю с ней об этом, — отозвался Пьер.

— Она придет в ярость.

Он улыбнулся с немного кислым видом:

— Да нет, Ксавьер очень любит, когда я говорю о ней, она думает, что я могу оценить все ее тонкости. Это даже первейшая из моих заслуг в ее глазах.

— Она очень привязана к тебе, — сказала Франсуаза. — Я думаю, что Жербер влечет ее в данный момент, но дальше это не пойдет.

Лицо Пьера слегка прояснилось, однако оставалось напряженным.

— Ты уверена в том, что говоришь?

— Уверена… Никогда ни в чем нельзя быть уверенным, — ответила Франсуаза.

— Вот видишь, ты не уверена. — Пьер смотрел на нее чуть ли не с угрозой, ему необходимо было услышать от нее умиротворяющие слова, чтобы почувствовать себя успокоенным. Франсуаза поморщилась, ей не хотелось обращаться с Пьером,

как с ребенком.

— Я не оракул, — заметила она.

— Сколько, по-твоему, шансов за то, что она влюблена в Жербера?

— Это не поддается подсчету, — с некоторым нетерпением ответила Франсуаза.

Ей было тягостно, что Пьер проявляет такое ребячество, она не соглашалась становиться его сообщницей.

— Ты все-таки можешь назвать цифру, — настаивал Пьер.

Должно быть, за это время у нее сильно поднялась температура; у Франсуазы создалось впечатление, что тело ее вот-вот растворится, она исходила по́том.

— Не знаю, процентов десять, — наугад сказала она.

— Не больше десяти процентов?

— Послушай, откуда мне знать?

— Ты не проявляешь доброй воли, — сухо сказал Пьер.

Франсуаза почувствовала, как в горле у нее образуется ком, ей хотелось плакать, так просто было сказать то, что он хотел услышать, уступить; но в ней снова рождалось упорное сопротивление, снова вещи приобретали смысл, ценность

и заслуживали того, чтобы за них биться: вот только сама она была не на высоте.

— Это глупо, — сказал Пьер. — Ты права, зачем я пристаю к тебе со всем этим? — Лицо его прояснилось. — Заметь, что от Ксавьер я не требую ничего, кроме того, что имею; но мне невыносимо, что кто-то другой может получить больше.

— Я прекрасно понимаю, — сказала Франсуаза.

Она улыбнулась, но спокойствие не снизошло на нее, Пьер нарушил ее одиночество и покой, она начинала угадывать мир, полный богатств и препятствий, мир, в котором она хотела присоединиться к нему, чтобы желать и страшиться рядом с ним.

— Я поговорю с ней сегодня вечером, — повторил он. — Завтра я все тебе расскажу, но не стану больше мучить тебя, обещаю это.

— Ты не мучил меня, — возразила Франсуаза. — Я сама заставила тебя говорить, ты не хотел.

— Это был слишком чувствительный вопрос, — с улыбкой сказал Пьер. — Я был уверен, что не смогу хладнокровно обсуждать его. Не то чтобы у меня отсутствовало желание говорить об этом тебе, но, когда я пришел и увидел тебя с похудевшим несчастным лицом, все остальное показалось мне ничтожным.

— Я уже не больна, — ответила Франсуаза. — Не надо меня щадить.

— Ты прекрасно видишь, я тебя совсем не щажу, — с улыбкой сказал Пьер. — Мне должно быть стыдно, мы только и делаем, что говорим обо мне.

— Тут нечего возразить, скрытным тебя не назовешь, — сказала Франсуаза. — Тебя отличает поразительная искренность. В спорах ты можешь быть таким казуистом, но никогда не плутуешь с самим собой.

— В этом нет моей заслуги, — возразил Пьер. — Ты прекрасно знаешь, что я никогда не чувствую себя опороченным тем, что происходит во мне.

Он поднял глаза на Франсуазу.

— Недавно ты сказала одну вещь, поразившую меня: что мои чувства пребывают вне времени, вне пространства, и чтобы сохранить их в неприкосновенности, я пренебрегаю тем, чтобы проживать их. Это было не совсем справедливо. Но в отношении моей собственной особы мне кажется, что я отчасти так и поступаю: я всегда полагаю, что я нахожусь где-то еще и что каждое мгновение не в счет.

— Это правда, — согласилась Франсуаза. — Ты всегда считаешь себя выше того, что с тобой

происходит.

— И таким образом я могу позволить себе все, что угодно, — сказал Пьер. — Я укрываюсь за мыслью, что я человек, осуществивший некое творение, человек, который воплотил идеальную любовь с тобой. Но это чересчур просто. Все остальное тоже существует.

— Да, остальное существует, — согласилась Франсуаза.

— Вот видишь, моя искренность — это тоже способ плутовать с самим собой. Удивительно, насколько мы лукавы, — с проникновенным видом заметил Пьер.

— О! Мы раскроем твои хитрости, — пообещала Франсуаза.

Она улыбнулась ему. Так о чем же она беспокоилась? Он был вправе задаваться вопросом относительно себя самого, он мог ставить под вопрос мир. Она знала, что ей нечего опасаться этой свободы, отделявшей его от нее. Ничто никогда не разрушит их любовь.

Франсуаза теснее прижалась головой к подушке. Полдень. У нее впереди еще долгое время одиночества, однако это уже не было пустым и ровным одиночеством утра; в палату просочилась легкая досада, цветы утратили свой блеск,

оранжад — свою свежесть; гладкие стены и мебель казались голыми. Ксавьер. Пьер. Ее взгляд всюду, на чем останавливался, улавливал лишь пустоту. Франсуаза закрыла глаза. В первый раз после нескольких недель в ней зарождалась тревога. Как там прошла ночь? Нескромные вопросы Пьера должны были обидеть Ксавьер; возможно, вскоре они помирятся у изголовья Франсуазы. И что? Она узнавала этот ожог в горле, это лихорадочное биение своего сердца. Пьер извлек ее из неопределенного состояния, и ей не хотелось в него возвращаться; она не хотела больше оставаться здесь. Теперь эта клиника стала лишь изгнанием. Даже болезни недостало, чтобы сделать ее судьбу одинокой: будущее, которое маячило на горизонте, было ее будущим рядом с Пьером. Их будущим. Она прислушалась. В минувшие дни, спокойно расположившись внутри своей жизни, она ждала посещений просто как развлечений. Сегодня иное дело. Пьер и Ксавьер шаг за шагом продвигались по коридору, они поднялись по лестнице, приехав с вокзала, из Парижа, из глубины их жизни; именно здесь пройдет сейчас часть этой жизни. Шаги смолкли у двери.

— Можно войти? — спросил Пьер, толкнув

дверь. Он вошел, и вместе с ним Ксавьер. Переход от их отсутствия к их присутствию, как всегда, был неуловим.

— Медсестра сказала, что ты очень хорошо спала.

— Да. Как только кончатся уколы, я смогу уйти, — сказала Франсуаза.

— При условии быть благоразумной и не слишком волноваться, — заметил Пьер. — Отдыхай хорошенько и не разговаривай. Это мы будем рассказывать тебе истории. — Он улыбнулся Ксавьер. — У нас для тебя куча историй.

Он расположился на стуле возле кровати, а Ксавьер села на большой квадратный пуф. Утром она, должно быть, помыла голову, ее лицо обрамляла густая золотистая пена волос; глаза и бледные губы придавали ее лицу таинственности и в то же время нежности.

— Вчера вечером в театре все прошло хорошо, — начал Пьер. — Зал принимал тепло, было много вызовов. Но после представления, не знаю почему, настроение у меня стало убийственным.

— Во второй половине дня ты нервничал, — с улыбкой заметила Франсуаза.

— Да, и потом наверняка сказывалось отсутствие сна, не знаю. Во всяком случае, спускаясь

по улице Гэте, я сразу начал проявлять нетерпимость.

На лице Ксавьер появилась забавная треугольная гримаска.

— Это был настоящий змей, шипящий и жалящий, — сказала она. — А я, когда пришла, была очень веселой: два часа спокойно репетировала китайскую принцессу, потом немного поспала, специально, чтобы быть свеженькой, — с упреком добавила она.

— И в своей злости я только и делал, что искал предлога, чтобы рассердиться на нее! — признался Пьер. — Пересекая бульвар Монпарнас, она имела несчастье отпустить мою руку…

— Из-за машин, — с живостью вмешалась Ксавьер, — нельзя было идти в ногу, это было очень неудобно.

— Я воспринял это как умышленное оскорбление, — продолжал Пьер, — и меня охватил неистовый гнев.

Ксавьер с удрученным видом смотрела на Франсуазу.

— Это было ужасно, он со мной больше не разговаривал, лишь иногда из вежливости бросал какую-нибудь кислую фразу. Я не знала, что делать, чувствовала себя несправедливо нака-

занной.

— Представляю себе, — с улыбкой заметила Франсуаза.

— Мы решили пойти в «Дом», поскольку на какое-то время забросили его, — сказал Пьер. — Снова оказавшись там, Ксавьер выглядела довольной, и я подумал, что это способ обесценить последние вечера, которые в поисках приключений мы провели вместе. Это добавилось к моей злости, и я почти час, задыхаясь от бешенства, сидел со своей кружкой пива.

— Я пробовала завести разговор, — сказала Ксавьер.

— Она в самом деле проявляла ангельское терпение, — смущенно произнес Пьер, — но все ее благие намерения еще больше выводили меня из себя. Понятно, что, когда находишься в подобном состоянии, из него, конечно, можно выйти, но только если хочешь, однако нет никакого резона хотеть этого, напротив. В конце концов я разразился упреками, заявил ей, что она переменчива, словно ветер, и если проведешь с ней хороший вечер, то будь уверен, что следующий станет отвратительным.

Франсуаза рассмеялась.

— Но что у тебя в голове, когда ты в таком сквер-

ном расположении духа?

— Я искренне думал, что она встретила меня сдержанно и настороженно. Я так думал, поскольку заранее, из-за хмурого настроения, убедил себя, что она будет держаться настороже.

— Да, — сказала Ксавьер жалобным голосом. — Он объяснил мне, что опасение провести не такой замечательный вечер, как накануне, повергло его в столь сладостное настроение.

Они с нежным согласием улыбнулись друг другу. Судя по всему, вопроса о Жербере не вставало. Под конец Пьер не решился заговорить о нем и извинился с помощью полуправды.

— У нее был такой горестно негодующий вид, — сказал Пьер, — что я сразу почувствовал себя обезоруженным и пристыженным. Я поведал ей обо всем, что происходило в моей голове после выхода из театра. — Он улыбнулся Ксавьер. — И она великодушно простила меня.

Ксавьер вернула ему улыбку. Наступило короткое молчание.

— А потом мы пришли к согласию и сошлись на том, что с давних пор все наши вечера были отменными, — сказал Пьер. — Ксавьер соблаговолила сообщить мне, что никогда не скучала со мной, а я сказал ей, что проведенные с ней

минуты были в числе самых драгоценных за всю мою жизнь. — И он быстро добавил радостным тоном, звучавшим чуточку фальшиво: — И мы согласились, что это не так уж удивительно, поскольку в общем-то мы любим друг друга.

Несмотря на легкость тона, слова тяжело отозвались в палате, их троих окутало молчание. Ксавьер натянуто улыбнулась. Франсуаза придала лицу подобающее выражение — речь шла всего лишь о словах, дело давно уже шло к этому, однако слова эти были решающими, и прежде чем произнести их, Пьеру следовало бы посоветоваться с ней. Его она не ревновала, но эту нежную, золотистую девочку, которую однажды пронизывающим ранним утром Франсуаза приняла как свою, она теряла не без бунта.

А Пьер со спокойной непринужденностью продолжал:

— Ксавьер сказала мне, что до сих пор она никогда не сознавала, что речь идет о любви. — Он улыбнулся. — Она хорошо понимала, что мгновения, которые мы проводили вместе, были счастливыми и яркими, но не догадывалась, что это благодаря моему присутствию.

Франсуаза взглянула на Ксавьер, которая с безучастным видом разглядывала пол. Она была не

права, Пьер с ней советовался; она первая сказала ему, причем уже давно: «Ты можешь влюбиться в нее». В рождественскую ночь он готов был отказаться от Ксавьер. Пьер имел полное право чувствовать, что совесть его спокойна.

— Вам это казалось волшебной случайностью? — натянуто произнесла Франсуаза.

Резким движением Ксавьер подняла голову.

— Да нет, — сказала она, взглянув на Пьера. — Я прекрасно знала, что это благодаря вам, но думала, что это как раз потому, что вы такой интересный и приятный. А вовсе не… не по другой причине.

— Но что вы думаете теперь? Вы не изменили своего мнения со вчерашнего дня? — спросил Пьер с ободряющим видом, скрывавшим некоторое беспокойство.

— Разумеется, нет, я не флюгер, — твердо отвечала Ксавьер.

— Вы могли ошибаться, — сказал Пьер, в голосе которого слышалось колебание между сухостью и нежностью. — Возможно, в минуту восторженности вы приняли дружбу за любовь.

— Разве вчера вечером у меня был восторженный вид? — с вымученной улыбкой спросила Ксавьер.

— Казалось, вы были захвачены мгновением, — сказал Пьер.

— Не больше, чем обычно, — заметила Ксавьер. Схватив прядь своих волос, она принялась искоса разглядывать их с видом упрямым и глуповатым. — Дело в том, — продолжала она тягучим голосом, — что громкие слова сразу все делают таким значительным.

Пьер насупился.

— Если слова отражают правду, почему их надо бояться?

— Верно, — отвечала Ксавьер, не переставая ужасно косить.

— Любовь — это не постыдный секрет, — сказал Пьер. — Мне кажется слабостью нежелание прямо смотреть на то, что происходит в тебе самом.

Ксавьер пожала плечами.

— Себя не переделаешь, — сказала она, — у меня не общедоступная душа.

Пьер пришел в замешательство. Вид у него был страдальческий, и это огорчило Франсуазу. Он мог быть таким уязвимым, если решался отбросить все средства защиты и оружие.

— Вы считаете недостойным вести разговор об этом втроем? — спросил он. — Но вчера мы об этом договорились. Возможно, было бы лучше, ес-

ли бы каждый поговорил с Франсуазой наедине?

Он в нерешительности взглянул на Ксавьер; она бросила на него рассерженный взгляд.

— Мне совершенно все равно — быть вдвоем, втроем или целой толпой, — сказала она. — Мне только странно слышать, как вы говорите мне о моих собственных чувствах. — Она нервно рассмеялась. — Это до того странно, что я не могу в это поверить. Неужели речь действительно идет обо мне? Это меня вы разбираете по косточкам? И я с этим соглашаюсь?

— А почему нет? Речь идет о вас и обо мне. — Пьер робко улыбнулся. — Минувшей ночью вам это казалось естественным.

— Этой ночью… — промолвила Ксавьер с почти страдальческим видом. — Тогда казалось, вы что-то проживали, а не только говорили об этом.

— С вашей стороны это крайне огорчительно, — сказал Пьер.

— Это бессмысленно — позволять говорить о себе самом, словно ты кусок дерева, — резко ответила Ксавьер.

— Вы можете что-то переживать лишь в тени, тайком, — уныло продолжал Пьер. — Вы не способны об этом думать и желать этого при ярком свете. Вас смущают не слова: вас сердит то, что я

требую от вас согласиться по собственной воле сегодня с тем, что вчера вы приняли от неожиданности.

Лицо Ксавьер поникло, она смотрела на Пьера с затравленным видом. Франсуазе хотелось остановить Пьера; она очень хорошо понимала, что властное напряжение, ожесточавшее его черты, внушало страх, от него хотелось укрыться; в эту минуту он тоже не был счастлив, и, несмотря на его уязвимость, Франсуаза не могла помешать себе видеть в нем мужчину, ожесточенно сосредоточившегося на своем мужском триумфе.

— Вы позволили мне сказать, что вы меня любите, — продолжал Пьер. — Теперь пришло время опомниться. Меня ничуть не удивит, если придется признать, что вам неведомо ничего другого, кроме мгновенных эмоций.

Он с недобрым видом взглянул на Ксавьер.

— Давайте, скажите мне откровенно, что вы меня не любите.

Ксавьер бросила отчаянный взгляд на Франсуазу.

— О! Мне хотелось бы, чтобы ничего этого не было, — с тоской произнесла она. — Раньше все было так хорошо! Зачем вы все испортили?

Пьер, казалось, был тронут этой вспышкой.

Он в сомнении посмотрел на Ксавьер, потом на Франсуазу.

— Дай ей немного перевести дух, — сказала Франсуаза, — ты ее изводишь.

Любить, не любить: каким оскудевшим и рациональным становился Пьер в своей жажде уверенности. Франсуаза по-братски понимала смятение Ксавьер. Какими словами она могла бы описать себя сама? Внутри у нее все было так смутно.

— Простите меня, — сказал Пьер, — напрасно я рассердился, этому конец. Я не хочу, чтобы вы думали, будто что-то между нами испорчено.

— Но это испорчено, вы же видите! — Губы Ксавьер дрожали, нервы ее были натянуты до предела; внезапно она закрыла лицо руками.

— О! Что теперь делать? Что делать? — прошептала она.

Пьер наклонился к ней.

— Да нет же, ничего не произошло, ничего не изменилось, — настойчиво повторял он.

Ксавьер уронила руки на колени.

— Теперь все так тягостно, словно я в какой-то оболочке. — Она дрожала с головы до ног. — Все так тягостно.

— Не думайте, что я жду от вас чего-то больше-

го, ничего большего я не требую. Все в точности как прежде, — сказал Пьер.

— Посмотрите, что стало теперь, — отвечала Ксавьер. Она выпрямилась, запрокинув голову назад, чтобы удержать слезы, шея ее судорожно вздувалась. — Это несчастье, я в этом уверена, у меня нет сил, — говорила она прерывающимся голосом.

Франсуаза смотрела на нее, беспомощная и удрученная. Это как тогда в «Доме»; теперь Пьер еще меньше мог позволить себе какой-либо жест, это было бы не только дерзостью, но и самоуверенностью. Франсуазе хотелось бы обвить руками вздрагивавшие плечи Ксавьер и найти нужные слова, но она лежала, словно парализованная, среди простынь, не было никакой возможности общения. Произнести можно было лишь вымученные фразы, которые заранее звучали фальшиво. Ксавьер одна как одержимая беспомощно отбивалась от надвигающихся угроз, которые видела вокруг себя.

— Между нами троими не надо опасаться никакого несчастья, — сказала Франсуаза. — Вы должны друг другу доверять. Чего все-таки вы опасаетесь?

— Мне страшно, — проговорила Ксавьер.

— Пьер, конечно, змей, но он больше шипит, чем жалит, к тому же мы его приручим. Ведь правда, ты позволишь себя приручить?

— Я даже шипеть больше не буду, — сказал Пьер, — клянусь.

— Ну так что? — спросила Франсуаза.

Ксавьер глубоко вздохнула.

— Мне страшно, — устало повторила она.

Как и накануне, дверь в это же самое время отворилась и вошла медсестра со шприцем в руках. Сразу вскочив, Ксавьер шагнула к окну.

— Это недолго, — сказала медсестра.

Пьер встал и сделал шаг, будто собираясь присоединиться к Ксавьер, но остановился у камина.

— Это последний укол? — спросила Франсуаза.

— Еще один вам сделают завтра, — ответила медсестра.

— А после я смогу спокойно закончить лечение дома?

— Вы так спешите покинуть нас? Нужно подождать, пока вы немного окрепнете, чтобы можно было вас перевезти.

— Сколько времени? Еще неделю?

— Восемь или десять дней.

Медсестра вонзила иглу.

— Ну вот и все, — сказала она, широко улыба-

ясь, поправила простыни и вышла из палаты.

Ксавьер резко обернулась

— Я ненавижу ее, с этим ее медоточивым голосом, — со злостью сказала она. С минуту она неподвижно стояла в глубине палаты, потом шагнула к креслу, на которое бросила свой плащ.

— Что вы делаете? — спросила Франсуаза.

— Пойду глотну воздуха, — отвечала Ксавьер, — здесь я задыхаюсь.

Пьер сделал шаг к ней.

— Мне надо побыть одной, — резко сказала она.

— Ксавьер! Не обижайтесь! — попросил Пьер. — Лучше сядьте и поговорим здраво.

— Поговорим! Мы и так уже чересчур много всего наговорили!

— Не уходите так, — ласково попросил Пьер.

Протянув руку, он коснулся ее руки, Ксавьер рывком откинулась назад.

— Не приказывайте мне теперь, — бесцветным голосом произнесла она.

— Ступайте подышите, — предложила Франсуаза, — но возвращайтесь ко мне в конце дня, согласны?

Ксавьер взглянула на нее.

— Согласна, — сказала она с какой-то покор-

ностью.

— Я увижу вас в полночь? — сухо спросил Пьер.

— Не знаю, — едва слышно ответила Ксавьер. Она резко толкнула дверь и закрыла ее за собой.

Пьер подошел к окну и с минуту стоял неподвижно, прижавшись лбом к стеклу — смотрел, как она уходит.

— Какая жуткая неразбериха, — сказал он, возвращаясь к кровати.

— И какая бестактность! — нервно отозвалась Франсуаза. — Что тебе взбрело в голову? Это последнее, что можно было сделать — прийти вот так с Ксавьер, чтобы сгоряча рассказать мне ваш разговор. Ситуация тягостная для всех, ее не вынесла бы и менее недоверчивая девушка.

— А-а! Что ты хочешь, чтобы я сделал? — спросил Пьер. — Я предложил, чтобы она пришла к тебе одна, но это, естественно, показалось ей выше ее сил, она сказала, что было бы лучше пойти вместе. Что касается меня, то и речи не могло быть, чтобы я поговорил с тобой без нее. Получилось бы, что мы хотим все уладить между собой, как взрослые, через ее голову.

— Я не возражаю, — отвечала Франсуаза, — вопрос был деликатный. — И со странным упрямым

удовольствием она добавила: — Во всяком случае, твое решение не самое удачное.

— Вчера вечером все казалось так просто. — Пьер с отсутствующим видом глядел куда-то вдаль. — Мы открыли нашу любовь, мы пришли рассказать тебе о ней как о прекрасной истории, которая произошла с нами.

Кровь подступила к щекам Франсуазы, а сердце полнилось обидой; она ненавидела эту роль равнодушного, благословляющего божества, которую они заставляли ее играть для собственного удобства, под предлогом ее почитания.

— Да, и тем самым история заранее была освящена, — заметила Франсуаза. — Я прекрасно понимаю, Ксавьер еще больше, чем тебе, необходимо было думать, что об этой ночи будет рассказано мне.

Ей вспомнился их заговорщический, радостный вид, когда они пришли к ней в палату. Как прекрасный подарок они принесли ей свою любовь, чтобы она вернула им ее преображенной в доблесть.

— Вот только Ксавьер никогда ничего не представляет себе в подробностях. Она не подумала, что придется пользоваться словами, и ужаснулась, как только ты открыл рот. Меня это не

удивляет, но тебе следовало предвидеть удар.

Пьер пожал плечами.

— Я не собирался вести подсчеты, — сказал он. — Я не остерегался. Это маленькая фурия. Если бы ты видела, какой трогательной и открытой она была этой ночью. Когда я произнес слово «любовь», она слегка вздрогнула, однако лицо ее тут же выразило согласие. Я проводил ее в ее комнату. — Он улыбнулся, но, казалось, не почувствовал своей улыбки; глаза его затуманились. — Прощаясь с ней, я обнял ее, и она подставила мне губы. Это был совершенно невинный поцелуй, но сколько нежности было в ее порыве.

Картина полоснула Франсуазу, словно ожог; Ксавьер, ее черный костюм, блузка из шотландки и ее белая шея; Ксавьер, податливая и теплая в объятиях Пьера, с полузакрытыми глазами, раскрытыми губами. Никогда она не увидит этого лица. Франсуаза сделала над собой отчаянное усилие; она становилась несправедливой, она не хотела позволить этой растущей озлобленности овладеть собой.

— Ты предлагаешь ей нелегкую любовь, — сказала она. — Это естественно, что она в какой-то момент пугается. Мы не привыкли смотреть

на нее под таким углом, но ведь это девушка, и она никогда не любила. Несмотря ни на что, это имеет значение.

— Только бы она не наделала глупостей, — сказал Пьер.

— Что она, по-твоему, может сделать?

— С ней никогда не знаешь, она была в таком состоянии. — Он с мучительным беспокойством взглянул на Франсуазу. — Ты попробуешь ее успокоить, хорошенько все ей объяснить? Только ты можешь все уладить.

— Я попробую, — ответила Франсуаза.

Она посмотрела на Пьера, и ей вспомнился разговор, который состоялся у них накануне: слишком долго она слепо любила его за то, что получала от него. Однако она пообещала себе любить его таким, какой он есть, вплоть до той самой свободы, которая позволяет ему ускользать от нее, и не будет отступать, столкнувшись с первым препятствием. Франсуаза улыбнулась ему.

— Главное, — сказала она, — я попытаюсь заставить ее понять, что ты не мужчина между двумя женщинами и что мы все трое образуем нечто особенное, возможно, нечто трудное, но что может быть прекрасным и счастливым.

— Я задаюсь вопросом, придет ли она в пол-

ночь, — сказал Пьер. — Она до того была взволнована.

— Я попытаюсь убедить ее, — сказала Франсуаза. — По сути, все это не так уж важно.

Они помолчали.

— А Жербер? — спросила Франсуаза. — О нем и вовсе не было речи?

— О нем едва упомянули, — ответил Пьер. — Но думаю, ты была права. В какой-то момент он ее привлекает, а через минуту она о нем больше не думает. — Он повертел в пальцах сигарету. — Однако с этого все и началось. Наши отношения казались мне прелестными, такими, какими они были; я ничего не стал бы пытаться менять, если бы ревность не пробудила мое стремление главенствовать. Это болезнь: как только я чувствую противодействие, у меня мутится разум.

Это верно. В нем крылась некая опасная сила, которой и сам он управлять не мог. У Франсуазы перехватило горло.

— Кончится тем, что ты будешь спать с ней, — заметила она.

И ее тотчас захлестнула нестерпимая уверенность. Эта черная жемчужина, этот строгий ангел, Пьер, с его ласковыми мужскими руками, сделает из нее млеющую от восторга женщину, он уже

прижимался своими губами к нежным губам. Она взглянула на него с некоторым ужасом.

— Ты прекрасно знаешь, что я не сладострастник, — сказал Пьер. — Все, чего я прошу, — это иметь возможность в любое время обретать лицо, вроде того, минувшей ночи, и мгновения, когда для нее в мире существую лишь я один.

— Но это почти неизбежно, — сказала Франсуаза. — Твое стремление главенствовать не остановится в пути. Чтобы сохранять уверенность, что она по-прежнему так же любит тебя, ты с каждым днем будешь требовать от нее немного большего.

В голосе ее слышалась неприязненная суровость, задевшая Пьера. Он поморщился.

— Ты внушишь мне отвращение к самому себе, — сказал он.

— Мне всегда казалось кощунственным представлять Ксавьер как женщину, имеющую пол, — более мягко заметила Франсуаза.

— Но мне тоже. — Пьер решительно закурил сигарету. — Дело в том, что я не вынесу, чтобы она спала с кем-то другим.

И снова Франсуаза почувствовала этот нестерпимый укол в сердце.

— Именно поэтому ты придешь к тому, чтобы

спать с нею, — сказала она. — Я не говорю немедленно, но через полгода, через год.

Она ясно видела каждый этап этого рокового пути, который ведет от поцелуев к ласкам, от ласк к полнейшему самозабвению. По вине Пьера Ксавьер скатится туда, как любой другой. С минуту она откровенно ненавидела его.

— Знаешь, что ты сейчас сделаешь? — сказала она, стараясь следить за своим голосом. — Ты устроишься в своем углу, как в прошлый раз, и будешь спокойно работать. А я немного отдохну.

— Я тебя утомляю, — сказал Пьер, — я совсем забываю, что ты больна.

— Это не ты, — отвечала Франсуаза.

Она закрыла глаза. Ее мучила неприятная двусмысленная боль. Чего она на самом деле хотела? Чего могла хотеть? Она и сама не знала; но нелепо было воображать, будто ее сможет спасти отречение; она слишком дорожила и Пьером, и Ксавьер, она была слишком вовлечена в их отношения; множество мучительных картин кружили в ее голове, разрывая ей сердце; ей казалось, что кровь, текущая в ее венах, была отравлена. Повернувшись к стене, Франсуаза молча заплакала.

Пьер ушел от нее в семь часов. После ужина она чувствовала себя слишком усталой, чтобы

читать, ей не оставалось ничего другого, как дожидаться Ксавьер. Да и придет ли она? Ужасно было зависеть от этой капризной воли, не имея ни малейшего средства воздействовать на нее. Франсуаза взглянула на голые стены: палата пахла лихорадкой и тьмой; медсестра убрала цветы и погасила лампу на потолке; оставалась клетка унылого света вокруг кровати.

«Чего я хочу?» — с тоской повторяла Франсуаза.

Она только и умела, что упорно цепляться за прошлое; она позволила Пьеру пойти вперед одному, и теперь, когда она его отпустила, он был уже слишком далеко, чтобы она могла догнать его; было слишком поздно.

«А если не слишком поздно?» — спросила она себя.

Если она решится наконец броситься вперед изо всех сил, вместо того чтобы оставаться на месте с пустыми, опущенными руками? Она немного приподнялась на подушках. Тоже безоговорочно вовлечься. Это был ее единственный шанс; тогда, быть может, она, в свою очередь, будет подхвачена этим новым будущим, в котором ей предшествовали Пьер и Ксавьер. Она лихорадочно смотрела на дверь. Она это сделает,

она на это решилась; абсолютно ничего другого делать не оставалось. Только бы Ксавьер пришла. Половина восьмого. Теперь с повлажневшими руками и пересохшим горлом она ждала уже не Ксавьер, а свою жизнь, свое будущее и возвращение своего счастья.

В дверь тихонько постучали.

— Войдите, — сказала Франсуаза.

Никакого движения. Ксавьер, должно быть, боялась, что Пьер все еще здесь.

— Войдите, — крикнула Франсуаза погромче насколько могла, но голос ее был сдавленным: не услышав ее, Ксавьер уйдет, а у нее не было никакой возможности позвать ее.

Ксавьер вошла.

— Я вас не побеспокою? — проронила она.

— Конечно нет, я очень надеялась вас увидеть, — сказала Франсуаза.

Ксавьер села возле кровати.

— Где вы были все это время? — ласково спросила Франсуаза.

— Я гуляла, — отвечала Ксавьер.

— Как вы были взволнованы, — продолжала Франсуаза. — Зачем вы так мучаете себя? Чего вы все-таки боитесь? Нет никаких причин.

Ксавьер опустила голову. Казалось, она была

совсем без сил.

— Я была отвратительна, — сказала она и робко добавила: — Лаврус очень рассердился?

— Разумеется, нет, — сказала Франсуаза. — Он только был сильно обеспокоен. — Она улыбнулась. — Но вы его успокоите.

Ксавьер посмотрела на Франсуазу с испуганным видом.

— Я не осмелюсь пойти к нему, — призналась она.

— Но это нелепо, — сказала Франсуаза. — Из-за недавней сцены?

— Из-за всего.

— Вас испугало одно слово, — сказала Франсуаза, — но слово ничего не меняет. Вы ведь не думаете, что он решит, будто у него есть права на вас?

— Вы же видели, — сказала Ксавьер, — какой скандал из этого вышел.

— Скандал устроили вы, потому что потеряли голову, — улыбнувшись, заметила Франсуаза. — Все новое всегда вас беспокоит. Вы боялись ехать в Париж, боялись играть в театре. А в конечном счете ничего особо плохого до сих пор с вами ведь не случилось?

— Нет, — с едва заметной улыбкой отвечала

Ксавьер.

Лицо ее, искаженное усталостью и тревогой, казалось еще более неосязаемым, чем обычно; меж тем оно состояло из нежной плоти, которой Пьер касался губами. Какое-то время Франсуаза глазами влюбленной смотрела на эту женщину, которую любил Пьер.

— Все, напротив, могло бы быть так хорошо, — заметила она. — Тесно связанная пара — это уже прекрасно, но насколько богаче, если это три человека, которые всей душой любят друг друга.

Она умолкла; теперь наступил момент и ей тоже взять на себя обязательства и согласиться на риски.

— Ведь вообще-то между вами и мной существует своего рода любовь?

Ксавьер бросила на нее быстрый взгляд.

— Да, — тихим голосом промолвила она; внезапно выражение детской нежности округлило ее лицо, и, порывисто наклонившись к Франсуазе, она поцеловала ее.

— Какая вы горячая, — сказала Ксавьер. — У вас лихорадка.

— По вечерам меня всегда немного лихорадит, — ответила Франсуаза и улыбнулась. — Но я так рада, что вы здесь.

Это было до того просто; эта любовь, которая вдруг наполнила ее сердце нежностью, всегда была рядом: надо было лишь руку протянуть, боязливую и скупую.

— А если к тому же существует любовь между Лабрусом и вами, посмотрите, какое прекрасное получается трио, к тому же очень хорошо уравновешенное. Вам так не кажется?

— Да, — согласилась Ксавьер, схватив руку Франсуазы и сжав ее.

— Только бы мне поправиться, и вы увидите, какая прекрасная жизнь у нас будет, у всех троих, — сказала Франсуаза.

— Вы вернетесь через неделю? — спросила Ксавьер.

— Если все пойдет хорошо, — ответила Франсуаза.

Внезапно она вновь ощутила мучительную напряженность во всем теле: нет, она больше не останется надолго в этой клинике, с безмятежной отстраненностью покончено. Она вновь обрела неистребимую жажду счастья.

— Без вас наш отель до того мрачен, — сказала Ксавьер. — Раньше, даже когда я не видела вас весь день, я чувствовала вас наверху, я слышала ваши шаги на лестнице. Теперь там так пусто.

— Но я вернусь, — взволнованно сказала Франсуаза. Она никогда не предполагала, что Ксавьер была столь внимательна к ее присутствию. Как она ее недооценивала! Как она будет любить ее, чтобы наверстать упущенное время. Сжав ее руку, она молча смотрела на нее. От лихорадки в висках шумело, горло пересохло, но она наконец понимала, какое чудо ворвалось в ее жизнь. Она медленно усыхала в окружении терпеливо возведенных конструкций и тяжелых свинцовых мыслей, когда внезапно, в озарении чистоты и свободы, весь этот мир, чересчур человечный, рассыпался в прах; довольно было простодушного взгляда Ксавьер, чтобы уничтожить эту тюрьму, и теперь на этой освобожденной земле зародится множество чудес благодаря юному требовательному ангелу. Сумрачному ангелу с нежными женскими руками, покрасневшими, как руки крестьянок, с губами, пахнущими медом, светлым табаком и зеленым чаем.

— Бесценная Ксавьер, — молвила Франсуаза.

# Часть вторая

## Глава IX

Оглядев обитые стены, Элизабет остановила взгляд на маленькой красной сцене в глубине зала. С минуту она с гордостью думала: это мое творение. Хотя особо гордиться было нечем, надо же, чтобы это было чьим-то творением.

— Мне пора возвращаться, — сказала она. — Ко мне на ужин придет Пьер с Франсуазой и малышкой Пажес.

— А, Пажес меня бросает, — с огорчением сказал Жербер.

Он не успел снять грим; с зелеными ресницами и толстым слоем охры на щеках он был гораздо красивее, чем в жизни. Это Элизабет свела Жербера с Доминикой и уговорила принять его номер с куклами. В организации кабаре она сыграла большую роль. Элизабет с горечью улыбнулась. Во время обсуждений под действием алкоголя и табачного дыма у нее создавалось пьянящее впечатление деятельности, но это, как и остальная ее жизнь, была ненастоящая деятельность. За эти три сумрачных дня она поняла: ничего из того, что с ней происходило, никогда не было настоящим. Порой, глядя в туманную даль, можно

было заметить нечто, похожее на некое событие или действие. Люди могли поддаться на такую видимость: однако это был лишь грубый обман.

— Она будет бросать вас чаще, чем вы ее, — сказала Элизабет.

В отсутствие Ксавьер ее роль взяла Лиза и, по мнению Элизабет, справлялась с ней по крайней мере не хуже. Однако Жербер выглядел огорченным. Элизабет внимательно посмотрела на него.

— Эта девочка кажется одаренной, — продолжала она. — Но во всем, что она делает, недостает убежденности, это жаль.

— Я прекрасно понимаю, что ее не радует каждый вечер приходить сюда, — сказал Жербер с досадой, не ускользнувшей от внимания Элизабет. Она давно подозревала, что Жербер слегка увлекся Ксавьер. Это было забавно. Догадывалась ли об этом Франсуаза?

— Что мы решим с вашим портретом? — спросила она. — Во вторник вечером? Мне нужно всего несколько набросков.

Надо бы разузнать, что думает о Жербере Ксавьер. Он не должен особо интересовать ее, слишком крепко ее держат в руках. Однако когда в вечер открытия кабаре она танцевала с ним, глаза ее странно блестели. Если он станет за ней

ухаживать, чем она на это ответит?

— Если хотите, во вторник, — сказал Жербер.

Он такой робкий, сам никогда ни на что не осмелится. Он даже не подозревает, что у него есть шансы. Элизабет едва коснулась губами лба Доминики.

— До свидания, милая.

Она открыла дверь; уже поздно, надо было поторапливаться, если она хотела прийти раньше них, но Элизабет до последней минуты оттягивала момент погружения в одиночество. Она постарается поговорить с Пьером. Партия заранее была проиграна, но ей хотелось воспользоваться этим последним шансом. Она сжала губы. Сюзанна торжествовала. Нантёй принял «Раздел» на следующую зиму, и Клод источал глупое удовлетворение. Никогда он не был так нежен, как в эти три дня, и никогда она не ненавидела его сильнее. Карьерист, тщеславный, слабый человек. Он навеки прикован к Сюзанне, и навечно Элизабет останется любовницей, которую терпят и скрывают. В течение этих дней истина явилась ей во всей нестерпимой откровенности: это из трусости она тешила себя напрасными надеждами, ей нечего было ждать от Клода, и тем не менее она согласится на что угодно, лишь

бы сохранить его, она жить без него не может. Даже благородная любовь не могла служить ей оправданием, страдание и обида убили всякую любовь. Да и любила ли она его когда-нибудь? Способна ли она вообще любить? Она ускорила шаг. Существовал Пьер. Если бы он приобщил ее к своей жизни, возможно, она никогда не знала бы ни этих обманов, ни этих раздоров. Возможно, и для нее тоже мир был бы полным, и она изведала бы сердечный покой. Но теперь этому конец; она спешила к нему, не находя в себе ничего, кроме отчаянного желания причинить ему зло.

Она поднялась по лестнице, включила электричество. Перед уходом Элизабет накрыла стол, и ужин действительно имел привлекательный вид. Элизабет тоже выглядела хорошо в плиссированной юбке, жакете из шотландки и с тщательным макияжем. Если взглянуть на всю эту декорацию в зеркале, можно подумать о воплощении давнишней мечты. Когда ей было двадцать лет, в своей унылой комнатенке она ставила для Пьера бутерброды с паштетом из свинины, графины простого красного вина и воображала, играя, будто угощает его изысканным ужином с гусиной печенкой и выдержанным бургундским. Теперь на столе были бутерброды

с черной икрой и гусиная печенка, а в бутылках — херес и водка; теперь у нее были деньги, множество знакомых, проблески известности. И тем не менее она по-прежнему ощущала себя на обочине жизни. Этот ужин был всего лишь имитацией ужина в иллюзорной шикарной студии. И сама она была лишь живой пародией на женщину, которой стремилась стать. Она раскрошила в руках печенье. Прежде игра казалась забавной, она была предвосхищением блестящей жизни, но у нее больше не было будущего. Элизабет знала, что нигде и никогда не достигнет подлинного образца, всего лишь копией которого было ее настоящее. Никогда она не изведает ничего другого, кроме этих лживых подобий. Ее околдовали: она превращала в муляжи все, к чему прикасалась.

Тишину нарушил звонок в дверь. А они знали, что все это фальшь? Наверняка знали. Она бросила последний взгляд на стол и на саму себя. Открыла дверь. В дверном проеме показалась Франсуаза, в руках она держала букет анемонов. Этот цветок Элизабет любила больше всего: по крайней мере, десять лет назад она так решила.

— Держи, я нашла это сейчас у Бинно, — сказала Франсуаза.

— Как мило, — ответила Элизабет. — Они такие

красивые. — Она помягчела. Впрочем, не Франсуазу она ненавидела.

— Входите скорее, — сказала Элизабет, приглашая их в студию.

Спрятавшись за спиной Пьера, стояла Ксавьер с привычным для нее робким и глуповатым видом. Элизабет была к этому готова, но все равно рассердилась. Они выглядели откровенно смешными, всюду таская за собой эту девчонку.

— О! Как здесь красиво! — молвила Ксавьер.

С нескрываемым удивлением она взглянула на комнату, потом на Элизабет. Казалось, она говорила: «Никогда такого от нее не ожидала».

— Не правда ли, эта студия очаровательна, — заметила Франсуаза. Она сняла пальто и села.

— Снимайте и вы свое пальто, а то замерзнете, когда будете уходить, — предложил Пьер Ксавьер.

— Я предпочитаю не снимать его, — отвечала Ксавьер.

— Здесь очень жарко, — заметила Франсуаза.

— Уверяю вас, мне не жарко, — сказала Ксавьер с упрямой мягкостью.

Обменявшись взглядом, оба с несчастным видом смотрели на нее. Элизабет едва удержалась, чтобы не пожать плечами. Ксавьер никогда не

научится одеваться: на ней было старомодное пальто, чересчур широкое и слишком темное для нее.

— Надеюсь, вас мучат голод и жажда, — с воодушевлением сказала Элизабет. — Угощайтесь, надо воздать должное моему ужину.

— Я умираю от голода и жажды, — сказал Пьер. — Впрочем, хорошо известно, что я страшно прожорлив. — Он улыбнулся, а вслед за ним и остальные. У всех троих вид был веселый и понимающий, можно было даже заподозрить, что они пьяны.

— Херес или водка? — спросила Элизабет.

— Водка, — ответили они хором.

Пьер с Франсуазой предпочитали херес, она была в этом уверена. Неужели дошло до того, что Ксавьер навязывает им свои вкусы? Она наполнила стаканы. Пьер спал с Ксавьер, это не вызывало у нее никаких сомнений. Ну а две женщины? Тоже вполне возможно, это составляло столь безупречно симметричное трио. Иногда их встречали по двое, должно быть, они установили очередность; но по большей части они перемещались в полном составе, рука об руку, и шагали в ногу.

— Вчера я видела, как вы пересекали перекре-

сток бульвара Монпарнас, — сказала Элизабет и усмехнулась. — Вы были такими смешными.

— Почему смешными? — спросил Пьер.

— Вы держались за руки и втроем все вместе перепрыгивали с ноги на ногу.

Когда Пьер кем-то или чем-то увлекался, он совсем не знал меры, он всегда был такой. Что все-таки он мог найти в Ксавьер, с ее желтыми волосами, угасшим лицом, красными руками? В ней не было ничего привлекательного.

Элизабет повернулась к Ксавьер:

— Вы не хотите есть?

Ксавьер с недоверчивым видом изучала тарелки.

— Возьмите бутерброд с икрой, — посоветовал Пьер. — Это восхитительно. Элизабет, ты принимаешь нас, как принцев.

— Она и сама одета как принцесса, — сказала Франсуаза. — Тебе невероятно идет быть шикарной.

— Это всем идет, — заметила Элизабет.

У Франсуазы вполне хватило бы средств тоже быть шикарной, если бы она только соблаговолила.

— Думаю, я попробую черную икру, — с задумчивым видом сказала Ксавьер. Она взяла

бутерброд и надкусила. Пьер с Франсуазой смотрели на нее со страстным интересом.

— Как вы это находите? — спросила Франсуаза.

Сосредоточившись, Ксавьер твердо ответила:

— Это вкусно.

Оба расслабились. Тут уж стало очевидно, что малышка не виновата, если принимает себя за божество.

— Теперь ты окончательно выздоровела? — спросила Элизабет Франсуазу.

— Никогда я не была такой крепкой, — отвечала Франсуаза. — Эта болезнь заставила меня хорошенько отдохнуть, что принесло мне огромную пользу.

Она даже немного пополнела и выглядела цветущей. С подозрительным видом Элизабет смотрела, как она поглощает бутерброд с гусиной печенкой. Действительно ли в этом счастье, которое они столь грубо выставляли напоказ, не было никакой трещины?

— Мне бы очень хотелось, чтобы ты показала мне твои последние полотна, — сказал Пьер. — Я так давно не видел ничего твоего. Франсуаза говорила, что ты изменила манеру.

— Я изо всех сил развиваюсь, — с насмешливым пафосом отвечала Элизабет. Ее картины: краски,

нанесенные на холсты таким образом, чтобы походить на картины; свои дни она проводила, продолжая писать, дабы заставить себя поверить, что она художник, но это опять-таки было всего лишь мрачной игрой.

Она взяла одно из своих полотен, поставила его на мольберт и зажгла синюю лампу. Ну вот, это составляло часть ритуала. Она покажет им свои псевдокартины, и они станут расточать ей псевдопохвалы. Они не узнают того, что знает она: на этот раз одурачены они.

— В самом деле, это радикальная перемена! — сказал Пьер.

Он с искренним интересом рассматривал картину: то была часть испанской арены с головой быка в углу, а посреди — ружья и трупы.

— Это совсем не похоже на твой первый этюд, — сказала Франсуаза, — ты должна обязательно показать его Пьеру, чтобы он видел переход.

Элизабет достала свой «Расстрел».

— Это тоже интересно, — сказал Пьер, — но не так хорошо, как та картина. Я думаю, ты права, отказываясь в подобных сюжетах от всякого рода реализма.

Элизабет внимательно посмотрела на него, но он казался искренним.

— Вот видишь, теперь я работаю в таком направлении, — сказала она. — Пытаюсь использовать противоречивость и свободу сюрреалистов, но при этом управлять ими.

Она достала свой «Концентрационный лагерь», «Фашистский пейзаж», «Ночь погрома», которые Пьер рассматривал с одобрительным видом. Элизабет бросила на свои картины озадаченный взгляд. Строго говоря, чтобы быть настоящим художником, возможно, ей не хватало лишь зрителей? Разве в одиночестве любой требовательный художник не принимает себя за мазилу? Настоящий художник тот, чье творение реально существует. В каком-то смысле Клод не так уж был не прав, когда горел желанием, чтобы его пьесу поставили на сцене; творение становится реальностью, когда с ним знакомятся. Она выбрала одно из последних своих полотен, «Игру в убийство». Когда она ставила его на мольберт, то поймала удрученный взгляд Ксавьер, адресованный Франсуазе.

— Вы не любите живопись? — с усмешкой спросила она.

— Я ничего в этом не понимаю, — извиняющимся тоном ответила Ксавьер.

С обеспокоенным видом Пьер резко повернулся

к ней, и Элизабет почувствовала, как в ее сердце закипает гнев. Они должны были предупредить Ксавьер, что это неизбежная неприятная обязанность, но Ксавьер начала терять терпение, а малейшая ее прихоть значила для них больше, чем судьба Элизабет целиком.

— Что ты об этом скажешь? — спросила она.

Это была смелая и сложная картина, которая заслуживала пространных объяснений. Пьер бросил на нее торопливый взгляд.

— Мне тоже очень нравится, — сказал он.

Он явно желал только одного: покончить с этим.

Элизабет убрала полотно.

— На сегодня довольно, — сказала она. — Не следует мучить эту малышку.

Ксавьер бросила на нее мрачный взгляд. Она понимала, что Элизабет не заблуждается на ее счет.

— Знаешь, — обратилась Элизабет к Франсуазе, — если хочешь, ты вполне можешь поставить пластинку. Только возьми деревянную иглу — верхний жилец недоволен.

— О да! — обрадовалась Ксавьер.

— Почему бы тебе не попробовать устроить выставку в этом году? — спросил Пьер, закуривая

трубку. — Я уверен, что ты привлечешь широкую публику.

— Момент был бы неудачный, — ответила Элизабет, — время слишком уж неопределенное, чтобы давать ход новому имени.

— В театре, однако, дела идут неплохо, — заметил Пьер.

Элизабет нерешительно взглянула на него и внезапно сказала:

— Ты знаешь, что Нантёй принял пьесу Клода?

— Вот как, — неуверенно произнес Пьер. — Клод доволен?

— Не очень, — ответила Элизабет. Она долго затягивалась своей сигаретой. — Я в отчаянии, это один из тех компромиссов, которые навсегда могут погубить человека.

Она собралась с духом.

— Ах, если бы ты принял к постановке «Раздел», Клод получил бы известность.

Пьер казался смущенным; он терпеть не мог говорить нет. Однако обычно ему удавалось ускользнуть, когда его о чем-то просили.

— Послушай, — сказал он. — Хочешь, я еще раз попробую поговорить об этом с Берже? Мы как раз скоро будем у них обедать.

Ксавьер обхватила Франсуазу, заставляя ее

танцевать румбу. Лицо Франсуазы напряглось от старания, словно речь шла о спасении ее души.

— Берже не станет пересматривать свой отказ, — сказала Элизабет. Она поддалась порыву нелепой надежды. — Нужен не он, нужен лишь ты один. Послушай, ты ставишь свою пьесу будущей зимой, а не в октябре? Если бы ты играл «Раздел» всего лишь несколько недель?

Она ждала с отчаянно бьющимся сердцем. Пьер раскуривал трубку, казалось, он испытывал неловкость.

— Знаешь, — сказал он наконец, — вернее всего, на следующий год мы поедем на гастроли по миру.

— Знаменитый проект Бернхайма? — недоверчиво спросила Элизабет. — Но я думала, ты ни в коем случае этого не хочешь.

Это был провал, но она не позволит Пьеру так легко отделаться.

— Это довольно соблазнительно, — продолжал Пьер, — мы заработаем, увидим другие страны. — Он бросил взгляд в сторону Франсуазы. — Естественно, еще ничего не решено.

Элизабет задумалась. Разумеется, они возьмут с собой Ксавьер. Ради ее улыбки Пьер, казалось, был способен на все. Возможно, он готов даже

бросить свое творение, чтобы подарить себе год трехсторонней идиллии на Средиземном море.

— Ну а если вы не поедете, — продолжала она.

— Если не поедем… — вяло произнес Пьер.

— Да, тогда ты возьмешь «Раздел» в октябре?

Она хотела вырвать у него твердый ответ, он не любил нарушать данное слово.

— В общем, почему бы нет? — неуверенно сказал он.

— Ты говоришь серьезно?

— Ну конечно, — отвечал Пьер более решительно. — Если мы останемся, вполне можно начать сезон с «Раздела».

Он слишком быстро согласился; должно быть, он решительно намерен осуществить это турне. Несмотря ни на что, это была неосторожность. Если он не осуществит свой проект, то окажется связанным словом.

— Для Клода это было бы замечательно! — сказала она. — Когда ты окончательно определишься?

— Через месяц или через два, — ответил Пьер.

Наступило молчание.

«Если бы найти способ помешать этому отъезду», — с жаром подумала Элизабет.

Поспешно подошла Франсуаза, какое-то время искоса наблюдавшая за ними.

— Твоя очередь танцевать, — сказала она Пьеру. — Ксавьер неутомима, а я больше не могу.

— Вы танцевали очень хорошо, — сказала Ксавьер и добродушно улыбнулась. — Вот видите, всего-то надо было лишь немного доброй воли.

— У вас ее хватит на двоих, — весело отозвалась Франсуаза.

— Потом опять начнем, — сказала Ксавьер с нежной угрозой в голосе.

До невозможности раздражали эти жеманные интонации, которые они употребляли в обращении между собой.

— Извини, — сказал Пьер. Вместе с Ксавьер он пошел выбирать пластинку.

Та наконец отважилась снять пальто. Тело у нее было худощавое, однако натренированный глаз художника распознавал определенную склонность к полноте; она быстро пополнела бы, если бы не придерживалась строгого режима.

— Ксавьер права, что следит за собой, — сказала Элизабет. — Она легко может стать толстой.

— Ксавьер? — Франсуаза рассмеялась. — Это тростинка.

— Ты думаешь, она случайно ничего не ест? — сказала Элизабет.

— Наверняка это не из-за фигуры, — возразила

Франсуаза.

Такая мысль показалась ей совершенно нелепой. Какое-то время она сохраняла трезвость сознания, однако теперь стала такой же глупо доверчивой, как Пьер. Словно Ксавьер была не такой же женщиной, как другие! Элизабет видела ее насквозь, понимая, что под маской белокурой невинности она подвержена всем человеческим слабостям.

— Пьер сказал, что, возможно, этой зимой вы отправитесь на гастроли. Это серьезно? — спросила она.

— Об этом идет разговор, — ответила Франсуаза. Она не знала, что в точности сказал Пьер, и должна была опасаться скомпрометировать себя.

Элизабет наполнила водкой две рюмки.

— Что вы собираетесь делать с этой девочкой? — тряхнув головой, спросила она. — Я что-то не понимаю.

— Что с ней делать? — переспросила Франсуаза. Казалось, она была озадачена. — Ты прекрасно знаешь, что она работает в театре.

— Прежде всего она там ничего не делает, — возразила Элизабет. — И потом, я не то имела в виду. — Она выпила половину своей рюмки. — Не будет же она всю свою жизнь следовать за вами?

— Разумеется, нет, — отвечала Франсуаза.

— У нее нет желания иметь свою собственную жизнь: любовь, приключения?

— Не думаю, что сейчас она всерьез об этом думает, — с усмешкой заметила Франсуаза.

— Сейчас конечно, — согласилась Элизабет.

Ксавьер танцевала с Пьером. Она танцевала очень хорошо, на лице ее застыла действительно бесстыдная кокетливая улыбка. Как Франсуаза все это терпит? Кокетливая, чувственная; Элизабет внимательно наблюдала за ней. Несомненно, она была влюблена в Пьера, но это неискренняя, ветреная девушка, ради мимолетного удовольствия она способна пожертвовать всем. Значит, именно в ней можно отыскать трещину.

— Что сталось с твоим влюбленным? — спросила Франсуаза.

— С Моро? У нас произошла ужасная сцена, — отвечала Элизабет. — По поводу пацифизма. Я посмеялась над ним, и он рассердился; кончилось тем, что он едва не задушил меня.

Она порылась в своей сумке.

— Да вот, посмотри его последнее письмо.

— Я не нахожу его таким уж глупым, — сказала Франсуаза. — Ты наговорила мне о нем столько плохого.

— Он пользуется всеобщим уважением, — согласилась Элизабет.

Вначале она считала его интересным и забавлялась, поощряя его любовь. Почему она до такой степени возненавидела его? Элизабет выложила все начистоту. Это потому, что он любил ее, — это лучший способ лишиться уважения в ее глазах. Ей, по крайней мере, оставалось горделивое утешение: иметь возможность презирать ничтожные чувства, которые она внушала.

— Вполне достойное письмо, — заметила Франсуаза. — Что ты ему ответила?

— Я была в большом затруднении, — сказала Элизабет. — Было очень трудно объяснить ему, что ни на минуту я не принимала всерьез эту историю. Впрочем…

Она пожала плечами: как в этом разобраться? Она сама терялась. Эта видимость дружбы, которую она себе от нечего делать придумала, вполне могла отстаивать свое право на реальность, точно так же как живопись, политика, разрыв с Клодом. Ведь разницы нет никакой, все это комедии без последствий.

Она продолжала:

— Он преследовал меня вплоть до Доминики, бледный, как смерть, с выпученными глазами.

Темнота, на улице ни души, это было ужасно.

Элизабет усмехнулась. Она не могла помешать себе рассказывать. Нет, она не испугалась, не было никакой сцены, всего лишь обезумевший жалкий тип, с неловкими жестами наугад бросавший слова.

— Представляешь, он прижал меня к уличному фонарю и, схватив за горло, говорил с театральным видом: «Я заполучу вас, Элизабет, или убью вас».

— Он действительно чуть не задушил тебя? — спросила Франсуаза. — Я думала, это просто пустые слова.

— Да нет, — сказала Элизабет, — он и правда казался способным убить.

Это раздражало: если говорить о чем-нибудь так, как оно было, люди думают, что этого вообще не было, а как только они начинают вам верить, то верят во что-нибудь совсем другое, а не в то, что случилось на самом деле. Она снова увидела у своего лица остекленевшие глаза и мертвенно-бледные губы, приближавшиеся к ее губам.

— Я сказала ему: «Задушите меня, но не целуйте», — и его руки сжались на моей шее.

— Ну что ж, — сказала Франсуаза, — это стало бы прекрасным, внушенным страстью преступ-

лением.

— О! Он сразу же меня отпустил, — возразила Элизабет. — Я сказала: «Это смешно», — и он отпустил.

Тогда она испытала что-то вроде разочарования, но даже если бы он продолжал сжимать, сжимать так, что она упала бы, то это все равно не было бы настоящим преступлением; так, всего лишь неловкий случай. Никогда, никогда и ничего с ней не происходило по-настоящему.

— И это из любви к пацифизму он хотел убить тебя? — спросила Франсуаза.

— Я возмутила его, сказав, что война — единственный способ выбраться из той мерзости, в которой мы живем, — заявила Элизабет.

— Я отчасти вроде него, — призналась Франсуаза. — Боюсь, как бы средство не было хуже зла.

— А почему? — сказала Элизабет.

Она пожала плечами. Война. Почему все так боятся ее? Это, по крайней мере, что-то твердое, как камень, это не размякает в руках, словно муляж из папье-маше. Наконец что-то реальное; станут возможны настоящие действия. Можно устроить, например, революцию. На всякий случай она начала учить русский язык. Возможно, она наконец сможет проявить себя; возможно, до тех пор об-

стоятельства были слишком ничтожны для нее.

Подошел Пьер.

— Ты совершенно уверена, что война приведет к революции? — спросил он. — И даже тогда, не думаешь ли ты, что это дорого обойдется?

— Дело в том, что она фанатичка, — с ласковой улыбкой сказала Франсуаза. — Чтобы послужить делу, она предаст Европу огню и мечу.

Элизабет улыбнулась, скромно сказав:

— Фанатичка... — Улыбка ее сразу угасла. Наверняка их не обмануть; они знали: внутри у нее полная пустота, убежденности ни в чем, кроме слов, но и тут тоже ложь и комедия.

— Фанатичка! — повторила она, разражаясь пронзительным смехом. — Вот так открытие.

— Что с тобой? — смущенно спросил Пьер.

— Ничего, — ответила Элизабет. Она умолкла. Она зашла слишком далеко. Я зашла слишком далеко — сказала она себе. — Слишком далеко. Но тогда, значит, циничное отвращение перед собственным персонажем, это тоже было нарочно? И презрение к этому отвращению, которое она как раз себе придумывала, не было ли и оно тоже комедией? А само сомнение в этом презрении... Это приводило в ужас: если стремишься быть искренним, значит, не можешь уже остановиться?

— Мы хотим с тобой проститься, — сказала Франсуаза. — Нам надо идти.

Элизабет вздрогнула. Все трое стояли напротив нее и, казалось, чувствовали себя очень неловко. Должно быть, во время молчания у нее был весьма странный вид.

— До свидания, на днях я зайду в театр, — сказала она, провожая их до двери. Вернувшись в мастерскую, она подошла к столу, налила себе большой стакан водки и залпом выпила его. А если бы она продолжала смеяться? Если бы она крикнула им: «Я знаю, что вы знаете». Они были бы удивлены. Но только зачем? Слезы, возмущение — это была бы еще одна комедия, более утомительная и такая же бесполезная. Выбраться из этого не было никакой возможности: ни в одной точке мира, ни даже в ней самой для нее не было припасено никакой истины.

Элизабет взглянула на грязные тарелки, на пустые стаканы, на полную окурков пепельницу. Не всегда же им торжествовать, что-то, наверное, можно сделать. Что-то, в чем будет замешан Жербер. Она присела на край дивана. Ей вспомнились перламутровые щеки и белокурые волосы Ксавьер, и еще блаженная улыбка Пьера, когда он танцевал с ней. Все это вихрем пронес-

лось у нее в голове, но завтра она сумеет навести порядок в своих мыслях. Что-то надо совершить, какой-нибудь подлинный поступок, который заставит лить настоящие слезы. В эту минуту она, возможно, почувствует, что тоже действительно жила. Значит, гастроли не состоятся, пьесу Клода поставят. Значит…

— Я пьяна, — прошептала она.

Оставалось только заснуть и дождаться утра.

## Глава X

— Два черных, один со сливками и круассаны, — заказал Пьер. Он улыбнулся Ксавьер: — Вы не слишком устали?

— Развлекаясь, я никогда не устаю, — сказала Ксавьер. Она поставила перед собой пакет с розовыми креветками, двумя огромными бананами и тремя сырыми артишоками. По возвращении от Элизабет никому не захотелось идти спать. На улице Монторгёй они съели луковый суп и прогулялись по Центральному рынку, очаровавшему Ксавьер.

— До чего в такое время приятно в «Доме», — сказала Франсуаза.

В кафе было почти пусто; стоя на коленях, мужчина в комбинезоне протирал мыльный пол, распространявший запах стирки. Когда официант ставил заказанное на столик, одна высокая американка в вечернем платье запустила ему в голову бумажным шариком.

— Она неплохо держится, — с улыбкой заметил он.

— Это прекрасно — пьяная американка, — убежденно сказала Ксавьер. — Они единственные, кто

может напиваться до смерти и не превращаться сразу в отбросы.

Взяв два кусочка сахара, она подержала их на весу над своим стаканом и уронила в кофе.

— Что вы делаете, бедняжка, — сказал Пьер, — вы не сможете его пить.

— Но я нарочно, это чтобы было не так вредно, — сказала Ксавьер, с осуждающим видом взглянув на Франсуазу с Пьером. — Вы не отдаете себе отчета, вы травите себя своим кофе.

— Говорите что хотите, — весело отозвалась Франсуаза. — Вы сами поите нас чаем, а это еще хуже!

— Да, но я-то со знанием дела, — тряхнув головой, возразила Ксавьер. — А вы, вы пьете, не отдавая себе отчета, как сыворотку.

Вид у нее был посвежевший, волосы блестели, глаза сияли, как эмаль. Франсуаза заметила, что светлую радужную оболочку ее глаз окружал темно-синий цвет. Лицо Ксавьер таило в себе бесконечные открытия. Да и сама она была непрерывной новизной.

— Послушайте их, — сказал Пьер.

У окна тихонько шепталась какая-то пара; молодая женщина кокетливо трогала свои забранные в сетку черные волосы.

— Вот так, — говорила она, — никто никогда не видел моих волос, они только мои.

— Ах уж эти простушки, — с презрительной миной сказала Ксавьер. — Им приходится придумывать себе что-то ценное, какими ничтожными они должны себя ощущать.

— Верно, — согласилась Франсуаза. — Эта бережет свои волосы, Элуа — свою девственность, а Канзетти — свое искусство. Это позволяет им не обращать внимания на все остальное.

Ксавьер едва заметно улыбнулась, и Франсуаза не без зависти уловила эту улыбку; какая, должно быть, это сила — чувствовать себя столь бесценной для себя самой.

Уже довольно долго Пьер разглядывал дно своего стакана, мускулы его обмякли, глаза были мутными, и мучительная тупость преобразила его черты.

— Вам так и не стало лучше? — спросила Ксавьер.

— Нет, — отвечал Пьер, — нет. Бедному Пьеру не стало лучше.

Они начали эту игру еще в такси; Франсуаза всегда потешалась, глядя, как Пьер импровизирует сцены, но себе отводила лишь второстепенные роли.

— Пьер не бедный, Пьер прекрасно себя чувствует, — с ласковой настойчивостью говорила Ксавьер, почти вплотную приблизив к Пьеру лицо, на котором читалась угроза.

— Ведь с вами все хорошо?

— Да, мне хорошо, — поспешно ответил Пьер.

— Тогда улыбнитесь, — сказала Ксавьер.

Губы Пьера сплющились и растянулись почти до ушей, вместе с тем взгляд его стал испуганным, вокруг улыбки корчилось лицо мученика. Это поразительно, что он мог делать со своим лицом. Внезапно пружина как будто лопнула, и улыбка вновь преобразилась в плачущую мину. Ксавьер задохнулась от смеха, потом с важностью гипнотизера снизу вверх провела рукой перед лицом Пьера. Снова появилась улыбка; с мрачным видом Пьер провел сверху вниз пальцем перед губами, и улыбка исчезла. Ксавьер смеялась до слез.

— Каким именно методом пользуетесь вы, мадемуазель? — спросила Франсуаза.

— Своим собственным, — скромно отвечала Ксавьер. — Смесь внушения, устрашения и убеждения.

— И вы добиваетесь хороших результатов?

— Поразительных! — заявила Ксавьер. — Если

бы вы знали, в каком состоянии он был, когда я взяла его в руки.

— Это верно, всегда нужно учитывать исходную точку, — заметила Франсуаза. — Больной выглядел скверно. Он с жадностью хватал губами табак прямо из трубки, словно осел из своей кормушки, глаза у него были выпучены, и он действительно жевал табак.

— Великий боже, — с ужасом произнесла Ксавьер и продолжала поучительным тоном: — Послушайте, есть можно только то, что съедобно, табак несъедобен, значит, вы совершаете ошибку, поедая табак.

Покорно выслушав ее, Пьер снова начал есть из трубки.

— Это вкусно, — проникновенным тоном заявил он.

— Надо испробовать психоанализ, — предложила Франсуаза. — А не бил ли его в детстве отец веткой бузины?

— При чем тут это? — спросила Ксавьер.

— Он ест табак, чтобы стереть память об ударах, — отвечала Франсуаза. — Табак — то же, что сердцевина бузины, это символическое уподобление, вот он и уничтожает его.

Лицо Пьера угрожающе изменилось: оно страш-

но покраснело, щеки надулись, глаза налились кровью.

— Теперь уже совсем невкусно, — сердито произнес он.

— Оставьте это. — Ксавьер взяла из его рук трубку.

— Ох! — Пьер взглянул на свои пустые руки. — Ох! — протяжно простонал он и всхлипнул, по щекам его внезапно полились слезы. — Ох, я такой несчастный!

— Вы пугаете меня, — сказала Ксавьер. — Прекратите.

— Ох! Я такой несчастный, — повторил Пьер. С ужасающе детским выражением лица он плакал горючими слезами.

— Перестаньте, — повторила Ксавьер. Ее черты исказились от страха. Рассмеявшись, Пьер вытер глаза.

— Каким бы поэтичным идиотом ты мог быть, — сказала Франсуаза. — Можно было бы горячо полюбить идиота с подобным лицом.

— Не все еще потеряно, — заметил Пьер.

— А в театре никогда не бывает роли идиота? — спросила Ксавьер.

— Одну такую я знаю, великолепную, в пьесе

Валье-Инклана[7], но это немая роль, — ответил Пьер.

— Жаль, — с насмешливым и нежным видом сказала Ксавьер.

— Элизабет опять донимала тебя с пьесой Клода? — спросила Франсуаза. — Я поняла, что ты отбился, сказав, что следующей зимой мы уедем на гастроли.

— Да, — с задумчивым видом отвечал Пьер, мешая ложкой оставшийся кофе. — А почему ты, в сущности, противишься этому проекту? — спросил он. — Если мы не совершим это путешествие на будущий год, то, боюсь, нам никогда уже его не осуществить.

Франсуаза ощутила досаду, но до того незначительную, что была этим чуть ли не удивлена. Она все воспринимала приглушенно и смягченно, словно укол кокаина притупил чувствительность ее души.

— Но пьеса тоже рискует никогда не быть сыгранной, — заметила она.

— Наверняка мы еще сможем поработать, когда не будет больше возможности покидать Фран-

---

**[7] notes: 7**

Рамон Мария дель Валье-Инклан (1866–1936) — испанский писатель, один из крупнейших представителей испанской культуры конца XIX — первой трети XX в.

цию, — пожав плечами, коварно сказал Пьер. — И потом, моя пьеса не самоцель. Мы столько работали в своей жизни, тебе не хочется каких-то перемен?

И это как раз в тот момент, когда они были близки к цели: в течение следующего года она закончила бы свой роман, а Пьер наконец пожал бы плоды своей десятилетней работы. Она отлично сознавала, что год отсутствия — это своего рода крах, но вспоминала об этом с каким-то ленивым равнодушием.

— О! Что касается меня, ты знаешь, как я люблю путешествовать, — сказала она.

Бороться не стоило труда, она знала, что побеждена, но не Пьером, а самой собой. Та тень сопротивления, которая все еще теплилась в ней, была недостаточно сильна, чтобы надеяться довести борьбу до конца.

— Тебя не прельщает возможность представить себе нас на палубе «Кайро-Сити», созерцающими приближающийся греческий берег! — сказал Пьер. Он улыбнулся Ксавьер. — Вдалеке, как крохотный смешной монумент, виднеется Акрополь. Мы быстро берем такси, которое, трясясь, доставит нас по ухабистой дороге в Афины.

— И мы пойдем обедать в Национальный

сад, — подхватила Франсуаза, весело взглянув на Ксавьер. — Она вполне способна полюбить жареные креветки и бараньи потроха, и даже вино со смолистым привкусом.

— Наверняка полюблю, — отозвалась Ксавьер. — Что мне не нравится, так это благоразумная кухня, которая существует во Франции. Вот увидите, там я стану обжорой.

— В этом отношении все примерно так же омерзительно, как в китайском ресторане, где вы получали удовольствие, — сказала Франсуаза.

— А мы будем жить в тех самых кварталах с маленькими лачугами из дерева и жести? — спросила Ксавьер.

— Не получится, там нет отелей, — отвечал Пьер. — Это месторасположение эмигрантов. Но мы будем проводить там много времени.

Приятно будет увидеть все это вместе с Ксавьер, ее взгляд преображал любые предметы. Когда только что ей показывали бистро Центрального рынка, груды моркови, бродяг, Франсуазе почудилось, будто она все это видит впервые. Она взяла горсть розовых креветок и стала их чистить. Под взглядом Ксавьер кишащие набережные Пирея, синие лодки, грязные ребятишки, пропахшие маслом и жареным мясом таверны откроют еще

неизведанные богатства. Она посмотрела на Ксавьер, потом на Пьера. Она любила их, они любили друг друга, они любили ее; вот уже не одну неделю все трое жили в радостном упоении. И как бесценно было это мгновение с этим светом раннего утра на пустых банкетках «Дома», с запахом намыленной каменной плитки и легким привкусом свежих продуктов моря.

— У Берже великолепные греческие фотографии, — сказал Пьер, — надо будет их у него попросить.

— Верно, вы ведь собираетесь обедать у этих людей, — с ласковым недовольством заметила Ксавьер.

— Если бы была только Поль, мы бы вас взяли, — сказала Франсуаза. — Но с Берже сразу все становится так официально.

— Труппу мы оставим в Афинах, — продолжал Пьер, — а сами объедем весь Пелопоннес.

— Верхом на муле, — добавила Ксавьер.

— Отчасти на муле, — согласился Пьер.

— И у нас будет множество приключений, — добавила Франсуаза.

— Мы похитим красивую греческую девочку, — сказал Пьер. — Помнишь маленькую девочку в Триполи, которая внушила нам такую жалость?

— Прекрасно помню, — отвечала Франсуаза. — Ужасно было думать, что всю свою жизнь она наверняка будет прозябать на этом пустынном перекрестке.

Ксавьер насупилась.

— Потом придется таскать ее с собой, это будет очень обременительно, — заметила она.

— Можно отправить ее в Париж, — сказала Франсуаза.

— Но потом все равно забрать, — возразила Ксавьер.

— Однако, — продолжала Франсуаза, — если вы узнаете, что в каком-то уголке мира есть кто-то очень милый, но несчастный и порабощенный, то вы и пальцем не пошевелите, чтобы поехать за ним?

— Нет, — с упрямым видом ответила Ксавьер. — Мне это безразлично.

Взглянув на Пьера и Франсуазу, она вдруг резко сказала:

— Мне не хотелось бы никого другого с нами.

Это было ребячество, но Франсуазе почудилось, будто на ее плечи обрушились тяжелые оковы; после всех отречений она должна была бы чувствовать себя свободной, а между тем никогда она не ведала такого ощущения утраты свободы,

как в последние недели. В эту минуту у нее даже сложилось впечатление, что она связана по рукам и ногам.

— Вы правы, — согласился Пьер, — у нас троих и без того дел хватает. Теперь, когда мы создали вполне гармоничное трио, надо пользоваться этим, не заботясь ни о чем другом.

— А что, если у одного из нас произойдет пылкая встреча? — возразила Франсуаза. — Это могло бы стать общим богатством: всегда жалко ограничивать себя.

— Но это так ново, то, что мы создали, — сказал Пьер. — Сначала нам надо оставить позади большой отрезок времени, после каждый сможет искать приключений, уехать, например, в Америку, усыновить китайчонка. Но не раньше… ну, скажем, чем через пять лет.

— Да, — с жаром подхватила Ксавьер.

— Решено, — сказал Пьер, — это взаимное обязательство, в течение пяти лет каждый из нас будет посвящать себя исключительно нашему трио.

Он положил на стол раскрытую ладонь.

— Я забыл, что вы не любите этого жеста, — с улыбкой заметил он.

— Согласна, — серьезно произнесла Ксавьер. —

Это обязательство.

Она положила свою руку на ладонь Пьера.

— Да будет так, — сказала Франсуаза, тоже протягивая свою руку.

Пять лет. Какими тяжелыми показались эти слова; она никогда не боялась вверяться будущему. Однако будущее изменило свой характер, это уже не был порыв всего ее существа. А что это было? Она не могла думать «мое будущее», поскольку не отделяла себя от Пьера и Ксавьер, но уже не было возможности сказать «наше будущее». Это имело смысл с Пьером: они ставили одни и те же цели, планировали одну жизнь, одно творчество, одну любовь. Но с Ксавьер все это не имело больше смысла. Нельзя было жить с ней, а лишь рядом с ней. Несмотря на сладость последних недель, Франсуаза страшилась вообразить долгие похожие годы впереди; чуждые и неизбежные, они расстилались, подобно черному туннелю, повороты которого предстоит преодолевать вслепую. Это не было по-настоящему будущим: то была протяженность времени, бесформенного и обнаженного.

— В настоящее время кажется странным строить планы, — сказала Франсуаза. — Мы уже так привыкли жить во временном.

— Однако ты никогда не верила особо в войну, — улыбнувшись, заметил Пьер. — Не начинай сейчас, когда все, похоже, примерно утряслось.

— Я думаю не об этом, — возразила Франсуаза, — но будущее перечеркнуто.

И это не столько из-за войны, но неважно. Она и так была уже очень довольна получить возможность изъясняться. Благодаря такой двусмысленности она давно перестала быть предельно искренней.

— Это верно, все мы потихоньку стали жить без будущего, — заметил Пьер. — К этому пришли почти все люди, думаю, даже самые большие оптимисты.

— Это-то все и губит, — заметила Франсуаза, — ничто не имеет продолжения.

— Ну нет! Я так не считаю, — с увлеченным видом сказал Пьер. — Напротив, из-за надвигающихся угроз для меня все становится бесценным.

— А мне все кажется напрасным, — продолжала Франсуаза. — Как тебе объяснить? Раньше, что бы я ни предпринимала, меня, казалось, все захватывало. Например, мой роман: он существовал, он требовал быть написанным. Теперь писать значит лишь нагромождать страницы.

Франсуаза оттолкнула кучку розовых креве-

точных шкурок, которые она освободила от мяса. Молодая женщина с необыкновенными волосами сидела теперь одна перед двумя пустыми стаканами; она утратила свой оживленный вид и в задумчивости водила по губам помадой.

— Дело в том, что мы отторгнуты от собственной истории, — сказал Пьер. — Однако мне кажется, что это, скорее, некое обогащение.

— Разумеется, — с улыбкой отозвалась Франсуаза. — Даже на войне ты опять найдешь способ обогатить свою личность.

— Но почему вы решили, что такая вещь может произойти? — внезапно вмешалась Ксавьер, вид у нее был надменный. — Люди все-таки не настолько глупы, чтобы стремиться быть убитыми.

— Их мнения не спрашивают, — отвечала Франсуаза.

— И все-таки те, кто решает, тоже люди, и они не сумасшедшие, — с неприязненным презрением настаивала Ксавьер.

Разговоры о войне или политике всегда раздражали ее своим пустым легкомыслием. Тем не менее Франсуазу удивил ее агрессивный тон.

— Они не сумасшедшие, а просто выбиты из колеи, — сказал Пьер. — Общество — странная машина, у нее нет хозяина.

— Ну и что! Я не понимаю, как можно позволить этой машине раздавить себя, — возмутилась Ксавьер.

— А что вы хотите, чтобы люди сделали? — спросила Франсуаза.

— Чтобы не склоняли головы, как бараны, — сказала Ксавьер.

— Тогда надо вступать в какую-нибудь политическую партию, — сказала Франсуаза.

Ксавьер остановила ее:

— Великий боже! Мне не хотелось бы пачкать этим рук.

— Тогда вы станете бараном, — возразил Пьер. — И так всегда. Бороться с обществом вы можете лишь общественным способом.

— Во всяком случае, — продолжала Ксавьер, лицо которой покраснело от злости, — будь я мужчиной, если бы за мной пришли, я просто не пошла бы.

— И чего бы вы добились? — сказала Франсуаза. — Вас увели бы в сопровождении двух жандармов, а вздумай вы упираться, поставили бы к стенке и расстреляли.

С безучастным выражением лица Ксавьер произнесла:

— И то верно, вам ведь кажется так страшно

умереть.

Чтобы рассуждать со столь упорной недобросовестностью, Ксавьер должна была быть в ярости. У Франсуазы создалось впечатление, что этот выпад предназначался специально для нее, она понятия не имела, какая оплошность вменялась ей в вину, и в недоумении взглянула на Ксавьер. Это благоухающее лицо, излучавшее такую нежность… Какие ядовитые мысли внезапно исказили его? Они злобно расцветали под этим упрямым лобиком, укрытым шелковистыми волосами, и у Франсуазы не было от этих мыслей защиты. Она любила Ксавьер, она не могла больше выносить ее ненависть.

— Вы только что говорили, как отвратительно позволить убивать себя, — сказала она.

— Но совсем другое дело, когда умираешь умышленно, — возразила Ксавьер.

— Убить себя, чтобы не быть убитым, не означает умереть умышленно, — заметила Франсуаза.

— Во всяком случае, я предпочла бы, — сказала Ксавьер и добавила с усталым, отсутствующим видом: — К тому же есть и другие способы, всегда можно дезертировать.

— Знаете, это не так легко, — заметил Пьер.

Взгляд Ксавьер смягчился, она вкрадчиво улыб-

нулась Пьеру.

— Вы сделали бы это, будь такая возможность? — спросила она.

— Нет, — отвечал Пьер, — по тысяче причин. Прежде всего пришлось бы навсегда отказаться вернуться во Францию, а тут мой театр, моя публика, тут мое творчество имеет смысл и шансы оставить свой след.

Ксавьер вздохнула.

— И то правда, — сказала она с опечаленным и разочарованным видом. — Вы тащите за собой столько старого хлама.

Франсуаза вздрогнула — фразы Ксавьер всегда имели двойной смысл. А не относила ли она и Франсуазу к старому хламу? Не упрекала ли она Пьера в том, что тот хранит любовь к ней? Порой Франсуаза замечала внезапно наступавшее молчание, если ей случалось нарушить их уединенный разговор, или недолгую угрюмость, если Пьер немного отвлекался от Ксавьер. Обычно она не обращала на это внимания, однако сегодня это казалось очевидным: Ксавьер хотелось бы чувствовать Пьера свободным, хотелось, чтобы он один был с ней.

— Этот старый хлам, — сказал Пьер, — да это же я сам. Нельзя отделить человека от того, что

он чувствует и что любит, от жизни, которую он себе построил.

Глаза Ксавьер сверкнули.

— А вот я, — начала она с несколько театральной дрожью, — я уехала бы куда угодно и когда угодно. Нельзя зависеть от какой-то страны, от какого-то ремесла; ни от кого и ни от чего, — порывисто закончила она.

— Но вы просто не понимаете: то, что ты делаешь, и кто ты есть, — это одно целое, — возразил Пьер.

— Все зависит от того, кто ты, — заявила Ксавьер с вызывающе задушевной улыбкой; она ничего не делала, и она была Ксавьер; она была ею несокрушимым образом.

Помолчав немного, Ксавьер произнесла с исполненной ненависти скромностью:

— Разумеется, в таких вопросах вы разбираетесь лучше меня.

— Однако вы полагаете, что небольшое количество здравого смысла стоит больше, чем все это знание? — весело сказал Пьер. — Почему вдруг вы начали нас ненавидеть?

— Я вас? — удивилась Ксавьер.

Она широко раскрыла большие простодушные глаза, но губы ее оставались судорожно сжаты-

ми.

— Надо, чтобы я сошла с ума.

— Вас раздосадовало, что мы опять заговорили о войне, в то время как строили такие увлекательные планы?

— У вас полное право говорить о том, что вам нравится, — заметила Ксавьер.

— Вы думаете, что мы забавляемся, попусту воображая ужасы, — продолжил Пьер, — но уверяю вас, это не так. Ситуация заслуживает того, чтобы ее рассмотреть. Ход событий — это важно и для нас, и для вас.

— Я прекрасно знаю, — немного смущенно ответила Ксавьер. — Но какая польза говорить об этом?

— Чтобы ко всему быть готовым, — сказал Пьер. Он улыбнулся. — Это не буржуазная предусмотрительность. Но если вы действительно страшитесь быть раздавленной в мире, если не хотите стать бараном, другого средства нет, кроме как начать вполне ясно обдумывать свое положение.

— Но я ничего в этом не понимаю, — жалобным тоном произнесла Ксавьер.

— Нельзя понять за один день. Прежде всего вам следовало бы заняться чтением газет.

Ксавьер сжала ладонями виски.

— О! Это так скучно! — проговорила она. — Не знаешь, с какого конца за них взяться.

— Верно, — согласилась Франсуаза. — Если вы не в курсе, это от вас ускользнет.

Сердце ее по-прежнему сжималось от боли и гнева; это из ревности Ксавьер ненавидела такие разговоры взрослых людей, в которых она не могла принимать участия. Суть всей этой истории в том, что она не выносила, чтобы в течение какого-то времени внимание Пьера не было обращено исключительно к ней.

— Хорошо, я знаю, что делать, — сказал Пьер. — На днях я сделаю вам пространный доклад о политике и после буду постоянно держать вас в курсе. Знаете, это не так уж сложно.

— Я очень хочу, — обрадовалась Ксавьер. Она наклонилась к Франсуазе и Пьеру. — Вы видели Элуа? Она уселась за столиком у самого входа в надежде выманить у вас на ходу несколько слов.

Элуа как раз макала круассан в кофе со сливками; она была не накрашена и выглядела робкой и одинокой, что не вызывало неприязни.

— Если кто-то, не зная, увидел бы ее вот так, то нашел бы вполне симпатичной, — сказала Франсуаза.

— Я уверена, что она приходит сюда завтра-

кать нарочно, чтобы встретить вас, — заметила Ксавьер.

— Она вполне на это способна, — согласился Пьер.

Кафе понемногу заполнялось. За соседним столиком какая-то женщина писала письма, с затравленным видом поглядывая на кассу; наверно, она опасалась, что ее обнаружит официант и заставит сделать заказ. Но ни один официант не показывался, хотя какой-то господин возле окна настойчиво стучал по столику.

Пьер взглянул на часы:

— Надо возвращаться. Мне еще предстоит множество дел, прежде чем идти на обед к Берже.

— Да, теперь вам надо уходить, и как раз тогда, когда все снова стало хорошо, — с упреком сказала Ксавьер.

— Но все и было хорошо, — возразил Пьер. — Что такое малюсенькая пятиминутная тень по сравнению с этой великой ночью?

Ксавьер сдержанно улыбнулась, и они вышли из «Дома», издали поприветствовав Элуа. Франсуазу не слишком воодушевлял обед у Берже, но она была рада побыть немного с Пьером одной, по крайней мере побыть с ним без Ксавьер. Это была краткая отлучка в остальной мир: она на-

чинала задыхаться в их трио, все более и более герметично замыкавшемся на себе.

Ксавьер дружелюбно взяла за руку Франсуазу и Пьера, однако лицо ее оставалось хмурым. Не обменявшись ни словом, они пересекли перекресток и вернулись в отель. На полке Франсуазы лежало письмо, полученное по пневматической почте.

— Похоже на почерк Поль, — заметила Франсуаза, распечатывая письмо.

— Поль отменяет приглашение, — сказала она, — и вместо этого приглашает нас на ужин шестнадцатого.

— О! Какая удача! — молвила Ксавьер; глаза ее загорелись.

— Да, это удача, — согласился Пьер.

Франсуаза ничего не сказала, она вертела письмо в руках. Если бы она не распечатала его в присутствии Ксавьер, то могла бы скрыть от нее содержание и провести день наедине с Пьером. Теперь это было непоправимо.

— Поднимемся немного освежиться, а потом встретимся в «Доме», — предложила она.

— Сегодня суббота, — сказал Пьер. — Можно пойти на блошиный рынок, пообедаем в большом синем ангаре.

— Да, это будет замечательно! Какая удача! — с восторгом повторила Ксавьер.

Была в ее радости почти бестактная настойчивость.

Они поднялись по лестнице. Ксавьер ушла к себе. Пьер последовал за Франсуазой в ее комнату.

— Ты не очень хочешь спать? — спросил он.

— Нет, когда гуляешь вот так, бессонная ночь не слишком утомительна, — отвечала она и стала снимать макияж. После хорошего холодного обливания она почувствует себя вполне отдохнувшей.

— Погода прекрасная, мы проведем отличный день, — сказал Пьер.

— Если Ксавьер будет милой, — заметила Франсуаза.

— Она будет милой; она всегда мрачнеет, когда думает, что вскоре должна нас покинуть.

— То была не единственная причина.

Франсуаза заколебалась, она опасалась, как бы Пьер не счел обвинение чудовищным.

— Я думаю, она рассердилась, что у нас будет пять минут для личного разговора. — Франсуаза снова заколебалась. — Я думаю, что она немного ревнует.

— Она ужасно ревнива, — согласился Пьер, —

ты только сейчас это заметила?

— Я задавалась вопросом, не ошибаюсь ли я, — ответила Франсуаза.

Она всегда испытывала шок, когда видела, что Пьер с сочувствием воспринимает чувства, с которыми сама она боролась всеми силами.

— Она ревнует ко мне, — продолжала Франсуаза.

— Она ревнует ко всему: к Элуа, к Берже, к театру, к политике. То, что мы думаем о войне, кажется ей неверностью с нашей стороны, мы не должны заботиться ни о ком другом, кроме нее.

— Сегодня она сердилась на меня, — сказала Франсуаза.

— Да, потому что ты проявляла сдержанность в отношении наших планов на будущее; она ревнует тебя не только из-за меня, но и в отношении тебя самой.

— Я прекрасно знаю, — сказала Франсуаза.

Если Пьер хотел снять тяжесть с ее сердца, то взялся за это неудачно, она все больше чувствовала себя угнетенной.

— Я нахожу это тягостным, — продолжала она, — это любовь без малейшего дружелюбия. Создается впечатление, что тебя любят не ради тебя.

— Такова ее манера любить, — сказал Пьер.

Он прекрасно приспосабливался к этой любви, у него даже создалось впечатление, что он одержал победу над Ксавьер. Зато Франсуаза мучительно ощущала себя во власти этого пылкого и недоверчивого сердца, теперь она существовала лишь посредством капризных чувств, которые питала к ней Ксавьер; эта колдунья завладела ее образом и по своей воле заставляла ее претерпевать худшие чары. В этот момент Франсуаза была нежелательной, бесчувственной и мелочной душой; ей приходилось дожидаться улыбки Ксавьер, чтобы вновь обрести согласие с самой собой.

— Ладно, посмотрим, в каком настроении она будет, — сказала Франсуаза.

Но это была сущая пытка — до такой степени зависеть и своим счастьем, и даже самим своим существованием от этого чужого и строптивого сознания.

Франсуаза без удовольствия надкусила толстый кусок шоколадного торта, есть не хотелось. Она сердилась на Пьера — он прекрасно знал, что Ксавьер, устав после бессонной ночи, наверняка рано пойдет спать, и мог бы догадаться, что после утренней размолвки Франсуазе не терпелось

подольше побыть с ней наедине. Когда Франсуаза оправилась от болезни, они условились о строгом распорядке: в один из двух дней она выходит с Ксавьер с семи часов до полуночи, а в другой день Пьер встречается с Ксавьер с двух до семи часов. Остальное время распределялось по воле каждого, но уединения с Ксавьер были неприкосновенны: по крайней мере, Франсуаза неукоснительно соблюдала эти соглашения. Пьер гораздо чаще пользовался своим преимуществом. Этим вечером он зашел слишком далеко, попросив жалобно-шутливым тоном, чтобы его не отсылали до того, как он уйдет в театр. Казалось, он не испытывал ни малейших угрызений. Взобравшись на высокий табурет рядом с Ксавьер, он с воодушевлением рассказывал ей о жизни Рембо. История тянулась от самого блошиного рынка, но прерывалась столькими отступлениями, что Рембо все еще пока не встретился с Верленом. Пьер рассказывал; фразы описывали Рембо, но в голосе слышалось множество интимных намеков, и Ксавьер смотрела на него с какой-то сладострастной покорностью. Их отношения были почти целомудренными, и тем не менее через поцелуи, легкие ласки между ними возникло чувственное согласие, которое обнаруживалось

под их сдержанностью. Франсуаза отвела глаза. Обычно она тоже любила рассказы Пьера, однако этим вечером ни его интонациям, ни забавным образам, ни неожиданным оборотам не удавалось ее тронуть. По отношению к нему она испытывала слишком большую досаду. Почти ежедневно он старался объяснять Франсуазе, что Ксавьер привязана к ней не меньше, чем к нему, но, не задумываясь, действовал так, словно эта дружба женщин представляется ему не заслуживающей внимания. Безусловно, он занимал первое место, однако это не оправдывало его бестактности. Разумеется, и речи не было, чтобы отказать ему в том, о чем он просил: он пришел бы в негодование, а возможно, и Ксавьер тоже. Между тем, весело согласившись на присутствие Пьера, Франсуаза, казалось, поступилась интересами Ксавьер. Франсуаза бросила взгляд на зеркало, занимавшее за баром всю высоту стены: Ксавьер улыбалась Пьеру. Видимо, она была довольна тем, что он вознамерился завладеть ею, но это вовсе не причина, чтобы она не рассердилась на Франсуазу, позволившую ему это.

— Ах, представляю себе лицо мадам Верлен! — с громким смехом сказала Ксавьер.

Франсуазу охватила неизбывная печаль. Не-

ужели Ксавьер все еще ненавидит ее? Всю вторую половину дня она была любезна, но только внешне, поскольку погода стояла хорошая и ее очаровал блошиный рынок, на самом деле это ровным счетом ничего не значило.

«А что я могу поделать, если она меня ненавидит?» — подумала Франсуаза.

Она поднесла стакан ко рту и увидела, что у нее дрожат руки. За день она выпила чересчур много кофе, и ее лихорадило от нетерпения; она ничего не могла поделать; она не имела никакого влияния на эту маленькую упрямую душу, ни даже на прекрасное тело из плоти, ее защищавшее; тело теплое и податливое, доступное мужским рукам, но вставшее перед Франсуазой несгибаемой броней. Ей оставалось только ждать, не шелохнувшись, приговора, который оправдает ее или осудит: вот уже десять часов, как она ждала.

«Это мерзко», — подумалось ей вдруг.

Весь день она подстерегала каждый хмурый взгляд, каждую интонацию Ксавьер; да и в эту минуту она все еще была озабочена столь жалкой тревогой, отторгнутая от Пьера и приятной обстановки, отражение которой посылало ей зеркало, отторгнутая от самой себя.

«А если она меня ненавидит, чего же боль-

ше?» — с возмущением сказала себе Франсуаза. Разве нельзя было смотреть на ненависть Ксавьер прямо, точно так же, как на пирожные с сыром, лежавшие на подносе? Прекрасного светло-желтого цвета, они были украшены розовыми цветками астрагала, и даже возникало желание съесть их, если бы не знать их кислого вкуса. Эта круглая головка занимала в мире не больше места, ее охватывали одним взглядом, ну а этот мрак ненависти, потоком вырывавшийся из нее — если его загнать в свою коробку, то его тоже можно было бы держать в руках. Надо было лишь слово сказать, и ненависть с сокрушительным грохотом рассыпалась бы, превратившись в дымку, запертую в теле Ксавьер и столь же безобидную, как вкус того, что скрывалось под желтым кремом пирожных. Ненависть ощущала бы свое существование, но разницы не было бы никакой, напрасно она корчилась бы в яростных завитках: на обезоруженном лице увидели бы лишь несколько завихрений, неожиданных и плавных, как облака в небе.

«Это всего лишь мысли у нее в голове», — сказала себе Франсуаза.

На мгновение ей почудилось, что слова подействовали, оставались лишь маленькие виньетки,

в беспорядке проплывавшие под светлыми волосами, а если отвести глаза, то их и вовсе не было заметно.

— Увы, мне надо идти! Я опаздываю, — сказал Пьер.

Спрыгнув с табурета, он надел плащ. Отказавшись от стариковских теплых шарфов, он стал выглядеть таким молодым и веселым. Франсуаза ощутила порыв нежности к нему, но то была нежность столь же одинокая, как и обида; он улыбался, и эта застывшая улыбка не смешивалась с порывами ее сердца.

— Завтра утром в десять часов в «Доме», — сказал Пьер.

— Договорились, до завтрашнего утра, — ответила Франсуаза. Она равнодушно пожала его руку, а потом увидела, как та сжимается на руке Ксавьер, и по улыбке Ксавьер поняла, что пожатие его пальцев было лаской.

Пьер удалился. Ксавьер повернулась к Франсуазе. Мысли у нее в голове… легко сказать, но Франсуаза не верила тому, что сама говорила, это было всего лишь притворством. Магическое слово — надо было, чтобы оно вырвалось из глубины ее души, но ее душа совсем оцепенела. Пагубный туман окутал мир, он отравлял шумы и огни, он

пронизывал Франсуазу до мозга костей. Оставалось ждать, пока он рассеется сам собой; ждать, и подстерегать, и мерзко страдать.

— Что вы хотите делать? — спросила она.

— Все, что вы хотите, — с очаровательной улыбкой ответила Ксавьер.

— Вы предпочитаете прогуляться или пойдем куда-нибудь?

Ксавьер заколебалась, должно быть у нее была вполне определенная мысль.

— Что вы скажете, если нам заглянуть на негритянский бал? — сказала она.

— Отличная идея, — ответила Франсуаза, — мы не были там целую вечность.

Они вышли из ресторана, и Франсуаза взяла Ксавьер за руку. Ксавьер предлагала торжественный выход: когда ей хотелось выразить Франсуазе свою привязанность особенным образом, она охотно приглашала ее танцевать. Возможно также, ей просто самой хотелось пойти на негритянский бал.

— Пройдемся немного? — спросила Франсуаза.

— Да, пойдем по бульвару Монпарнас, — сказала Ксавьер, высвободив свою руку. — Лучше я возьму вас за руку, — объяснила она.

Франсуаза покорно подчинилась, и, когда Кса-

вьер коснулась ее пальцев, она ласково пожала их. Рука в мягкой лайковой перчатке с нежным доверием отдалась ей. В душе Франсуазы поднималась заря счастья, однако она еще не знала, надо ли и правда этому верить.

— Посмотрите, вон прекрасная брюнетка со своим силачом, — сказала Ксавьер.

Те держались за руки; голова борца едва возвышалась над огромными плечами, женщина громко смеялась.

— Я начинаю здесь чувствовать, что я у себя, — сказала Ксавьер, бросив довольный взгляд на террасу «Дома».

— На это у вас ушло немало времени, — заметила Франсуаза.

Ксавьер вздохнула:

— Ах! Как только вспомню старые вечерние улицы Руана вокруг собора, сердце у меня разрывается!

— Когда вы там находились, вам это не слишком нравилось, — возразила Франсуаза.

— Это было так поэтично, — сказала Ксавьер.

— Вы вернетесь повидать свою семью? — спросила Франсуаза.

— Обязательно, я очень рассчитываю поехать туда этим летом, — отвечала Ксавьер.

Тетя писала ей каждую неделю; в конце концов, они всё приняли гораздо лучше, чем можно было надеяться.

Внезапно углы ее рта опустились, и она стала похожа на немолодую много повидавшую женщину.

— В то время я умела жить, это потрясающе, как я могла все чувствовать.

Сожаления Ксавьер всегда таили какой-то упрек; Франсуаза перешла к обороне.

— Однако я помню, как уже тогда вы жаловались, что очерствели, — заметила она.

— Это было не так, как теперь, — тихо ответила Ксавьер и, опустив голову, прошептала: — Теперь я растворилась.

Прежде чем Франсуаза успела ответить, она радостно сжала ее руку.

— А что, если вам купить одну из этих прекрасных карамелек, — сказала она, остановившись перед розовым магазином, сверкающим, как крестильная коробка.

За стеклом медленно крутился большой деревянный поднос, предлагая алчущим взглядам финики с начинкой, засахаренные орехи, шоколадные трюфели.

— Купите себе что-нибудь, — настаивала Кса-

вьер.

— Ради прекрасного торжественного вечера не стоит отворачиваться, как в тот раз, — сказала Франсуаза.

— О! Одна или две карамельки — это не страшно, — отозвалась Ксавьер. — Она улыбнулась. — Эта лавка такая красочная. Мне кажется, я вхожу в мультипликацию.

Франсуаза открыла дверь.

— А вы ничего не хотите? — спросила она.

— Хочу рахат-лукум, — сказала Ксавьер. Она с восторженным видом разглядывала конфеты. — А если взять еще и это? — предложила она, показывая на тоненькие леденцы, завернутые в шелковистую бумагу. — У них такое красивое название.

— Две карамели, один рахат-лукум и четверть фунта пальчиков феи.

Продавщица сложила конфеты в пакет из тисненой бумаги, закрывавшийся розовым шнурком.

— Я готова покупать конфеты хотя бы ради пакета, — сказала Ксавьер. — Можно подумать, это кошель. У меня их уже с полдюжины, — с гордостью добавила она.

Она протянула карамель Франсуазе и сама от-

кусила от желатинового кусочка.

— Мы похожи на двух старушек, которые радуют себя лакомствами, — заметила Франсуаза, — это стыдно.

— Когда нам будет восемьдесят лет, мы, семеня, потащимся в кондитерскую и перед витриной часа два будем с пеной у рта спорить о запахе рахат-лукума, — сказала Ксавьер. — Люди из квартала станут показывать на нас пальцами.

— А мы, качая головой, скажем: это уже не та карамель, что прежде! — подхватила Франсуаза. — И передвигаться мы будем такими же мелкими шажками, как сегодня.

Они улыбнулись друг другу; когда они бродили по бульвару, то охотно перенимали такую походку восьмидесятилетних.

— Вы не против, если мы посмотрим на шляпы? — спросила Ксавьер, останавливаясь перед шляпным магазином.

— Уж не хотите ли вы купить одну из них?

Ксавьер рассмеялась.

— Не то чтобы они внушали мне ужас, просто мне это не идет. Но я ищу для вас.

— Вы хотите, чтобы я носила шляпу? — спросила Франсуаза.

— Вам так пойдет одна из этих соломенных

шляпок, — сказала Ксавьер умоляющим тоном. — Представьте свое лицо под ней. А когда вы пойдете на какое-нибудь шикарное собрание, то наденете вуалетку, завязав ее сзади большим узлом. — Глаза ее блестели. — О! Скажите, что вы так и сделаете!

— Меня это немного пугает, — сказала Франсуаза, — вуалетка!

— Но вы все можете себе позволить, — жалобно произнесла Ксавьер. — Ах, если бы вы разрешили мне одеть вас!

— Хорошо! — весело согласилась Франсуаза. — Вы подберете мне весеннюю одежду. Отдаю себя вашим заботам.

Она пожала руку Ксавьер; какой та могла быть милой! Следовало извинить перепады ее настроения. Ситуация сложилась не из легких, а она такая молодая. Франсуаза с нежностью взглянула на нее; ей так хотелось, чтобы у Ксавьер была прекрасная счастливая жизнь.

— Что вы в точности имели в виду, когда жаловались, что растворились? — ласково спросила она.

— О! Только это, — отвечала Ксавьер.

— И тем не менее.

— Ничего особенного.

— Мне очень хотелось бы, чтобы вы были довольны своим существованием, — сказала Франсуаза.

Ксавьер ничего не ответила, вся ее веселость разом исчезла.

— Вы, верно, считаете, что, живя в такой близости с людьми, отчасти теряешь себя, — продолжала Франсуаза.

— Да, — согласилась Ксавьер, — становишься полипом.

В голосе ее слышалась обидная интонация; Франсуаза подумала, что на самом деле ей, судя по всему, не так уж не нравилось жить в обществе. Она даже сердилась, когда Пьер с Франсуазой ходили куда-то без нее.

— Однако у вас остается еще много времени для одиночества, — заметила Франсуаза.

— Но это уже совсем не то, — отвечала Ксавьер, — это не настоящее одиночество.

— Понимаю, — сказала Франсуаза, — это всего лишь пустые промежутки, тогда как прежде все было наполнено.

— Вот именно, — с грустью сказала Ксавьер.

Франсуаза задумалась.

— А вам не кажется, что все было бы иначе, если бы вы попытались делать что-то самостоятельно?

Это лучший способ не растворяться.

— А что делать? — спросила Ксавьер.

Вид у нее был совсем жалкий. Франсуазе от всего сердца хотелось ей помочь, но помочь Ксавьер было трудно. Она улыбнулась:

— Например, стать актрисой.

— Ах, актрисой! — отозвалась Ксавьер.

— Я вполне уверена, что вы ею станете, если только будете работать, — с жаром настаивала Франсуаза.

— Конечно нет, — с усталым видом произнесла Ксавьер.

— Вы не можете знать.

— Вот именно, это так бесполезно — работать, не зная. — Ксавьер пожала плечами. — Любая из наших дамочек думает, что станет актрисой.

— Это не доказывает, что вы таковой не станете.

— Один шанс из ста, — возразила Ксавьер.

Франсуаза чуть сильнее сжала ее руку.

— Какое странное рассуждение, — сказала она. — Послушайте, мне кажется, не следует подсчитывать шансы. С одной стороны, можно все выиграть, а с другой — ничего не потерять. Надо делать ставку на успех.

— Да, вы мне это уже объясняли, — сказала

Ксавьер.

Она с недоверием тряхнула головой.

— Я не люблю прописных истин.

— Это не прописная истина, а пари.

— Не вижу разницы.

Ксавьер поморщилась.

— Именно таким образом утешают себя Канзетти и Элуа.

— Да, так создаются компенсационные мифы, это отвратительно, — согласилась Франсуаза. — Но речь не о том, чтобы мечтать — речь о том, чтобы хотеть, а это совсем другое!

— Элизабет хочет быть большим художником, — заметила Ксавьер. — Очень мило, ничего не скажешь.

— Это еще вопрос, — сказала Франсуаза. — У меня создалось мнение, что она приводит миф в действие, чтобы лучше верить в него, но Элизабет не способна ничего хотеть от всего сердца. — Она задумалась. — Вам кажется, что вы нечто раз и навсегда законченное, но я так не думаю; у меня впечатление, что каждый по своей воле создает то, чем является. Не случайно в молодости Пьер был таким амбициозным. А знаете, что рассказывали о Викторе Гюго? Что он безумец, возомнивший себя Виктором Гюго.

— Я терпеть не могу Виктора Гюго, — сказала Ксавьер. Она ускорила шаг. — Мы не могли бы идти немного быстрее? Холодно, вы не находите?

— Пошли быстрее, — согласилась Франсуаза и продолжила: — Мне так хотелось бы убедить вас. Почему вы сомневаетесь в себе?

— Я не хочу себе лгать, — отвечала Ксавьер. — Я считаю недостойным просто верить. Надежно лишь то, к чему прикасаешься.

Со странной злобной гримасой она посмотрела на свой сжатый кулак. Франсуаза с тревогой взглянула на нее: что было у нее в голове? Разумеется, за эти недели тихого счастья она не успокоилась, за ее улыбкой много что пряталось. Ничего из этого она не забыла, все было тут, в тайнике, и после мелких всплесков в один прекрасный день это взорвется.

Они повернули за угол улицы Бломе, уже видна была огромная красная сигара табачного кафе.

— Возьмите одну из этих конфеток, — сказала Франсуаза, чтобы отвлечься.

— Нет, они мне совсем не нравятся, — ответила Ксавьер.

Франсуаза взяла одну из тонких прозрачных палочек.

— Я нахожу их приятными, — сказала она, —

вкус без примесей, чистый.

— Но я ненавижу чистоту, — ответила Ксавьер, скривив рот.

Франсуазу снова охватила тревога. Что было чересчур чистым? Жизнь, в которую они заперли Ксавьер? Поцелуи Пьера? Она сама? «У вас такой чистый профиль», — говорила ей иногда Ксавьер. На двери большими белыми буквами было написано «Колониальный бал». Они вошли; у кассы теснилась толпа, лица черные, бледно-желтые, цвета кофе с молоком. Франсуаза встала в очередь, чтобы купить два входных билета: семь франков для дам, девять франков для мужчин; румба по другую сторону перегородки путала все ее мысли. Что все-таки произошло? Естественно, всегда слишком опрометчиво объяснять реакции Ксавьер минутным капризом, следовало бы вспомнить историю этих двух последних месяцев, чтобы отыскать ключ. Однако старательно преданные забвению прежние упреки всегда оживают лишь при возникновении нового недовольства. Франсуаза попыталась вспомнить. Бульвар Монпарнас, разговор был простой и легкий; а потом, вместо того чтобы остановиться на этом, она внезапно перескочила на серьезные предметы. Причиной тому была как раз неж-

ность, но, стало быть, выражать нежность она умела лишь при помощи слов, даже когда в ее руке была зажата эта бархатистая ручка, а эти ароматные волосы касались ее щеки? Не в этом ли ее неуместная чистота?

— А вот и вся клика Доминики, — сказала Ксавьер, входя в большой зал.

Там находились малютка Шано, Лиза Малан, Дурден, Шайе… Франсуаза с улыбкой кивнула им, в то время как Ксавьер украдкой метнула в их сторону равнодушный взгляд. Она не отпускала руки Франсуазы, когда они где-нибудь появлялись, она была не против, чтобы их принимали за пару: такой род провокации забавлял ее.

— Тот столик, вон там, это будет очень мило, — предложила она.

— Я возьму мартиниканский пунш, — сказала Франсуаза.

— Мне тоже пунш, — сказала Ксавьер и с презрением добавила: — Я не понимаю, как можно с такой тупой грубостью рассматривать кого-то в упор. Впрочем, мне наплевать.

Франсуазе доставило истинное удовольствие ощутить себя окутанной вместе с Ксавьер глупым недоброжелательством всей этой сплетничающей группы; ей казалось, что их вместе

изолировали от остального мира, замкнув в столь пылком уединении.

— Знаете, я готова танцевать, как только вам захочется, — сказала Франсуаза. — Этим вечером я чувствую себя в ударе.

Если исключить румбу, она танцевала вполне достойно, чтобы не выглядеть смешной.

Лицо Ксавьер просияло:

— Это правда, вам не будет скучно?

Ксавьер уверенно обняла ее. Она танцевала сосредоточенно, не глядя по сторонам, но не тупо. Она умела видеть не глядя, это был своего рода талант, которым она очень гордилась. Ей определенно нравилось выделяться, и она умышленно сжимала Франсуазу крепче, чем обычно, и с подчеркнутой кокетливостью улыбалась ей. Танец кружил Франсуазе голову. У своей груди она чувствовала прекрасные теплые груди Ксавьер, вдыхала ее прелестное дыхание; было ли то желание? Но чего она желала? Ее губы на своих губах? Это беспомощное тело в своих руках? Она ничего не могла вообразить, то была лишь смутная потребность хранить навсегда обращенным к ней это лицо влюбленной и иметь возможность страстно говорить себе: «Она моя».

— Вы очень, очень хорошо танцевали, — ска-

зала Ксавьер, когда они возвращались на свои места.

Франсуаза осталась стоять; оркестр начал румбу, и какой-то военный склонился перед Ксавьер с церемонной улыбкой. Франсуаза села перед своим пуншем и выпила глоток сладковато-тошнотворной жидкости. В этом огромном помещении, украшенном бледной настенной живописью и в своей банальности похожем на некий свадебный или банкетный зал, в основном можно было увидеть только цветные лица: все оттенки кожи, от эбенового черного до розоватой охры. Черные танцевали с разнузданной непристойностью, однако их движения отличались столь чистым ритмом, что в своей простодушной грубости эта румба сохраняла священный характер первобытного ритуала. Белым, которые смешивались с ними, везло меньше. Особенно женщины походили на одеревенелые механические устройства или на истеричек в трансе. Одна лишь Ксавьер, с ее безупречной грацией, бросала вызов непристойности и приличию.

Кивком Ксавьер отклонила новое приглашение и села рядом с Франсуазой.

— В танцах этим негритянкам нет равных, — сердито заметила она. — Никогда мне не суметь

танцевать, как они.

Она обмакнула губы в свой стакан.

— До чего сладко! Я не смогу это пить, — сказала она.

— Знаете, вы танцуете чертовски хорошо, — заметила Франсуаза.

— Да, для цивилизованной, — с презрением ответила Ксавьер. Она пристально на кого-то смотрела в центре танцплощадки.

— Она опять танцует с этим маленьким креолом. — Ксавьер указала глазами на Лизу Малан. — Она не отпускает его с тех пор, как мы пришли. — И добавила жалобным тоном: — Он постыдно красив.

Он и правда был очарователен, такой тоненький в приталенной куртке цвета розового дерева. С губ Ксавьер сорвался еще более жалобный стон:

— Ах! Я отдала бы год своей жизни, чтобы хоть на час стать этой негритянкой.

— Она прекрасна, — согласилась Франсуаза. — У нее не негритянские черты, вам не кажется, что она индийской крови?

— Не знаю, — с удрученным видом отвечала Ксавьер.

Восхищение выражалось всплеском ненависти

в ее глазах.

— Либо надо стать достаточно богатым человеком, чтобы купить ее и заточить, — сказала Ксавьер. — Ведь это Бодлер такое сделал? Представляете, возвращаешься домой и вместо собаки или кошки находишь это роскошное создание, мурлыкающее у горящего огня!

Черное обнаженное тело, растянувшееся у огня… это об этом грезила Ксавьер? Как далеко заходила ее мечта?

«Я ненавижу чистоту». Как могла Франсуаза не распознать чувственный рисунок этого носа, этих губ! Жадные глаза, руки, острые зубы под полуоткрытыми губами искали что-то, чтобы схватить, что-то, к чему можно прикоснуться. Пока еще Ксавьер не знала что: звуки, краски, запахи, тела, для нее все было добычей. А может, она знала?

— Пошли танцевать, — внезапно сказала Ксавьер.

Руки ее сомкнулись на талии Франсуазы, но вовсе не к Франсуазе или к ее благоразумной нежности она страстно стремилась. В вечер их первой встречи в глазах Ксавьер вспыхнул хмельной огонь, он погас и никогда больше не возродится. «Как она может любить меня?» — с

горечью подумала Франсуаза. Изысканную и сухую, словно презренный вкус ячменного сахара, со строгим и чересчур ясным лицом, с душой прозрачной и чистой, величественно-бесстрастную, как говорила Элизабет. Ксавьер не отдала бы и часа своей жизни, чтобы самой стать воплощением того ледяного совершенства, которое она благоговейно почитала в ней. «Такая вот я», — подумала Франсуаза, глядя на себя с некоторым ужасом. Неуклюжая угловатость, раньше едва проявлявшаяся, если она за этим не следила, теперь полностью завладела ее личностью и ее жестами, даже ее мысли приобрели жесткие, резкие углы, ее гармоничная уравновешенность превратилась в бесплодную скудость. Этой глыбой обнаженной, просвечивающей белизны с шероховатыми краями бесповоротно, вопреки себе, стала она.

— Вы не устали? — спросила она Ксавьер, когда они вернулись на свои места.

Глаза Ксавьер слегка запали.

— Да, устала, — ответила Ксавьер. — Я постарела. — Она вытянула губы. — А вы устали?

— Чуть-чуть, — призналась Франсуаза. Танец, сонливость и сладкий вкус белого рома смутили ее сердце.

— Это неизбежно, — заметила Ксавьер. — Мы всегда встречаемся по вечерам и не можем быть бодрыми.

— Верно, — согласилась Франсуаза и нерешительно добавила: — Лабрус никогда не бывает свободен по вечерам, приходится оставлять ему вторую половину дня.

— Да, конечно, — сказала Ксавьер, выражение ее лица стало замкнутым.

Франсуаза взглянула на нее с внезапной надеждой, скорее мучительной, чем полной сожаления. А не ставила ли ей в упрек Ксавьер ее скромное устранение? Не хотелось ли ей, чтобы Франсуаза силой заставила ее любить себя? Однако она должна была понимать, что Франсуаза не с легким сердцем мирилась с тем, что она предпочла ей Пьера.

— Можно все уладить по-другому, — сказала Франсуаза.

Ксавьер прервала ее, с живостью возразив:

— Нет, все и так очень хорошо.

Лицо ее нахмурилось. Мысль об улаживании приводила ее в ужас, ей хотелось бы встречаться с Пьером и Франсуазой без всякой программы, исключительно по своему усмотрению; все-таки это было чересчур. Ксавьер вдруг улыбнулась:

— Ах! Он попался.

С робким и заискивающим видом приближался креол Лизы Малан.

— Вы делали ему намеки? — спросила Франсуаза.

— О! Не из-за его жалкой личности, — отвечала Ксавьер. — А только чтобы досадить Лизе.

Она встала и последовала за своим завоеванием на середину танцплощадки. Это была потаенная работа, Франсуаза не заметила ни единого взгляда, ни единой улыбки. Ксавьер не уставала ее удивлять. Она взяла стакан, к которому та едва прикоснулась, и выпила половину: если бы он мог выдать, что происходило в этой голове! Может, Ксавьер сердилась на нее за то, что она согласилась на ее любовь к Пьеру?.. «Но ведь это не я просила ее любить его, — с возмущением подумала она. — Ксавьер добровольно сделала такой выбор». А что все-таки она выбрала? Что было правдой в этом кокетстве, в этой нежности, в этой ревности? Да и была ли в этом какая-то правда? Франсуаза вдруг почувствовала, что готова возненавидеть Ксавьер. А та танцевала, ослепительная в своей белой блузке с широкими рукавами, щеки ее слегка порозовели, она обращала к креолу озаренное радостью лицо. Она

была прекрасна. Красивая, одинокая, беззаботная, она самостоятельно, с кротостью или жестокостью, подсказанными ей каждым мгновением, проживала эту историю, в которую Франсуаза погрузилась целиком, и приходилось беспомощно отбиваться лицом к лицу с ней, в то время как она улыбалась, презрительно или с одобрением. Чего она, в сущности, ждала? Следовало угадать; следовало угадать все, что чувствовал Пьер, что было хорошо, что плохо и чего в глубине души хотелось ей самой. Франсуаза допила стакан Ксавьер. Яснее ничего не стало, решительно ничего. Вокруг нее были лишь бесформенные обломки, а внутри нее пустота, и всюду тьма.

Оркестр смолк на минуту, потом танец возобновился. Ксавьер находилась напротив креола, в нескольких шагах от него, они не касались друг друга, и тем не менее, казалось, их тела охватывал один и тот же трепет. В это мгновение Ксавьер не желала быть никем другим, а только самой собой, ее полностью удовлетворяла собственная грация. И вдруг Франсуаза тоже почувствовала себя полностью удовлетворенной; теперь она была всего лишь женщиной, затерявшейся в толпе, крохотной частицей мира, целиком устремленной к этой ничтожной белокурой золотинке,

которой она была не способна завладеть; однако в той мерзости, куда она угодила, ей было дано то, чего она безуспешно желала шестью месяцами ранее, в расцвете счастья: эта музыка, эти лица, эти огни преображались для нее в сожаление, в ожидание, в любовь, они сливались с ней и придавали незаменимый смысл каждому биению ее сердца. Ее счастье разбилось, но рассыпалось вокруг нее дождем пылких мгновений.

Слегка пошатываясь, Ксавьер вернулась к столику.

— Он танцует, как маленький бог, — сказала она.

Ксавьер откинулась назад на своем стуле, лицо ее вдруг исказилось.

— О, как я устала! — молвила она.

— Хотите вернуться? — спросила Франсуаза.

— О да! Мне очень хотелось бы! — умоляющим голосом произнесла Ксавьер.

Они вышли с бала и остановили такси. Ксавьер рухнула на сиденье, и Франсуаза просунула свою руку под ее; сжимая эту безжизненную ладошку, она почувствовала, как ее распирает своего рода радость. Хотела Ксавьер того или нет, но она связана с Франсуазой узами более крепкими, нежели ненависть или любовь. Франсуаза была

для нее не просто добычей среди прочих, она была самой сущностью ее жизни, и моменты страсти, удовольствия, вожделения не могли бы существовать без этой прочной основы, которая их поддерживала. Все, что происходило с Ксавьер, происходило с ней через Франсуазу, и пускай даже наперекор самой себе Ксавьер принадлежала ей.

Такси остановилось возле отеля, и они быстро поднялись по лестнице; несмотря на усталость, походка Ксавьер ничуть не утратила своей величавой живости, она открыла дверь своей комнаты.

— Я зайду буквально на минутку, — сказала Франсуаза.

— Стоит мне оказаться у себя, и я уже не чувствую такой усталости, — призналась Ксавьер.

Сняв жакет, она села рядом с Франсуазой, и сразу непрочное спокойствие Франсуазы пошатнулось. Ксавьер сидела тут, такая прямая в своей ослепительной блузке, близкая и улыбающаяся, но вне досягаемости; никакие узы ее не связывали, кроме тех, какие она решала себе создать, удержать ее можно было лишь с ее согласия.

— Приятный был вечер, — заметила Франсуаза.

— Да, — согласилась Ксавьер, — надо будет повторить.

Франсуаза в тревоге оглянулась; над Ксавьер снова сомкнется одиночество, одиночество ее комнаты, и сна, и ее грез. Не было никакого способа найти туда доступ.

— В конце концов вы станете танцевать, как негритянка.

— Увы! Это невозможно, — сказала Ксавьер.

Воцарилось тягостное молчание, и слова тут ничего не могли; Франсуаза не находила ни единого жеста, парализованная смущающей грацией этого прекрасного тела, которого она не умела даже желать.

Глаза Ксавьер сощурились, она подавила детский зевок.

— Мне кажется, я засну на месте, — сказала она.

— Я вас оставлю, — ответила Франсуаза. Она встала, у нее перехватило горло, но ничего другого делать не оставалось, она не сумела сделать ничего другого. — Добрый вечер, — сказала она. Стоя у двери, она порывисто обняла Ксавьер. — Добрый вечер, моя Ксавьер, — произнесла она, коснувшись ее щеки.

Ксавьер на мгновение расслабилась, прижав-

шись к ее плечу, неподвижная и податливая. Чего она ждала? Чтобы Франсуаза отпустила ее или крепче прижала? Франсуаза тихонько отстранилась.

— Добрый вечер, — естественным тоном повторила она.

Все было кончено. Франсуаза поднялась по лестнице, ей было стыдно этого бесполезного жеста нежности. С тяжелым сердцем она упала на кровать.

## Глава XI

«Апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь — шесть месяцев подготовки, и я буду готов для побоища», — подумал Жербер.

Стоя перед зеркалом в ванной комнате, он теребил концы великолепного галстука, который позаимствовал у Пеклара; ему очень хотелось бы знать, да или нет, испугается ли он. Но что касается подобных вещей, ничего невозможно предвидеть. Самое чудовищное, что можно вообразить, это холод, когда снимаешь башмаки и видишь, что пальцы остались внутри.

«На этот раз надежды больше нет», — смирившись, сказал он себе. Казалось невероятным, что люди настолько чокнутые, что могут спокойно решиться предать мир огню и мечу; однако немецкие войска вошли в Чехию, и Англия, скорее, споткнулась на этом вопросе.

Жербер с удовлетворением взглянул на прекрасный узел, который соорудил. Он не одобрял галстуки, но не мог знать, куда Лаброс с Франсуазой поведут его ужинать: у обоих было порочное пристрастие к сливочным соусам, и что бы там Франсуаза ни говорила, на тебя обращали внима-

ние, если ты являлся в пуловере в один из этих загородных ресторанов со скатертями в клетку. Надев пиджак, он прошел в гостиную. В квартире никого не было; на письменном столе Пеклара он старательно выбрал две сигары, потом зашел в комнату Жаклин: перчатки, носовые платки, красная мешанина, «Арпеджио» от Ланвен[8]. На деньги, потраченные на всю эту ерунду, можно было бы накормить целое семейство. Жербер сунул в карман пачку сигарет Greys и пакетик шоколадных конфет. Любовь к сладостям — единственная слабость Франсуазы, и ей вполне можно было это простить. Жербер отдавал ей должное: часто она, не стыдясь, носила стоптанные туфли и чулки с мелкими затяжками. В ее гостиничном номере никакие изыски не раздражали взгляд: у нее не было ни безделушек, ни вышивок, ни даже чайного сервиза. К тому же с ней не надо было манерничать, ей не свойственны были кокетство, мигрень, приступы гнева, она не требовала никакого почитания. Рядом с ней можно было даже преспокойно молчать. Захлопнув за собой входную дверь, Жербер поспешно сбежал

**[8] notes: 8**

Жанна Ланвен (1867–1946) — французская художница-модельер, основательница собственного Дома высокой моды. «Арпеджио» — самый известный аромат Дома моды Ланвен, выпущен в 1927 году.

с четвертого этажа. Сорок секунд — никогда Лаброс не смог бы с такой быстротой спуститься по этой темной кривой лесенке. Только по несправедливой случайности он иногда выигрывал на соревнованиях. Сорок секунд: Лаброс наверняка обвинит его в преувеличении. «Я скажу тридцать секунд, — решил Жербер; таким образом это восстановит истину». Он пересек площадь Сен-Жермен-де-Пре; они назначили ему свидание в кафе «Флора»; место их забавляло, поскольку они нечасто туда ходили, но он-то был сыт по горло этой просвещенной элитой. «На следующий год я переменю обстановку, — в ярости подумал он. — Будет здорово, если Лаброс организует эти гастроли: вид у него был решительный». Жербер открыл дверь. На будущий год он окажется в траншеях, и вопрос разрешится сам собой. Он пересек кафе, неопределенно улыбаясь окружающим, потом лицо его совсем расплылось в улыбке: каждый из них троих поодиночке выглядел немного смешно. Но когда они собирались вместе, это было неотразимо.

— Чему вы так радуетесь? — спросил Лаброс.

Жербер беспомощно махнул рукой.

— Просто я увидел вас, — отвечал он.

Они сидели на банкетке, Франсуаза и Пьер

справа и слева от Пажес. Он сел напротив.

— Мы такие смешные? — спросила Франсуаза.

— Вы не представляете себе, — ответил Жербер.

Лабрус искоса взглянул на него.

— Ну как, вам что-нибудь говорит мысль о маленькой оживленной прогулке в сторону Рейна?

— Это отвратительно, — сказал Жербер. — А вы говорили, что все вроде бы устраивается.

— Такого никто не ожидал, — заметил Лабрус.

— На сей раз нам наверняка придется через это пройти, — сказал Жербер.

— Я думаю, что у нас гораздо меньше шансов выпутаться, чем в сентябре. Англия определенно давала гарантии Чехии, она не может не сдержать обещания.

Наступило недолгое молчание. Жербер всегда испытывал смущение в присутствии Пажес; да и Лабрус с Франсуазой, казалось, чувствовали себя неловко. Жербер достал из кармана сигары и протянул их Лабрусу.

— Берите, — сказал он, — это отменные.

Лабрус с одобрением присвистнул:

— Пеклару неплохо живется! Мы выкурим их за десертом.

— А это для вас, — сказал Жербер, выклады-

вая перед Франсуазой сигареты и шоколадные конфеты.

— О, спасибо! — молвила Франсуаза.

Улыбка, осветившая ее лицо, слегка напоминала те, которыми она так часто с нежностью одаривала Лабруса; на сердце у Жербера потеплело, бывали моменты, когда он чуть ли не верил, что Франсуаза испытывает к нему чувство; меж тем она не видела его довольно давно, о нем она не беспокоилась, беспокоилась она лишь о Лабрусе.

— Угощайтесь, — сказала Франсуаза, передавая пакетик по кругу.

Ксавьер сдержанно покачала головой.

— Не перед обедом, — возразил Пьер. — Ты испортишь себе аппетит.

Франсуаза откусила конфету, наверняка она в два счета покончит со всем пакетом, чудовищно, сколько сладостей она может поглотить, и ее не тошнит.

— Что вы будете пить? — спросил Лабрус.

— Перно, — отвечал Жербер.

— Почему вы пьете перно, хотя его не любите?

— Перно я не люблю, но люблю пить перно, — ответил Жербер.

— Узнаю вас, — со смехом сказала Франсуаза.

Снова наступило молчание; Жербер закурил трубку; склонившись над своим пустым стаканом, он медленно выдохнул дым.

— Вы умеете это делать? — с вызовом обратился он к Лабрусу.

Стакан наполнялся мутными, жирными завитками.

— Можно подумать, эктоплазма, — заметила Франсуаза.

— Надо лишь дуть тихонько, — пояснил Пьер. Он вдохнул дым своей трубки и, в свою очередь, старательно наклонился.

— Получилось хорошо, — снисходительно заметил Жербер. — Ваше здоровье.

Чокнувшись с Пьером, он залпом втянул дым.

— Ты гордишься собой, — с улыбкой обратилась Франсуаза к Пьеру, лицо которого блестело от удовольствия. Она с сожалением взглянула на пакет с конфетами, потом решительно положила его в свою сумку. — Знаете, если вы хотите, чтобы у нас хватило времени на еду, лучше всего поехать прямо сейчас.

В который раз Жербер задавался вопросом, почему люди обычно находят ее суровой и робеют в ее присутствии; она не изображала из себя девочку, однако лицо ее светилось радостью,

жизнью и хорошим аппетитом. Казалось, она всегда была в ладу с собой, поэтому рядом с ней и другие чувствовали себя вполне уютно.

Повернувшись к Пажес, Лаврус с тревогой посмотрел на нее.

— Вы хорошо поняли? Вы возьмете такси и скажете шоферу: в «Аполло», улица Бланш. Он остановит вас у самого кинотеатра, и вам нужно будет только войти.

— Это действительно ковбойская история? — с недоверием спросила Пажес.

— Как нельзя более, — ответила Франсуаза, — там полно отчаянных скачек на лошадях.

— И выстрелов, и ужасных потасовок, — добавил Лаврус.

Они склонились над Пажес, как два демона-искусителя, и в их голосах звучали умоляющие интонации. Жербер сделал героическое усилие, чтобы подавить смех, готовый вот-вот прорваться. Он глотнул перно — каждый раз он надеялся, что каким-то чудом этот вкус аниса станет ему вдруг приятен, но его неизменно пронизывала тошнотворная дрожь.

— А тип этот красив? — спросила Пажес.

— Он невероятно приятен, — отвечала Франсуаза.

— Но он не красив, — с упрямым видом сказала Пажес.

— Это не соответствующая правилам красота, — согласился Лаброс.

Пажес разочарованно поморщилась.

— Я опасаюсь, у того, кого вы водили меня смотреть недавно, голова тюленя — это было нечестно.

— Речь идет об Уильяме Пауэлле[9], — сказала Франсуаза.

— Но этот совсем другой, — взмолился Лаброс. — Он молод, хорошо сложен и совершенно дикий.

— Ладно, в конце концов, я сама увижу, — покорно согласилась Пажес.

— В полночь вы будете у Доминики? — спросил Жербер.

— Разумеется, — обиженно ответила Пажес.

Жербер с недоверием отнесся к ее ответу. Пажес, можно сказать, никогда не приходила.

— Я останусь еще на пять минут, — сказала она, когда Франсуаза поднялась.

— Хорошего вечера, — тепло откликнулась

---

**[9] notes: 9**

Уильям Пауэлл (1892–1984) — американский актер театра и кино, звезда фильмов компании Metro-Goldwyn-Mayer, чья артистическая карьера пришлась на 1920-е — первую половину 1950-х годов.

Франсуаза.

— Хорошего вечера, — отвечала Ксавьер. На лице ее было странное выражение, и она тут же в смущении опустила голову.

— Я задаюсь вопросом, пойдет ли она в кино, — сказала Франсуаза, покидая кафе. — Как глупо, я уверена, что это ей понравилось бы.

— Ты же видела, — сказал Лабрус. — Она делала все возможное, чтобы оставаться любезной, но до конца не выдержала, она на нас сердится.

— За что? — спросил Жербер.

— За то, что не проводим вечер с ней, — ответил Лабрус.

— Но тогда вам надо было взять ее. — Жерберу было неприятно, что этот ужин мог показаться Лабрусу с Франсуазой неким сложным мероприятием.

— Ни в коем случае, — ответила Франсуаза. — Это было бы совсем не то.

— Эта девушка маленький тиран, но у нас есть защита, — весело вмешался Пьер.

Жербер почувствовал себя успокоенным, но ему очень хотелось бы понять, кем в действительности была Пажес для Лабруса. Он дорожил ею из любви к Франсуазе? Или что? Никогда он не осмелился бы его об этом спросить; Жербер

бывал очень доволен, если Лаброс случайно хоть немного открывал ему свою душу, но самому спрашивать его о чем-то не следовало.

Лаброс остановил такси.

— Что вы скажете о том, чтобы поужинать в «Ла Грий»? — спросила Франсуаза.

— Было бы отлично, — отозвался Жербер. — Может, опять будет окорок с красной фасолью. — Он вдруг заметил, что проголодался, и ударил себя по лбу. — Ах! Я знал, что о чем-то забыл.

— О чем же? — спросил Лаброс.

— Пообедать. Я забыл съесть мясо, как глупо.

Такси остановилось перед маленьким рестораном; решетка с толстыми прутьями защищала стекла витрины; внутри, справа от входа, находилась цинковая стойка с множеством заманчивых бутылок. В зале было пусто. Только за одним из мраморных столиков ужинали с повязанными вокруг шеи салфетками хозяин и кассирша.

— Ах! — воскликнул Жербер, хлопнув себя по лбу.

— Вы меня напугали, — сказала Франсуаза. — О чем вы еще забыли?

— Я забыл сказать вам, что спустился сейчас по лестнице за тридцать секунд.

— Лжете, — отозвался Лаброс.

— Я был уверен, что вы не пожелаете мне поверить, — ответил Жербер. — Ровно тридцать секунд.

— Вы сделаете это у меня на глазах, — сказал Лаброс. — Зато на лестницах Монмартра я здорово обогнал вас.

— Я тогда просто поскользнулся, — возразил Жербер. Он взял меню: ветчина с красной фасолью имелась.

— Здесь пустовато, — заметила Франсуаза.

— Еще слишком рано, — сказал Лаброс, — к тому же ты знаешь, что люди прячутся по домам, когда что-то случается. И сегодня вечером мы будем играть перед десятком зрителей.

Он заказал яйца под майонезом и с маниакальным видом растирал желток в соусе. Он называл это «делать салат “мимоза”».

— Я предпочитаю, чтобы это раз и навсегда решилось, — сказал Жербер. — Что за жизнь — каждый день говорить себе: это случится завтра.

— И все-таки это выигранное время, — заметила Франсуаза.

— То же самое говорили во время Мюнхена, — сказал Лаброс, — но я полагаю, что это была глупость. Оттяжка ничего не дает. — Он взял стоявшую на столе бутылку божоле и наполнил

стаканы. — Нет, такие увертки не могут продолжаться до бесконечности.

— А почему бы и нет, в конце-то концов, — заметил Жербер.

Франсуаза заколебалась.

— Разве не лучше все что угодно, только бы не война, — сказала она.

Лаброс пожал плечами.

— Я не знаю.

— Если здесь станет совсем уж скверно, вы могли бы сбежать в Америку, — сказал Жербер. — Вас наверняка там примут, вы уже известны.

— И что я там буду делать? — спросил Лаброс.

— Я думаю, что многие американцы говорят по-французски. И потом, ты выучишь английский, поставишь свои пьесы на английском, — сказала Франсуаза.

— Мне это будет совсем неинтересно, — отвечал Лаброс. — Какой смысл может иметь для меня работа в изгнании? Чтобы стремиться оставить след в мире, надо быть солидарным с ним.

— Америка — это тоже мир, — возразила Франсуаза.

— Но он не мой.

— Он станет таким в тот день, когда ты примешь его.

Лабрус покачал головой.

— Ты говоришь, как Ксавьер. Но я не могу, я слишком вовлечен в этот.

— Ты еще молодой, — сказала Франсуаза.

— Да, но, видишь ли, создать новый театр для американцев — такая задача меня не привлекает. Что меня интересует, так это закончить мое собственное творение, то, что я начал в моем флигеле в Гобеленах на деньги, которые я в поте лица вытягивал у тети Кристины. — Лабрус взглянул на Франсуазу. — Ты этого не понимаешь?

— Понимаю, — ответила Франсуаза.

Она слушала Лабруса со страстным вниманием, которое внушило Жерберу своего рода сожаление; ему часто доводилось видеть женщин, обращавших к нему горящие глаза, от этого он не испытывал ничего, кроме неловкости: такие пылкие нежности казались ему неприличными либо тиранническими. Но любовь, которая сияла в глазах Франсуазы, не была ни беспомощной, ни властной. Почти хотелось самому внушить подобную ей.

— Меня сформировало все прошлое, — продолжал Лабрус. — Русские балеты, Вьё-Коломбье, Пикассо, сюрреализм. Без всего этого я был бы ничем. И, разумеется, я хочу, чтобы искусство

приняло от меня принципиально новое будущее, которое, однако, станет будущим, соответствующим этой традиции. Нельзя работать в пустоте, это ни к чему не ведет.

— Конечно, отправиться с оружием и багажом на службу не своей истории — это будет неприемлемо, — согласилась Франсуаза.

— Лично я скорее предпочитаю отправиться ставить проволочные заграждения куда-нибудь в Лотарингию, чем уехать в Нью-Йорк и есть вареную кукурузу.

— Я все-таки предпочла бы кукурузу, особенно если есть ее жареной, — заметила Франсуаза.

— Ну а я, — вмешался Жербер, — клянусь, что если представится возможность убраться в Венесуэлу или в Сан-Доминго…

— Если начнется война, мне не хотелось бы пропустить ее, — сказал Лаврус. — Признаюсь даже, что она вызывает у меня определенное любопытство.

— Вы малость порочны, — заметил Жербер.

Весь день он размышлял о войне, но слышать, как Лаврус обстоятельно рассуждает о ней… От этого стыла кровь, словно война была уже здесь. Она действительно была здесь, притаившись между урчащей печью и цинковой стойкой с жел-

тыми отблесками, и этот ужин был погребальной трапезой. Каски, танки, мундиры, серо-зеленые грузовики — огромный грязный поток надвигался на мир. Землю затопляла черноватая смола, в которой увязали в пропахшей сыростью свинцовой одежде на плечах, а в небе в это время полыхали зловещие отблески.

— Мне тоже, — сказала Франсуаза, — мне не хотелось бы, чтобы что-то важное произошло без меня.

— В таком случае следовало бы отправиться добровольцем в Испанию, — заметил Жербер, — или даже поехать в Китай.

— Это не одно и то же, — возразил Лабрус.

— Не вижу почему, — сказал Жербер.

— Мне кажется, что весь вопрос в ситуации, — сказала Франсуаза. — Помню, когда мы были на мысе Ра и Пьер хотел заставить меня уйти до начала бури, я обезумела от отчаяния. Если бы я уступила, то почувствовала бы себя виноватой. Ну а сейчас могут случиться все бури мира.

— Именно так, — согласился Пьер. — Эта война часть моей собственной истории, вот почему я не согласился бы просто обойти ее стороной.

Лицо его сияло от удовольствия. Жербер с завистью смотрел на них обоих. Чувствовать

себя столь важными друг для друга — это должно обеспечивать безопасность. Если бы сам он действительно много значил для кого-то, то, возможно, и в собственных глазах приобрел бы большее значение; ему не удавалось придать ценности ни своей жизни, ни своим мыслям.

— Представляете, — продолжал Жербер, — Пеклар знает одного врача, который совсем свихнулся на почве того, что ему приходится резать людей. Так, пока он оперировал одного, парень рядом помирал. Был вроде один, который все время, пока его кромсали, не переставал орать: «Ах, как болит колено! Ах, как болит колено!» Должно быть, это невесело.

— Когда дело доходит до этого, не остается ничего другого, как орать, — отозвался Лабрус. — Но знаете, даже это меня не так уж возмущает. Это надо прожить, как все остальное.

— Если вы так ставите вопрос, то оправдано может быть все, — заметил Жербер. — Остается лишь скрестить руки.

— Ну нет! — возразил Лабрус. — Проживать что-то не значит тупо претерпевать. Я согласился бы проживать почти что угодно именно потому, что всегда имел бы возможность проживать это свободно.

— Странная свобода, — заметил Жербер. — Вы не смогли бы делать ничего из того, что вас интересует.

Лаврус улыбнулся.

— Знаете, я изменился, для меня больше не существует мистики произведения искусства. Я вполне могу рассмотреть и другие виды деятельности.

Жербер задумчиво допил свой стакан. Странно было представить, что Лаврус мог измениться — Жербер всегда считал его неизменным. У него были ответы на все вопросы, и неясно, какие еще он мог перед собой поставить.

— Тогда ничто вам не мешает уехать в Америку, — сказал он.

— В данный момент, — отвечал Лаврус, — мне кажется, что лучший способ употребить мою свободу — это защищать цивилизацию, связанную со всеми ценностями, которыми я дорожу.

— Жербер тем не менее прав, — сказала Франсуаза. — Ты сумеешь оправдать любой мир, где будет для тебя место. — Она улыбнулась. — Я всегда подозревала, что ты принимаешь себя за Господа Бога.

Оба они выглядели веселыми. Жербер всегда поражался при виде того, как их воодушевляют

слова. Что это меняло в порядке вещей? Что значили эти слова по сравнению с теплом божоле, которое он сейчас пил, по сравнению с газами, от которых позеленеют его легкие, и по сравнению со страхом, подступавшим к горлу?

— В чем дело? — сказал Лаброс. — За что вы нас осуждаете?

Жербер вздрогнул. Он не ожидал быть застигнутым врасплох в момент своих раздумий.

— Решительно ни за что, — ответил он.

— У вас был вид судьи, — сказала Франсуаза. Она протянула ему меню. — Не хотите десерт?

— Я не люблю десерты, — ответил Жербер.

— Есть торт, вы любите торты, — сказала Франсуаза.

— Да, очень люблю, но на меня напала лень, — ответил Жербер.

Они рассмеялись.

— А для рюмки водки вы не слишком утомились? — спросил Лаброс.

— Нет, это всегда к месту.

Лаброс заказал три порции, и официантка принесла большую пыльную бутыль. Жербер закурил сигарету. Забавно, даже Лаброс испытывал потребность придумывать для себя что-то, за что он мог бы зацепиться. Жербер не верил,

что его спокойствие вполне искренно — ведь он дорожил своими идеями, отчасти как Пеклар своей мебелью. Франсуаза полагалась на Лабруса; люди устраиваются так, чтобы окружить себя очень надежным миром, в котором жизнь их обладала бы смыслом. Но всегда в основе его лежит фальшь. Если присмотреться хорошенько, не желая обманывать себя, то ничего не отыщешь за этой внушительной видимостью, кроме кружащего роя мелких бессмысленных впечатлений; желтый отблеск на цинке стойки, этот привкус гнилой мушмулы на дне водки из виноградных выжимок — это нельзя было уловить во фразах, надо было прожить это в молчании, а потом это исчезало, не оставив следов, и нарождалось что-то другое, столь же неуловимое. Ничего, кроме песка и воды, какое безумие — желать из этого что-то построить. Даже смерть и та не заслуживает того, что вокруг нее раздували; разумеется, это пугало, но потому лишь, что нельзя вообразить того, что почувствуешь.

— Быть убитым — это еще куда ни шло, — сказал Жербер. — Хотя вполне можно прожить и инвалидом с лицевым ранением.

— Я готов пожертвовать и ногу, — добавил Лабрус.

— А я предпочел бы руку, — сказал Жербер. — Я видел в Марселе молодого англичанина, у которого вместо руки был крюк. Так вот, это выглядело скорее изысканно.

— Механическая нога не так заметна, — заметил Лаброс. — А вот рука, тут уж труднее подделать.

— Правда, при нашем ремесле мало что можно себе позволить, — сказал Жербер. — Оторвут ухо — и карьере конец.

— Но это невозможно, — возмутилась вдруг Франсуаза. Голос у нее пресекся, лицо изменилось, и на глазах сразу выступили слезы. Жербер нашел ее чуть ли не красивой.

— Вполне возможно вернуться также без ранений, — примирительно сказал Лаброс. — И потом, мы еще никуда не двинулись. — Он улыбнулся Франсуазе. — Не стоит пока предаваться скверным мечтаниям.

Франсуаза в свою очередь заставила себя улыбнуться.

— Ясно одно, сегодня вечером вы будете играть перед пустым залом, — сказала она.

— Да, — согласился Лаброс. Он обвел взглядом пустой ресторан. — И все-таки надо идти, пора уже.

— А я пойду поработаю, — пожав плечами, сказала Франсуаза. — Хотя не знаю, хватит ли у меня духа.

Они вышли, и Лабрус остановил такси.

— Ты поедешь с нами? — спросил он.

— Нет, я предпочитаю вернуться пешком, — ответила Франсуаза. Она пожала руку Лабрусу и Жерберу.

Жербер смотрел, как она, руки в карманах, удаляется немного неловкими шагами. Теперь наверняка пройдет около месяца, прежде чем он снова ее увидит.

— Садитесь, — сказал Лабрус, подталкивая его в такси.

Жербер открыл дверь в гримерную. Гимьо и Меркатон уже сидели перед своими туалетными столиками с намазанными охрой руками и шеей. Он рассеянно пожал им руку, он не питал к ним симпатии. Тошнотворный запах крема и брильянтина наполнял отравой раскаленную комнатку. Гимьо упорствовал в своем стремлении не открывать окна, он боялся простудиться. Жербер решительно шагнул к окну.

«Если он что-то скажет, я разобью ему морду об эту кисточку», — подумал он.

Ему очень хотелось с кем-нибудь подраться,

это стало бы разрядкой, однако Гимьо не дрогнул. Он водил по лицу огромной сиреневой пуховкой, вокруг него летала пудра, и он с несчастным видом два раза чихнул. Жербер был до того мрачен, что его это даже не рассмешило. Он начал раздеваться: пиджак, галстук, ботинки, носки, а потом придется снова все это надевать. Жербера заранее это удручало, к тому же ему совсем не нравилось обнажать свою кожу перед другими.

«Что я тут делаю?» — спросил он себя внезапно, оглядываясь вокруг чуть ли не с мучительным удивлением. Ему знакомо было это состояние, оно было чрезвычайно неприятным, казалось, вся его внутренность превращалась в стоячую воду. Это часто находило на него в детстве, особенно когда он видел свою мать склонившейся над баком в парах стирки. Через несколько дней он начистит до блеска свою винтовку и будет маршировать в ногу во дворе какой-нибудь казармы, а потом его определят нести караул в какой-то ледяной дыре; это было нелепо. А пока он наносил на свои бедра жидкую пудру с красным оттенком, снимать которую ему предстоит с величайшим трудом, и это было не менее нелепо.

— Вот черт! — вслух произнес он, вспомнив вдруг, что именно сегодня вечером придет Эли-

забет делать с него набросок. Она умела выбрать время.

Открылась дверь, и появилась голова Рамблена.

— Нет ли у кого помады для волос?

— У меня есть, — услужливо отозвался Гимьо. Он считал Рамблена довольно богатым и влиятельным и нескромно обхаживал его.

— Спасибо, — холодно ответил Рамблен. Он схватил флакон с розовым желе и повернулся к Жерберу. — Сегодня вечером будет, пожалуй, прохладно? В партере три затерявшиеся кошки и столько же на балконе. — Внезапно он громко рассмеялся, и Жербер, не стесняясь, последовал его примеру. Ему нравились приступы одинокого веселья, нередко сотрясавшие Рамблена, к тому же он был признателен ему: тот был педерастом, однако никогда не крутился вокруг него.

— Тедеско с лица спал! — заметил Рамблен. — Он думает, что всех иностранцев бросят в концлагеря. Канзетти, рыдая, держит его за руки, Шано уже обозвала его гнусным иностранцем и орет, что французские женщины сумеют выполнить свой долг. Ну и потеха, клянусь вам.

С одобрительным и скептическим видом, улыбаясь своему отражению в зеркале, он стара-

тельно приклеивал букли вокруг лица.

— Мой милый Жербер, ты можешь дать мне немного твоей синевы? — спросила Элуа.

Эта всегда ухитрялась войти в гримерную мужчин, когда те были раздеты; сама она была наполовину обнажена, прозрачная шаль едва прикрывала ее груди кормящей матери.

— Исчезни, мы в непристойном виде, — велел Жербер.

— И спрячь это, — добавил Рамблен, потянув за ее шаль. Он с отвращением проводил ее взглядом. — Она рассказывает, что поступит в санитарки — представляете, какая удача для всех этих несчастных беззащитных парней попасть ей в лапы.

Он удалился. Жербер надел свой римский костюм и принялся гримировать лицо. Это-то было скорее забавно, ему очень нравились кропотливые работы; он изобрел новую манеру рисовать себе глаза, продлевая линию век своего рода звездой самого изящного исполнения. Бросив в зеркало удовлетворенный взгляд, он спустился по лестнице. В фойе на банкетке сидела Элизабет с папкой для рисунков.

— Я пришла слишком рано? — спросила она светским тоном. Этим вечером она выглядела

просто шикарно, этого нельзя было отрицать; Жербер был знатоком, наверняка этот пиджак кроил хороший портной.

— Я буду к вашим услугам через десять минут, — сказал Жербер.

Он бросил взгляд на декорации: все было на месте, и аксессуары расположены под рукой. Сквозь щель в занавесе он оглядел публику: пришло не больше двадцати зрителей, это пахло катастрофой. Со свистком в зубах Жербер обежал коридоры, чтобы собрать актеров, потом покорно сел рядом с Элизабет.

— Вас это не обременит? — спросила она, начиная распаковывать свои бумаги.

— Конечно нет, мне только надо следить здесь за тем, чтобы не было шума, — сказал Жербер.

В тишине со зловещей торжественностью раздались три удара гонга. Поднялся занавес. Кортеж Цезаря собрался у двери, выходившей на сцену. Появился Лабрус в белой тоге.

— Ты здесь, — обратился он к своей сестре.

— Как видишь, — отвечала Элизабет.

— Но я думал, ты больше не делаешь портретов, — сказал он, заглянув через ее плечо.

— Это этюд, — ответила Элизабет. — Делая только композиции, испортишь руку.

— Заходи потом ко мне, — сказал Лаврус.

Он перешагнул порог, и кортеж тронулся за ним.

— Забавно присутствовать на представлении за кулисами, — сказала Элизабет, — видишь, как это делается.

Она пожала плечами. Жербер смущенно взглянул на нее — он всегда чувствовал себя с ней неловко и не совсем понимал, чего она от него хочет; время от времени у него создавалось впечатление, что она отчасти сумасшедшая.

— Оставайтесь в таком положении, не двигайтесь, — сказала Элизабет. Испытывая угрызения, она улыбнулась. — Это не слишком утомительная поза?

— Нет, — отвечал Жербер.

Это было совсем неутомительно, вот только он ощущал себя дураком. Пересекавший фойе Рамблен бросил на него насмешливый взгляд. Воцарилась тишина. Все двери были закрыты, не слышно было ни звука. Там, на сцене, актеры суетились перед пустым залом. Элизабет с упорством рисовала, чтобы не испортить руку, а Жербер тупо ждал. «В чем тут смысл?» — в ярости подумал он. Как только что в гримерной, у него засосало где-то под ложечкой. Было одно воспоминание,

которое всегда приходило ему на ум, если у него случалось такое настроение: огромный паук, которого он видел однажды вечером в Провансе во время путешествия пешком; паук держался за нить паутины, свисавшей с дерева, он карабкался вверх, а потом падал рывками и с изнуряющим упорством снова карабкался. Непонятно было, где он черпал эту упрямую отвагу, выглядел он страшно одиноким в мире.

— Ваш номер с куклами еще продержится какое-то время? — спросила Элизабет.

— Доминика сказала, до конца недели, — отвечал Жербер.

— А Пажес в конце концов совсем бросила роль? — продолжала Элизабет.

— Она обещала мне прийти сегодня вечером, — сказал Жербер.

С застывшим карандашом в руке Элизабет заглянула в глаза Жерберу.

— Что вы думаете о Пажес?

— Она симпатичная, — отвечал Жербер.

Элизабет откровенно рассмеялась.

— Разумеется, если вы такой же робкий, как она…

Склонившись над своим наброском, она с прилежным видом снова принялась рисовать.

— Я не робок, — ответил Жербер. Он в ярости почувствовал, что краснеет. Это было слишком глупо, но он терпеть не мог, когда говорили о нем, а у него даже не было возможности пошевелиться, чтобы немного спрятать свое лицо.

— Надо полагать, что да, — весело продолжала Элизабет.

— Почему? — спросил Жербер.

— Потому что иначе вам было бы нетрудно поближе познакомиться с ней. — Подняв глаза, Элизабет с искренним любопытством взглянула на него. — Вы действительно ничего не замечали или притворяетесь?

— Не понимаю, что вы хотите сказать, — в растерянности отвечал Жербер.

— Это прелестно, — не унималась Элизабет, — такая смиренная скромность — большая редкость. — Она с доверчивым видом говорила в пустоту. Возможно, она и впрямь сходила с ума.

— Но Пажес не интересуется мной, — заметил Жербер.

— Вы думаете? — насмешливо сказала Элизабет.

Жербер ничего не ответил, Пажес и правда иногда бывала с ним странной, но это мало что доказывало, ее не интересовал никто, кроме

Франсуазы и Лабруса. Элизабет хотела посмеяться над ним, она с вызывающим видом грызла грифель карандаша.

— Пажес вам не нравится? — спросила Элизабет.

Жербер пожал плечами.

— Но вы ошибаетесь, — сказал он и смущенно оглянулся. Элизабет всегда была бестактной, она говорила, не думая, просто ради удовольствия говорить. Однако на сей раз она откровенно насмехалась.

— Всего пять минут, — вставая, сказал Жербер, — это время приветствий.

В другом конце фойе уже расположились статисты, он подал им знак и тихонько приоткрыл ведущую на сцену дверь. Голосов актеров не было слышно, но Жербер руководствовался музыкой, под сурдинку сопровождавшей диалог Кассия и Каски; каждый вечер он испытывал все то же волнение, когда подстерегал тему, возвещавшую, что народ предлагает Цезарю корону. Он почти верил в двусмысленную и обманчивую торжественность этого мгновения. Он поднял руку, и громкие возгласы заглушили последние аккорды фортепьяно. Он снова прислушался в тишине, которую подчеркивал отдаленный шепот голосов,

затем донеслась короткая мелодия, и со всех губ сорвался крик; в третий раз несколько слов едва обозначили тему, и голоса зазвучали с удвоенной силой.

— Теперь на какое-то время мы свободны, — сказал Жербер, принимая ту же позу. Однако он был заинтригован, он нравился и знал это, он даже очень нравился, но Пажес — это было бы лестно. — Я видел Пажес сегодня вечером, — сказал он через минуту. — Клянусь вам, не похоже было, что она желает мне добра.

— Как это? — спросила Элизабет.

— Она злилась, потому что я должен был ужинать с Франсуазой и Лабрусом.

— А-а, понимаю! — сказала Элизабет. — Эта девочка ревнива, как тигр; она действительно должна была вас ненавидеть, но это ничего не доказывает.

Элизабет молча нанесла карандашом несколько штрихов. Жерберу очень хотелось расспросить ее получше, однако ему не удавалось сформулировать ни одного вопроса, который не показался бы ему нескромным.

— Обременительно иметь в своей жизни такую маленькую особу, — заметила Элизабет, — несмотря на всю самоотверженность Франсуазы

с Лабрусом, она наверняка тяготит их.

Жерберу вспомнился вечерний инцидент и добродушный тон Лабруса: «Эта девочка маленький тиран, но у нас есть защита».

Он прекрасно помнил лица и интонации людей, только не умел распознавать, что у них в голове; для него все оставалось четким, но непрозрачным, и ему не удавалось составить никакого определенного мнения. Он задумался. Ему представилась неожиданная возможность что-то разузнать.

— Я не очень понимаю, какие чувства они к ней испытывают, — сказал он.

— Вы же их знаете, — ответила Элизабет, — они так привязаны друг к другу, их отношения с людьми всегда неглубоки, или же это игра. — Она с чрезвычайно сосредоточенным видом склонилась над своим рисунком. — Для них забава иметь приемную дочь, однако я думаю, что отчасти это начинает им надоедать.

Жербер нерешительно заметил:

— Порой Лабрус смотрит на Пажес с таким вниманием и заботливостью.

Элизабет рассмеялась.

— Уж не воображаете ли вы, что Пьер влюблен в Пажес? — сказала Элизабет.

— Конечно нет, — отвечал Жербер. Его душил гнев, эта женщина была настоящей шлюхой, несмотря на свои манеры старшей сестры.

— Понаблюдайте за ней, — сказала Элизабет, снова став серьезной. — Я уверена в том, что говорю: вам стоит лишь пальцем пошевелить. — И добавила с нескрываемой насмешкой: — Правда, пальцем пришлось бы все-таки пошевелить.

В кабаре Доминики было так же пусто, как и в театре; представление проходило перед десятком завсегдатаев с похоронными лицами. Сердце Жербера сжалось, когда он укладывал в чемодан маленькую принцессу из клеенки; быть может, это был последний вечер. Завтра дождь серой пыли обрушится на Европу, затопив хрупких кукол, декорации, стойки бистро и все световые радуги, сиявшие на улицах Монпарнаса. Рука его задержалась на гладком холодном личике: настоящие похороны.

— Можно подумать, покойница, — заметила Пажес.

Жербер вздрогнул; Пажес завязывала под подбородком платок, глядя на застывшие тельца, лежавшие на дне коробки.

— Любезно с вашей стороны прийти сегодня вечером, — сказал он. — Когда вы здесь, все идет

гораздо лучше.

— Но я же сказала, что приду, — удивленно и с достоинством произнесла она.

Ксавьер пришла как раз перед поднятием занавеса, и они и тремя словами не успели обмолвиться. Жербер бросил на нее торопливый взгляд; если бы только он нашел, что ей сказать, то с удовольствием задержал бы ее. В общем-то она была не такой уж устрашающей; с этим платком на голове она казалась даже толстощекой.

— Вы были в кино? — спросил он.

— Нет, — отвечала Ксавьер. Она теребила бахрому своего шарфа. — Это очень далеко.

Жербер рассмеялся.

— На такси все гораздо ближе.

— О! — со сведущим видом произнесла Ксавьер. — Я им не доверяю. — Она любезно улыбнулась. — Вы хорошо поужинали?

— Я ел окорок с красной фасолью, это было чудо, — с воодушевлением отвечал Жербер. Он смущенно умолк. — Но у вас ведь истории с едой вызывают отвращение.

Пажес вскинула брови, можно было подумать, что они нарисованы кисточкой, как на японской маске.

— Кто вам это сказал? Это глупая выдумка.

Жербер с удовлетворением отметил, что он становится психологом, ибо ему стало совершенно ясно, что Ксавьер все еще злится на Франсуазу с Лабрусом.

— Вы же не станете утверждать, что любите поесть? — со смехом сказал он.

— Это потому, что я блондинка, — с удрученным видом ответила Ксавьер. — Все считают меня возвышенной.

— Спорим, что вы не пойдете со мной есть гамбургер? — не задумываясь, сказал Жербер, ошеломленный своей смелостью.

Глаза Ксавьер весело блеснули.

— Спорим, что я съем один, — ответила она.

— Тогда пошли, — сказал Жербер. Он отодвинулся, пропуская ее. «Что я стану ей говорить?» — в тревоге задавался он вопросом. И все-таки он был отчасти горд: никто не смог бы сказать, что он и пальцем не пошевелил. Обычно его всегда опережали.

— Ах, как холодно! — сказала Пажес.

— Пошли в «Куполь», это в пяти минутах, — предложил Жербер.

Пажес с тоской огляделась.

— А ближе ничего нет?

— Гамбургер едят в «Куполь», — твердо сказал

Жербер.

Так всегда бывало, этим милым женщинам то слишком холодно, то слишком жарко, они чересчур осторожны и требовательны, чтобы стать добрыми спутницами. К некоторым Жербер испытывал нежность, поскольку очень любил, чтобы его любили, однако это было непоправимо: он с ними скучал; если бы ему повезло быть педерастом, то он встречался бы только с мужчинами. Кроме того, если захочешь бросить женщину, это целое дело, особенно потому что он не любил заставлять страдать. В конце концов, они всё понимают, но не скоро, на это им требуется время. Анни как раз начинает понимать — это был третий раз, когда он, не предупредив, пропускал свидание. Жербер с нежностью взглянул на фасад «Куполи»; эти переливы огней, подобно джазовой мелодии, наполняя грустью, волновали его сердце.

— Вот видите, оказалось, совсем не так далеко, — сказал он.

— Это потому что у вас длинные ноги, — заметила Ксавьер, с одобрительным видом смерив его взглядом с головы до ног. — Мне нравятся люди, которые быстро ходят.

Прежде чем открыть дверь, Жербер повернулся

к ней.

— Вам по-прежнему хочется съесть гамбургер? — спросил он.

Ксавьер заколебалась:

— По правде говоря, большого, очень большого, желания нет, в основном хочется пить.

Она взглянула на него с извиняющимся видом; с этими пухлыми щечками и детской челкой, выбившейся из-под платка, она и впрямь выглядела мило. Жерберу пришла смелая мысль.

— В таком случае, не лучше ли нам спуститься в дансинг? — спросил он, изобразив робкую улыбку, которая нередко ему удавалась. — Я преподам вам урок чечетки.

— О, это было бы замечательно! — воскликнула Пажес с таким воодушевлением, что его это слегка взволновало. Резким движением сорвав свой платок, она устремилась по красной лестнице, перескакивая через две ступеньки. Жербер с удивлением задавался вопросом, а не было ли в намеках Элизабет доли правды. Пажес всегда бывала очень сдержанна с людьми! А этим вечером она с такой готовностью откликалась на любое предложение.

— Устроимся здесь, — сказал он, указывая на столик.

— Да, это будет просто замечательно, — ответила Пажес. Она с восхищением огляделась вокруг; казалось, что перед угрозой грядущей катастрофы танец был лучшим убежищем, чем искусство спектакля, ибо на танцплощадке находились несколько пар.

— О, я обожаю такого рода декорации, — сказала Пажес. Нос ее сморщился. При виде игры ее физиономии Жербер нередко с трудом сохранял серьезность. — У Доминики все так строго, у них это называется хорошим вкусом. — Усмехнувшись, она с заговорщическим видом взглянула на Жербера. — Вы не находите, что это походит на скудость? Включая их остроумие, их шутки: все кажется таким прямолинейным.

— О, да! — согласился Жербер. — У этих людей и смех строгий. Они напоминают мне того философа, о котором рассказывал как-то Лаврус: он смеялся при виде касательной в каком-нибудь круге, поскольку это напоминало угол, но не было углом.

— Вы надо мной смеетесь, — сказала Пажес.

— Клянусь вам, — возразил Жербер, это казалось ему верхом комизма, ведь сам он был унылым из унылых.

— И все-таки он не упускал случая повеселить-

ся, можно и так сказать, — заметила Пажес.

Жербер рассмеялся.

— А вы когда-нибудь слышали Шарпини? Вот его я называю настоящим шутником, особенно когда он поет из «Кармен»: «Матушка, я ее вижу», а Бранкато ищет повсюду: «Но где? Здесь? Где она, бедная женщина?» Я каждый раз смеюсь до слез.

— Нет, — с огорченным видом сказала Пажес, — никогда я не слышала ничего по-настоящему смешного, а мне так хотелось бы.

— Ну что ж надо как-нибудь пойти туда, — сказал Жербер. — А Георгиус[10]? Вы не знаете Георгиуса?

— Нет, — отвечала Пажес, жалобно посмотрев на него.

— Возможно, вам это покажется глупым, — в нерешительности сказал Жербер. — В его песнях и даже в каламбурах много грубых шуток. — Он плохо представлял себе Пажес, с удовольствием слушающей Георгиуса.

— Я уверена, что мне это будет интересно, — поспешно сказала она.

— Что вы будете пить? — спросил Жербер.

---

**[10] notes: 10**

Псевдоним Жоржа Гибура (1891–1970), французского певца, писателя, актера. Был очень популярен в Париже на протяжении более 50 лет. Также выступал под псевдонимом Теодор Крапуле.

— Виски, — ответила Пажес.

— Тогда две порции виски, — заказал Жербер. — Вам это нравится?

— Нет, — ответила Пажес, поморщившись. — Это пахнет настойкой йода.

— Но вам нравится это пить, похоже, как у меня с перно, — сказал Жербер. — Но виски я люблю, — добавил он для очистки совести. — Он отважно улыбнулся. — Хотите, потанцуем это танго?

— Конечно, — отвечала Пажес. Встав, она разгладила ладонью свою юбку. Жербер обнял ее; он помнил, что она хорошо танцует, лучше, чем Анни, лучше Канзетти, но в этот вечер безупречность ее движений показалась ему изумительной. Легкий, нежный аромат исходил от ее белокурых волос; на какое-то время Жербер бездумно отдался ритму танца, пению гитар, оранжевому свечению огней, сладости держать в своих руках гибкое тело.

«Какой же я дурак», — подумал он вдруг. Сколько недель назад ему следовало бы пригласить ее куда-нибудь, а теперь его ждет казарма, было слишком поздно, у этой ночи нет будущего. Сердце его сжалось. Все в его жизни никогда не имело будущего. Он издали восхищался прекрасными страстными историями, но большая любовь — это

как стремление к чему-то, это было бы возможно лишь в мире, где все имеет вес, где слова, которые говорят, жесты, которые делают, оставляют следы, а у Жербера сложилось впечатление, что он попал в зал ожидания, откуда для него никогда не откроется дверь ни в какое будущее. Внезапно, когда оркестр смолк, тревога, снедавшая его весь вечер, преобразилась в панику. Все эти годы, которые ускользнули у него из рук, всегда казались ему лишь бесполезным и преходящим временем, хотя они-то и составляли его единственное существование, никакого другого ему никогда не узнать. Если он, одеревенелый и грязный, будет лежать в поле со своим отличительным жетоном на запястье, решительно ничего уже не случится.

— Пойдем выпьем виски, — предложил Жербер.

Ксавьер послушно улыбнулась ему. Подойдя к своему столику, они увидели продавщицу цветов, которая протянула им их целую корзинку. Остановившись, Жербер выбрал красную розу. Он положил ее перед Ксавьер, и она приколола ее к корсажу.

## Глава XII

Франсуаза бросила последний взгляд в зеркало: на этот раз все было в порядке. Она старательно выщипала брови, зачесанные вверх волосы подчеркивали безупречный затылок, ногти блестели, словно рубины. Перспектива этого вечера представляла для нее интерес; она испытывала добрые чувства к Поль Берже; выходить с ней всегда бывало приятно. Поль обещала отвести их этим вечером в испанское кабаре, в точности воспроизводившее севильский танцевальный дом, и Франсуаза радовалась возможности вырваться на несколько часов из напряженной, раскаленной, удушливой атмосферы, в которую погружали ее Пьер и Ксавьер. Она ощущала себя бодрой, полной жизни и готовой насладиться красотой Поль, прелестью спектакля и поэзией Севильи, которую воскресят сейчас звук гитар и вкус мансанильи.

Без пяти двенадцать; больше никаких сомнений; если они не хотят, чтобы эта ночь была испорчена, надо спуститься и постучать к Ксавьер. Пьер ждет их в театре в полночь, и он испугается, если не увидит их в назначенный

час. Она еще раз перечитала розовое послание, на котором зелеными чернилами крупным почерком Ксавьер было написано: «Извините меня за сегодняшний день, но мне хотелось отдохнуть, чтобы вечером быть в хорошем состоянии. Нежно обнимаю вас».

Эту записку Франсуаза нашла утром под своей дверью и вместе с Пьером задалась вопросом, что Ксавьер могла делать ночью, чтобы спать весь день. «Нежно обнимаю вас» — это ничего не значило, это была пустая фраза. Когда накануне ближе к вечеру, перед тем как идти на ужин с Жербером, они оставили Ксавьер во «Флоре», та выглядела очень обиженной, и нельзя было предвидеть ее сегодняшнего настроения. Франсуаза набросила на плечи новую накидку из легкой шерсти, взяла свою сумку, подаренные матерью красивые перчатки и спустилась по лестнице. Даже если Ксавьер будет хмуриться, а Пьер станет на это обижаться, она была исполнена решимости не обращать на них внимания. Она постучала. За дверью послышался смутный шорох; можно было принять это за трепет тайных мыслей, которые Ксавьер лелеяла в одиночестве.

— В чем дело? — послышался сонный голос.

— Это я, — сказала Франсуаза.

На сей раз ничто не шелохнулось. Несмотря на свою решимость, Франсуаза с досадой распознала ту тревогу, которую всегда испытывала, ожидая, когда появится Ксавьер. Будет ли она улыбающейся или насупленной? Как бы там ни было, смысл этого вечера, смысл целого мира в течение всего вечера, будет зависеть от блеска ее глаз. Прошла минута, прежде чем дверь отворилась.

— Я не готова, — хмуро сказала Ксавьер.

Каждый раз повторялось одно и то же, и каждый раз это приводило Франсуазу в замешательство. Ксавьер была в пеньюаре, всклокоченные волосы падали на ее пожелтевшее, отекшее лицо. Неубранная кровать за ее спиной казалась еще теплой, и чувствовалось, что ставни за день так и не открывались. Комната пропахла дымом и терпким запахом денатурата. Но более, чем спирт или табак, этот воздух делали непригодным для дыхания все те неутоленные желания, и скука, и обиды, которые, словно лихорадочное видение, скапливались в течение часов, дней и недель меж этих пестрых стен.

— Я подожду вас, — нерешительно сказала Франсуаза.

— Но я не одета, — отвечала Ксавьер. С мучительно смиренным видом пожав плечами, она

добавила: — Нет, ступайте без меня.

Поникшая и удрученная, Франсуаза стояла на пороге комнаты; с тех пор, как она обнаружила пробуждения ревности и ненависти в сердце Ксавьер, это уединенное убежище пугало ее. То было не только святилище, где Ксавьер вершила свой собственный культ: то была теплица, где произрастала пышная ядовитая растительность, то был застенок одержимой, влажная атмосфера которого прилипала к телу.

— Послушайте, — сказала она, — я пойду за Лабрусом, и через двадцать минут мы зайдем за вами. Вы сможете собраться за двадцать минут?

Лицо Ксавьер внезапно оживилось.

— Конечно, смогу, вот увидите, когда хочу, я все могу делать быстро.

Франсуаза спустилась с последних двух этажей. Это было досадно, вечер начинался скверно. Вот уже несколько дней в воздухе нагнеталась беда, и в конце концов она неизбежно должна была разразиться. В основном отношения у Ксавьер и Франсуазы складывались неважно; тот неуклюжий порыв нежности в субботу, после негритянского бала, решительно ничего не уладил. Франсуаза ускорила шаг. Это было почти неуловимо, но фальшивой улыбки или двусмыс-

ленной фразы оказывалось довольно, чтобы целиком отравить приятный выход. И сегодня вечером она опять сделает вид, будто ничего не замечает, хотя знает, что Ксавьер ничего не делает без умысла.

Было всего десять минут первого, когда Франсуаза вошла в кабинет Пьера; он уже надел плащ и курил трубку, сидя на диване. Подняв голову, он с недоверчивой суровостью взглянул на Франсуазу.

— Ты одна? — спросил он.

— Ксавьер нас ждет, она была не совсем готова, — ответила Франсуаза.

Сколько бы закаленной она ни была, сердце у нее сжалось. Пьер ей даже не улыбнулся, никогда еще она не получала от него такого приема.

— Ты ее видела? Как она?

Франсуаза с удивлением посмотрела на него.

Почему он казался таким взволнованным? Его собственные дела шли хорошо; ссоры, которые могла устраивать ему Ксавьер, всегда были лишь размолвками влюбленных.

— Вид у нее был усталый и хмурый, весь день она провела у себя в комнате, курила и пила чай.

Пьер встал.

— Знаешь, что она делала этой ночью? — ска-

зал он.

— Что? — спросила Франсуаза. Она вся напряглась. Готовилось что-то неприятное.

— Она до пяти часов утра танцевала с Жербером, — почти торжествующим тоном сообщил Пьер.

— Ну и что?

Франсуаза была в замешательстве; впервые Жербер и Ксавьер выходили вместе, а в той лихорадочной и сложной жизни, в которой она с трудом пыталась обеспечивать равновесие, малейшая новизна была чревата опасностями.

— У Жербера был восторженный вид, — с тем же легким оттенком самодовольства продолжал Пьер.

— Что он рассказывал? — спросила Франсуаза.

Она не смогла бы назвать то двусмысленное чувство, которое поселилось в ней, однако его тусклая окраска не удивляла ее. В глубине всех радостей был теперь привкус плесени, и худшие из ее неприятностей доставляли ей нечто вроде болезненного удовольствия.

— Он находит, что она необычайно хорошо танцует и что она мила, — сухо сообщил Пьер. Вид у него был глубоко огорченный, и Франсуаза с облегчением подумала, что его нелюбезный

прием не был безосновательным. — Она весь день просидела взаперти, — продолжал он. — Она всегда так поступает, если что-то ее взбудоражит — прячется, чтобы всласть все обдумать.

Он закрыл дверь своего кабинета, и они вышли из театра.

— Почему ты не предупредил Жербера, что дорожишь ею? — помолчав, спросила Франсуаза. — Тебе стоило лишь слово сказать.

Профиль Пьера заострился.

— Думается, он пытался меня прощупать, — ответил он с неприятным смешком. — Вид у него был смущенный и неуверенный, не лишенный пикантности. — Он добавил еще более кислым тоном: — Я не скупился на поощрения.

— Тогда все ясно! Как же ты хочешь, чтобы он догадался? — спросила Франсуаза. — В его присутствии ты всегда изображал такое безразличие.

— Уж не хочешь ли ты, чтобы я повесил на спину Ксавьер объявление со словами: «Охотничий заповедник», — произнес Пьер еще более резким тоном. Он вцепился зубами в ноготь. — Жербер и сам мог бы догадаться.

Кровь прилила к лицу Франсуазы. Пьер почитал за честь быть хорошим игроком, однако не соглашался по-честному на перспективу проигрыша;

в эту минуту он был упрям и несправедлив, а она слишком уважала его, чтобы не возненавидеть за эту слабость.

— Тебе прекрасно известно, что он не психолог, — сказала она и резко добавила: — К тому же ты сам мне объяснил по поводу наших отношений, что когда кого-то глубоко уважаешь, то не позволяешь себе лезть к нему в душу без согласия.

— Но я никого ни в чем не упрекаю, — ледяным тоном возразил Пьер, — все и так прекрасно.

Она с обидой взглянула на него: он мучился, однако его страдание было чересчур агрессивным, чтобы внушать хоть малейшую жалость. Тем не менее она сделала усилие, проявив добрую волю:

— Я вот думаю, не потому ли Ксавьер была с ним любезна, что рассердилась на нас, — сказала она.

— Возможно, — согласился Пьер, — но дело в том, что она не пожелала вернуться и до утра не щадила себя ради него. — Он в ярости пожал плечами. — А теперь нам придется заниматься Поль, и мы даже не сможем объясниться.

У Франсуазы упало сердце. Когда Пьер бывал вынужден молча переживать свои тревоги и недовольство, он искусно преображал течение времени в медленную замысловатую пытку.

Не было ничего ужаснее этих попыток избежать объяснения. Сегодняшний вечер, которому она так радовалась, уже не был развлечением; несколькими словами Пьер превратил его в тяжкую обязанность.

— Оставайся здесь, я схожу за Ксавьер, — сказала Франсуаза, когда они подошли к отелю. Она быстро поднялась на второй этаж. Неужели теперь никогда не будет свободного промежутка времени? Неужели и на этот раз ей опять будет позволено лишь украдкой бросать взгляды на лица, на окружающую обстановку? Ей хотелось разорвать этот магический круг, в котором ее удерживали вместе с Пьером и Ксавьер и который отделял ее от всего остального мира.

Франсуаза постучала. Дверь сразу открылась.

— Вот видите, я быстро справилась, — сказала Ксавьер.

Трудно было поверить, что это та самая недавняя пожелтевшая, лихорадочно возбужденная узница. Лицо ее было гладким и ясным, волосы ровными прядками ниспадали на плечи, она надела синее платье и приколола на корсаж слегка увядшую розу.

— Мне так интересно побывать в испанском дансинге, — воодушевилась Ксавьер. — Ведь мы

увидим настоящих испанцев, не так ли?

— Разумеется, — ответила Франсуаза. — Есть отличные танцовщицы и гитаристы, там играют на кастаньетах.

— Идемте скорее, — сказала Ксавьер. Кончиками пальцев она коснулась одежды Франсуазы. — Мне так нравится ваша накидка, — продолжала она. — Это напоминает мне маскарадное домино. Вы такая красивая, — с восхищением добавила она.

Франсуаза смущенно улыбнулась, Ксавьер, радостно спускавшаяся по лестнице широкими прыжками, явно не попадала в тон. Она будет неприятно удивлена, когда увидит замкнутое лицо Пьера.

— Я заставила вас ждать, — весело сказала она, протянув руку Пьеру.

— Это не имеет значения, — ответил Пьер так сухо, что Ксавьер взглянула на него с удивлением. Он отвернулся и подал знак такси.

— Сначала мы заедем за Поль, чтобы она показала нам место, — сказала Франсуаза. — Похоже, если не знаешь, его очень трудно найти.

Ксавьер села рядом с ней в глубине.

— Ты можешь устроиться между нами, места хватит, — с улыбкой обратилась Франсуаза к

Пьеру.

Пьер опустил откидное сиденье.

— Спасибо, — ответил он, — мне и так хорошо.

Улыбка Франсуазы угасла. Если он упорно хотел дуться, надо предоставить ему свободу. Ему не удастся испортить ей этот вечер. Она повернулась к Ксавьер.

— Итак, похоже, вы протанцевали всю ночь? Хорошо повеселились?

— О, да! Жербер чудесно танцует, — совершенно естественным тоном отвечала Ксавьер. — Мы были в подвале «Куполь», он рассказывал вам? Там отличный оркестр.

Опустив ресницы, она слегка выпятила губы, словно протягивая Пьеру свою улыбку.

— Ваше кино меня испугало, — сказала она, — я оставалась во «Флоре» до полуночи.

Пьер смерил ее недобрым взглядом.

— Но вы были вольны выбирать, — сказал он.

Ксавьер на мгновение опешила, потом по ее лицу пробежала высокомерная тень, и снова она обратились к Франсуазе.

— Нам надо вернуться туда вместе, — сказала она. — В конце концов, в дансинг отлично можно пойти и одним женщинам. В субботу на негритянском балу было необычайно приятно.

— Я согласна, — ответила Франсуаза, весело взглянув на Ксавьер. — Вы пустились в излишества! У вас две бессонные ночи подряд.

— Именно поэтому я отдыхала весь день, — сказала Ксавьер. — Мне хотелось быть бодрой, чтобы выйти с вами.

Франсуаза, не моргнув, выдержала язвительный взгляд Пьера; все-таки он сильно преувеличивал: не было оснований строить такую мину из-за того, что Ксавьер понравилось танцевать с Жербером. Впрочем, он сознавал свою вину, однако замыкался в собственном злобном превосходстве, откуда позволял себе с готовностью топтать правила хорошего тона и всякого рода мораль.

Франсуаза решила любить его вместе с его свободой, для этого требовались легкость и оптимизм. Если Пьер был свободен, то не от нее одной зависело любить его, поскольку он свободно мог внушить ненависть к себе. Чем и занимался в данный момент.

Такси остановилось.

— Вы поднимете сь вместе с нами к Поль? — спросила Франсуаза.

— О да, вы мне говорили, что у нее очень красиво, — ответила Ксавьер.

Франсуаза открыла дверцу.

— Ступайте вдвоем, я подожду вас, — сказал Пьер.

— Как хочешь, — отвечала Франсуаза.

Ксавьер взяла ее за руку, и они вошли в ворота.

— Я так рада увидеть ее прекрасные апартаменты, — сказала Ксавьер. Она была похожа на маленькую счастливую девочку, и Франсуаза сжала ее руку. Даже если эту нежность порождала обида на Пьера, принимать ее было сладостно; возможно, впрочем, в течение этого длинного дня уединения Ксавьер очистила свое сердце. По ликованию, которое такая надежда вселила в нее, Франсуаза определила, насколько враждебность Ксавьер была для нее мучительна.

Франсуаза позвонила, им открыла горничная, проводившая их в огромную комнату с высоким потолком.

— Я предупрежу мадам, — сказала она.

Медленно повернувшись во все стороны, Ксавьер с восторгом произнесла:

— Как красиво!

Глаза ее поочередно останавливались на разноцветной люстре, на пиратском сундуке, сплошь обитом потускневшей медью, на парадной кро-

вати, покрытой старинным красным шелком, шитым синими каравеллами, на венецианском зеркале, висевшем в глубине алькова. Вокруг его гладкой поверхности вились причудливые, блестящие стеклянные арабески, похожие на пышное цветение инея. Франсуаза ощутила смутную зависть: какая удача — иметь возможность запечатлеть свои черты на шелке, на стеклянной пряже и драгоценном дереве, ибо на фоне этих обдуманно разрозненных предметов, подобранных ее безупречным вкусом, вырисовывалась фигура самой Поль: это ее с восхищением созерцала Ксавьер в японских масках, графинчиках цвета морской волны, куклах из ракушек, застывших под стеклянным шаром. Так же, как на последнем негритянском балу и в рождественский вечер, Франсуаза по контрасту чувствовала себя обнаженной и гладкой, вроде тех голов без лица на картинах Кирико.

— Добрый день, как я рада вас видеть! — сказала Поль. Вскинув руки, она приближалась торопливым шагом, контрастировавшим с величием ее длинного черного платья; букет из темного бархата с оттенком желтого подчеркивал ее талию. С минуту она удерживала руки Ксавьер.

— Она все больше походит на какого-нибудь

Фра Анджелико, — сказала Поль.

Ксавьер смущенно опустила голову, Поль отпустила ее руки.

— Я совершенно готова, — сказала она, надевая короткое манто из черно-бурой лисицы.

Они спустились по лестнице. При виде Поль Пьер выдавил из себя улыбку.

— Сегодня вечером у вас в театре был народ? — спросила Поль, когда такси тронулось.

— Двадцать пять человек, — ответил Пьер. — Мы собираемся устроить передышку. Но в любом случае мы начинаем репетировать пьесу «Господин Ветер» и через неделю должны закончить.

— Нам повезло меньше, — сказала Поль. — Пьеса была как раз на выходе. Вы не считаете странной манеру людей сосредоточиваться на себе, когда возникают тревожные события? Даже торговка фиалками возле моего дома говорила мне, что за последние два дня не продала и трех букетов.

Такси остановилось на ползущей вверх улочке. Пока Пьер расплачивался, Поль с Ксавьер сделали несколько шагов; Ксавьер зачарованно смотрела на Поль.

— Хорош я буду, когда явлюсь в это заведение в сопровождении трех женщин, — сквозь зубы

проворчал Пьер.

Он со злостью смотрел на темный тупик, в который устремилась Поль. Все дома, казалось, спали. На деревянной дверце в самой глубине виднелась надпись вылинявшими буквами «Севильяна».

— Я позвонила, чтобы для нас оставили хороший столик, — сказала Поль.

Она вошла первой и сразу направилась к мужчине со смуглым лицом, должно быть, хозяину. Они с улыбкой обменялись несколькими словами. Зал был совсем маленький, находившийся посреди потолка прожектор изливал розовый свет на танцплощадку, где теснились несколько пар; остальную часть помещения окутывал полумрак. Поль двинулась к одному из столиков, стоявших у стены и отделенных друг от друга деревянными перегородками.

— Как мило! — сказала Франсуаза. — Здесь все расположено, как в Севилье.

Она собралась было повернуться к Пьеру; ей вспомнились прекрасные вечера, которые двумя годами раньше они провели в танцевальном доме возле площади Аламеда, но Пьер не был расположен предаваться воспоминаниям. Он без особой радости заказал официанту бутылку мансанильи. Франсуаза оглянулась вокруг; она

любила эти первые мгновения, когда обстановка и люди образовывали еще неясное целое, утопавшее в табачном дыму. Радостно было думать, что этот смутный спектакль мало-помалу прояснится и разрешится множеством захватывающих подробностей и эпизодов.

— Что мне здесь нравится, — заметила Поль, — так это отсутствие псевдоживописности.

— Да, никакого украшательства, — согласилась Франсуаза.

Столики из грубого дерева, так же как табуреты, служившие сиденьями, и бар, за которым громоздились бочонки испанского вина. Ничто не задерживало взгляда, за исключением помоста, где стояло фортепьяно и где музыканты в светлых костюмах держали на коленях прекрасные сверкающие гитары.

— Надо снять пальто, — сказала Поль, коснувшись плеча Ксавьер.

Ксавьер улыбнулась; с тех пор, как они сели в такси, она не спускала глаз с Поль. С покорностью сомнамбулы она сняла свою одежду.

— Какое прелестное платье! — восхитилась Поль.

Пьер обратил на Ксавьер пронизывающий взгляд.

— Почему вы храните эту розу? Она завяла, — сухо заметил он.

Смерив его взглядом, Ксавьер медленно сняла розу с корсажа и воткнула ее в стакан с мансанильей, который официант поставил перед ней.

— Вы думаете, что это вернет ей силы? — спросила Франсуаза.

— А почему нет? — отозвалась Ксавьер, украдкой наблюдая за больным цветком.

— Гитаристы хороши, не правда ли? — сказала Поль. — У них настоящий стиль фламенко. Это они создают всю атмосферу. — Она обратила взгляд в сторону бара. — Я опасалась, что здесь будет пусто, но испанцев не так уж трогают события.

— Эти женщины поразительны, — заметила Франсуаза. — У них толстенный слой румян, и, однако, это не придает им неестественный вид, их лица остаются на редкость живыми.

Одну за одной она рассматривала маленьких толстых испанок с сильно накрашенными лицами и густыми черными шевелюрами. Они в точности были похожи на женщин Севильи, которые летними вечерами носили за ухом букетики цветов белоуса с тяжелым запахом.

— А как они танцуют! — сказала Поль. — Я

часто прихожу сюда полюбоваться ими. Они все пухлые и приземистые и кажутся неуклюжими, но как только начинают двигаться, их тела становятся такими воздушными и благородными.

Франсуаза пригубила вино. Этот вкус сушеного ореха воскресил для нее воспоминания о милосердной прохладе севильских баров, где вместе с Пьером она объедалась оливками и анчоусами, в то время как солнце расплющивало улицы; она обратила глаза к нему, ей хотелось вместе с ним вспомнить те прекрасные каникулы. Но недоброжелательный взгляд Пьера был прикован к Ксавьер.

— Что ж, немного понадобилось времени, — сказал он.

Роза с одурманенным видом жалобно поникла на своем стебле, она совсем пожелтела, а ее лепестки стали рыжими, Ксавьер осторожно взяла ее пальцами.

— Да, думаю, она окончательно умерла, — сказала она.

Бросив ее на стол, Ксавьер с вызовом взглянула на Пьера, потом схватила свой стакан и залпом выпила его. Поль с удивлением широко раскрыла глаза.

— У души розы приятный вкус? — спросил

Пьер.

Ксавьер откинулась назад и, ничего не ответив, закурила сигарету. Наступило неловкое молчание. Поль улыбнулась Франсуазе.

— Не хотите попробовать пасодобль? — спросила она, явно желая отвлечь внимание.

— Когда я танцую с вами, у меня возникает иллюзия, будто я умею, — поднимаясь, ответила Франсуаза.

Пьер с Ксавьер остались сидеть рядом, не обменявшись ни словом; Ксавьер зачарованно следила за дымом от своей сигареты.

— Что с проектом сольного концерта? — через какое-то время спросила Франсуаза.

— Если ситуация прояснится, я что-нибудь предприму в мае, — отвечала Поль.

— Наверняка это будет успех, — сказала Франсуаза.

— Возможно. — По лицу Поль пробежала тень. — Но меня интересует не столько это. Мне так хотелось бы найти способ ввести стиль моих танцев в театр.

— Но вы отчасти это делаете, — заметила Франсуаза, — ваша пластика так прекрасна.

— Этого недостаточно, — возразила Поль. — Я уверена, надо искать что-то еще, что-то действи-

тельно новое. — Лицо ее снова омрачилось. — Только придется нащупывать, рисковать…

Франсуаза растроганно, с сочувствием взглянула на нее. Когда Поль отринула свое прошлое, чтобы броситься в объятия Берже, рядом с ним она думала начать жизнь рискованную и героическую, а Берже, как истинный коммерсант, теперь лишь эксплуатировал приобретенную Поль репутацию. Поль принесла ему слишком много жертв, чтобы признаться в своем разочаровании, однако Франсуаза угадывала мучительные трещины в этой любви, в этом счастье, которое Поль продолжала подтверждать. Что-то горестное подступило к горлу Франсуазы. В отсеке, где она их оставила, Пьер и Ксавьер по-прежнему безмолвствовали. Пьер курил, Ксавьер, немного опустив голову, украдкой с огорчением поглядывала на него. Как она была свободна! Свободна в своем сердце, в своих мыслях, свободна страдать, сомневаться, ненавидеть. Никакое прошлое, никакая клятва, никакая верность самой себе не связывали ее.

Пение гитар смолкло. Поль с Франсуазой вернулись на свое место. Франсуаза с некоторым беспокойством увидела, что бутылка мансанильи пуста, а глаза Ксавьер слишком ярко блестят под длинными ресницами, окрашенными в си-

ний цвет.

— Сейчас вы увидите танцовщицу, — сказала Поль. — Я считаю, что она высочайшего класса.

На середину танцплощадки вышла женщина зрелых лет в испанском костюме. Ее круглое лицо обрамляли черные волосы, разделенные посередине пробором и увенчанные красным, как ее шаль, гребнем. Она всем улыбнулась, а гитарист тем временем извлек из своего инструмента несколько резких аккордов. Он начал играть; бюст женщины медленно распрямился, она вскинула вверх прекрасные молодые руки, ее пальцы застучали кастаньетами, и тело ее с детской легкостью пришло в движение. Широкая цветастая юбка вихрем кружила вокруг ее мускулистых ног.

— Какой красивой она вдруг стала, — сказала Франсуаза, повернувшись к Ксавьер.

Ксавьер ничего не ответила. Погруженная в свои страстные созерцания, она никого не подпускала к себе. Щеки ее порозовели, она уже не контролировала выражение лица, а взгляд ее с оторопью и восхищением следил за движениями танцовщицы. Франсуаза допила свой стакан. Она прекрасно знала, что никогда нельзя слиться с Ксавьер в каком-нибудь действии или общем

чувстве, но после сладости, которую она только что ощутила, вновь обретя ее нежность, ей было тяжело не существовать для нее больше. Франсуаза снова сосредоточилась на танцовщице. Теперь та улыбалась воображаемому ухажеру, завлекала его, ускользала от него и наконец падала в его объятия. Потом она стала колдуньей, с движениями, полными опасной тайны. После этого она изобразила веселую крестьянку, с вытаращенными глазами и безумным видом кружащуюся на деревенском празднике. Молодость, бесшабашная радость, отраженные в ее танце, приобретали в этом стареющем теле, в котором они расцветали, волнующую чистоту. Франсуаза не могла устоять и еще раз бросила взгляд на Ксавьер; она вздрогнула от неожиданности: Ксавьер больше не смотрела, опустив голову, она держала в правой руке наполовину сгоревшую сигарету и медленно подносила ее к левой руке. Франсуаза едва не вскрикнула; Ксавьер приложила красный огонек к коже, и губы ее тронула пронзительная улыбка; то была интимная, одинокая улыбка, вроде улыбки безумной, сладостная, искаженная улыбка женщины во власти наслаждения, вид ее с трудом можно было выдержать, она таила в себе нечто ужасное.

Танцовщица закончила свой номер и поклонилась под аплодисменты. Поль молча повернула голову, ее огромные глаза округлились, в них застыл вопрос. Пьер давно уже заметил действие Ксавьер; раз никто не считал нужным что-то сказать, Франсуаза сдержалась, и тем не менее то, что происходило, было невыносимо. Кокетливо и шаловливо округлив губы, Ксавьер осторожно дула на покрывавший ожог пепел. Рассеяв этот маленький защитный слой, она снова приложила к обнажившейся ранке горящий кончик своей сигареты. Франсуаза отпрянула. Возмущалась не только ее плоть — она почувствовала себя задетой до самой сердцевины своего существа более глубоким и непоправимым образом. Эта маниакальная гримаса угрожала опасностью более неотвратимой, нежели все те, что она когда-либо себе воображала. Совсем рядом находилось то, что жадно сосредоточивалось само на себе, что уверенно существовало лишь для себя; к этому нельзя было приблизиться даже мысленно — в тот момент, когда Франсуаза почти касалась цели, мысль распадалась; это был не осязаемый предмет, а бесконечное искреннее и непрерывное исчезновение, прозрачное лишь для себя самого и всегда непроницаемое. Можно было

лишь кружить вокруг в вечном удалении.

— Это глупо, — сказала она, — вы сожжете себя до кости.

Подняв голову, Ксавьер немного растерянно оглянулась вокруг.

— Это не больно, — проговорила она.

Поль взяла ее за руку.

— Через минуту вам будет ужасно больно. Какое ребячество!

Рана была большой, как монета в десять су, и казалась очень глубокой.

— Клянусь вам, я ничего не чувствую. — Ксавьер отняла руку. С заговорщическим и довольным видом взглянув на рану, она добавила: — Ожог — это наслаждение.

Подошла танцовщица. Одной рукой она держала поднос, а другой — кувшин с двумя отверстиями, которыми испанцы пользуются для угощения.

— Кто хочет выпить за мое здоровье? — спросила она.

Пьер положил на блюдо сто франков, а Поль взяла кувшин. Она сказала женщине несколько слов по-испански, потом запрокинула назад голову и ловко направила в рот струю красного вина, которую остановила резким движением.

— Ваша очередь, — сказала она Пьеру.

Взяв кувшин, Пьер с опаской взглянул на него, потом, запрокинув голову, поднес отверстие к самым губам.

— Нет, не так. — Женщина твердой рукой отодвинула кувшин. Пьер дал вину литься в рот с минуту, потом сделал какое-то движение, чтобы вздохнуть, и жидкость пролилась на его галстук.

— Черт! — в ярости произнес он.

Танцовщица рассмеялась и стала бранить его на испанском. У него был такой раздосадованный вид, что взрыв веселья оживил строгие черты Поль. Франсуазе с трудом удалось слабо улыбнуться. В ней поселился страх, и ничто не могло отвлечь ее от этого. На сей раз опасность грозила не только ее счастью.

— Мы останемся еще ненадолго? — спросил Пьер.

— Если вам это не наскучит, — робко ответила Ксавьер.

Поль только что ушла. Своим очарованием этот вечер был обязан ее спокойной веселости. Она приобщила их, одного за другим, к наиболее редким фигурам пасодобля и танго, она пригласила к их столику танцовщицу и добилась, чтобы та спела им прекрасные народные мелодии, которые

хором подхватывали все присутствующие. Они выпили много мансанильи. Пьер в конце концов повеселел, к нему вернулось хорошее настроение. Ксавьер, казалось, не страдала от ожога; на ее лице по очереди отражалось множество сильных и противоречивых чувств. И лишь для Франсуазы время прошло тягостно. Музыка, песни, танец — ничто не могло сломить парализовавшую ее тревогу: с той минуты, как Ксавьер обожгла себе руку, мысленно она не могла оторваться от того искаженного, исступленного лица, воспоминание о котором заставляло ее содрогаться. Франсуаза повернулась к Пьеру, ей необходимо было вновь обрести с ним контакт, однако она слишком резко оторвалась от него, и ей больше не удавалось с ним воссоединиться. Она осталась одна. Пьер и Ксавьер разговаривали, но их голоса доносились, казалось, издалека.

— Почему вы это сделали? — спросил Пьер, коснувшись руки Ксавьер.

Ксавьер бросила на него умоляющий взгляд. Лицо ее выражало безусловную нежную смиренность. Это из-за нее Франсуаза ожесточилась против Пьера так, что не могла даже больше улыбаться ему, а Ксавьер давно уже молча примирилась с ним и, казалось, была готова упасть

в его объятия.

— Почему? — повторил Пьер. Он с минуту смотрел на истерзанную руку. — Я готов поклясться, что это священный ожог.

Ксавьер улыбалась, обратив к нему беззащитное лицо.

— Искупительный ожог, — продолжал он.

— Да, — согласилась Ксавьер. — Я была так недостойно сентиментальна с этой розой. Мне стало стыдно!

— Так вы хотели похоронить в себе воспоминание о вчерашнем вечере? — Пьер говорил дружеским тоном, но был крайне напряжен.

Ксавьер обратила на него восторженный взгляд.

— Откуда вы знаете? — спросила она. Ее сразило такое чародейство.

— Эта увядшая роза, догадаться было нетрудно, — ответил Пьер.

— Смешной жест, жест комедиантки, — сказала Ксавьер. — Но ведь это вы меня спровоцировали, — кокетливо добавила она.

Улыбка ее было горячей, словно поцелуй, и Франсуаза с тревогой задалась вопросом, почему она здесь, при этом интимном разговоре тет-а-тет; ей не было здесь места. А где ее место?

Безусловно, вообще нигде. В это мгновение она почувствовала себя устраненной из мира.

— Я! — воскликнул Пьер.

— У вас был такой насмешливый вид, вы бросали на меня такие грозные взгляды, — с нежностью сказала Ксавьер.

— Да, я был неприятен, — согласился Пьер. — Прошу прощения. Но я чувствовал, что вы заняты совсем другими вещами, а не нами.

— У вас, должно быть, интуиция, — отозвалась Ксавьер. — Прежде, чем я открыла рот, вы уже шипели. — Она тряхнула головой. — Только у вас плохая интуиция.

— Я сразу заподозрил, что Жербер околдовал вас, — неожиданно сказал Пьер.

— Околдовал? — нахмурив лоб, повторила Ксавьер. — Да что же он вам такого рассказал, этот жалкий тип?

Пьер сделал это не нарочно, он был неспособен на низость, однако в его фразе содержался неприятный для Жербера намек.

— Ничего он не рассказал, — отвечал Пьер, — зато он был очарован этим вечером, а это редкость, чтобы вы брали на себя труд очаровывать людей.

— Я должна была бы догадаться об этом, — в

ярости сказала Ксавьер. — Стоит проявить лишь немного вежливости с человеком, и у него тут же появляются какие-то идеи! Бог знает, что он напридумывал своим жалким умишком!

— И потом, — продолжал Пьер, — если вы оставались взаперти весь день, то не для того ли, чтобы обдумывать романтичность вечера.

— Это дутая романтичность, — с раздражением сказала она.

— Таковой она кажется вам в эту минуту, — возразил Пьер.

— Да нет, я сразу это поняла, — нетерпеливо сказала Ксавьер. Она посмотрела Пьеру прямо в лицо. — Мне хотелось, чтобы этот вечер показался мне чудесным, — сказала она. — Понимаете?

Наступило молчание; никогда не узнать, что́ в течение этих двадцати четырех часов Жербер в действительности представлял для нее, и сама она уже о нем забыла. Несомненно было одно: в эту минуту она искренне отрекалась от него.

— Это стало реваншем, направленным против нас, — заметил Пьер.

— Да, — тихо согласилась Ксавьер.

— Но мы не виделись с Жербером целую вечность, надо было встретиться с ним ненадолго, — извиняющимся тоном сказал Пьер.

— Я прекрасно знаю, — отвечала Ксавьер, — но меня всегда раздражает то, что вы позволяете терзать себя всем этим людям.

— Вы милая нетерпимая особа, — сказал Пьер.

— Я не могу себя переделать, — удрученно отвечала Ксавьер.

— И не пытайтесь, — с нежностью проговорил Пьер. — Ваша нетерпимость — не мелочная ревность, это сочетается с вашей непримиримостью, с силой ваших чувств. Если отнять у вас это, вы уже не будете самой собой.

— Ах! Как было бы хорошо, если бы в мире нас было только трое! — сказала Ксавьер. Взгляд ее загорелся страстью. — Никого, кроме нас троих.

Франсуаза через силу улыбнулась. Она часто страдала из-за сообщничества Ксавьер и Пьера, но этим вечером обнаружила в этом свой собственный приговор. Ревность, озлобленность — те чувства, которые Франсуаза всегда отвергала, — оба они говорили о них как о вещах прекрасных и ценных, с которыми следовало обращаться с почтительной осторожностью. Она тоже могла бы отыскать в себе такие смущающие богатства; почему же им она предпочитала устаревшие, ненужные запреты, которые Ксавьер дерзко попирала? Сколько раз ее охватывала

ревность или у нее появлялось искушение возненавидеть Пьера, пожелать зла Ксавьер, однако под ничтожным предлогом сохранения своей чистоты она создала в себе пустоту. Со спокойной отвагой Ксавьер предпочитала полностью самоутверждаться; в награду она обретала свое место на земле и вызывала горячий интерес у Пьера. Франсуаза не осмеливалась быть самой собой и в порыве страдания понимала, что такая лицемерная трусость привела ее к тому, чтобы стать ничем.

Она подняла глаза, Ксавьер как раз говорила:

— Мне очень нравится, когда у вас усталый вид. Вы становитесь таким прозрачным. — Внезапно она улыбнулась, глядя в глаза Пьеру. — Вы похожи на собственного призрака. В роли призрака вы были бы прекрасны.

Франсуаза взглянула на Пьера; он и правда был бледен; эта нервная хрупкость, которую в это мгновение отражали его осунувшиеся черты, нередко волновала ее до слез, однако она была слишком отрезана от него, чтобы ее тронуло это лицо: только через улыбку Ксавьер она угадывала его романтическую притягательность.

— Но вы прекрасно знаете, что я не хочу больше быть призраком, — сказал Пьер.

— Ах! Но призрак — это не труп, — возразила Ксавьер. — Это живое существо. Только тело ему дается душой, у него нет лишней плоти, он не испытывает ни голода, ни жажды, ни потребности в сне. — Глаза ее остановились на лбу Пьера, на его руках, крепких и легких руках, которых Франсуаза часто с любовью касалась, но никогда не думала на них смотреть. — И потом, мне кажется поэтичным то, что призрак не прикован к земле: где бы он ни был, он в то же время и где-то еще.

— Я не где-то еще, я здесь, — сказал Пьер.

Он с нежностью улыбнулся Ксавьер; Франсуаза еще помнила, с какой радостью она нередко воспринимала такие обращенные к ней улыбки, но была уже неспособна завидовать им.

— Да, — согласилась Ксавьер, — но я не знаю, как это выразить: вы здесь, потому что этого хотите. У вас не замкнутый вид.

— А у меня часто бывает замкнутый вид?

Ксавьер заколебалась.

— Иногда. — Она кокетливо улыбнулась. — Когда вы разговариваете с серьезными господами, можно, пожалуй, подумать, что вы и сами один из них.

— Помнится, когда вы познакомились со мной, то готовы были принять меня за противного,

высокомерного человека.

— Вы изменились, — отозвалась Ксавьер.

Она окинула его счастливым и гордым взглядом собственницы. Ей казалось, что она изменила его: правда ли это? Судить об этом уже не Франсуазе; этой ночью для ее очерствевшего сердца самые драгоценные сокровища утонули в безразличии; оставалось полагаться на тот мрачный пыл, который с новым блеском сиял в глазах Ксавьер.

— У тебя такой подавленный вид, — заметил Пьер.

Франсуаза вздрогнула — он обращался к ней и казался встревоженным. Она постаралась контролировать свой голос.

— Думаю, я много выпила, — сказала она.

Слова застревали у нее в горле. Пьер с огорченным видом смотрел на нее.

— Весь вечер ты находила меня совершенно невыносимым, — с сожалением сказал он.

Он непроизвольно положил свою руку на ее. Ей удалось улыбнуться ему; она была тронута его заботой, но даже та нежность, которую он воскрешал в ней, не могла избавить ее от одинокой тоски.

— Отчасти ты правда был невыносим, — ответила она, взяв его за руку.

— Прости меня, я не совсем владел собой. — Он до того был взволнован тем, что огорчил ее, что, если бы только одна их любовь была поставлена под угрозу, Франсуаза обрела бы покой. — Я испортил тебе вечер, — продолжал он, — а ты так ему радовалась.

— Ничего не потеряно, — ответила Франсуаза и, сделав над собой усилие, добавила более веселым тоном: — У нас впереди еще есть время, здесь вполне приятно. — Она повернулась к Ксавьер: — Не правда ли, Поль не обманула, это хорошее место?

Ксавьер как-то странно рассмеялась.

— Вы не находите, что мы похожи на американских туристов, посещающих «Ночной Париж»? Мы устроились немного в стороне, чтобы не пачкаться, и смотрим, ни к чему не прикасаясь…

Лицо Пьера помрачнело.

— Как! Вам хотелось бы, чтобы мы щелкали пальцами и кричали: «Оле́!»?

Ксавьер пожала плечами.

— Чего бы вам хотелось? — спросил Пьер.

— Ничего мне не хотелось бы, — холодно отвечала Ксавьер. — Я говорю то, что есть.

Все повторялось сначала. От Ксавьер снова тяжелыми волнами исходила едкая, как кисло-

та, ненависть; бесполезно было искать защиты от этого мучительного укуса, оставалось лишь терпеть и ждать, но у Франсуазы уже не хватало сил. Пьер не был таким покорным. Ксавьер его не пугала.

— Почему вдруг вы нас возненавидели? — строго спросил он.

Ксавьер разразилась пронзительным смехом.

— Ну нет, вы не станете опять начинать все сначала! — сказала она. Щеки ее пылали, губы судорожно сжались, казалось, она была в полном отчаянии. — Я провожу свое время не в ненависти к вам, я слушаю музыку.

— Вы нас ненавидите, — повторил Пьер.

— Вовсе нет, — отвечала Ксавьер. Она перевела дух. — Я не в первый раз удивляюсь тому, что вы находите удовольствие, глядя на вещи снаружи, словно это театральные декорации. — Коснувшись своей груди, она продолжала с пылкой улыбкой: — А я, я из плоти и крови, понимаете?

Пьер бросил на Франсуазу расстроенный взгляд, задумался, потом, казалось, сделал над собой усилие.

— Что случилось? — примирительным тоном спросил он.

— Ничего не случилось, — отвечала Ксавьер.

— Вы сочли, что мы образуем пару, — сказал Пьер.

Ксавьер посмотрела ему в глаза.

— Вот именно, — высокомерно произнесла она.

Франсуаза стиснула зубы, ее охватило свирепое желание ударить Ксавьер, растоптать ее. Она не один час терпеливо слушала ее диалоги с Пьером, а Ксавьер отказывала ей в праве обменяться с ним малейшим дружеским знаком! Это было слишком, так не могло продолжаться: она не станет больше этого выносить.

— Вы крайне несправедливы, — сердито сказал Пьер. — Если Франсуаза опечалилась, то из-за моего поведения в отношении вас. Я не думаю, что таковы отношения пары.

Ничего не ответив, Ксавьер наклонила голову вперед. За соседним столиком встала молодая женщина и начала хриплым голосом декламировать какое-то испанское стихотворение; воцарилось глубокое молчание, и все взгляды обратились к ней. Даже не понимая смысла слов, присутствующие были до глубины души захвачены ее страстной интонацией, ее лицом, преображенным волнующим пылом; стихотворение говорило о ненависти и смерти, быть может,

и о надежде, и в этих всплесках и жалобах представала истерзанная Испания, и это находило отклик во всех сердцах. Огонь и кровь прогнали с улиц гитары, песни, яркие шали, цветы белоуса; танцевальные дома рухнули, и бомбы разорвали наполненные вином бурдюки; в теплой сладости вечеров скитались страх и голод. Песни фламенко, пьянящий вкус вин — все это было лишь похоронным воспоминанием об умершем пошлом. На мгновение Франсуаза, не отводя глаз от красных трагических губ, погрузилась в эти скорбные образы, которые пробудило суровое заклинание; душой и телом ей хотелось бы присоединиться к этим призывам, к этим сожалениям, прорывавшимся в таинственных звуках. Она повернула голову. О себе самой она могла больше не думать, но не забывала о сидевшей рядом Ксавьер. Та уже не смотрела на женщину, она устремила взгляд в пустоту; сигарета тлела в ее пальцах, и огонек почти касался ее кожи, а она этого вроде бы не замечала. Казалось, она пребывала в истерическом экстазе. Франсуаза провела рукой по лбу; она была в поту, атмосфера стала удушающей, и внутри у нее мысли пылали огнем. Это враждебное присутствие, которое только что обнаружилось в улыбке безумной, станови-

лось все более близким, и не было возможности избежать его ужасающего разоблачения; день за днем, минуту за минутой Франсуаза уклонялась от опасности, но теперь все сбылось, она наконец наткнулась на то непреодолимое препятствие, которое под неопределенными формами предчувствовала с самого раннего детства: в маниакальном наслаждении Ксавьер, в ее ненависти и ревности воплощался скандал столь же чудовищный, столь же неотвратимый, как смерть. Рядом с Франсуазой и вместе с тем независимо от нее существовало нечто вроде приговора без права на помилование: возвышалось свободное, безусловное, непримиримое чужое сознание. Это было полнейшим отрицанием, как смерть, вечным отсутствием и вместе с тем волнующим противоречием. Такая бездна небытия могла стать воплощением существования для себя самой и заставить существовать себя во всей полноте; весь мир поглощался ею, и Франсуаза, навсегда лишавшаяся мира, сама растворялась в этой пустоте, бесконечные очертания которой не могли определиться ни словом и ни каким-либо изображением.

— Осторожнее, — сказал Пьер.

Наклонившись к Ксавьер, он взял из ее пальцев

окурок, она взглянула на него, словно очнувшись от кошмара, потом посмотрела на Франсуазу. Внезапно она взяла за руки их обоих, ладони ее пылали. Франсуаза вздрогнула от прикосновения горячечных пальцев, сжавших ее пальцы. Ей хотелось отнять свою руку, отвернуться, заговорить с Пьером, но она не могла пошевелиться, прикованная к Ксавьер. Она с изумлением смотрела на это тело, позволявшее прикасаться к себе, и это прекрасное, доступное взгляду лицо, за которым скрывалось некое скандальное присутствие. Долгое время Ксавьер была только частью жизни Франсуазы. Внезапно она превратилась в единственную высшую реальность, а Франсуаза обладала теперь лишь бледным подобием некоего образа.

«Почему скорее она, а не я?» — с жаром подумала Франсуаза; а ведь стоило только слово сказать, стоило сказать лишь: «Это я». Но в это слово надо было поверить, надо было суметь выбрать себя. Не одну неделю Франсуаза была уже неспособна свести к безобидным испарениям ненависть, нежность, мысли Ксавьер; она позволила им впитаться в себя и сделала из себя добычу. По собственной воле, вопреки своему сопротивлению и протестам, она старалась уничтожить сама себя;

на собственной истории она присутствовала как равнодушный свидетель, никогда не осмеливаясь утвердить себя, в то время как Ксавьер с головы до ног была живым самоутверждением. Она заставляла себя существовать с такой уверенной силой, что зачарованная Франсуаза увлеченно стала отдавать предпочтение ей в ущерб себе, уничтожая себя. Глазами Ксавьер она стала видеть места, людей, улыбки Пьера. Она дошла до того, что узнавала себя только через чувства, которые питала к ней Ксавьер, и вот теперь она стремилась смешаться с ней: но в этом невыносимом усилии она лишь с успехом истребляла себя.

Гитары продолжали свою монотонную песнь, и воздух пылал, словно раскаленный ветер сирокко, руки Ксавьер не выпускали свою добычу, ее застывшее лицо ничего не выражало. Пьер тоже не шелохнулся; можно было подумать, что некое колдовство их всех троих обратило в мрамор. Перед Франсуазой пронеслись прежние образы: старый пиджак, покинутая прогалина, уголок в «Поль Нор», где вдали от нее Пьер с Ксавьер проживали свое уединение. Подобно сегодняшнему вечеру, ей уже случалось чувствовать, как ее сущность растворяется в пользу недостижимых

сущностей, однако никогда с такой безупречной ясностью она не сознавала собственного уничтожения. Если бы, по крайней мере, от нее ничего не оставалось; однако продолжало жить некое смутное свечение, существовавшее на поверхности вещей среди тысяч и тысяч бесполезных блуждающих огоньков. Сковавшее ее напряжение вдруг отпустило, и она разразилась молчаливыми рыданиями.

Чары были разрушены. Ксавьер отняла свои руки. Пьер заговорил:

— А что, если нам уйти?

Франсуаза встала; она разом избавилась от всяких мыслей, и ее тело послушно пришло в движение. Перекинув на руку свою накидку, она пересекла зал. Холодный воздух на улице осушил ее слезы, однако внутренняя дрожь не унималась. Пьер коснулся ее плеча.

— Тебе нехорошо, — с тревогой сказал он.

Франсуаза с извиняющимся видом ответила:

— Я определенно слишком много выпила.

Ксавьер, одеревенелая, словно автомат, шла на несколько шагов впереди них.

— Эта тоже не лучше, — заметил Пьер. — Мы доставим ее, а потом спокойно поговорим.

— Да, — сказала Франсуаза.

Прохлада ночи, нежность Пьера вернули ей немного покоя. Они присоединились к Ксавьер, и каждый взял ее за руку.

— Я думаю, нам пойдет на пользу пройтись немного, — сказал Пьер.

Ксавьер ничего не ответила. На ее мертвенно-бледном лице сжатые губы словно окаменели.

Они молча спускались по улице, занимался день. Ксавьер внезапно остановилась.

— Где мы? — спросила она.

— На Трините, — ответил Пьер.

— Ах! — произнесла Ксавьер. — Мне кажется, я была немного пьяна.

— Я тоже так думаю, — весело отозвался Пьер. — Как вы себя чувствуете?

— Не знаю, — отвечала Ксавьер, — я не знаю, что произошло. — Она с мучительным видом наморщила лоб. — Я помню очень красивую женщину, которая говорила по-испански, а потом — черная дыра.

— Какое-то время вы смотрели на эту женщину, — сказал Пьер, — вы курили сигарету за сигаретой, и пришлось брать у вас из рук окурки, иначе вы позволили бы им обжечь вас и ничего при этом не почувствовали бы. А потом вы как будто немного очнулись и взяли нас за руки.

— Ах да! — вздрогнув, сказала Ксавьер. — Мы были на дне ада, я думала, нам оттуда никогда не выбраться.

— Вы на долгое время словно окаменели, превратившись в статую, — сказал Пьер, — а потом Франсуаза заплакала.

— Я помню, — со смутной улыбкой произнесла Ксавьер. Веки ее опустились, и она сказала каким-то далеким голосом: — Я была так довольна, когда она заплакала, это как раз то, что мне самой хотелось бы сделать.

Мгновение Франсуаза с ужасом смотрела на нежное, неумолимое лицо, на котором никогда она не замечала отражения своих сокровенных радостей и горестей. Ни на минуту Ксавьер не озаботилась ее скорбью; она увидела ее слезы лишь для того, чтобы обрадоваться им. Франсуаза вырвала свою руку у Ксавьер и, словно подхваченная торнадо, бросилась бежать вперед. Ее сотрясали рыдания возмущения; ее тревога, ее слезы, эта мучительная ночь — все это принадлежит только ей, и она не позволит, чтобы Ксавьер отняла у нее это; она убежала бы на край света, чтобы ускользнуть от ее жадных щупалец, которые хотели сожрать ее живьем. Она услышала за собой торопливые шаги, и крепкая рука

остановила ее.

— В чем дело? — спросил Пьер. — Прошу тебя, успокойся.

— Я не хочу, — отвечала Франсуаза. — Я не хочу. — В слезах она упала на его плечо. Подняв голову, она увидела подошедшую Ксавьер, смотревшую на нее с удрученным любопытством. Но Франсуаза утратила всякую стыдливость, теперь уже ничто не могло ее тронуть. Пьер втолкнул их в такси, и она без удержу продолжала плакать.

— Ну вот и приехали, — сказал Пьер.

Не оглядываясь, Франсуаза стремительно поднялась по лестнице и рухнула на диван. У нее болела голова. Этажом ниже послышался шум голосов, и почти сразу же дверь отворилась.

— Что происходит? — спросил Пьер. Он торопливо подошел и обнял ее; она прижалась к нему, и долгое время не было больше ничего, только пустота, и ночь, и легкое ласковое прикосновение к ее волосам.

— Любовь моя, что с тобой? Расскажи мне, — послышался голос Пьера. Она открыла глаза. В лучах рассвета комната выглядела необычно свежей, чувствовалось, что за ночь ее не касались. Франсуаза с удивлением очутилась перед знакомыми формами, которыми спокойно овладевал

взгляд. Не только мысль о смерти, но и мысль об отторгнутой реальности была совершенно нестерпима: необходимо было вновь вернуться к наполненности окружающего мира и себя самой. Однако она все еще испытывала потрясение, словно преодолела агонию: никогда уже она этого не забудет.

— Я не знаю, — сказала она, слабо ему улыбнувшись. — Все было так тягостно.

— Это я тебя огорчил?

— Нет, — ответила она, схватив его за руки.

— Это из-за Ксавьер?

Франсуаза беспомощно пожала плечами. Объяснить это было слишком трудно, и у нее слишком болела голова.

— Тебе было неприятно видеть, что она ревнует к тебе, — сказал Пьер, в голосе его слышалось сожаление. — Я тоже счел это невыносимым, так не может продолжаться, завтра же я поговорю с ней.

Франсуаза вздрогнула:

— Ты не можешь этого сделать, она тебя возненавидит.

— Тем хуже, — сказал Пьер.

Он встал и сделал несколько шагов по комнате, затем вернулся к ней.

— Я чувствую себя виноватым, — сказал он. — Я глупо положился на добрые чувства этой девушки ко мне, однако речь шла не о жалкой отвратительной попытке обольщения. Мы хотели создать настоящее трио, вполне уравновешенную жизнь втроем, в которой никого не надо приносить в жертву. Возможно, это была немыслимая затея, но, по крайней мере, она заслуживала того, чтобы попытаться ее осуществить! Однако если Ксавьер ведет себя, как ревнивая потаскушка, если ты становишься несчастной жертвой, в то время как я забавляюсь, пытаясь покрасоваться, наша история становится отвратительной. — Лицо его было замкнутым, а голос суровым. — Я поговорю с ней, — повторил он.

Франсуаза с нежностью посмотрела на него. Слабости, какие у него имелись, он осуждал столь же строго, как и она сама; в его силе, трезвости взгляда, в горделивом отказе от всякой низости она полностью вновь обретала Пьера. Но даже это безупречное согласие, которое у них воскресало, не возвращало ей счастья; она чувствовала себя истощенной и трусливой перед новыми возможными осложнениями.

— Ты же не собираешься заставить ее признать, что она ревнует ко мне из любви к тебе? — устало

сказала она.

— Я, безусловно, буду выглядеть фатом, а она придет в бешенство, — ответил Пьер, — но я пойду на риск.

— Нет, — сказала Франсуаза. Если Пьер потеряет Ксавьер, она, в свою очередь, почувствует себя виноватой, и это будет невыносимо. — Нет, прошу тебя. Впрочем, плакала я не поэтому.

— Тогда почему?

— Ты будешь смеяться надо мной, — слабо улыбнувшись, отвечала она. У нее появился проблеск надежды; быть может, если ей удастся облечь в слова свою тревогу, она сможет избавиться от нее. — Все дело в том, что я сделала открытие: Ксавьер обладает таким же сознанием, как мое. А тебе не случалось уже как бы изнутри ощутить сознание другого? — Она снова дрожала, слова не приносили избавления. — Знаешь, с этим нельзя смириться.

Пьер смотрел на нее с некоторым недоверием.

— Ты думаешь, что я пьяна, — продолжала Франсуаза. — Впрочем, я действительно пьяна, но это ничего не меняет. Чему ты так удивляешься? — Она вдруг встала. — Если бы я сказала тебе, что боюсь смерти, ты понял бы. Так вот, это так же реально и так же невыносимо страшно.

Естественно, каждый знает, что в мире он не один. Такие вещи обычно принято говорить, как говорят, например, что когда-нибудь умрешь. Но если начинаешь в это верить…

Она прислонилась к стене, комната кружилась вокруг нее. Пьер взял ее за руку.

— Послушай, ты не думаешь, что тебе нужно отдохнуть? Я не отношусь к тому, что ты мне говоришь, с легкостью, но лучше будет поговорить об этом спокойно, когда ты немного поспишь.

— Об этом нечего больше сказать, — отвечала Франсуаза. У нее снова потекли слезы, она устала до смерти.

— Иди отдохни, — сказал Пьер.

Он уложил ее на кровать, снял с нее туфли и набросил на нее одеяло.

— Мне, пожалуй, хочется на воздух, — сказал он, — но я останусь с тобой, пока ты не заснешь.

Он сел подле нее, и она прижала его руку к своей щеке. Этим вечером любви Пьера было уже недостаточно, чтобы дать ей покой. Он не мог защитить ее от того, что открылось ей сегодня; это было вне досягаемости, Франсуаза даже не чувствовала больше таинственного шелеста некоего присутствия, а между тем оно продолжало неумолимо существовать. Усталость,

огорчения, даже бедствия, которые Ксавьер, поселившись в Париже, принесла с собой, все это Франсуаза принимала всем сердцем, поскольку это были моменты ее собственной жизни; но то, что произошло ночью, было другого рода: она не могла присвоить себе этого. И вот теперь мир вставал перед ней, как необъятный запрет: то был только что свершившийся крах самого ее существования.

## Глава XIII

Улыбнувшись консьержке, Франсуаза пересекла внутренний двор, где лежали без дела старые декорации; она быстро поднялась по зеленой деревянной лестнице. Вот уже несколько дней театр не давал спектаклей, и она радовалась возможности провести с Пьером долгий вечер. Она не видела его сутки, и к ее нетерпению примешивалось немного беспокойства. Ей так и не удавалось со спокойным сердцем ожидать рассказа о его выходах с Ксавьер, хотя все они были похожими: поцелуи, споры, нежные примирения, пламенные беседы, продолжительное молчание. Она открыла дверь. Пьер склонился над ящиком какого-то комода, переворачивая пачки бумаг. Он бросился к ней.

— Ах! Как давно я тебя не видел, — сказал он. — Я проклинал Бернхайма с его деловыми обедами! Они отпустили меня только на время репетиции. — Он обнял Франсуазу за плечи. — Как ты?

— У меня тысяча вещей, о которых надо тебе рассказать. — Она коснулась его волос, затылка; каждый раз, как она встречалась с ним, ей хотелось удостовериться, что он из плоти и крови.

— Что ты тут делал? Наводил порядок?

— О! Я от этого отказываюсь, это безнадежно, — ответил Пьер, бросив в сторону комода злой взгляд. — Впрочем, это не так уж срочно, — добавил он.

— На этой генеральной явно ощущался спад напряженности, — заметила Франсуаза.

— Да, думается, и на сей раз пронесло. На какое время — дело другое. — Пьер потер свою трубку о нос, чтобы придать ей блеска. — Это был успех?

— Много смеялись; я не уверена, что рассчитывали именно на такой эффект, но я, во всяком случае, славно повеселилась. Бланш Буге хотела оставить меня на ужин, но я сбежала с Рамбленом. Он таскал меня уж не помню по скольким барам, однако я выдержала. Это не помешало мне хорошо работать весь день.

— Ты подробно расскажешь мне о пьесе, и о Буге, и о Рамблене. Хочешь чего-нибудь выпить?

— Налей мне немного виски, — ответила Франсуаза. — И расскажи сначала, что ты делал? Ты провел хороший вечер с Ксавьер?

— Уф! — Пьер воздел руки к небу. — Ты представить не можешь такой корриды. К счастью, кончилось все хорошо, но в течение двух часов мы, дрожа от гнева, сидели бок о бок в углу «Поль

Нор». Никогда еще не случалось такой мрачной драмы.

Он достал из шкафа бутылку «Vat 69» и наполнил до половины два стакана.

— Что произошло? — спросила Франсуаза.

— Так вот, я наконец заговорил о ее ревности к тебе, — начал Пьер.

— Ты не должен был, — заметила Франсуаза.

— Я говорил тебе, что настроен решительно.

— Как ты подступил к этому?

— Мы говорили о ее однобокости, и я сказал, что в общем у нее это сильная и достойная уважения сторона, но есть случай, где этому не место, а именно — внутри трио. Она охотно согласилась, но когда я добавил, что тем не менее создается впечатление, будто она ревнует к тебе, Ксавьер покраснела от удивления и возмущения.

— Положение у тебя было нелегкое, — заметила Франсуаза.

— Верно, — согласился Пьер. — Я мог бы показаться ей смешным или одиозным. Но она не мелочна, ее лишь поразила основа обвинения; она яростно отбивалась, но я стойко держался и напомнил ей множество примеров. Она плакала от злости и так сильно ненавидела меня, что я испугался, я подумал, что она умрет, задохнув-

шись.

Франсуаза с мучительным беспокойством посмотрела на него.

— Ты, по крайней мере, уверен, что она не таит на тебя обиды?

— Полностью уверен. Вначале я тоже рассердился. Но потом объяснил, что хотел лишь прийти ей на помощь, поскольку в твоих глазах она становится отвратительной. Я дал ей понять, как трудно то, что мы предполагаем осуществить втроем, и сколько доброй воли это потребует от каждого из нас. Когда она убедилась, что в моих словах нет никакого осуждения, что я лишь предостерег ее от опасности, то перестала сердиться на меня. Думаю, она не только простила меня, но и решила сделать над собой огромное усилие.

— Если это правда, она действительно обладает достоинством.

— Мы говорили гораздо откровеннее, чем обычно, — сказал Пьер, — и у меня сложилось впечатление, что после этой беседы что-то в ней оттаяло. Знаешь, у нее исчезло желание приберегать для себя лучшую свою часть; казалось, она целиком была со мной, без недомолвок, словно не видела больше препятствий, чтобы открыто

любить меня.

— Откровенно признав свою ревность, она, возможно, освободилась, — заметила Франсуаза. Взяв сигарету, она с нежностью посмотрела на Пьера.

— Чему ты улыбаешься? — спросил он.

— Меня всегда забавляет эта твоя манера рассматривать как моральные достоинства добрые чувства, которые люди к тебе испытывают. Это еще один способ принимать себя за самого Господа Бога.

— Есть такое, — смущенно согласился Пьер. Он улыбнулся в пустоту, и на его лице появилось выражение счастливой невинности, которое Франсуаза видела у него только во сне. — Она пригласила меня к себе выпить чая и впервые, когда я поцеловал ее, вернула мои поцелуи. До трех часов утра она оставалась в моих объятиях с видом полнейшего самозабвения.

Франсуаза почувствовала легкий укол в сердце; ей тоже придется научиться преодолевать себя. Ей всегда было мучительно сознавать, что Пьер может обнимать это тело, дар которого она даже не сумела принять.

— Я говорила тебе, что в конце концов ты будешь спать с ней. — Улыбкой она попыталась

смягчить резкость своих слов.

Пьер неопределенно махнул рукой.

— Это будет зависеть от нее, — сказал он. — Я, конечно… но мне не хотелось бы вовлекать ее во что-либо, что могло бы ей не понравиться.

— Темперамент у нее не весталки, — заметила Франсуаза.

Едва она произнесла эти слова, как они жестоко вонзились в нее, и она слегка покраснела. Ее страшило видеть в Ксавьер женщину, с женскими аппетитами, однако от истины было не уйти: «Я ненавижу чистоту, я из плоти и крови». Всеми силами Ксавьер восставала против того смутного целомудрия, на которое ее обрекали; в ее скверных настроениях проглядывал ожесточенный протест.

— Безусловно, нет, — согласился Пьер, — я даже думаю, что она будет счастлива, лишь когда обретет чувственное равновесие. Сейчас у нее кризис, ты не находишь?

— Именно так я и думаю, — подтвердила Франсуаза.

Возможно, поцелуи и ласки Пьера как раз и пробудили чувства Ксавьер; наверняка этим не сможет все ограничиться. Франсуаза внимательно посмотрела на свои пальцы; в конце

концов, она свыкнется с этой мыслью, и так уже неприятное ощущение, казалось, гораздо меньше тяготило ее. Поскольку она была уверена в любви Пьера и нежности Ксавьер, никакое видение не сможет больше нанести вреда.

— То, что мы от нее требуем, не совсем обычно, — сказал Пьер. — Мы вообразили такой образ жизни лишь потому, что между нами двоими существует исключительная любовь, а она не может с этим смириться, поскольку и сама исключительная личность. Легко понять, что у нее бывают моменты неуверенности и даже протеста.

— Да, нам нужно время, — согласилась Франсуаза.

Она встала, подошла к ящику, который Пьер оставил открытым, и запустила руки в разбросанные бумаги. Она и сама грешила недоверием, обижалась на Пьера за оплошности, нередко вовсе незначительные, она хранила, не раскрывая, множество мыслей, которые должна была бы открыть ему, и зачастую скорее стремилась не понять его, а опровергнуть. Взяв какую-то старую фотографию, она улыбнулась. Одетый в греческую тунику, с кудрявым париком, Пьер глядел в небо, такой молодой и суровый.

— Вот каким ты был, когда в первый раз явился мне, — сказала она. — Ты совсем не постарел.

— Ты тоже, — заметил Пьер. Он подошел к ней и склонился над ящиком.

— Мне хотелось бы, чтобы мы посмотрели все это вместе, — сказала Франсуаза.

— Да, — ответил Пьер, — тут полно забавных вещей. — Он выпрямился и положил свою руку на руку Франсуазы. — Ты не думаешь, что мы напрасно ввязались в эту историю? — в тревоге спросил он. — Ты веришь, что мы сумеем с ней справиться?

— Иногда я в этом сомневалась, — отвечала Франсуаза, — но этим вечером ко мне вернулась надежда.

Она отошла от комода и села перед своим стаканом виски.

— Сама-то ты что чувствуешь? — спросил Пьер, сев напротив нее.

— Я? — переспросила Франсуаза. В спокойном состоянии она всегда немного робела говорить о себе.

— Да, ты, — сказал Пьер. — Ты по-прежнему воспринимаешь существование Ксавьер как своего рода скандал?

— Знаешь, это всегда находит на меня как оза-

рение, — ответила Франсуаза.

— Но время от времени все-таки находит? — настаивал Пьер.

— Разумеется, — отвечала Франсуаза.

— Ты меня удивляешь, — сказал Пьер, — я не знаю никого, кроме тебя, кто был бы способен лить слезы, обнаружив у другого сознание, схожее со своим.

— Ты находишь это глупым?

— Конечно нет, — сказал Пьер. — Ведь каждый воспринимает свое собственное сознание как некий абсолют. Как могут совмещаться несколько абсолютов? Это столь же таинственно, как рождение или смерть. Это как раз та проблема, на которой все философы ломают себе зубы.

— Тогда чему же ты удивляешься? — спросила Франсуаза.

— Меня удивляет, что тебя так конкретно затрагивает метафизическая ситуация.

— Но это вполне конкретно, — отвечала Франсуаза. — Весь смысл моей жизни, оказывается, поставлен на карту.

— Я не возражаю, — сказал Пьер. Он с любопытством посмотрел на нее. — И все-таки это невероятно — такая способность проживать идею душой и телом.

— Но для меня идея — это не что-то оторванное от жизни, — возразила Франсуаза. — Это либо проходит испытание, либо, если остается умозрительным, не принимается в расчет. — Она улыбнулась. — Иначе я не дожидалась бы Ксавьер, чтобы заметить, что мое сознание не единственное в мире.

Пьер в задумчивости провел пальцем по нижней губе.

— Я прекрасно понимаю, что ты сделала это открытие, размышляя о Ксавьер, — сказал он.

— Да, — ответила Франсуаза. — С тобой я никогда не испытывала смятения, поскольку не отличаю тебя от себя.

— И к тому же между нами существует взаимность, — заметил Пьер.

— Что ты имеешь в виду?

— В тот момент, когда ты признаёшь у меня сознание, ты знаешь, что я тоже признаю таковое у тебя. Это все меняет.

— Возможно, — согласилась Франсуаза. Она в замешательстве разглядывала дно своего стакана. — Словом, дружба — это означает, что каждый отрекается от собственного преобладания. А если один из двоих отказывается отречься?

— В таком случае дружба невозможна, — ска-

зал Пьер.

— И тогда как из этого выпутаться?

— Не знаю, — отвечал Пьер.

Ксавьер никогда не отрекалась; как бы высоко она вас ни ставила, даже когда нежно любила вас, для нее вы оставались неким объектом.

— Это непоправимо, — признала Франсуаза.

Она улыбнулась. Пришлось бы убить Ксавьер… Она встала и подошла к окну. Этим вечером Ксавьер не отягощала ее сердце. Франсуаза приподняла занавеску; ей нравилась эта маленькая спокойная площадь, куда жители квартала приходили подышать воздухом. Старик, сидевший на скамейке, вытаскивал из бумажного пакета еду, ребенок бегал вокруг дерева, листву которого с металлической определенностью обрисовывал уличный фонарь. Пьер был свободен. Она была одна. Но внутри этого различия они могли бы вновь обрести единение столь же сущностное, как то, о котором с излишней легкостью она когда-то мечтала.

— О чем ты думаешь? — спросил Пьер.

Ничего не ответив, она взяла руками его лицо и покрыла поцелуями.

— Какой хороший вечер мы провели, — сказала Франсуаза. Она радостно сжала руку Пьера. Они

долго вместе смотрели фотографии, перечитывали старые письма, а потом совершили большую прогулку по набережным, Шатле, Центральному рынку, обсуждая роман Франсуазы, свою молодость, будущее Европы. В первый раз за несколько недель у них состоялся такой долгий разговор, свободный и беспристрастный. Наконец этот круг страсти и тревоги, в котором их удерживало колдовство Ксавьер, был разорван, и они вновь обрели себя крепко связанными друг с другом в сердце огромного мира. Позади них простиралось безграничное прошлое; на поверхности земного шара широкими мазками расстилались континенты и океаны, и чудесная уверенность существовать среди этих бесчисленных богатств вырывалась за тесные пределы пространства и времени.

— Посмотри, у Ксавьер горит свет, — сказал Пьер.

Франсуаза вздрогнула; после столь свободного полета она не без мучительного шока приземлялась на темной улочке перед отелем; было два часа утра, с видом настороженного полицейского Пьер рассматривал освещенное окно на темном фасаде.

— Что тут удивительного? — спросила Фран-

суаза.

— Ничего, — ответил Пьер. Он открыл дверь и торопливо поднялся по лестнице. На площадке третьего этажа остановился, в тишине слышался шепот голосов.

— У нее разговаривают. — Пьер замер, прислушиваясь; Франсуаза, держась за перила, тоже остановилась несколькими ступеньками ниже него.

— Кто это может быть? — спросил Пьер.

— С кем она собиралась выходить этим вечером? — поинтересовалась Франсуаза.

— У нее не было никаких планов, — ответил Пьер. Он сделал шаг. — Я хочу знать, кто это.

Он сделал еще один шаг, скрипнула половица.

— Тебя услышат, — сказала Франсуаза.

Пьер заколебался, потом наклонился и стал расшнуровывать ботинки. Порыв отчаяния, более горестный, чем все те, которые она до той поры знала, охватил Франсуазу. Пьер осторожно крался между желтых стен. Он приложил к двери ухо. Одним махом все было сметено: и этот счастливый вечер, и Франсуаза, и мир; существовали только этот молчаливый коридор, деревянная панель и шепчущие голоса. Франсуаза с тоской взглянула на Пьера. В этом затравленном человеке с при-

знаками помешательства на лице она с трудом узнавала любимое лицо, на котором только что видела такую нежную улыбку, обращенную к ней. Она поднялась по последним ступенькам; ей казалось, что она позволила обмануть себя этому ненадежному проблеску сознания безумца, которого любое дуновение способно снова ввергнуть в психоз; эти разумные, спокойные часы были всего лишь некой ремиссией без будущего, исцеления не будет. Пьер на цыпочках вернулся к ней.

— Это Жербер, — тихо сказал он. — Я подозревал это.

С ботинками в руке он поднялся на последний этаж.

— Ну и что, в этом нет ничего особо таинственного, — сказала Франсуаза, открывая дверь в свою комнату. — Они вместе выходили, и он проводил ее обратно.

— Она не говорила мне, что должна встретиться с ним, — возразил Пьер. — Почему она скрыла это от меня? Либо это решение, которое она приняла внезапно.

Сняв пальто и платье, Франсуаза надела пеньюар.

— Они, должно быть, где-то встретились, —

предположила она.

— Они не ходят больше к Доминике. Нет, ей надо было пойти за ним специально.

— Если только это не он за ней пришел, — заметила Франсуаза.

— Он никогда не позволил бы себе пригласить ее в последнюю минуту.

Сидя на краю дивана, Пьер в растерянности смотрел на свои необутые ноги.

— У нее наверняка появилось желание потанцевать, — сказала Франсуаза.

— Желание до того сильное, что она позвонила ему, это она-то, которая от страха теряет сознание перед телефоном. Либо она спустилась до Сен-Жермен-де-Пре, хотя не способна сделать и трех шагов за пределы Монпарнаса! — Пьер по-прежнему смотрел на свои ноги. На правом носке была дырка, в которой виднелся кусочек пальца, и это, казалось, его завораживало. — Под этим что-то кроется, — сказал он.

— Что именно? — спросила Франсуаза.

Она смиренно водила щеткой по волосам. Сколько времени продолжалось это обсуждение, бесконечное и всегда новое? Что сделала Ксавьер? Что она сделает? Что подумает? И почему? Вечер за вечером наваждение возобновлялось, все та-

кое же изнуряющее, все такое же бессмысленное, с привкусом лихорадки во рту, с унынием сердца и с этой усталостью сонного тела. Когда вопросы найдут наконец ответ, другие вопросы, точно такие же, затеют неумолимый хоровод: чего хочет Ксавьер? Что она скажет? Как? Почему? И не было никакой возможности прекратить их.

— Я не понимаю, — продолжал Пьер. — Вчера вечером она была такой нежной, такой беспомощной, такой доверчивой.

— Но кто тебе сказал, что она изменилась? В любом случае вечер с Жербером — это не преступление.

— Никто другой, кроме тебя и меня, не входил в ее комнату, — возразил Пьер. — Если она пригласила к себе Жербера, это либо реванш, направленный против меня, и, стало быть, она меня возненавидела; либо у нее появилось безотчетное желание вызвать его к себе. Тогда это означает, что он ей очень нравится. — С озадаченным, дурацким видом он болтал ногами. — А может, это и то и другое сразу.

— Это может быть также простым капризом, — неуверенно произнесла Франсуаза.

Вчерашнее примирение с Пьером наверняка было искренним, существовал вид притворства,

на который Ксавьер была не способна. Однако с ней не следовало доверять улыбкам, подаренным в последнюю минуту, они возвещали лишь временное затишье: расставшись с людьми, Ксавьер тотчас начинала вновь обдумывать ситуацию, и нередко случалось, что, оставив ее после какого-нибудь объяснения умиротворенной, рассудительной и нежной, можно было затем встретить ее пылающую ненавистью.

Пьер пожал плечами.

— Ты прекрасно знаешь, что нет, — сказал он.

Франсуаза подошла к нему.

— Ты думаешь, что она сердится на тебя из-за этого разговора? Мне очень жаль.

— Тебе не о чем сожалеть, — сказал вдруг Пьер. — Ей следует научиться терпеть, когда ей говорят правду.

Он встал и сделал несколько шагов по комнате. Франсуаза часто видела его измученным, но на этот раз он, казалось, боролся с невыносимым страданием: ей хотелось избавить его от этого, озлобленное недоверие, с которым обычно она смотрела на него, когда он навязывал себе тревоги и неприятности, растаяло перед скорбным выражением его лица. Но от нее ничего больше не зависело.

— Ты не ложишься? — спросила она.

— Ложусь.

Она прошла за ширму и наложила на лицо крем с запахом апельсина. Тревога Пьера передалась и ей. Как раз под ней, отделенные несколькими деревянными планками, находились Ксавьер со своим непредсказуемым выражением лица, и Жербер, который смотрел на нее. У изголовья кровати Ксавьер включила крохотную лампу под абажуром кровавого цвета, и приглушенные слова прокладывали себе путь в дымных потемках. О чем они говорили? Сидели ли они рядом? Касались ли друг друга? Можно было представить себе лицо Жербера — он всегда был одинаков, но каким его представляла себе Ксавьер? Был ли он в ее представлении привлекательным, трогательным, жестоким, равнодушным? Был ли он прекрасным объектом для созерцания, врагом или добычей? Голоса не доносились до комнаты. Франсуаза слышала лишь шуршание ткани по другую сторону ширмы и тиканье будильника, которое усиливалось в тишине, как в жару лихорадки.

— Ты готов? — спросила Франсуаза.

— Да, — ответил Пьер. В пижаме, с босыми ногами он стоял у двери, приоткрыв ее тихонь-

ко. — Ничего больше не слышно, — сказал он. — Я вот думаю, там ли все еще Жербер.

Подошла Франсуаза.

— Нет, совсем ничего не слышно.

— Я пойду посмотрю, — сказал Пьер.

Франсуаза положила ладонь на его руку.

— Осторожней, будет крайне неприятно, если они тебя встретят.

— Нет ни малейшей опасности, — ответил Пьер.

Через полуоткрытую дверь Франсуаза какое-то время следила за ним глазами, потом взяла ватный тампон, пузырек растворителя и принялась тщательно тереть свои ногти: один палец, потом другой палец; по краям оставались розовые следы; если бы можно было сосредоточиться на каждой минуте, никогда несчастье не проложило бы себе пути к ее сердцу, оно нуждается в соучастии. Франсуаза вздрогнула, две босые ноги ступали по полу.

— Ну что? — спросила она.

— Все было совершенно тихо, — отвечал Пьер. Он прислонился к двери. — Они наверняка целовались.

— Или, вернее всего, Жербер уже ушел, — сказала Франсуаза.

— Нет, если бы открывали и закрывали дверь, я бы услышал.

— Во всяком случае, они могли молчать, не целуясь, — возразила Франсуаза.

— Если она привела его к себе, значит, ей хотелось упасть в его объятия, — сказал Пьер.

— Это не обязательно, — заметила Франсуаза.

— Я в этом уверен, — сказал Пьер.

Такой не допускающий возражений тон был ему несвойствен; Франсуаза сжалась.

— Я не вижу Ксавьер, приводящей к себе кого-то, чтобы обнимать его, или тогда уж надо, чтобы этот кто-то был в обмороке. Жербер, вообразивший, будто нравится ей, — да она бы с ума сошла от этого! Ты прекрасно видел, как она возненавидела его, когда заподозрила у него намек на самомнение.

Пьер в упор смотрел на Франсуазу, вид у него был странный:

— Ты не доверяешь моему психологическому чутью? Говорю тебе, они целовались.

— Думаешь, ты непогрешим, но это не так, — сказала Франсуаза.

— Возможно, но зато когда дело касается Ксавьер, ты каждый раз ошибаешься.

— Это еще требуется доказать, — возразила

Франсуаза.

У Пьера появилась насмешливая и чуть ли не злая улыбка.

— А если я тебе скажу, что я их видел? — сказал он.

Франсуаза пришла в замешательство: зачем он так разыгрывает ее?

— Ты их видел? — нетвердым голосом переспросила она.

— Да, я посмотрел в замочную скважину. Они сидели на диване и целовались.

Франсуаза чувствовала себя все более неловко. В лице Пьера было что-то лживое, что смущало ее.

— Почему ты мне сразу этого не сказал? — спросила она.

— Мне хотелось знать, доверяешь ли ты мне, — ответил Пьер с неприятным смешком.

Франсуаза с трудом сдержала слезы. Значит, Пьер нарочно хотел уличить ее! Все эти странные ухищрения предполагали враждебность, о которой она никогда не подозревала. Возможно ли, что втайне он питал к ней недобрые чувства?

— Ты принимаешь себя за оракула, — сухо сказала она.

Франсуаза скользнула под простыни, в то время

как Пьер исчез за ширмой. У нее перехватило дыхание; после такого спокойного, нежного вечера этот внезапный взрыв ненависти был непостижим, но действительно ли это был один и тот же человек — тот, кто только что говорил о ней с такой заботой, и этот крадущийся шпион, склонившийся у замочной скважины с гримасой обманутого ревнивца? Она не могла справиться с настоящим ужасом, охватившим ее при виде этого упрямого, лихорадочного любопытства. Лежа на спине, она, скрестив руки на затылке, сдерживала свою мысль, как сдерживают дыхание, дабы отодвинуть минуту страдания, однако сама эта судорожная напряженность была хуже, нежели полновластная, беспросветная боль. Она обратила взгляд на подходившего Пьера; усталость расслабила его лицо, не смягчив черты, и под их суровым, замкнутым выражением белизна шеи казалась непристойной. Франсуаза отодвинулась к стене. Пьер лег рядом с ней и протянул руку к выключателю. Впервые в жизни они собирались заснуть, как два врага. Франсуаза не закрывала глаз, ее пугало то, что произойдет, как только она расслабится.

— Тебе не спится, — сказал Пьер.

Она не шелохнулась.

— Нет.

— О чем ты думаешь? — спросил Пьер.

Она ничего не ответила — не смогла бы больше произнести ни слова, не расплакавшись.

— Я кажусь тебе отвратительным, — продолжил Пьер.

Она взяла себя в руки.

— Я думаю, что ты начинаешь меня ненавидеть, — ответила она.

— Я! — воскликнул Пьер. Она почувствовала на своем плече его руку и увидела, как он поворачивает к ней взволнованное лицо. — Я не хочу, чтобы тебе в голову приходили подобные вещи, это был бы самый жестокий удар.

— Такой у тебя был вид, — сказала она сдавленным голосом.

— Как ты могла подумать, что я тебя ненавижу? Тебя?

В его голосе звучало горестное отчаяние, и внезапно, разрываясь между радостью и болью, Франсуаза заметила в его глазах слезы. Не сдерживая больше рыданий, она бросилась к нему: никогда она не видела Пьера плачущим.

— Нет, я так не думаю, — сказала она, — это было бы ужасно.

Пьер прижал ее к себе.

— Я люблю тебя, — тихо сказал он.

— Я тоже тебя люблю, — вторила ему Франсуаза.

Прислонясь к его плечу, она продолжала плакать, но теперь ее слезы были сладостными. Никогда она не забудет, как глаза Пьера увлажнились из-за нее.

— Знаешь, — сказал Пьер, — я солгал тебе.

— Как это? — спросила Франсуаза.

— Неправда, что я хотел испытать тебя; мне было стыдно, что я подсматривал, и поэтому я не сказал тебе сразу.

— А-а! — отозвалась Франсуаза. — Значит, поэтому у тебя был такой двусмысленный вид!

— Мне хотелось, чтобы ты знала, что они целуются, но я надеялся, что ты поверишь мне на слово, и рассердился, что ты заставила меня сказать правду.

— Я подумала, что все это из чистой неприязни, — сказала Франсуаза, — и мне это показалось чудовищным. — Она ласково погладила лоб Пьера. — Мне никогда не пришло бы в голову, что ты можешь испытывать стыд.

— Ты не представляешь, каким гнусным я себя почувствовал, слоняясь по коридору и подглядывая в замочную скважину.

— Прекрасно знаю, страсть — это гнусно, — сказала Франсуаза.

Она успокоилась. Пьер не казался ей больше чудовищным, поскольку способен был трезво судить себя.

— Это гнусно, — повторил Пьер; он пристально смотрел в потолок. — Мне невыносима мысль, что она целуется сейчас с Жербером.

— Я понимаю, — сказала Франсуаза. Она прижалась щекой к его щеке. До этой ночи она всегда старалась держать на расстоянии досаду Пьера. Возможно, то было инстинктивная осторожность, поскольку теперь, когда она пыталась переживать вместе с ним, его смятение, страдание, которое обрушивалось на нее, было невыносимо.

— Нам надо попытаться заснуть, — сказал Пьер.

— Да, — согласилась Франсуаза. Она закрыла глаза. Она знала, что Пьер не хочет спать, как и она сама; она не могла не думать о том диване, где целовались Жербер и Ксавьер. Чего искала Ксавьер в его поцелуях? Реванша над Пьером? Удовлетворения своих чувств? Случай ли заставил ее сделать выбор этой жертвы, а не какой-нибудь другой? Или это уже был тот, кого она страстно желала, когда с ожесточенным

видом говорила о надежности того, к чему прикасаешься?

Веки Франсуазы отяжелели. В проблеске внезапного озарения она вновь увидела лицо Жербера, его смуглые щеки, его длинные женские ресницы. Любил ли он Ксавьер? Способен ли он был любить? И полюбил ли бы он ее, если бы она этого захотела? Почему он не сумел этого пожелать? До чего все прежние причины казались пустыми! Или это она сама не умела теперь вновь отыскать их мудреный смысл? Во всяком случае, обнимал он Ксавьер. Глаза ее словно застыли; какое-то время она слышала ровное дыхание рядом с ней, а потом уже ничего не слышала.

Внезапно Франсуаза очнулась; позади расстилался густой слой тумана, должно быть, спала она долго; она открыла глаза; в комнате посветлело; Пьер сидел, казалось, он совсем проснулся.

— Который час? — спросила она.

— Пять часов, — отвечал Пьер.

— Ты не спал?

— Спал немного. — Он взглянул на дверь. — Мне хотелось бы знать, ушел ли Жербер.

— Вряд ли он остался на всю ночь, — сказала Франсуаза.

— Пойду посмотрю. — Отбросив одеяла, Пьер

встал с кровати. На этот раз Франсуаза не пыталась его удержать, ей тоже хотелось знать. Она встала и последовала за ним на лестничную площадку. Серый свет проникал на лестницу, весь дом спал. С бьющимся сердцем она наклонилась над перилами. Что произойдет теперь?

Через минуту на нижних ступеньках вновь появился Пьер и подал ей знак. Она спустилась.

— Ключ в замочной скважине, ничего больше не видно, но думаю, она одна. Кажется, она плачет.

Франсуаза подошла к двери. Она услышала легкое позвякивание, как будто Ксавьер поставила на блюдце чашку, потом раздались какой-то глухой шум и рыдание, еще рыдание, более сильное, целый поток отчаянных, неудержимых рыданий. Ксавьер, должно быть, упала на колени у дивана или во весь рост бросилась на пол. В худших своих печалях она всегда сохраняла сдержанность, трудно было поверить, что эта животная жалоба исходила из ее тела.

— Ты не думаешь, что она пьяна? — спросила Франсуаза.

Только алкоголь мог заставить Ксавьер потерять таким образом контроль над собой.

— Полагаю, что да, — ответил Пьер.

Они стояли у двери, встревоженные и бессильные. Никакой предлог не позволял им постучать в такой час ночи, а между тем это была пытка — представлять себе Ксавьер, простертую, рыдающую, во власти всевозможных кошмаров опьянения и одиночества.

— Не будем здесь стоять, — сказала, наконец, Франсуаза. Рыдания ослабели, их сменил горестный всхлип. — Через несколько часов мы всё узнаем, — добавила она.

Они медленно поднялись к себе в комнату. Ни у одного, ни у другого не было сил строить новые предположения, с помощью слов нельзя было избавиться от того смутного страха, в котором без конца слышался звук стенания Ксавьер. В чем ее боль? Можно ли ее от этого вылечить? Франсуаза бросилась на кровать и без сопротивления погрузилась в глубину усталости, страха и скорби.

Когда Франсуаза проснулась, сквозь жалюзи сочился свет, было десять часов утра. Сложив руки над головой, Пьер спал с ангельским, беззащитным видом. Франсуаза приподнялась на локте; из-под двери высовывался листок розовой бумаги. Вся ночь разом полоснула ее по сердцу, со всеми ее лихорадочными походами, и возвращениями, и навязчивыми образами; она вскочила

с кровати. Листок был разрезан посередине; на разрезанном листке большие черточки образовывали налезавшие друг на друга бесформенные слова. Франсуаза разобрала начало послания: «Я до того опротивела самой себе, мне следовало бы выброситься из окна, но у меня не хватило смелости. Не прощайте меня, завтра утром вы сами должны бы убить меня, раз я оказалась слишком труслива». Последние фразы совсем были неразборчивы; внизу страницы крупными дрожащими буквами значилось: «Прощения нет».

— Что это такое? — спросил Пьер.

Он сидел на краю кровати со спутанными волосами, с сонными глазами, однако сквозь этот туман проглядывала тревога.

Франсуаза протянула ему листок.

— Она была совершенно пьяна, — сказала Франсуаза. — Взгляни на почерк.

— «Прощения нет», — прочитал Пьер. Он торопливо пробежал зеленые строчки. — Скорее ступай посмотри, что с ней. Постучи к ней. — В его взгляде читалась паника.

— Иду, — сказала Франсуаза. Сунув ноги в домашние туфли, она поспешно спустилась по лестнице, ноги ее дрожали. А если Ксавьер сошла вдруг с ума? А что, если она, безжизненная,

лежит за дверью? Или забилась в угол с блуждающими глазами? На двери виднелось розовое пятно, Франсуаза подошла: на деревянной панели кнопкой был прикреплен кусок бумаги. То была вторая половина разорванного листка.

Большими буквами Ксавьер написала: «Прощения нет», — а снизу теснились неразборчивые каракули. Франсуаза наклонилась к замочной скважине, однако отверстие загораживал ключ. Она постучала. Послышалось легкое похрустыванье, но никто не ответил. Ксавьер, наверное, спала.

Франсуаза заколебалась на мгновение, потом сорвала листок и вернулась к себе в комнату.

— Я не решилась стучать, — сказала она. — Думаю, она спит. Посмотри, что она приколола на свою дверь.

— Это неразборчиво, — сказал Пьер. С минуту он разглядывал таинственные знаки. — Есть слово «недостойна». Ясно одно, она была полностью не в себе. — Он задумался. — Была ли она уже пьяна, когда целовала Жербера? Нарочно ли она это сделала, для храбрости, потому что рассчитывала подложить мне свинью? Либо они непреднамеренно напились вместе?

— Она плакала, она написала эту записку, а

потом, должно быть, заснула, — предположила Франсуаза. Ей хотелось бы удостовериться, что Ксавьер вполне мирно лежит на своей кровати.

Она раздвинула жалюзи, и в комнату ворвался свет; с минуту она с удивлением взирала на эту суетливую, ясную улицу, где все вещи имели разумный вид. Потом она обернулась на комнату, погрязшую в тревоге, где навязчивые мысли без передышки продолжали свой бег.

— Пойду все-таки постучу, — решила она. — Нельзя оставаться в неведении. А если она проглотила какую-нибудь дрянь? Бог знает, в каком она состоянии.

— Да, стучи, пока она не ответит, — сказал Пьер.

Франсуаза спустилась по лестнице; сколько часов уже она не переставала спускаться и подниматься — то буквально, то мысленно. Рыдания Ксавьер все еще звучали у нее в ушах; Ксавьер, верно, долго оставалась распростертой, потом высунулась в окно; страшно было представить себе то головокружительное отвращение, которое терзало ей сердце. Франсуаза постучала. Никакого ответа. Она постучала сильнее. Слабый голос прошептал:

— Кто там?

— Это я, — ответила Франсуаза.

— В чем дело? — произнес тот же голос.

— Я хотела узнать, не больны ли вы.

— Нет, — отвечала Ксавьер. — Я спала.

Франсуаза оказалась в крайне затруднительном положении. Было светло, Ксавьер отдыхала у себя в комнате и говорила вполне живым голосом. Это было нормальное утро, и трагический привкус ночи казался совершенно неуместным.

— Я по поводу этой ночи, — сказала Франсуаза. — С вами действительно все в порядке?

— Да, я хорошо себя чувствую, хочу спать, — с досадой отвечала Ксавьер.

Франсуаза в сомнении постояла еще немного; после потрясения в ее сердце оставалось пустое место, которое эти унылые ответы далеко не заполнили, что производило странное впечатление, неприятное и тягостное. Настаивать дальше было невозможно, она вернулась к себе в комнату. После тех жалобных всхлипов и волнующих призывов трудно было смириться и вступить в привычный тусклый день.

— Она спала, — сказала Франсуаза Пьеру. — Похоже, она сочла весьма неуместным то, что я пришла ее будить.

— Она тебе не открыла? — спросил Пьер.

— Нет, — ответила Франсуаза.

— Я задаюсь вопросом, придет ли она в полдень на нашу встречу. Не думаю.

— Я тоже не думаю.

Они молча занялись туалетом. Не было смысла словами приводить в порядок мысли, которые ни к чему не вели. Когда они были готовы, то, не сговариваясь, сразу направились к «Дому».

— Знаешь, что надо сделать? — сказал Пьер. — Надо позвонить Жерберу, чтобы он присоединился к нам. Он нам объяснит.

— Под каким предлогом? — спросила Франсуаза.

— Скажи ему как есть: Ксавьер написала нелепую записку и заперлась у себя в комнате, мы беспокоимся и хотели бы разъяснений.

— Хорошо, я сейчас позвоню, — сказала Франсуаза, входя в кафе. — Закажи мне черный кофе.

Она спустилась по лестнице и дала телефонистке номер Жербера. Она нервничала не меньше, чем Пьер. Что все-таки случилось этой ночью? Только ли поцелуи? Чего они ждали друг от друга? Что произойдет дальше?

— Алло, — сказала телефонистка. — Не кладите трубку, с вами будут говорить.

Франсуаза вошла в кабину.

— Алло, я хотела бы поговорить с месье Жербером, будьте любезны.

— Это он самый, — отвечал Жербер. — Кто у аппарата?

— Это Франсуаза. Не могли бы вы присоединиться к нам в «Доме»? Мы объясним почему.

— Договорились, — ответил Жербер. — Я буду там через десять минут.

— Хорошо, — сказала Франсуаза. Положив на блюдце сорок су, она поднялась в кафе. За столиком в глубине, разложив перед собой газеты, сидела с сигаретой Элизабет. С пылающим гневом лицом рядом с ней сидел Пьер.

— Как! Ты была здесь, — сказала Франсуаза. Элизабет знала, что почти каждое утро они приходят сюда, и наверняка расположилась, чтобы подстеречь их. Может, она что-то знала?

— Я вышла почитать газеты и написать несколько писем, — сказала Элизабет и с каким-то удовлетворением добавила: — Дела неважные.

— Да, — ответила Франсуаза. Она заметила, что Пьер ничего не заказал, наверняка он хотел как можно скорее уйти.

Элизабет как-то странно усмехнулась.

— Что с вами сегодня? У вас похоронный вид.

Франсуаза заколебалась.

— Ксавьер напилась этой ночью, — сказал Пьер. — Она написала безумную записку, сообщив, что хочет убить себя, а теперь отказывается нам открывать. — Он пожал плечами. — Она способна сделать любую глупость.

— Нам надо поскорее вернуться в отель, — добавила Франсуаза. — Я страшно беспокоюсь.

— Да ладно! Она себя не убьет, — сказала Элизабет, пристально рассматривая кончик своей сигареты. — Этой ночью я встретила ее на бульваре Распай, она веселилась с Жербером. Клянусь вам, она не думала себя убивать.

— Она уже выглядела пьяной? — спросила Франсуаза.

— У нее всегда в какой-то мере одурманенный вид, — отвечала Элизабет. — Не могу вам сказать. — Она тряхнула головой. — Вы принимаете ее слишком всерьез. Я прекрасно знаю, что ей нужно: вам следовало бы поместить ее в какое-нибудь гимнастическое заведение, где ее заставят по восемь часов в день заниматься спортом и есть бифштексы. Поверьте мне, она будет чувствовать себя гораздо лучше.

— Мы пойдем посмотрим, как она там, — вставая, сказал Пьер.

Пожав руку Элизабет, они вышли из кафе.

— Я сразу сказал, что мы зашли только позвонить, — сказал Пьер.

— Да, но я назначила встречу Жерберу здесь, — забеспокоилась Франсуаза.

— Мы подождем его снаружи и поймаем на лету.

Они молча зашагали по тротуару.

— А если Элизабет выйдет и увидит нас здесь, на что мы будем похожи? — сказала Франсуаза.

— О! Мне на это плевать, — нервно ответил Пьер.

— Она встретила их этой ночью и пришла разузнать, что к чему, — заметила Франсуаза. — Как она нас ненавидит!

Пьер ничего не ответил, глаза его были прикованы к выходу из метро. Франсуаза с опаской наблюдала за террасой кафе — в минуту такого смятения ей не хотелось бы, чтобы Элизабет застигла их врасплох.

— Вот и он, — сказал Пьер.

Улыбаясь, подошел Жербер. Под глазами у него были огромные, вполлица, круги. Взгляд Пьера прояснился.

— Приветствуем вас и быстро убегаем, — сказа он с широкой улыбкой. — Там внутри нас под-

стерегает Элизабет. Пойдем спрячемся в кафе напротив.

— Вас не слишком затруднило прийти? — спросила Франсуаза.

Она была смущена. Жербер сочтет их поведение странным, вид у него и без того уже был настороженный.

— Нет, вовсе нет, — отвечал он.

Они сели за столик, и Пьер заказал три кофе. Он один выглядел непринужденно.

— Посмотрите, что мы нашли сегодня утром под своей дверью, — сказал Пьер, вытаскивая из кармана письмо Ксавьер. — Франсуаза постучала к ней, а она отказалась открыть. Может быть, вы сможете нам что-то объяснить, ночью мы слышали ваш голос: она была пьяна или… В каком состоянии вы ее оставили?

— Она не была пьяна, — ответил Жербер, — но мы принесли бутылку виски, возможно, она выпила ее после. — Он умолк, со смущенным видом откинув назад прядь своих волос. — Мне надо сказать вам: я спал с ней этой ночью, — добавил он.

Наступило молчание.

— Есть из-за чего выбрасываться в окно, — не дрогнув, заметил Пьер.

Франсуаза взглянула на него с восхищением.

Как он умел притворяться! Еще немного, и она сама могла бы ему поверить.

— Можно себе представить, что для нее это целая драма, — с усилием произнесла она. Безусловно, эта новость не застала Пьера врасплох; должно быть, он поклялся себе сохранять самообладание. Но когда Жербер уйдет, какого гнева, какого взрыва страдания следовало ожидать?

— Она нашла меня в «Дё Маго», — рассказывал Жербер. — Какое-то время мы разговаривали, и она пригласила меня пойти к ней. Я не знаю, как это случилось, но она прильнула к моим губам, и так вышло, что мы спали вместе. — Со смущенным и отчасти раздраженным видом он упорно смотрел на свой стакан.

— Это давно витало в воздухе! — заметил Пьер.

— И вы думаете, что после вашего ухода она набросилась на виски, — произнесла Франсуаза.

— Возможно. — Жербер поднял голову. — Она выставила меня за дверь, хотя клянусь вам, я этого не хотел, — со страдальческим видом произнес он. Лицо его расслабилось. — Как она меня ругала! Я был ошеломлен! Можно было подумать, что я ее изнасиловал.

— Такая манера ей свойственна, — заметила Франсуаза.

Жербер взглянул на Пьера с внезапной робостью.

— Вы меня не осуждаете?

— За что же это? — молвил Пьер.

— Не знаю, — в смущении сказал Жербер. — Она так молода. Не знаю, — слегка покраснев, повторил он.

— Не сделайте ей ребенка, это все, о чем вас просят, — сказал Пьер.

Франсуаза неловко потушила в блюдце свою сигарету. Двойственность Пьера смущала ее, это была далеко не комедия. В эту минуту он с насмешкой взирал на собственную персону и на все, что было ему дорого; однако такое отчаянное спокойствие достигалось ценой трудновообразимого напряжения.

— О! Можете быть спокойны, — ответил Жербер и добавил с озабоченным видом: — Я вот думаю, придет ли она?

— Куда придет? — спросила Франсуаза.

— Уходя, я сказал ей, что она знает, где меня найти, но что сам не стану ее искать, — с достоинством сказал Жербер.

— О! Вы все-таки станете, — заметила Франсуаза.

— Конечно нет! — с возмущением заявил Жер-

бер. — Пусть не воображает, что заставит меня побегать.

— Не волнуйтесь, она придет, — сказал Пьер. — Иногда она показывает гордыню, однако не умеет себя вести. Ей захочется вас увидеть, и она найдет подходящие причины. — Он выпустил клубы дыма из своей трубки.

— У вас создалось впечатление, что она влюблена в вас или как?

— Я не очень понимаю, — отвечал Жербер. — Иногда я целовал ее, но, похоже, ей не всегда это нравилось.

— Ты должна пойти посмотреть, что с ней, — сказал Пьер.

— Но она уже выпроводила меня, — возразила Франсуаза.

— Тем хуже, настаивай, пока она не пустит тебя. Нельзя оставлять ее одну. Бог знает какие мысли она могла вбить себе в голову. — Пьер улыбнулся. — Я и сам пошел бы, но не думаю, что это уместно.

— Не говорите ей, что видели меня, — с тревогой попросил Жербер.

— Не бойтесь, — ответила Франсуаза.

— И напомни ей, что ее ждут в полдень, — сказал Пьер.

Франсуаза вышла из кафе и направилась по улице Деламбр. Она терпеть не могла эту роль посредницы, которую Пьер с Ксавьер слишком часто заставляли ее играть и которая делала ее ненавистной по очереди то одному, то другой. Однако сегодня она было полна решимости выполнить ее, не жалея сил, она действительно боялась за них.

Франсуаза поднялась по лестнице и постучала. Ксавьер открыла дверь. Цвет лица у нее был желтый, веки опухли, однако она была тщательно одета, накрасила губы и ресницы.

— Я пришла узнать, как вы, — весело сказала Франсуаза.

Ксавьер обратила на нее хмурый взгляд.

— Как я? Я не больна.

— Вы написали мне письмо, которое очень меня испугало, — сказала Франсуаза.

— Я написала, я? — удивилась Ксавьер.

— Взгляните. — Франсуаза протянула ей розовый листок.

— А-а! Я смутно припоминаю, — проговорила Ксавьер. Она села на диван рядом с Франсуазой. — Я напилась недостойным образом, — добавила она.

— Я подумала, что вы и правда хотите убить

себя, — сказала Франсуаза. — Поэтому постучала сегодня утром.

Ксавьер с отвращением посмотрела на листок.

— Я была еще пьянее, чем думала, — сказала она, прикоснувшись рукой ко лбу. — Я встретила Жербера в «Дё Маго» и уже не помню, почему мы поднялись ко мне с бутылкой виски; мы выпили немного вместе, а после его ухода я допила бутылку. — Приоткрыв рот, она устремила взгляд куда-то вдаль. — Да, теперь я припоминаю, я долго стояла у окна с мыслями о том, что надо бы броситься вниз. А потом мне стало холодно.

— Ну что ж! Было бы весело, если бы мне принесли ваш маленький труп, — сказала Франсуаза.

Ксавьер вздрогнула.

— Во всяком случае, убила бы я себя не так, — сказала она. Лицо ее сникло. Никогда Франсуаза не видела Ксавьер такой жалкой; душа ее устремилась к ней. Ей так хотелось помочь Ксавьер! Но требовалось, чтобы она приняла эту помощь.

— Почему все-таки вы решили убить себя? — ласково спросила Франсуаза. — Неужели вы так несчастны?

Взгляд Ксавьер помутился, а лицо исказилось в порыве страдания. Сразу забыв о себе, Франсуаза поддалась этой нестерпимой боли. Обняв Кса-

вьер, она прижала ее к себе.

— Милая моя, любимая Ксавьер, в чем дело? Скажите мне!

Разразившись рыданиями, Ксавьер всем телом упала на ее плечо.

— В чем дело? — повторила Франсуаза.

— Мне стыдно, — отвечала Ксавьер.

— Стыдно из-за чего? Что вы напились?

Проглотив слезы, Ксавьер произнесла жалобным детским голосом:

— Из-за этого и из-за всего. Я не умею себя вести. Я поссорилась с Жербером, выставила его за дверь, я была мерзкой. А после я написала это дурацкое письмо. И потом… — Застонав, она снова начала плакать.

— Что потом? — спросила Франсуаза.

— А потом ничего, вы считаете, что этого недостаточно? Я чувствую себя грязной. — Ксавьер высморкалась с жалобным видом.

— Все это не так уж важно, — сказала Франсуаза. Прекрасное, благородное сострадание, на мгновение наполнившее ее сердце, вдруг прокисло и съежилось; при всей глубине своего отчаяния Ксавьер сохраняла такой безупречный контроль над собой… С какой непринужденностью она лгала!

— Не следует так расстраиваться.

— Извините меня. — Ксавьер вытерла глаза и в ярости добавила: — Я никогда больше не напьюсь.

Было безумием — хоть минуту надеяться, что Ксавьер обратится к Франсуазе как к подруге, чтобы облегчить свою душу. В ней было слишком много гордости и слишком мало смелости. Наступило молчание. Франсуаза почувствовала тоскливое сострадание к тому будущему, которое угрожало Ксавьер и которое нельзя было предотвратить. Ксавьер наверняка навсегда потеряет Пьера, да и ее отношения с Франсуазой будут затронуты таким разрывом.

Франсуазе не удастся их спасти, раз Ксавьер отказывается от любого усилия.

— Лаброс ждет нас на обед, — сказала Франсуаза.

Ксавьер отпрянула назад.

— О! Я не хочу идти.

— Почему?

— Я так устала и едва шевелюсь, — отвечала Ксавьер.

— Это не причина.

— Я не хочу. — Ксавьер с затравленным видом оттолкнула Франсуазу. — Я не хочу видеть сейчас

Лабруса.

Франсуаза обняла ее. Как ей хотелось бы вырвать у нее правду! Ксавьер не подозревала, до какой степени она нуждается в помощи.

— Чего вы все-таки боитесь? — спросила Франсуаза.

— Он подумает, что я напилась нарочно, из-за предыдущей ночи, ведь я так хороша была с ним, — сказала Ксавьер. — И опять будет объяснение; с меня довольно, довольно, довольно. — Она разразилась слезами.

Франсуаза крепче прижала ее и неопределенно сказала:

— Нечего объяснять.

— Напротив, все надо объяснять, — возразила Ксавьер. Слезы без удержу катились по ее щекам, и все лицо ее казалось некой горестной рыхлой массой. — Каждый раз, как я встречаюсь с Жербером, Лабрус думает, что я плохо отношусь к нему самому и сердится на меня за это. Я не могу больше выносить этого, я не хочу его больше видеть, — воскликнула она в приступе отчаяния.

— Если, напротив, вы встретитесь с ним, — сказала Франсуаза, — если сами с ним поговорите, я уверена, это все уладит.

— Нет, ничего не поделаешь, — отвечала

Ксавьер, — все кончено, он меня возненавидит. — Голова ее со всхлипами упала на колени Франсуазы.

Как будет несчастна Ксавьер! И как в эту минуту страдал Пьер! Франсуаза почувствовала, что сердце ее разрывается, и слезы выступили у нее на глазах. Почему вся их любовь служила лишь для того, чтобы мучить друг друга. Теперь их ждал мрачный ад.

Подняв голову, Ксавьер с изумлением взглянула на Франсуазу.

— Вы плачете из-за меня, — сказала она. — Вы плачете! О! Я не хочу.

Она порывисто обхватила руками лицо Франсуазы и стала целовать его с восторженным благоговением; то были священные поцелуи, которые очищали Ксавьер от всякой грязи и возвращали ей уважение к самой себе. Под лаской этих губ Франсуаза ощущала себя до того благородной, до того возвышенной, до того божественной, что сердце ее воспротивилось: ей хотелось человеческой дружбы, а не такого исступленного и властного поклонения, покорным идолом коего ей надлежало быть.

— Я не заслуживаю, чтобы вы плакали обо мне, — сказала Ксавьер. — Я вижу, кто вы и кто

я! Если бы вы знали, какая я! И это из-за меня вы плачете!

Франсуаза вернула ей ее поцелуи; несмотря ни на что, именно к ней была обращена эта сила нежности и смирения. Ощущая соленый вкус слез на щеках Ксавьер, Франсуаза вновь воскрешала вспоминание о тех часах, когда в маленьком сонном кафе она обещала себе сделать ее счастливой. Ей плохо это удавалось, но, если бы только Ксавьер согласилась, она любой ценой сумела бы защитить ее от целого мира.

— Я не хочу, чтобы с вами случилось что-либо плохое, — со страстью сказала Франсуаза.

Ксавьер покачала головой:

— Вы меня не знаете, напрасно вы меня любите, вы ошибаетесь.

— Я люблю вас и ничего не могу с этим поделать, — с улыбкой отвечала Франсуаза.

— Вы ошибаетесь, — рыдая, повторила Ксавьер.

— Вам так трудно живется, — сказала Франсуаза. — Позвольте мне помочь вам.

Ей хотелось бы сказать Ксавьер: я все знаю, это ничего не меняет между нами. Но она не могла говорить, не предав Жербера, ее переполняло бесполезное сострадание, не находившее никакой

определенной погрешности, за которую можно было бы зацепиться. Если бы только Ксавьер решилась на признание, она сумела бы утешить ее, успокоить; она защитила бы ее даже от Пьера.

— Скажите мне, что вас так волнует, — настоятельно попросила она. — Расскажите мне.

В лице Ксавьер что-то дрогнуло. Франсуаза ждала, не спуская глаз с ее губ; одной-единственной фразой Ксавьер сотворит то, чего так давно желала Франсуаза: всеобъемлющее единение, в котором смешаются их радости, тревоги и муки.

— Я не могу вам сказать, — в отчаянии произнесла Ксавьер. Она перевела дух и более спокойно добавила: — Нечего говорить.

В приступе бессильной ярости Франсуазе захотелось стиснуть руками эту упрямую головку так, чтобы она раскололась; значит, не было никакого способа вынудить Ксавьер к отступлению? Упрямо, невзирая на ласку, невзирая на силу, она по-прежнему замыкалась в своей агрессивной сдержанности. Даже если ей угрожает бедствие, Франсуаза обречена оставаться в стороне, словно бесполезный свидетель.

— Я могла бы вам помочь, я в этом уверена, — сказала она дрожавшим от гнева голосом.

— Никто не в силах мне помочь, — возразила

Ксавьер. Откинув назад голову, она кончиками пальцев поправила волосы. — Я уже говорила вам, что ничего не стою, я предупреждала вас, — в нетерпении добавила она, снова приняв непримиримый, безучастный вид.

Франсуаза не могла больше настаивать, это было бы бестактно. Она чувствовала себя готовой безоглядно пожертвовать собой ради Ксавьер, и если бы этот дар был принят, она разом освободилась бы и от себя самой, и от того мучительного чужого присутствия, которое постоянно стояло на ее пути. Но Ксавьер оттолкнула ее. Она соизволила плакать в присутствии Франсуазы, но не разрешила разделить ее слезы. Франсуаза оказалась одна перед лицом одинокого и строптивого сознания. Она коснулась руки Ксавьер, которую обезобразил большой шрам.

— Тот ожог совсем прошел? — спросила она.

— Все в порядке, — отвечала Ксавьер, взглянув на свою руку. — Никогда бы не подумала, что это может причинить такую боль.

— Поэтому вы подвергли ее столь странному лечению, — сказала Франсуаза. Отчаявшись, она умолкла. — Мне пора уходить. Вы в самом деле не хотите пойти к Лабрусу?

— Нет.

— Что мне ему сказать?

Ксавьер пожала плечами, словно вопрос ее не касался.

— Что хотите.

Франсуаза встала.

— Я попробую это уладить, — сказала она. — До свидания.

— До свидания, — отвечала Ксавьер.

Франсуаза удержала ее руку.

— Мне грустно оставлять вас здесь такую усталую и мрачную.

Ксавьер слабо улыбнулась.

— Последствия опьянения всегда таковы, — сказала она. Словно окаменев, она осталась сидеть на краю дивана, и Франсуаза покинула комнату.

Вопреки всему она попытается защитить Ксавьер; это будет одинокая, безрадостная борьба, поскольку сама Ксавьер отказывалась встать рядом с ней, и Франсуаза не без опаски предвидела, какую неприязнь она вызовет у Пьера, если станет защищать от него Ксавьер. Но она чувствовала себя связанной с Ксавьер узами, которых не выбирала. Франсуаза медленно спустилась по улице, ей хотелось прижаться лбом к уличному фонарю и плакать.

Пьер сидел на том самом месте, где она его

оставила. Он был один.

— Ну что, ты ее видела? — спросил он.

— Я ее видела, она рыдала, не останавливаясь, она была потрясена.

— Она придет?

— Нет, она страшно боится встречи с тобой. — Франсуаза смотрела на Пьера, тщательно выбирая слова: — Я думаю, она боится, что ты обо всем догадаешься, и мысль потерять тебя приводит ее в отчаяние.

Пьер усмехнулся:

— Она не потеряет меня прежде, чем у нас состоится обстоятельное объяснение. Мне много чего надо ей сказать. Естественно, она тебе ничего не рассказала?

— Нет, ничего. Сказала только, что Жербер приходил к ней, что она выставила его за дверь, а после его ухода напилась. — Франсуаза обескураженно пожала плечами. — В какой-то момент я думала, что она заговорит.

— Уж я-то заставлю ее выложить правду, — заявил Пьер.

— Осторожней, — отозвалась Франсуаза. — Каким бы чародеем она тебя ни считала, если ты слишком будешь настаивать, она заподозрит, что ты знаешь.

Лицо Пьера еще больше насупилось.

— Я что-нибудь придумаю, — сказал он. — При надобности я скажу ей, что подглядел в замочную скважину.

Чтобы сохранить самообладание, Франсуаза закурила сигарету, рука ее дрожала. Она не могла без ужаса представить себе унижение Ксавьер, если та узнает, что Пьер видел ее. Он сумеет найти беспощадные слова.

— Не доводи ее до крайности, — сказала она. — В конце концов она наделает бед.

— Да нет, она слишком труслива, — возразил Пьер.

— Я не говорю, что она убьет себя, но она вернется в Руан и погубит свою жизнь, — сказала Франсуаза.

— Пусть делает, что ей нравится, — сердито сказал Пьер. — Но клянусь тебе, я отплачу ей той же монетой.

Франсуаза опустила голову. Ксавьер была виновата перед Пьером, она ранила его до глубины души. Франсуаза остро ощущала эту рану; если бы она могла сосредоточиться исключительно на этом, все было бы гораздо проще. Но она видела также искаженное лицо Ксавьер.

— Ты не представляешь себе, — более мяг-

ко продолжал Пьер, — как она была нежна со мной. Ничто не обязывало ее к этой страстной комедии. — Голос его снова посуровел. — Она сплошное кокетство, каприз и предательство. Она спала с Жербером единственно ради возврата ненависти, чтобы полностью обесценить наше примирение, чтобы обмануть меня, чтобы отомстить. Она не просчиталась, но ей это дорого обойдется!

— Послушай, — сказала Франсуаза, — я не могу помешать тебе поступать по своему усмотрению. Но пообещай мне одну вещь: не говори ей, что я знаю. Иначе она не сможет согласиться жить подле меня.

Пьер взглянул на нее.

— Ладно, — сказал он. — Я стану утверждать, что сохранил секрет.

Франсуаза положила ладонь на его руку, и ее охватила горькая тоска. Она любила его и, чтобы спасти Ксавьер, с которой никакая любовь была невозможна, она вставала перед ним, как чужая, и, возможно, завтра он станет ее врагом. Он будет страдать, мстить, ненавидеть без нее и даже вопреки ей; она отбрасывала его в одиночество, она, которая всегда желала быть только в единении с ним! Франсуаза убрала свою руку; он смотрел

куда-то вдаль; она уже его потеряла.

## Глава XIV

Франсуаза бросила последний взгляд в сторону Элуа и Тедеско, продолжавших на сцене страстный диалог.

— Я ухожу, — шепнула она.

— Ты поговоришь с Ксавьер? — спросил Пьер.

— Да, я тебе обещала, — ответила Франсуаза.

Она страдальчески взглянула на Пьера. Ксавьер упрямо избегала его, а он упорствовал, желая объясниться с ней; в течение этих трех дней его нервозность все возрастала. Если он не распространялся относительно чувств Ксавьер, то впадал в мрачное молчание; часы, проведенные возле него, были такими тягостными, что Франсуаза с облегчением приняла как своего рода алиби репетицию во второй половине дня.

— Как я узнаю, согласилась она или нет? — спросил Пьер.

— В восемь часов ты сам увидишь, там она или нет.

— Но это будет невыносимо — ждать не зная, — сказал Пьер.

Франсуаза беспомощно пожала плечами: она была почти уверена, что эта попытка будет на-

прасной, но, если она скажет об этом Пьеру, он усомнится в ее доброй воле.

— Где ты с ней встречаешься? — спросил Пьер.

— В «Дё Маго».

— Хорошо! Я позвоню через час, ты мне скажешь, что она решила.

Франсуаза удержалась от возражений. У нее стало слишком много поводов противоречить Пьеру, и теперь при малейших спорах что-то горькое и недоверчивое выворачивало ей сердце.

— Договорились, — сказала она, встала и пошла по центральному проходу. Послезавтра — генеральная репетиция; об этом она не волновалась, Пьер тоже. Восемь месяцев назад в этом самом зале заканчивали репетировать «Юлия Цезаря»; в полумраке виднелись те же самые головы, белокурые и темноволосые; Пьер сидел в том же самом кресле, устремив глаза на сценическую площадку, которую сегодня, как и тогда, освещали огни прожекторов. Но все стало совсем другим! Тогда улыбка Канзетти, какой-нибудь жест Поль, складка какого-то платья были отражением или началом некой захватывающей истории; интонация, цвет кустарника с лихорадочным блеском вырисовывались на обширном горизонте надежды; тогда в тени красных кресел

таилось большое будущее.

Франсуаза вышла из театра. Страсть истощила богатства прошлого, и в этом бесплодном настоящем было нечего больше любить, больше незачем было думать; улицы лишились воспоминаний и обещаний, которые прежде до бесконечности продолжали здесь свое существование; теперь под изменчивым небом, прорезаемым короткими синими просветами, они превратились лишь в расстояния для преодоления.

Франсуаза села на террасе кафе; в воздухе веяло влажным запахом ореховой кожуры; это было время, когда в иные годы начинали думать о знойных дорогах, о тенистых горных вершинах. Франсуазе вспомнилось загорелое лицо Жербера, его спина, согнутая под тяжестью горного рюкзака. Как там у него с Ксавьер? Франсуаза знала, что она встречалась с ним вечером того дня, после трагической ночи, и что они помирились. Изображая по отношению к Жерберу величайшее равнодушие, Ксавьер признавалась, что часто с ним видится. Какие чувства он к ней питал?

— Привет, — весело сказала Ксавьер. Она села и положила перед Франсуазой букетик ландышей. — Это вам.

— Как мило с вашей стороны, — ответила Фран-

суаза.

— Их надо приколоть к вашему корсажу, — предложила Ксавьер.

Франсуаза с улыбкой повиновалась. Она не могла не знать, что доверчивая привязанность, светившаяся в глазах Ксавьер, была всего лишь миражом; Ксавьер, которая с легкостью соглашалась ей лгать, сама Франсуаза ничуть не интересовала. За ее обольстительными улыбками скрывались, возможно, угрызения и наверняка радостное удовлетворение при мысли, что Франсуаза без сопротивления позволяла обманывать себя; к тому же, безусловно, Ксавьер искала союза против Пьера. Но каким бы нечистым ни было ее сердце, Франсуаза откликалась на соблазны ее предательского лица. В яркой блузке из шотландки Ксавьер выглядела совсем по-весеннему; ясная веселость оживляла ее бесхитростные черты.

— Какая приятная погода, — сказала она. — Я так горжусь собой: два часа прошагала, как мужчина, и совсем не чувствую усталости.

— А я сожалею, — отвечала Франсуаза. — Я совсем не воспользовалась солнцем. Всю вторую половину дня я провела в театре.

Сердце ее сжалось; ей хотелось бы поддаться прелестным иллюзиям, которые Ксавьер с та-

ким очарованием создавала для нее; они могли бы рассказывать друг другу разные истории, не торопясь спустились бы к Сене, обмениваясь ласковыми фразами. Но даже в этой хрупкой сладости ей было отказано — предстояло сразу же завести щекотливый разговор, который тут же сотрет улыбку Ксавьер и заставит вскипеть скрытый яд.

— В театре все хорошо? — с услужливым интересом спросила Ксавьер.

— Неплохо, я думаю, спектакль продержится недели три-четыре, как раз время закончить сезон.

Взяв сигарету, Франсуаза принялась вертеть ее.

— Почему вы не приходите на репетиции? Лаброс опять меня спрашивал, уж не решили ли вы совсем больше с ним не встречаться.

Лицо Ксавьер нахмурилось. Она слегка пожала плечами.

— Почему он так думает? Это глупо.

— Вот уже три дня, как вы его избегаете, — сказала Франсуаза.

— Я его не избегаю, я пропустила одну встречу, потому что ошиблась временем.

— И другую, потому что были усталой, — про-

должала Франсуаза. — Он поручил мне спросить у вас, сможете ли вы зайти за ним в восемь часов в театр.

Ксавьер отвернулась.

— В восемь часов? Я не свободна, — отвечала она.

Франсуаза с опаской взглянула на ускользающий, насупившийся профиль, скрывающийся под волной светлых волос.

— Вы уверены? — спросила она.

Жербер в этот вечер с Ксавьер не встречался. Пьер осведомился, прежде чем назначать час.

— Да, я свободна, — сказала Ксавьер. — Но я хочу пораньше лечь.

— Вы можете встретиться с Пьером в восемь часов и лечь рано.

Ксавьер вскинула голову, в ее глазах вспыхнула ярость.

— Вы прекрасно знаете, что нет! Придется объясняться до четырех часов утра!

Франсуаза пожала плечами.

— Признайтесь откровенно, что вы не хотите больше его видеть. Но тогда назовите ему причины.

— Он опять будет упрекать меня, — произнесла Ксавьер тягучим голосом. — Я уверена, что в этот

момент он меня ненавидит.

Это было верно, Пьер желал этой встречи лишь для того, чтобы порвать с Ксавьер оглушительным образом; но, возможно, если она согласится встретиться с ним, то сумеет усмирить его гнев; уклонившись еще раз, она окончательно выведет его из себя.

— Я тоже не думаю, что он питает к вам очень добрые чувства, — сказала Франсуаза. — Но в любом случае, прячась, вы ничего не выиграете, он все равно сумеет вас найти. Вам лучше пойти поговорить с ним этим же вечером.

Она в нетерпении взглянула на Ксавьер.

— Сделайте усилие, — добавила она.

Лицо Ксавьер поникло.

— Он меня пугает, — призналась она.

— Послушайте. — Франсуаза накрыла своей рукой руку Ксавьер. — Вы ведь не хотите, чтобы Лаврус окончательно перестал с вами встречаться?

— Он не захочет больше меня видеть? — спросила Ксавьер.

— Наверняка не захочет, если вы по-прежнему будете упрямиться.

Ксавьер удрученно опустила голову. Сколько раз уже Франсуаза, пав духом, смотрела на этот

золотистый затылок, в который так трудно было вогнать разумные мысли!

— Он будет сейчас мне звонить, — продолжала она. — Соглашайтесь на эту встречу.

Ксавьер не отвечала.

— Если хотите, я встречусь с ним до вас и попробую с ним объясниться.

— Нет, — резко ответила Ксавьер. — Мне надоели ваши истории. Я не хочу к нему идти.

— Вы предпочитаете разрыв, — сказала Франсуаза. — Подумайте, именно к этому вы придете.

— Тем хуже, — с обреченным видом проронила Ксавьер.

Франсуаза сломала пальцами стебель ландыша. От Ксавьер ничего нельзя было добиться, ее трусость еще более усугубляла ее предательство. Однако она обольщалась, если думала, что сможет ускользнуть от Пьера, он способен будет прийти и постучать к ней посреди ночи.

— Вы говорите тем хуже, потому что никогда всерьез не рассматривали будущее.

— О! — отвечала Ксавьер. — В любом случае мы с Лабрусом ни к чему не могли прийти.

Она запустила руки в волосы, обнажив виски; от пылкой ненависти и страдания лицо ее распухло, рот приоткрылся и стал похож на трещину

переспелого фрукта; сквозь эту зияющую рану прорывалась на солнце скрытая ядовитая мякоть. Они ни к чему не могли прийти. Ксавьер страстно желала Пьера всего целиком и, поскольку не могла владеть им безраздельно, отказывалась от него в яростной злобе, включавшей вместе с ним и Франсуазу.

Франсуаза хранила молчание. Ксавьер делала для нее трудной борьбу, которую она пообещала себе вести за нее; разоблаченная, беспомощная, ревность Ксавьер не утратила своей силы; она уделила бы Франсуазе малую толику настоящей нежности лишь в том случае, если бы ей удалось отобрать у нее Пьера целиком, и душой и телом.

— Мадемуазель Микель просят к телефону, — послышался чей-то голос.

Франсуаза встала.

— Скажите, что вы согласны, — настойчиво сказала она.

Бросив на нее умоляющий взгляд, Ксавьер покачала головой.

Франсуаза спустилась по лестнице, вошла в кабину и схватила трубку.

— Алло, это Франсуаза, — сказала она.

— Алло, — ответил Пьер. — Так она придет или нет?

— Все то же, — сказала Франсуаза, — она слишком боится. Мне не удалось убедить ее. Кажется, она была в полном отчаянии, когда я предупредила ее, что ты в конце концов порвешь с ней.

— Ладно, — отвечал Пьер. — Она от этого ничего не потеряет.

— Я сделала все, что могла, — сказала Франсуаза.

— Знаю, очень мило с твоей стороны, — сухо ответил Пьер.

Он повесил трубку. Франсуаза вернулась и села рядом с Ксавьер, встретившей ее непринужденной улыбкой.

— Знаете, — начала Ксавьер, — никогда никакая шляпка не шла вам так, как эта соломенная.

Франсуаза неуверенно улыбнулась.

— Вы всегда будете выбирать мои шляпки, — сказала она.

— Грета провожала вас глазами с таким раздосадованным видом. Она делается больной, когда видит другую женщину, такую же элегантную, как она.

— У нее очень красивый костюм, — заметила Франсуаза.

Она почувствовала чуть ли не облегчение; жребий был брошен: упрямо отказываясь от

ее поддержки и советов, Ксавьер освобождала Франсуазу от тяжкой заботы обеспечивать ее счастье. Она обвела взглядом террасу, отметив первое робкое появление здесь светлых пальто, легких курток, соломенных шляпок. И внезапно, как в былые годы, она ощутила неодолимую потребность в солнце, зелени, в упрямой ходьбе по склону холмов.

Ксавьер смотрела на нее с вкрадчивой улыбкой.

— Вы видели впервые причащающуюся? — спросила она. — Как это грустно, девочки такого возраста с их телячьей грудью.

Казалось, ей хотелось отвлечь Франсуазу от прискорбных забот, которые ее не касались; весь облик Ксавьер выражал беззаботное, добродушное спокойствие; Франсуаза покорно бросила взгляд на пересекавшее площадь празднично одетое семейство.

— Вас когда-нибудь заставляли принимать первое причастие? — спросила она.

— Понимаю, — сказала Ксавьер. Она рассмеялась с излишним воодушевлением. — Я требовала, чтобы мое платье сверху донизу украшали вышитые розы. Мой бедный отец в конце концов уступил.

Она внезапно умолкла. Франсуаза проследила за ее взглядом и увидела Пьера, закрывавшего дверцу такси. Кровь бросилась ей в лицо. Неужели Пьер забыл свое обещание? Если он заговорит с Ксавьер в ее присутствии, то не сможет притвориться, что сохранил секрет своего постыдного открытия.

— Привет, — сказал Пьер. Он подвинул стул и непринужденно уселся. — Похоже, что вы опять несвободны этим вечером, — обратился он к Ксавьер.

Ксавьер в оцепенении по-прежнему не спускала с него глаз.

— Я подумал, что следует отвести злую судьбу, ополчившуюся на наши встречи. — Пьер очень мило улыбнулся. — Почему вы избегаете меня в течение трех дней?

Франсуаза встала; ей не хотелось, чтобы Пьер в ее присутствии смутил Ксавьер, под его учтивостью она угадывала безжалостное решение.

— Я полагаю, будет лучше, если вы объяснитесь без меня, — сказала она.

Ксавьер вцепилась в ее руку.

— Нет, останьтесь, — сказала она угасшим голосом.

— Отпустите меня, — ласково попросила Фран-

суаза. — То, что Пьер собирается вам сказать, меня не касается.

— Останьтесь, или я уйду, — сквозь зубы проговорила Ксавьер.

— Останься, — в нетерпении вмешался Пьер. — Ты же видишь, у нее того и гляди начнется истерика.

Он повернулся к Ксавьер, на лице его не осталось и следа приветливости.

— Мне очень хотелось бы знать, почему я до такой степени ужасаю вас.

Франсуаза села, и Ксавьер отпустила ее руку; проглотив слюну, она, казалось, вновь обрела свое достоинство.

— Вы меня не ужасаете, — отвечала она.

— Похоже, что все-таки да, — сказал Пьер. Он впился взглядом в глаза Ксавьер. — Впрочем, я могу объяснить вам, почему.

— Тогда не спрашивайте об этом, — сказала Ксавьер.

— Я предпочел бы услышать это из ваших уст, — сказал Пьер. Выдержав немного театральную паузу, он, не спуская с нее глаз, продолжал: — Вы боитесь, как бы я не прочитал в вашем сердце и не сказал вслух о том, что в нем вижу.

Лицо Ксавьер исказилось.

— Я знаю, что у вас в голове полно грязных мыслей, они приводят меня в ужас, и я не хочу их знать, — с отвращением сказала она.

— Не моя вина в том, что мысли, которые вы внушаете, нечисты, — возразил Пьер.

— Во всяком случае, храните их про себя, — сказала Ксавьер.

— Сожалею, — отвечал Пьер. — Но я пришел специально, чтобы изложить их вам.

Он умолк. Теперь, когда Пьер держал Ксавьер в своей власти, он казался спокойным и чуть ли не радовался при мысли вести разговор по своему усмотрению. Его голос, его улыбка, его паузы — все было так тщательно рассчитано, что у Франсуазы появился проблеск надежды. Чего он добивался, так это поставить Ксавьер в полную зависимость, но, если ему это удастся без особых усилий, возможно, он избавит ее от слишком жестоких истин и, возможно, позволит убедить себя не порывать с ней.

— Похоже, вы не желаете больше меня видеть, — продолжал он. — Наверняка я доставлю вам удовольствие, сказав, что у меня тоже нет больше желания продолжать наши отношения. Только у меня нет привычки бросать людей, не объяснив им своих мотивов.

В один миг неустойчивое достоинство Ксавьер пошатнулось; ее выпученные глаза, полуоткрытый рот выражали теперь лишь недоверчивую растерянность. Невозможно было, чтобы искренности этого страха не удалось тронуть Пьера.

— Но что я вам сделала? — спросила Ксавьер.

— Вы мне ничего не сделали, — отвечал Пьер. — Впрочем, вы мне ничего и не должны, я никогда не признавал за собой никакого права на вас. — Вид у него был холодный и равнодушный. — Нет, просто я в конце концов понял, кто вы есть, и тогда эта история перестала меня интересовать.

Ксавьер оглянулась, словно искала какой-то помощи; стиснув руки, она, похоже, страстно желала бороться, защищать себя, однако не находила ни одной фразы, которая не показалась бы ей полной подвохов. Франсуазе хотелось подсказать ей нужную роль. Теперь она не сомневалась: Пьер вовсе не стремился сжечь все мосты, он надеялся, что его суровость вырвет у Ксавьер интонации, которые смягчат его.

— Это из-за тех пропущенных встреч? — спросила, наконец, Ксавьер жалобным голосом.

— Это из-за причин, которые заставили вас пропустить их, — ответил Пьер. Он подождал немного; Ксавьер ничего не добавила. — Вам

было стыдно самой себя, — продолжал Пьер.

Ксавьер резко выпрямилась.

— Мне не было стыдно. Только я была уверена, что вы сердитесь на меня. Вы всегда сердитесь, когда я встречаюсь с Жербером, а поскольку я напилась с ним… — Она с презрительным видом пожала плечами.

— Но я счел бы прекрасным, если бы вы питали дружеские чувства к Жерберу или даже любовь, — сказал Пьер. — Лучшего выбора вы не могли бы сделать. — На этот раз в его голосе неосмотрительно зазвучал гнев. — Но вы не способны на чистое чувство: вы всегда видели в нем лишь средство, предназначенное усмирить вашу гордыню, утолить вашу злость. — Жестом он остановил возражения Ксавьер. — Вы сами это признали, вы заигрывали с ним из ревности, и не из-за его прекрасных глаз вы пригласили его в ту ночь к себе.

— Я была уверена, что вы так подумаете, — сказала Ксавьер. — Я была уверена. — Она стиснула зубы, и по ее щекам скатились две исступленные слезы.

— Потому что вы знали, что это правда, — продолжал Пьер. — Я сам скажу вам, что произошло. Когда я заставил вас признать вашу страшную

ревность, вы дрожали от ярости; вы признали бы в себе любую низость, но при условии, что это останется в тени; вас привело в замешательство, что все ваше кокетство оказалось напрасным и не сумело скрыть от меня суть вашей душонки. От людей вы требуете лишь одного — бездушного восхищения, любая правда вас оскорбляет.

Франсуаза смотрела на него с опаской, ей хотелось остановить его; казалось, его подхлестывают собственные слова, он терял спокойствие, суровость на его лице была уже не наигранной.

— Это очень несправедливо, — сказала Ксавьер. — Я сразу перестала вас ненавидеть!

— Да нет, — возразил Пьер. — Надо быть наивным, чтобы этому поверить. Вы никогда не переставали; вот только чтобы сполна предаться ненависти, следует быть менее безвольной, чем вы; ненавидеть — это утомительно, вы дали себе маленькую передышку. Вы были спокойны, вы прекрасно знали, что, как только вас это устроит, вы вновь обретете всю свою злобу, и поэтому вы забыли о ней на несколько часов, поскольку вам хотелось, чтобы вас целовали.

Лицо Ксавьер перекосилось.

— У меня не было ни малейшего желания, чтобы *вы* меня целовали, — в ярости сказала она.

— Возможно, — согласился Пьер. Он криво улыбнулся. — Но вам хотелось, чтобы вас целовали, а я был рядом. — Он смерил ее с ног до головы взглядом и продолжал шкодливым тоном: — Заметьте, я не жалуюсь, целовать вас приятно, я остался доволен, вы — тоже.

Ксавьер перевела дух, она смотрела на Пьера с таким неподдельным ужасом, что казалась почти умиротворенной, и лишь безмолвные слезы опровергали истерическое спокойствие ее черт.

— То, что вы говорите, отвратительно, — прошептала она.

— Что может быть отвратительней вашего поведения, — резко ответил Пьер. — Все ваши отношения со мной были лишь ревностью, гордыней, коварством. Вы не успокоились бы, пока не подчинили бы меня себе. Дружеские чувства ко мне вы опять-таки испытывали лишь со свойственной вам инфантильной односторонностью, от досады вы пытались поссорить меня с Жербером; потом вы ревновали к Франсуазе, не боясь навредить вашей дружбе с ней; когда я заклинал вас сделать усилия, чтобы построить с нами человеческие отношения, без эгоизма и капризов, вы не нашли ничего лучше, чем возненавидеть меня. И под конец, с сердцем, полным этой

ненависти, вы упали в мои объятия, поскольку нуждались в ласках.

— Вы лжете, — сказала Ксавьер. — Вы все выдумываете.

— Почему вы меня поцеловали? — продолжал Пьер. — Ведь не для того, чтобы доставить мне удовольствие. Это предполагало бы великодушие, ни капли которого никто никогда у вас не замечал. Впрочем, этого я у вас и не просил.

— Ах, как я сожалею об этих поцелуях! — сквозь зубы произнесла Ксавьер.

— Я это допускаю, — с ядовитой улыбкой сказал Пьер. — Вот только вы не сумели от них отказаться, потому что никогда ни в чем не умели себе отказывать. В ту ночь вам хотелось ненавидеть меня, однако моя любовь по-прежнему имела для вас цену. — Он пожал плечами. — Подумать только, такую непоследовательность я мог принять за сложность души!

— Я хотела быть вежливой с вами, — сказала Ксавьер.

Она старалась его задеть, но уже не контролировала свой голос, в котором дрожали рыдания. Франсуазе хотелось прекратить эту расправу: уже было довольно, Ксавьер не сможет противостоять Пьеру. Но тот упорствовал, теперь он

пойдет до конца.

— Такая вежливость далеко заводит, — отвечал он. — Правда в том, что вас отличает беззастенчивое кокетство; наши отношения продолжали вам нравиться, поэтому вы хотели сохранить их в неприкосновенности, оставляя за собой возможность ненавидеть меня исподтишка. Я прекрасно вас знаю, вы даже не способны на обдуманные действия, вы сами попадаетесь на собственное плутовство.

Ксавьер усмехнулась.

— Легко возводить впустую такие прекрасные конструкции. В ту ночь я вовсе не была такой пылкой, как вы говорите, а с другой стороны, я не испытывала к вам ненависти. — Она с большей уверенностью взглянула на Пьера, должно быть, ей стало казаться, что его утверждения не имеют под собой никаких фактов. — Это вы придумали, что я вас ненавижу, поскольку вы всегда выбираете самое скверное толкование.

— Я говорю не впустую, — сказал Пьер тоном, в котором сквозила угроза. — Я говорю то, что знаю. Вы меня ненавидели, не имея смелости так думать в моем присутствии; как только вы со мной расстались, от злости на свою слабость вы сразу же стали искать отмщения, но в своей

трусости вы опять-таки были способны лишь на тайное отмщение.

— Что вы хотите сказать? — спросила Ксавьер.

— Задумано было неплохо. Я, не сомневаясь, продолжал бы вас обожать, а вы принимали бы знаки моего почитания, вместе с тем осмеивая меня, ведь только такого рода победой вы можете наслаждаться. Беда в том, что вы слишком беспомощны, чтобы преуспеть в прекрасной лжи. Вы считаете себя очень ловкой, однако ваши хитрости шиты белыми нитками, вас видно насквозь, вы даже не умеете предпринять элементарные меры предосторожности, чтобы скрыть свое предательство.

Мерзкий страх отразился на лице Ксавьер.

— Я не понимаю, — проговорила она.

— Вы не понимаете? — сказал Пьер.

Наступило молчание. Франсуаза бросила на него умоляющий взгляд, но в эту минуту он не питал к ней дружеских чувств; если даже он вспомнит о своем обещании, то без колебаний сознательно отречется от него.

— Уж не думаете ли вы заставить меня поверить, что случайно привели Жербера к себе? — сказал Пьер. — Вы нарочно напоили его, потому что хладнокровно решили переспать с ним, что-

бы отомстить мне.

— Ах, вот как! — воскликнула Ксавьер. — Вот какие гнусности вы можете вообразить!

— Не берите на себя труд отрицать, — сказал Пьер. — Я ничего не воображаю, я знаю.

Ксавьер смотрела на него с хитрым и торжествующим видом безумной.

— Вы осмелитесь утверждать, что Жербер придумал эту гадость?

И снова Франсуаза молча обратила к Пьеру отчаянный призыв. Не мог он так сурово изобличить Ксавьер, не мог обмануть простодушное доверие Жербера. Пьер заколебался.

— Естественно, Жербер ничего не говорил мне, — сказал он наконец.

— Тогда что же? — продолжала Ксавьер. — Вот видите…

— Но у меня есть глаза и уши, — сказал Пьер. — И при случае я ими пользуюсь. Смотреть в замочную скважину несложно.

— Вы… — Ксавьер схватилась рукой за шею, горло ее раздулось, словно она вот-вот задохнется. — Вы не сделали этого?

— Нет! Я постеснялся бы! — усмехнулся Пьер. — Но с такими, как вы, все средства допустимы.

Ксавьер в растерянности от бессильного гнева

взглянула на Пьера, потом на Франсуазу. Она задыхалась. Франсуаза безуспешно подыскивала слово или жест, она боялась, как бы Ксавьер не стала кричать или бить стаканы на глазах у всех окружающих.

— Я вас видел, — сказал Пьер.

— О, довольно! — вмешалась Франсуаза. — Замолчи.

Ксавьер встала. Она поднесла руки к вискам, по ее лицу катились слезы.

Внезапно она бросилась вперед.

— Я провожу ее, — сказала Франсуаза.

— Как хочешь, — отвечал Пьер.

Он демонстративно откинулся назад и достал из кармана свою трубку. Франсуаза бегом пересекла площадь. Напрягшись всем телом, с поднятой к небу головой, Ксавьер шла быстрым шагом. Франсуаза догнала ее, и они молча вместе прошли часть улицы Ренн. Внезапно Ксавьер повернулась к Франсуазе.

— Оставьте меня, — сказала она прерывающимся голосом.

— Нет, я вас не оставлю.

— Я хочу вернуться к себе, — сказала Ксавьер.

— Я пойду с вами, — сказала Франсуаза. Она подала знак такси. — Садитесь, — решительно

добавила она.

Ксавьер повиновалась. Прислонясь головой к подушкам, она уставилась в потолок; лицо ее исказила гримаса.

— Этот человек… я сыграю с ним злую шутку, — сказала она.

Франсуаза коснулась ее руки.

— Ксавьер, — прошептала она.

Вздохнув, Ксавьер решительно отстранилась.

— Не трогайте меня, — резко сказала она. Она в растерянности взглянула на Франсуазу, словно в голову ей пришла новая мысль. — Вы это знали. Вы все знали.

Франсуаза ничего не ответила. Такси остановилось, она расплатилась и торопливо поднялась вслед за Ксавьер. Дверь своей комнаты Ксавьер оставила приоткрытой, а сама прислонилась к умывальнику. С опухшими глазами, растрепанная, с розовыми пятнами на щеках, она, казалось, была во власти разъяренного демона, толчки которого ранили ее хрупкое тело.

— Значит, в течение всех этих дней вы давали мне говорить и знали, что я лгу! — сказала она.

— Я не виновата, что Пьер все рассказал мне, а мне не хотелось придавать этому значение, — отвечала Франсуаза.

— Как вы, должно быть, смеялись надо мной! — сказала Ксавьер.

— Ксавьер! Я никогда не думала смеяться. — Франсуаза сделала шаг к ней.

— Не подходите! — воскликнула Ксавьер. — Я не желаю вас больше видеть. Я хочу уехать отсюда навсегда.

— Успокойтесь, — сказала Франсуаза. — Все это глупо. Между нами ничего не произошло. В этой истории с Пьером я совершенно ни при чем.

Схватив полотенце, Ксавьер в ярости дергала его бахрому.

— Я принимаю ваши деньги, — сказала она. — Я позволяю вам содержать себя! Вы отдаете себе в этом отчет.

— Вы бредите, — отвечала Франсуаза. — Я приду к вам, когда к вам вернется спокойствие.

Ксавьер бросила полотенце.

— Да, — сказала она, — уходите. — Она шагнула к дивану и с рыданиями рухнула ничком.

Франсуаза заколебалась, потом тихонько вышла из комнаты, закрыв дверь, и поднялась к себе. Она не слишком беспокоилась; Ксавьер была скорее безвольной, чем гордой, у нее не хватит нелепой смелости разрушить свою жизнь, вернувшись в Руан. Зато она никогда не простит

Франсуазе бесспорное превосходство, которое та взяла над ней, это будет еще один упрек среди стольких прочих. Сняв шляпу, Франсуаза посмотрела на себя в зеркало. У нее не было даже сил чувствовать себя подавленной, она больше не сожалела о невозможной дружбе, она не находила в себе никакой обиды на Пьера. Все, что ей оставалось, — это попытаться терпеливо, с печалью спасать жалкие остатки жизни, которой она так гордилась. Она убедит Ксавьер остаться в Париже, она попробует завоевать доверие Пьера. Франсуаза послала своему отражению в зеркале слабую улыбку. После всех этих лет пылких притязаний, торжествующей безмятежности и жажды счастья станет ли она, подобно многим другим, смирившейся женщиной?

## Глава XV

Франсуаза потушила в блюдце окурок.

— У тебя хватит отваги работать в такую жару?

— Мне это не мешает, — ответил Пьер. — Что ты делаешь сегодня во второй половине дня?

Они сидели на террасе, примыкавшей к кабинету Пьера, где только что отобедали. Маленькая театральная площадь внизу казалась придавленной тяжестью голубого неба.

— Я иду к «Урсулинкам»[11] вместе с Ксавьер. Там «Фестиваль Чарли Чаплина»[12].

Пьер выпятил губу.

— Ты больше не расстаешься с ней, — заметил он.

— Она такая слабая, — ответила Франсуаза.

Ксавьер не вернулась в Руан, и, хотя Франсуаза много занималась ею и она часто встречалась с Жербером, вот уже месяц она, словно тело без души, с трудом преодолевала ослепительное лето.

---

**[11] notes: 11**

Кинотеатр Studio des Ursulines в 5-м округе, на улице Урсулинок. Один из старейших кинотеатров Парижа, сохранившийся до наших дней.

**[12] notes: 12**

Фильм 1941 г., в котором Чарли Чаплин выступил как режиссер, сценарист и исполнитель главной роли.

— Я приду за тобой в шесть часов, — сказала Франсуаза. — Тебя это устраивает?

— Вполне, — ответил Пьер и добавил с натянутой улыбкой: — Повеселись хорошенько.

Франсуаза улыбнулась ему в ответ, но как только она покинула комнату, все ее жалкое оживление улетучилось. Когда теперь она оставалась совсем одна, на сердце у нее всегда было пасмурно. Безусловно, Пьер не упрекал ее, даже мысленно, в том, что она оставила при себе Ксавьер, но отныне ничто не могло помешать ей казаться в собственных глазах пропитанной ненавистным присутствием. Сквозь нее на просвет Пьер видел Ксавьер.

Часы на перекрестке улицы Вавен показывали половину третьего. Франсуаза ускорила шаг. Она заметила Ксавьер, сидевшую на террасе «Дома» в ослепительно-белой блузке; волосы ее блестели. Издалека она казалась восхитительной, однако лицо ее было блеклым, а взор угасшим.

— Я опоздала, — сказала Франсуаза.

— Я только что пришла, — ответила Ксавьер.

— Как вы себя чувствуете?

— Жарко, — вздохнула Ксавьер.

Франсуаза села рядом с ней. Она с удивлением вдохнула смешанный с ароматом светлого

табака и чая, всегда сопровождавшим Ксавьер, странный больничный запах.

— Вы хорошо спали этой ночью? — спросила Франсуаза.

— Мы не танцевали, я была совсем без сил, — ответила Ксавьер. Она поморщилась. — И у Жербера болела голова.

Она охотно говорила о Жербере, но Франсуаза не поддавалась: не из дружеских чувств Ксавьер порой откровенничала с ней, а чтобы отказаться от всякой общности интересов с Жербером. Должно быть, она была сильно привязана к нему физически, зато с готовностью брала реванш, строго осуждая его.

— А я совершила большую прогулку с Лабрусом, — сказала Франсуаза. — Это была роскошная ночь на берегах Сены. — Она умолкла. Ксавьер даже не изображала интереса, с усталым видом она смотрела вдаль.

— Надо идти, если мы хотим попасть в кино, — сказала Франсуаза.

— Да, — ответила Ксавьер.

Она встала и взяла Франсуазу за руку. Это был машинальный жест, казалось, рядом с собой она не ощущает никакого присутствия. Франсуаза приноровилась к ее шагу. В эту самую минуту в

тяжкой жаре своего кабинета Пьер работал. Она тоже могла бы спокойно закрыться у себя в комнате и писать; прежде она ни за что не преминула бы с жадностью наброситься на эти долгие пустые часы. Театр закрыт, у нее свободное время, а она только и делает, что тратит его впустую. Дело было даже не в том, что она чувствовала себя на каникулах — просто она полностью утратила смысл былого строгого распорядка.

— Вы по-прежнему хотите пойти в кино? — спросила она Ксавьер.

— Я не знаю, — ответила та. — Думаю, я предпочла бы прогуляться.

Франсуаза испугалась этой пустыни вялой скуки, простершейся вдруг у нее под ногами; придется, стало быть, без всякой помощи пересечь это огромное пространство времени! У Ксавьер не было настроения разговаривать, однако ее присутствие не позволяло наслаждаться истинным молчанием, когда можно беседовать с самой собой.

— Хорошо, давайте погуляем, — согласилась Франсуаза.

Шоссе пахло гудроном, прилипавшим к ногам; эта первая бурная жара застала всех врасплох. Франсуаза ощущала, что превратилась в прес-

ную, вялую массу.

— Вы и сегодня чувствуете себя усталой? — ласково спросила она.

— Я все время усталая, — отвечала Ксавьер. — Я становлюсь старой женщиной. — Она бросила на Франсуазу сонный взгляд. — Извините меня, я не очень приятный спутник.

— Какая же вы глупенькая! Вы прекрасно знаете, что я всегда рада побыть с вами, — сказала Франсуаза.

Ксавьер не ответила на ее улыбку, она уже замкнулась в себе. Никогда Франсуазе не удастся заставить Ксавьер понять, что она не просит ее демонстрировать прелесть своего тела или привлекательность своего ума, а лишь позволить участвовать в ее жизни. В течение всего месяца она упорно старалась сблизиться с ней, но Ксавьер упрямо оставалась той чужой, чье ускользающее присутствие отбрасывало на Франсуазу угрожающую тень. Бывали моменты, когда Франсуаза погружалась в себя, бывали и другие, когда она целиком вручала себя Ксавьер. Но зачастую она снова с тревогой ощущала ту двойственность, которую открыла ей однажды вечером некая маниакальная улыбка. Единственным способом уничтожить ее скандальную

реальность было бы забыться с Ксавьер в общей дружбе; на протяжении долгих недель Франсуаза все более остро ощущала такую необходимость. Но Ксавьер никогда не забывала о себе.

Нескончаемая рыдающая песня пронзила горячую толщу воздуха; на углу пустынной улицы какой-то мужчина, сидевший на складном стуле, держал между коленей пилу; к стенанию инструмента его голос примешивал жалобные слова:

*Дождь стучит по крыше,*
*Я его не слы-ы-шу,*
*Сердце замира-а-ет,*
*Словно шум шагов.*

Франсуаза сжала руку Ксавьер; эта тягучая музыка в знойном одиночестве казалась ей подобием ее сердца. Рука Ксавьер оставалась в ее руке, бесчувственная и беспомощная. Даже через прекрасное осязаемое тело нельзя было добраться до Ксавьер. Франсуазе хотелось сесть на край тротуара и больше не двигаться.

— Что, если нам пойти куда-нибудь? — предложила она. — Слишком жарко, чтобы просто шагать. — У нее больше не было сил бесцельно бродить под этим неизменным небом.

— О да! Мне хотелось бы сесть, — сказала Кса-

вьер. — Но куда пойти?

— Хотите, мы вернемся в мавританское кафе, которое однажды нас очаровало? Это совсем рядом.

— Хорошо, пошли туда, — согласилась Ксавьер.

Они свернули за угол улицы. Шагать к какой-то цели — уже вселяло бодрость.

— Тогда мы в первый раз провели прекрасный долгий день, — сказала Франсуаза. — Помните?

— Это кажется мне таким далеким, — ответила Ксавьер. — Как я тогда была молода!

— И года не прошло, — заметила Франсуаза.

Она тоже постарела с той недавней зимы. В то время она жила, не задавая себе вопросов, мир вокруг нее был обширным и богатым, и он принадлежал ей. Она любила Пьера, и Пьер ее любил, иногда она даже позволяла себе роскошь считать свое счастье однообразным. Франсуаза открыла дверь, узнала шерстяные ковры, медные подносы, разноцветные фонарики; место не изменилось. Танцовщица и музыканты сидели на корточках в глубине, в нише, и беседовали между собой.

— Как здесь стало печально, — сказала Ксавьер.

— Это потому, что еще рано, наверняка потом

народу станет больше, — сказала Франсуаза. — Хотите пойти куда-нибудь еще?

— О, нет, останемся здесь.

Они сели на то же место, что и тогда, на шероховатые подушки, и заказали чай с мятой. И снова, расположившись рядом с Ксавьер, Франсуаза вдохнула необычный запах, заинтриговавший ее в «Доме».

— Чем вы мыли сегодня волосы? — спросила она.

Ксавьер коснулась пальцами шелковистой пряди.

— Я не мыла волосы, — с удивлением ответила она.

— Они пахнут аптекой, — сказала Франсуаза.

Ксавьер понимающе улыбнулась, но тут же подавила улыбку.

Лицо ее помрачнело, и она с несколько отреченным видом закурила сигарету.

Франсуаза ласково положила ладонь на ее руку.

— Какая вы хмурая, — сказала она. — Нельзя так распускать себя!

— Что я могу поделать? — отвечала Ксавьер. — Характер у меня невеселый.

— Но вы не делаете никаких усилий. Почему вы

не взяли книги, которые я для вас приготовила?

— Я не могу читать, когда я в тоске, — ответила Ксавьер.

— Почему вы не работаете с Жербером? Это будет лучшее средство — поставить хорошую сцену.

Ксавьер пожала плечами.

— С Жербером невозможно работать! Он играет для себя самого, показать он ничего не способен. С таким же успехом можно работать со стеной. — И она добавила резким тоном: — К тому же мне не нравится, что он делает, это мелко.

— Вы несправедливы, — возразила Франсуаза. — Ему не хватает темперамента, но у него есть ум и чувствительность.

— Этого недостаточно, — ответила Ксавьер. Лицо ее исказилось. — Я ненавижу посредственность, — в ярости добавила она.

— Он молод и не слишком владеет ремеслом. Однако я думаю, что он чего-то добьется, — сказала Франсуаза.

Ксавьер покачала головой.

— Если бы, по крайней мере, он был откровенно плохим, оставалась бы еще надежда. Но он такой заурядный. Единственно, на что он способен, — так это правильно воспроизвести то, что

показывает ему Лабрус.

У Ксавьер было много упреков к Жерберу, но наверняка один из самых жгучих — его восхищение Пьером. Жербер утверждал, что она никогда не бывала с ним такой злобной, как в тех случаях, когда он приходил после встреч с Пьером или даже с Франсуазой.

— Жаль, — сказала Франсуаза. — Если бы вы немного работали, это изменило бы вашу жизнь. — Она устало взглянула на Ксавьер. Ей и правда было неясно, что можно для нее сделать. Внезапно она узнала запах, исходивший от Ксавьер.

— Да вы пахнете эфиром, — с удивлением сказала она.

Ничего не ответив, Ксавьер отвернулась.

— Что вы делаете с эфиром? — спросила Франсуаза.

— Ничего, — ответила Ксавьер.

— Но все-таки?

— Я чуточку нюхаю его, — отвечала Ксавьер. — Это приятно.

— Вы впервые употребляете его, или с вами это уже случалось?

— О! Иногда это со мной случается, — сказала Ксавьер с наигранной резкостью.

У Франсуазы создалось впечатление, что Ксавьер не рассердило то, что ее секрет раскрыт.

— Будьте осторожны, — сказала Франсуаза. — Вы можете отупеть или разрушить себя.

— Было бы что терять, — отозвалась Ксавьер.

— Зачем вы это делаете?

— Я не могу больше напиваться, от этого я делаюсь больной, — отвечала Ксавьер.

— Вы сделаетесь еще более больной, — сказала Франсуаза.

— Вдумайтесь, — продолжала Ксавьер, — поднесешь к носу вату и на протяжении часов не чувствуешь больше, что живешь.

Франсуаза взяла ее за руку.

— Вы так несчастливы? — спросила она. — В чем дело? Расскажите мне.

Она прекрасно знала, что именно заставляет Ксавьер страдать, но не могла вынудить ее напрямик признаться в этом.

— Не считая работы, с Жербером у вас все хорошо? — настаивала Франсуаза.

Ответ она подстерегала с интересом, внушенным ей не только заботой о Ксавьер.

— О, Жербер! Да. — Ксавьер пожала плечами. — Знаете, он не так уж много для меня значит.

— Однако вы дорожите им, — возразила Фран-

суаза.

— Я всегда дорожу тем, что мне принадлежит, — сказала Ксавьер. И с ожесточенным видом добавила: — Это успокаивает — иметь кого-то, кто принадлежит только тебе одной. — Тон ее смягчился. — Но в общем-то в моей жизни это приятная вещь, и ничего больше.

Франсуаза похолодела, она почувствовала лично себя оскорбленной презрительным тоном Ксавьер.

— Так, значит, вы грустите не из-за него?

— Нет, — ответила Ксавьер.

Вид у нее был такой беспомощный и жалкий, что недолгая неприязнь Франсуазы улетучилась.

— Но и не по моей вине? — продолжала она. — Вы довольны нашими отношениями?

— О да! — ответила Ксавьер. На ее лице появилась милая улыбка, которая тут же исчезла. Внезапно она оживилась. — Мне скучно, — с жаром сказала она. — Мне отвратительно скучно.

Франсуаза ничего не ответила; это отсутствие Пьера создавало в жизни Ксавьер такую пустоту, надо было бы вернуть ей его, но Франсуаза опасалась, что это невозможно; она допила свой чай. Кафе понемногу заполнялось, и уже какое-то время музыканты дули в свои гнусавые флейты;

на середину помещения вышла танцовщица, дрожь пробежала по ее телу.

— Какие толстые у нее бедра, — с отвращением заметила Ксавьер, — она располнела.

— Она всегда была полной, — сказала Франсуаза.

— Вполне возможно, — согласилась Ксавьер. — Так мало надо было раньше, чтобы восхитить меня. — Она медленно обвела взглядом стены. — Я сильно изменилась.

— На самом деле здесь все подделка, — сказала Франсуаза. — А вам теперь нравится лишь то, что действительно прекрасно, поэтому жалеть не стоит.

— Да нет, — отвечала Ксавьер. — Теперь меня ничто не трогает! — Закрыв глаза, она произнесла тягучим голосом: — Я постарела.

— Вам доставляет удовольствие так думать, — с досадой сказала Франсуаза, — но это только слова: вы не постарели, вы просто грустите.

Ксавьер с несчастным видом взглянула на нее.

— Вы дали себе волю, — ласково продолжала Франсуаза. — Так дальше нельзя. Послушайте, прежде всего пообещайте не употреблять больше эфир.

— Но вы представить себе не можете, — возра-

зила Ксавьер, — как ужасны эти дни, которым нет конца.

— Поймите, это серьезно. Вы полностью себя уничтожите, если не прекратите.

— Никто от этого особо ничего не потеряет, — заметила Ксавьер.

— А я не в счет? — ласково спросила Франсуаза.

— О! — с недоверчивым видом молвила Ксавьер.

— Что вы хотите сказать? — спросила Франсуаза.

— Вы не должны теперь так уж меня ценить, — сказала Ксавьер.

Франсуаза была неприятно удивлена. Ксавьер, казалось, нечасто трогала ее нежность, но, по крайней мере, она никогда вроде бы не ставила ее под сомнение.

— Как! — возмутилась Франсуаза. — Вы прекрасно знаете, до какой степени я всегда вас уважала.

— Раньше — да, вы думали обо мне много хорошего, — сказала Ксавьер.

— А почему теперь меньше?

— Такое сложилось впечатление, — вяло отвечала Ксавьер.

— Однако мы никогда не виделись так часто, никогда я не искала большей близости с вами, — в замешательстве сказала Франсуаза.

— Потому что вы меня жалеете, — сказала Ксавьер с вымученным смешком. — Вот до чего я дошла! Я та, кого жалеют!

— Но это неправда, — возразила Франсуаза. — Кто вам это внушил?

Ксавьер с упрямым видом пристально смотрела на огонек своей сигареты.

— Объяснитесь, — настаивала Франсуаза. — Такие вещи без причин не говорят.

Ксавьер заколебалась, и снова Франсуаза с неудовольствием почувствовала, что та при всех недомолвках и умолчаниях направляла этот разговор по своему усмотрению.

— Было бы естественно, если бы вы возненавидели меня, — сказала Ксавьер. — У вас есть все основания меня презирать.

— Все та же старая история, — сказала Франсуаза. — Но мы ведь все выяснили! Я прекрасно поняла, что вы не хотели сразу рассказывать мне о своих отношениях с Жербером, и вы согласились, что на моем месте вы, как и я, хранили бы молчание.

— Да, — согласилась Ксавьер.

Франсуаза это знала: с ней никакое объяснение не было окончательным. Ксавьер опять, должно быть, просыпалась по ночам в ярости, вспомнив, с какой непринужденностью Франсуаза обманывала ее в течение трех дней.

— Лабрус и вы, вы до такой степени думаете одно и то же, — продолжала Ксавьер. — А у него обо мне отвратительное представление.

— Это касается только его, — сказала Франсуаза.

Эти слова стоили ей усилий, по отношению к Пьеру это было своего рода отступничеством, и тем не менее они выражали лишь правду, она действительно отказывалась вставать на его сторону.

— Вы считаете меня слишком поддающейся влиянию, — сказала Франсуаза. — Впрочем, он почти никогда не говорит мне о вас.

— Он должен так меня ненавидеть, — с грустью сказала Ксавьер.

Наступило молчание.

— А вы? Вы его ненавидите? — спросила Франсуаза. Сердце ее сжалось; весь этот разговор имел лишь одну цель: подсказать ей этот вопрос, она начинала понимать, к какому исходу они продвигались.

— Я? — спросила Ксавьер. Она бросила на Франсуазу умоляющий взгляд. — У меня нет ненависти к нему.

— Он уверен в обратном, — сказала Франсуаза. Повинуясь желанию Ксавьер, она продолжала: — Вы согласились бы снова встретиться с ним?

Ксавьер пожала плечами.

— Он этого не хочет.

— Я не знаю, — сказала Франсуаза. — Если бы он знал, что вы о нем сожалеете, это бы все изменило.

— Естественно, я сожалею, — медленно произнесла Ксавьер и добавила с неуместной непринужденностью: — Вы же прекрасно знаете, что Лаврус не тот человек, с которым можно перестать встречаться без сожаления.

С минуту Франсуаза смотрела на мертвенно-бледное лицо, от которого исходили фармацевтические запахи; гордость, которую Ксавьер сохраняла в своей скорби, была до того жалкой, что Франсуаза почти невольно произнесла:

— Возможно, я могла бы попытаться поговорить с ним.

— О! Это ни к чему не приведет, — возразила Ксавьер.

— Не уверена, — ответила Франсуаза.

Свершилось, решение было принято само собой, и Франсуаза знала, что теперь она не сможет больше помешать себе привести его в исполнение. Пьер выслушает ее с недобрым выражением лица, ответит без мягкости, и его резкие фразы откроют ему самому силу его неприязни к ней. Франсуаза уныло опустила голову.

— Что вы ему скажете? — вкрадчиво спросила Ксавьер.

— Что мы говорили о нем, — отвечала Франсуаза. — Что вы не выразили никакой ненависти, совсем напротив. Что если только он забыл свои нарекания, то вы, со своей стороны, будете счастливы вновь обрести его дружбу.

Она отстраненно рассматривала пеструю обивку. Пьер изображал равнодушие к Ксавьер, но стоило произнести ее имя, как сразу чувствовалось, что он настороже; однажды он встретил ее на улице Деламбр, и Франсуаза увидела промелькнувшее в его глазах дикое желание броситься к ней. Быть может, он согласится снова встретиться с Ксавьер, чтобы помучить ее вблизи, быть может, тогда она снова завоюет его. Но ни утоление его злобы, ни возвращение его беспокойной любви не сблизят его с Франсуазой. Единственно возможное сближение — это отослать Ксавьер в

Руан и начать жизнь заново без нее.

Ксавьер покачала головой.

— Не стоит стараться, — сказала она со страдальческим смирением.

— Я все-таки могу попробовать.

Ксавьер пожала плечами, словно отказываясь от всякой ответственности.

— О! Делайте что хотите, — добавила она.

Франсуаза рассердилась. Ксавьер сама довела ее до этого своим выражением лица, а теперь по своему обыкновению укрывается за высокомерным равнодушием, избавляя себя таким образом от позора поражения или от неизбежной благодарности.

— Я попробую, — повторила Франсуаза.

У нее не оставалось ни малейшей надежды быть связанной с Ксавьер той дружбой, которая единственно могла бы ее спасти, но, по крайней мере, она сделала все, чтобы заслужить ее.

— Я сейчас же поговорю с Пьером, — сказала она.

Когда Франсуаза вошла в кабинет Пьера, он все еще сидел за своим рабочим столом с трубкой во рту, со всклокоченными волосами и радостным видом.

— Какой ты прилежный, — сказала она. — Ты

все это время не вставал с места?

— Ты увидишь, думается, я проделал хорошую работу, — сказал Пьер. Он повернулся на стуле. — А ты? Ты осталась довольна? Программа была хорошая?

— О! Мы не пошли в кино, этого следовало ожидать. Таскались по улицам, было бессовестно жарко. — Франсуаза присела на подушку на краю террасы; воздух немного посвежел, тихонько шелестели верхушки каштанов. — Я рада предстоящему путешествию с Жербером, я устала от Парижа.

— А мне предстоит ежедневно дрожать за тебя, — сказал Пьер. — Ты благоразумно будешь посылать мне каждый вечер телеграмму: «Пока жива».

Франсуаза улыбнулась ему. Пьер остался доволен своим днем, лицо его выглядело веселым и ласковым. Случались такие минуты, когда можно было подумать, что с прошлого лета ничего не изменилось.

— Тебе нечего опасаться, — ответила Франсуаза. — Пока еще слишком рано для настоящих гор. Мы отправимся в Севенны или в Канталь.

— Надеюсь, сегодня вы не станете весь вечер строить планы, — с опаской сказал Пьер.

— Не бойся, мы избавим тебя от этого, — ответила Франсуаза. Она снова немного робко улыбнулась. — Нам с тобой тоже вскоре предстоит строить планы.

— Верно, не пройдет и месяца, мы уедем, — сказал Пьер.

— И надо, наконец, решить куда, — добавила Франсуаза.

— Я думаю, в любом случае мы останемся во Франции, — сказал Пьер. — К середине августа следует ожидать напряженного периода, и даже если ничего не случится, неприятно будет очутиться на краю света.

— Мы говорили о Корде и Юге, — сказала Франсуаза и добавила со смехом: — Будут, естественно, и пейзажи, но мы увидим множество маленьких городов. Ты ведь любишь маленькие города?

Она с надеждой взглянула на Пьера; когда они останутся наедине, вдали от Парижа, возможно, он уже не утратит этого дружеского, спокойного вида. Как ей не терпелось увезти его с собой на долгие недели!

— Я с восторгом буду бродить с тобой по Альби, Корду, Тулузе, — сказал Пьер. — И ты увидишь, время от времени я честно буду совершать большой поход.

— А я без ворчания буду сидеть с тобой в кафе столько, сколько захочешь, — со смехом подхватила Франсуаза.

— Что ты собираешься делать с Ксавьер? — спросил Пьер.

— Семья Ксавьер очень хочет принять ее на каникулы, она поедет в Руан, ей не повредит поправить здоровье.

Франсуаза отвернулась; если Пьер помирится с Ксавьер, что станется с этими счастливыми планами? Он может снова воспылать к ней страстью и возродить трио; придется брать ее вместе с ними в путешествие. У Франсуазы перехватило дыхание: никогда она ничего так страстно не желала, как этого долгого уединения.

— Она больна? — холодно спросил Пьер.

— Скорее, она в плохом состоянии, — ответила Франсуаза.

Не следовало ничего говорить; следовало предоставить ненависти Пьера медленно угаснуть в равнодушии, он уже был на пути к выздоровлению. Еще месяц, и под небом Юга этот лихорадочный год станет лишь воспоминанием. Надо было только ничего не добавлять и переменить тему. Пьер уже готов был открыть рот, он собирался заговорить о чем-то другом, но Франс-

уаза его опередила.

— Ты представляешь, что она придумала? Стала нюхать эфир.

— Изобретательно, — сказал Пьер. — С какой целью?

— Она глубоко несчастна, — отвечала Франсуаза. — Это сильнее нее, Ксавьер всегда дрожала перед опасностью, но при этом опасность неодолимо притягивала ее, она никогда не умела вести себя осторожно.

— Бедняжка, — с нескрываемой насмешкой сказал Пьер. — Что же с ней такое стряслось?

Повлажневшими руками Франсуаза теребила носовой платок.

— Ты оставил пустоту в ее жизни, — произнесла она шутливым тоном, прозвучавшим фальшиво.

Лицо Пьера посуровело.

— Я огорчен этим, — сказал он. — Но что ты хочешь, чтобы я сделал?

Франсуаза крепче стиснула свой платок; рана была еще свежа! С первых же слов Пьер перешел к обороне, он говорил уже не дружески. Она собралась с духом.

— Ты решительно не предполагаешь когда-нибудь встретиться с ней?

Пьер холодно взглянул на нее.

— А-а! — протянул он. — Она поручила тебе прощупать меня?

Голос Франсуазы тоже в свою очередь посуровел.

— Это я ей предложила, — сказала она. — Когда поняла, как сильно она о тебе сожалеет.

— Понимаю, — сказал Пьер. — Она растопила твое сердце комедиями эфироманки.

Франсуаза покраснела. Она знала, что в трагизме Ксавьер присутствовало самолюбование и что сама она позволила управлять собой, но резкий тон Пьера заставил ее упорствовать.

— Говорить легко, — сказала она. — Тебе плевать на судьбу Ксавьер, ладно, но дело в том, что она смешана с грязью, и это из-за тебя!

— Из-за меня! — возмутился Пьер. — Прекрасно, ничего не скажешь! — Поднявшись, он, усмехаясь, встал перед Франсуазой. — Ты хочешь, чтобы я каждый вечер за руку отводил ее в постель Жербера? Это то, что ей надо, чтобы ее душонка была спокойна?

Франсуаза сделала над собой усилие: она ничего не добьется, если рассердится.

— Ты прекрасно знаешь, что, расставаясь, ты наговорил ей таких жестоких вещей, что даже менее гордая особа, чем она, не могла бы опом-

ниться. Только ты один можешь это исправить.

— Извини меня, — сказал Пьер. — Я не мешаю тебе практиковать прощение оскорблений, но в себе я не нахожу призвания сестры милосердия.

Франсуаза почувствовала себя задетой за живое столь презрительным тоном.

— В конце концов, не такое уж преступление переспать с Жербером — она была свободна и ничего тебе не обещала. Тебе это было тяжело, но ты прекрасно знаешь, что ты получил бы свою долю, если бы захотел. — Она упала в кресло. — Я нахожу твою обиду на нее сексуальной и мелочной. Ты похож на человека, который сердится на женщину, которой не овладел. Мне кажется это недостойным тебя.

Она с тревогой ждала. Удар был нанесен. В глазах Пьера мелькнула ненависть.

— Я сержусь на нее за ее кокетство и предательство. Зачем она позволяла мне целовать ее? Зачем все эти нежные улыбки? Почему она уверяла, что любит меня?

— Но она была искренна, она дорожит тобой, — сказала Франсуаза. Жестокие воспоминания прихлынули вдруг к ее сердцу. — К тому же ты сам требовал ее любви, — продолжала она. — Ты прекрасно знаешь, что она была потрясена, когда

ты в первый раз произнес это слово.

— Ты намекаешь, что она не любила меня? — спросил Пьер.

Никогда еще он не смотрел на Франсуазу с такой нескрываемой ненавистью.

— Я этого не говорю, — отвечала Франсуаза. — Я говорю, что было в этой любви что-то принудительное, так ускоряют, например, цветение какого-нибудь растения. Ты все время требовал большего: в сближении, в насыщенности отношений.

— Ты довольно забавно воспроизводишь историю, — с недоброй улыбкой заметил Пьер. — Это ведь она стала в конечном счете такой требовательной, что пришлось остановить ее, поскольку она требовала ни больше ни меньше как пожертвовать тобой.

Франсуаза сразу утратила уверенность. Это правда: из-за верности ей Пьер потерял Ксавьер. Не сожалел ли он об этом? Не винит ли он теперь ее за то, что совершил в безотчетном порыве?

— Если бы она заполучила меня целиком, то готова была любить меня со всей страстью, — продолжал Пьер. — Она переспала с Жербером в наказание мне за то, что я не предал тебя: согласись, что все это скорее нечестно. Меня удивляет,

что ты встаешь на ее сторону!

— Я не встаю на ее сторону, — тихо отвечала Франсуаза. Она чувствовала, что губы ее начинают дрожать. Одним своим словом Пьер пробудил в ней жгучую обиду; почему она упорно вставала на сторону Ксавьер? — Она так несчастна, — прошептала Франсуаза.

Она провела пальцами по векам, плакать она не хотела, но вдруг оказалась ввергнутой в пучину бездонного отчаяния. Она уже ни в чем не разбиралась, она устала искать выход. Она знала только то, что любит Пьера, и лишь его одного.

— Думаешь, я так уж счастлив? — сказал Пьер.

Франсуазу охватила такая щемящая тоска, что с губ ее готов был сорваться крик. Она стиснула зубы, но хлынули слезы. К сердцу ее подступило страдание Пьера; кроме его любви, все другое на земле не в счет, а весь этот месяц, когда он нуждался в ней, она предоставила ему отбиваться одному; было слишком поздно просить у него прощения, она слишком от него отдалилась, чтобы он все еще желал ее помощи.

— Не плачь, — с некоторым нетерпением сказал Пьер. Он без сочувствия смотрел на нее; Франсуаза прекрасно знала, что, восстав против него, она не имела права навязывать ему еще

и слезы, но в ней смешалось все, и страдания, и сожаления. — Прошу тебя, успокойся, — сказал Пьер.

Она не могла успокоиться, она по собственной вине потеряла его, и ей не хватит всей жизни, чтобы оплакать это. Она закрыла лицо руками, Пьер шагал по комнате взад и вперед, но она уже о нем не беспокоилась, она утратила всякую власть над своим телом, мысли от нее ускользали, она была похожа на старую, разлаженную машину.

Внезапно Франсуаза почувствовала на своем плече руку Пьера. Она подняла глаза.

— Теперь ты меня ненавидишь, — сказала она.

— Да нет же, никакой ненависти, — с натянутой улыбкой отвечал он.

Франсуаза уцепилась за его руку.

— Знаешь, — произнесла она прерывающимся голосом, — я не так уж дружна с Ксавьер, но я чувствую на себе ответственность; десять месяцев назад она была молодой, пылкой, полной надежд, теперь это жалкая личность.

— В Руане она тоже была в плачевном состоянии и все время говорила о самоубийстве, — заметил Пьер.

— Это было не то, — отозвалась Франсуаза.

Она снова заплакала; это было мучительно,

стоило ей представить себе бледное лицо Ксавьер, и она уже не могла решиться пожертвовать ею, пусть даже ради счастья Пьера. На мгновение она замерла, не отпуская руку, безжизненно лежавшую на ее плече. Пьер молча смотрел на нее. Потом, наконец, произнес:

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? — Лицо его исказилось.

Отпустив его руку, Франсуаза вытерла глаза.

— Я ничего не хочу, — ответила она.

— Чего ты хотела только что? — спросил он, с трудом сдерживая нетерпение.

Франсуаза встала и направилась на террасу; ей было страшно просить его о чем-то; то, что он дарует ей против воли, лишь еще больше разъединит их. Она вернулась к нему.

— Я думала, что если бы ты встретился с ней, то, возможно, вернул бы ей свое дружеское расположение, она так дорожит тобой.

Пьер сразу остановил ее.

— Хорошо, я с ней встречусь, — сказал он.

Он вышел на террасу и облокотился на перила, Франсуаза последовала за ним. Опустив голову, он смотрел на земляную площадку, где прыгали несколько голубей. Франсуаза взглянула на его круглый затылок и снова почувствовала острое

сожаление; в то время как он честно пытался обрести покой, она опять ввергла его в пучину терзаний. Ей вспомнилась радостная улыбка, с которой он ее встретил; теперь же перед ней стоял человек, полный горечи, который с негодующей покорностью собирался против воли выполнить требования, с которыми он не соглашался. Нередко она о чем-то просила Пьера, но во времена их единодушия никогда то, что один давал другому, не могло восприниматься как жертва. На этот раз она поставила Пьера в такое положение, когда он с обидой уступил ей. Она дотронулась до висков. Голова у нее болела, глаза жгло.

— Что она делает сегодня вечером? — внезапно спросил Пьер.

Франсуаза вздрогнула.

— Насколько я знаю, ничего.

— Хорошо! Тогда позвони ей. Если надо, я предпочитаю уладить это дело как можно скорее. — Пьер нервно впился зубами в свой ноготь.

— А Жербер?

— Ты встретишься с ним без меня.

Франсуаза набрала номер отеля; она узнавала ту судорогу, от которой сосало под ложечкой: вернутся все прежние муки. Никогда у Пьера с Ксавьер не будет спокойной дружбы, сама его

поспешность уже возвещала грядущие бури.

— Алло! Не могли бы вы пригласить мадемуазель Пажес? — сказала она.

— Минуточку, подождите.

Она услышала стук каблуков по полу, звук голосов; на лестнице звали Ксавьер. Сердце Франсуазы бешено заколотилось, нервозность Пьера передалась и ей.

— Алло, — послышался встревоженный голос Ксавьер.

Пьер взял параллельную трубку.

— Это Франсуаза. Вы свободны сегодня вечером?

— Да, а что?

— Лабрус просил узнать, может ли он прийти к вам.

Ответа не последовало.

— Алло, — повторила Франсуаза.

— Прийти сейчас? — спросила Ксавьер.

— Вам это неудобно?

— Нет, напротив.

Франсуаза не знала, что еще говорить.

— Тогда решено, — сказала она. — Он сейчас придет. — Она повесила трубку.

— Ты заставляешь меня совершать ошибку, — недовольно сказал Пьер. — У нее не было ни

малейшего желания, чтобы я пришел.

— Думаю, скорее она была взволнована, — возразила Франсуаза.

Они умолкли, молчание длилось долго.

— Я пошел, — сказал Пьер.

— Возвращайся ко мне, чтобы рассказать, как все обернулось, — сказала Франсуаза.

— Договорились, до вечера, — сказал Пьер. — Я думаю, что вернусь рано.

Подойдя к окну, Франсуаза смотрела, как он пересекает площадь, потом в полной прострации села в кресло. Ей казалось, что она сделала сейчас окончательный выбор, и выбрала она несчастье. Франсуаза вздрогнула, в дверь постучали.

— Войдите, — сказал она.

Вошел Жербер. Франсуаза с удивлением увидела свежее лицо, которое обрамляли черные и гладкие, как у китаянки, волосы. Перед ясностью этой улыбки скопившиеся в ее сердце тени развеялись. Она вдруг вспомнила, что в мире есть вещи, достойные любви, и это не Ксавьер и не Пьер; существовали снежные вершины, залитые солнцем сосны, сельские гостиницы, дороги, люди и их истории. Существовали смеющиеся глаза, дружески обращенные к ней.

Франсуаза открыла глаза и тотчас закрыла

их. Уже занималась заря. Она была уверена, что не спала, каждый час она слышала, как звонят часы, и все-таки ей казалось, что она легла всего несколько минут назад. Когда, обсудив с Жербером подробный план их путешествия, она вернулась в полночь, Пьера еще не было; несколько минут она почитала, потом погасила свет и попыталась заснуть. Было естественно, что объяснение с Ксавьер затянулось, она не хотела задаваться вопросом о его исходе, не хотела снова чувствовать, как горло сжимают тиски, не хотела ждать. Заснуть ей не удалось, но она погрузилась в оцепенение, в котором звуки и образы отражались до бесконечности, как в лихорадочные часы ее болезни. Время показалось ей коротким. Возможно, конец ночи ей удастся миновать без страха.

Услышав шаги на лестнице, она вздрогнула; ступеньки скрипели чересчур тяжело — это не Пьер, кто-то направлялся наверх. Франсуаза повернулась к стене; если она начнет подстерегать ночные шумы, считать минуты, это будет ужасно — она хотела сохранять спокойствие. Уже неплохо — лежать в своей кровати, в тепле; клошары в это мгновение спали на жестких тротуарах Центрального рынка, всклокоченные путники

стояли в коридорах поезда, солдаты несли службу у дверей казарм.

Она плотнее завернулась в простыни. Наверняка в течение этих долгих часов Пьер с Ксавьер не один раз ненавидели друг друга, потом мирились, но как узнать, кто победил в этот час занимающегося рассвета — любовь или обида? Она видела красный столик в большом, почти безлюдном зале, и над пустыми стаканами два лица — то восторженные, то яростные. Один за другим она попробовала рассмотреть каждый образ; ни тот ни другой не таили угрозы: на той стадии, где все находилось, не оставалось больше ничего, что могло бы подвергаться угрозе. Только следовало бы с уверенностью остановиться на одном из них. Именно эта неопределенная пустота приводила в конце концов сердце в отчаяние.

В комнате постепенно светлело. Пьер скоро будет здесь, но нельзя было заранее расположиться в той минуте, которую полностью заполнит его присутствие, нельзя даже было ощутить устремленность к ней, ибо ее место еще не определилось. Франсуаза знавала ожидания, походившие на бешеные гонки, но сейчас она топталась на месте. Ожидания, бег — таким образом прошел весь год. А теперь на что стоит надеяться? Счастливое

равновесие их трио? Окончательный разрыв? Ни то ни другое никогда не станет возможным, поскольку не было никакого способа ни заключить союз с Ксавьер, ни освободиться от нее. Даже изгнание не уничтожит это существование, не позволявшее завладеть собой. Франсуазе вспомнилось, как поначалу она отрицала его своим равнодушием; однако равнодушие было побеждено; дружба только что потерпела поражение. Не оставалось никакого спасения. Можно было бежать, но пришлось бы все равно возвращаться, и появились бы другие ожидания и бегство от другого. И так без конца.

Франсуаза протянула руку к будильнику. Семь часов. Снаружи совсем рассвело, тело ее уже было в боевой готовности, и неподвижность обращалась скукой. Откинув одеяла, она занялась своим туалетом и с удивлением заметила, что при свете дня и ясной голове ей хочется плакать. Она умылась, подкрасилась и не торопясь оделась. Нервозности она не ощущала, но не знала, что с собой делать. Будучи готовой, она снова легла на кровать; в это мгновение нигде в мире для нее не было места; ничто не влекло ее на улицу, но и здесь тоже ничто не удерживало, кроме отсутствия; она стала теперь лишь пустым призывом,

до такой степени отрезанная от любой наполненности и любого присутствия, что даже стены собственной комнаты вызывали у нее удивление. Франсуаза встала. На сей раз она узнала эти шаги. Приняв соответствующее выражение, она бросилась к двери. Пьер улыбнулся ей.

— Ты уже встала? — сказал он. — Надеюсь, ты не беспокоилась?

— Нет, — отвечала Франсуаза. — Я подумала, что вам столько всего надо было сказать друг другу.

Она внимательно посмотрела на Пьера. Ясно было, что он-то возвращался не из небытия. В свежем цвете его лица, в оживленном взгляде, в движениях отражалась наполненность прожитых им часов.

— Ну как? — спросила она.

У Пьера был смущенный и радостный вид, хорошо знакомый Франсуазе.

— А вот так, все начинается вновь, — отвечал он, касаясь руки Франсуазы. — Я все подробно расскажу тебе, но Ксавьер ждет нас на завтрак, я сказал, что мы сейчас же вернемся.

Франсуаза надела куртку. Она только что потеряла свой последний шанс опять обрести с Пьером спокойную и чистую близость, хотя в этот

шанс она всего-то несколько минут едва осмеливалась верить. Теперь она слишком устала для сожаления или надежды; мысль снова оказаться втроем не пробуждала в ней уже ничего, кроме безропотной тревоги.

— Расскажи мне в нескольких словах, что произошло, — сказала она.

— Так вот, вчера вечером я пришел к ней в отель, — отвечал Пьер. — Я сразу почувствовал, что она очень взволнована, и меня самого это взволновало. Какое-то время мы оставались там, глупо болтая о том о сем, потом отправились в «Поль Нор», и у нас состоялось большое объяснение. — Умолкнув на мгновение, Пьер продолжил самодовольным, нервным тоном, который всегда тяготил Франсуазу. — У меня создалось впечатление, что не потребуется многого для того, чтобы она бросила Жербера.

— Ты попросил ее порвать? — спросила Франсуаза.

— Я не хочу быть пятой спицей в колеснице, — ответил Пьер.

Жербер не придал большого значения ссоре, случившейся между Пьером и Ксавьер; вся их дружба всегда казалась ему основанной на каком-то капризе. Узнав правду, он будет жестоко

уязвлен. По сути, Пьеру лучше было бы с самого начала посвятить его в ситуацию, Жербер без усилия отказался бы завоевывать Ксавьер; да и теперь он не был глубоко привязан к ней, но потерять ее ему наверняка будет неприятно.

— Когда ты отправишься в путешествие, — продолжил Пьер, — я возьму Ксавьер в руки, и через неделю, если вопрос не решится сам собой, я потребую от нее сделать выбор.

— Да, — сказала Франсуаза. Она заколебалась. — Тебе следует объяснить всю историю Жерберу, иначе ты будешь выглядеть отменным подлецом.

— Я ему объясню, — с живостью согласился Пьер. — Я скажу ему, что не хотел давить на него авторитетом, но полагал, что имею право бороться на равных. — Он не слишком уверенно взглянул на Франсуазу. — Ты не согласна?

— Это вполне допустимо, — ответила Франсуаза.

В каком-то смысле у Пьера не было никакого резона жертвовать собой ради Жербера, но и Жербер не заслужил ожидавшего его жестокого разочарования. Франсуаза толкнула ногой круглый камешек. Безусловно, следовало отказаться от поиска правильного решения для любой

проблемы; давно уже стало ясно, что какое бы решение ни принять, оно всегда будет ошибочным. К тому же, впрочем, никого больше не заботило узнать, что хорошо, а что плохо, да и сама она утратила интерес к этому вопросу.

Они вошли в «Дом». Ксавьер сидела за столиком, опустив голову. Франсуаза коснулась ее плеча.

— Добрый день, — с улыбкой сказала она.

Вздрогнув, Ксавьер обратила к Франсуазе растерянное лицо, потом в свою очередь натянуто улыбнулась.

— Я не думала, что это уже вы, — сказала она.

Франсуаза села рядом. Что-то в этом приеме было ей до боли знакомо.

— Как вы посвежели! — заметил Пьер.

Ксавьер, должно быть, воспользовалась отсутствием Пьера, чтобы тщательно привести в порядок лицо; цвет его был ровным и ясным, губы сияли, волосы блестели.

— И все-таки я устала, — сказала Ксавьер. Взгляд ее по очереди останавливался на Франсуазе, потом на Пьере. Она прикрыла рот рукой, подавив зевок. — Я даже думаю, что мне хочется пойти спать, — сказала она смущенным и ласковым тоном, не предназначавшимся Франсуазе.

— Сейчас? — спросил Пьер. — Но у вас впереди целый день.

Ксавьер нахмурилась.

— Я чувствую себя неловко, — продолжала она. Руки ее слегка дрожали, отчего колыхались широкие рукава ее блузки. — Это неприятно — часами оставаться в одной и той же одежде.

— Выпейте, по крайней мере, с нами кофе, — разочарованным тоном сказал Пьер.

— Хорошо, — согласилась Ксавьер.

Пьер заказал три кофе. Взяв круассан, Франсуаза стала откусывать его маленькими кусочками; у нее не хватало духа произнести любезную фразу. Раз двадцать она уже проживала такую сцену, ее заранее тошнило и от того воодушевленного тона, и от тех жизнерадостных улыбок, которые она ощущала на своих губах, и от поднимавшейся в ней раздраженной досады; Ксавьер с сонным видом смотрела на свои пальцы. В течение долгого времени никто не проронил ни слова.

— Что ты делала с Жербером? — спросил Пьер.

— Мы поужинали в «Грий» и определили наш маршрут, — ответила Франсуаза. — Думаю, мы отправимся послезавтра.

— Вы опять отправляетесь карабкаться на горы, — мрачным тоном сказала Ксавьер.

— Да, — сухо отвечала Франсуаза. — Вы находите это нелепым?

Ксавьер подняла брови.

— Если вам это нравится, — произнесла она.

Снова наступило молчание. Пьер с тревогой взглянул на одну, потом на другую.

— У вас одинаково сонный вид, и у одной, и у другой, — с упреком сказал он.

— Это не самое подходящее время, чтобы встречаться с людьми, — ответила Ксавьер.

— Однако мне помнится один очень приятный момент, который мы провели здесь в такой же точно час, — заметил Пьер.

— О! Это было не так уж приятно, — возразила Ксавьер.

Франсуаза прекрасно помнила то утро с мыльным запахом: именно тогда ревность Ксавьер впервые проявилась открыто; после всех усилий обезоружить ее, сегодня Франсуаза вновь сталкивалась с ней, во всеоружии. В эту минуту не только ее присутствие, но даже само ее существование Ксавьер хотелось бы устранить.

Ксавьер отодвинула свой стакан.

— Я ухожу, — решительно сказала она.

— Главное, хорошенько отдохните, — насмешливым тоном произнесла Франсуаза.

Ничего не ответив, Ксавьер протянула ей руку. Она смутно улыбнулась Пьеру и быстро вышла из кафе.

— Положение тяжелое, — заметила Франсуаза.

— Да, — согласился Пьер. Он выглядел раздосадованным. — Однако она казалась вполне довольной, когда я попросил ее подождать нас.

— Ей наверняка не хотелось расставаться с тобой, — заметила Франсуаза. Она усмехнулась. — Зато какой удар для нее, когда она увидала перед собой меня.

— Это опять будет невыносимо, — сказал Пьер. Он мрачно взглянул на дверь, через которую вышла Ксавьер. — Я задаюсь вопросом, стоит ли начинать все заново, из этого нам никогда не выпутаться.

— Как она тебе говорила обо мне? — спросила Франсуаза.

Пьер заколебался.

— Казалось, она в хороших отношениях с тобой, — сказал он.

— Но все-таки? — Она с раздражением смотрела на смущенное лицо Пьера. Теперь он считал себя обязанным щадить ее. — У нее есть какие-то мелкие жалобы?

— Кажется, она немного сердится на тебя, —

признался Пьер. — Я думаю, она понимает, что ты не так уж пылко любишь ее.

Франсуаза напряглась.

— Что она в точности говорила?

— Она сказала, что я был единственным человеком, который не стремился лечить ее настроение холодным душем, — сказал Пьер. За безучастностью его голоса проглядывало легкое удовлетворение чувствовать себя до такой степени незаменимым. — А потом в какой-то момент она заявила с восторженным видом: «Вы и я, мы не нравственные создания, мы способны совершать гнусные поступки». И поскольку я возражал, она добавила: «Это из-за Франсуазы вы хотите казаться нравственным, но по сути вы такой же предатель, как я, и душа у вас такая же черная».

Франсуаза покраснела. Она и сама тоже начинала ощущать ее как смешной изъян — эту легендарную нравственность, над которой исподтишка снисходительно посмеивались; возможно, пройдет не так уж много времени, и она от нее избавится. Франсуаза взглянула на Пьера и увидела на его лице нерешительное выражение, отражавшее не слишком чистую совесть. Видно было, что слова Ксавьер смутно польстили ему.

— Полагаю, эту попытку примирения она

ставит мне в упрек как доказательство бесчувственности, — сказала она.

— Не знаю, — отвечал Пьер.

— Что было еще? — спросила Франсуаза. — Выкладывай всё, — добавила она в нетерпении.

— Ну, Ксавьер сделала злобный намек на то, что она именует самоотверженной любовью.

— Каким образом?

— Она продемонстрировала мне свой характер и с притворным смирением сказала: «Я прекрасно знаю, что очень часто бываю с людьми невыносимой, но что вы хотите? Я-то ведь не создана для самоотверженной любви».

Франсуаза пришла в замешательство; это было обоюдоострое вероломство: Ксавьер упрекала Пьера в том, что он оставался чувствителен к столь унылой любви, которую сама она беспощадно отвергала. Франсуаза далека была от того, чтобы подозревать размах подобной враждебности, где смешивались ревность и досада.

— Это всё? — спросила она.

— Кажется, да, — ответил Пьер.

Это было не все, но Франсуаза почувствовала вдруг усталость расспрашивать; она знала уже достаточно, чтобы ощутить на губах коварный привкус этой ночи, когда торжествующая злоба

Ксавьер вырвала у Пьера множество мелких предательств.

— Впрочем, знаешь, мне плевать на ее чувства, — сказала она.

Это было правдой. На этой крайней точке несчастья ничто уже не имело значения. Из-за Ксавьер она почти потеряла Пьера, а взамен Ксавьер отвечала ей лишь презрением и ревностью. Едва примирившись с Пьером, Ксавьер тотчас попыталась установить между ними скрытное сообщничество, чему он противился лишь наполовину. Эта покинутость, в которую оба они ввергали Франсуазу, была таким неизбывным опустошением, в котором даже не оставалось больше места ни для гнева, ни для слез. Франсуаза ничего уже не ждала от Пьера, и его равнодушие ее больше не трогало. Со своего рода радостью она ощутила, как перед лицом Ксавьер в ней поднимается что-то черное и горькое, чего она еще не знала и что казалось почти избавлением: то была ненависть, могучая и свободная, расцветавшая теперь без стеснения.

## Глава XVI

— Думаю, мы наконец добрались, — сказал Жербер.

— Да, наверху виднеется дом, — согласилась Франсуаза.

Они много шагали весь день, и вот уже два часа тяжело поднимались; спускалась ночь, было холодно. Франсуаза с нежностью смотрела на Жербера, шедшего перед ней по крутой тропинке; шагали они оба одинаково, их одолевала одна и та же счастливая усталость, и вместе они молча представляли себе красное вино, суп и огонь, которые надеялись найти наверху. Такие появления в унылых деревнях всегда походили на приключение. Они не могли угадать, сядут ли они на краю шумного стола на крестьянской кухне, или отужинают одни в глубине какой-нибудь пустой придорожной харчевни, либо окажутся в удобной маленькой гостинице, уже заселенной путниками. В любом случае они бросят в угол свои рюкзаки и, расправив мышцы, с довольным сердцем проведут бок о бок спокойные часы, обсуждая этот день, который они прожили вместе, и составляя свои планы на завтра. К теплу такой

близости Франсуаза спешила гораздо больше, чем к роскошному омлету и крепким деревенским напиткам. Порыв ветра хлестнул ее по лицу. Они прибыли на холм, который возвышался над веером долин, утопавших в неверных сумерках.

— Мы не сможем поставить палатку, — сказала она. — Земля слишком намокла.

— Наверняка найдем какой-нибудь сарай, — ответил Жербер.

Сарай. Франсуаза ощутила образовавшуюся в ней тошнотворную пустоту. Тремя днями раньше они спали в сарае. Заснули они в нескольких шагах друг от друга, однако во сне тело Жербера соскользнуло к ее, он обвил руки вокруг нее. С неясным сожалением она подумала: «Он принимает меня за другую». И затаила дыхание, чтобы не разбудить его. Ей приснился сон. Во сне она находилась в этом самом сарае, и Жербер с широко открытыми глазами сжимал ее в объятиях; она не противилась этому, сердце ее полнилось нежностью и покоем, но в это ласковое ощущение просачивалась тревога. «Это сон, — говорила она себе, — это неправда». Жербер крепче обнимал ее, весело повторяя: «Это правда, было бы слишком глупо, если бы это не было правдой». Чуть позже вспышка света коснулась ее век; она снова

очутилась на сене, тесно прижатая к Жерберу, и все было неправдой.

— Ваши волосы всю ночь попадали мне в лицо, — со смехом сказала она.

— Это вы без конца толкали меня локтями, — возмущенно отвечал Жербер.

Она не без грусти представляла себе возможность пережить завтра похожее пробуждение. В палатке, сжавшись в узком пространстве, она чувствовала себя защищенной жесткостью земли, неудобством и деревянным колышком, отделявшим ее от Жербера. Однако она знала, что сейчас у нее недостанет духа устроить свою постель вдали от него. Бесполезно было пытаться опять относиться с легкостью к смутной тоске, одолевавшей ее все эти дни. В течение двух часов молчаливого восхождения тоска непрестанно возрастала и превратилась в удушающее желание. Этой ночью, пока Жербер будет невинно спать, она станет понапрасну грезить, сожалеть и страдать.

— Вам не кажется, что здесь кафе? — спросил Жербер.

На стене дома висело красное объявление, на котором большими буквами значилось слово

Byrrh[13], а над дверью был прикреплен пучок высохших веток.

— Похоже на то, — ответила Франсуаза.

Поднявшись по трем ступеням, они вошли в большое теплое помещение, где пахло супом и хворостом. Сидевшие на скамье две женщины чистили картошку, а за столом перед стаканами красного вина расположились трое мужчин.

— Дамы и господа, — произнес Жербер.

Все взгляды обратились к нему. Он подошел к двум женщинам.

— Будьте любезны, нельзя ли чего-нибудь поесть?

Женщины с недоверием взглянули на него.

— Вы вот так пришли издалека? — спросила старшая из двух.

— Мы поднялись от Бюрзе, — ответила Франсуаза.

— Неблизкий путь, — заметила другая женщина.

— Поэтому мы и проголодались, — добавила Франсуаза.

— Но вы не из Бюрзе, — продолжала старуха с осуждающим видом.

---

**[13] notes: 13**
Разновидность вермута.

— Нет, мы из Парижа, — сказал Жербер.

Наступило молчание; женщины вопросительно обменялись взглядами.

— Дело в том, что у меня мало что есть для вас, — призналась старуха.

— У вас нет яиц? Или куска пирога? Чего-нибудь, неважно… — сказала Франсуаза.

Старуха пожала плечами.

— Яйца, да, яйца есть. — Она встала и вытерла руки своим синим фартуком. — Пройдите, пожалуйста, сюда, — словно нехотя произнесла она.

Они последовали за ней в комнату с низким потолком, где пылал дровяной огонь; это походило на добротную провинциальную гостиную с круглым столом, комодом, заваленным безделушками, и креслами с оранжевыми атласными подушками с аппликациями из черного бархата.

— Будьте любезны, принесите нам сразу же бутылку красного вина, — попросил Жербер. Он помог Франсуазе снять ее рюкзак и положил свой.

— Мы здесь как короли, — сказал он с довольным видом.

— Да, здесь очень удобно, — согласилась Франсуаза, подойдя к огню.

Она прекрасно знала, чего не хватало этому

радушному вечеру; если бы только она могла коснуться руки Жербера, с неприкрытой нежностью улыбнуться ему, тогда огонь, запах ужина, а еще черные бархатные кошки и клоуны весело нашли бы место в ее сердце. Но все это не трогало ее, и находиться здесь казалось ей почти нелепым.

Хозяйка вернулась с бутылкой густого столового вина.

— У вас нет ли случайно сарая, где мы могли бы провести ночь? — спросил Жербер.

Поставив приборы на клеенку, женщина подняла голову.

— Не станете же вы спать в сарае? — с негодующим видом сказала она. Потом задумалась. — Не повезло, у меня нашлась бы комната, но только что вернулся мой сын, который уезжал — работал кондуктором.

— Нам будет отлично на сене, если только это вам не помешает, — сказала Франсуаза. — У нас есть одеяла. — Она показала на рюкзаки. — Но очень холодно, чтобы ставить палатку.

— Мне-то это не помешает, — ответила женщина. Она вышла из комнаты и принесла дымящуюся супницу. — Это вас все-таки немного согреет, — любезным тоном сказала она.

Жербер наполнил тарелки, и Франсуаза села

напротив него.

— Она смягчилась, — сказал Жербер, когда они остались одни. — Все складывается к лучшему.

— К лучшему, — убежденно повторила Франсуаза.

Она украдкой взглянула на Жербера: освещавшая его лицо радость походила на нежность; правда ли, что он недосягаем? Или же она просто никогда не решалась протянуть к нему руку? Кто ее удерживал? Конечно, не Пьер и не Ксавьер; она ничего больше не должна Ксавьер, которая, впрочем, собиралась предать Жербера. Они были одни на вершине иссеченного ветрами холма, отделенные от остального мира, и их история не касалась никого, кроме них.

— Я собираюсь сделать одну вещь, которая вам не понравится, — угрожающим тоном произнес Жербер.

— Что же это? — спросила она.

— Я вылью вино в свой бульон. — Свои слова он подтвердил жестом.

— Это, должно быть, отвратительно, — заметила Франсуаза.

Жербер поднес ко рту ложку кровавого цвета жидкости.

— Это восхитительно, — сказал он. — Попро-

буйте.

— Ни за что на свете, — отвечала Франсуаза.

Она выпила глоток вина; ее ладони стали влажными. Она всегда пренебрегала своими мечтами, желаниями, но теперь ее приводило в ужас это тусклое благоразумие; почему она не решалась хотеть того, чего желала?

— Вид с холма открывается замечательный, — сказала она. — Думаю, что завтра у нас будет отличный день.

Жербер бросил на нее косой взгляд.

— Вы опять заставите нас подняться на заре?

— Не жалуйтесь, тот, кто относится к делу серьезно, с пяти часов утра уже на вершинах.

— Это безумец, — возразил Жербер. — А я до восьми часов неживой.

— Знаю, — отвечала Франсуаза. Она улыбнулась. — Ну а если вы отправитесь в Грецию, в путь там придется пускаться до рассвета.

— Да, но тогда спят днем, — сказал Жербер. Он задумался. — Мне хотелось бы, чтобы это не сорвалось. Я имею в виду гастрольную поездку.

— Если сохранится напряженность, боюсь, все провалится, — сказала Франсуаза.

Жербер решительно отрезал себе большой кусок хлеба.

— В таком случае я найду выход. В следующем году я не останусь во Франции. — Лицо его оживилось. — Говорят, на острове Маврикий золото можно грести лопатой.

— Почему на острове Маврикий?

— Это Рамблен мне сказал; там полно богатых типов, которые готовы заплатить сколько угодно, чтобы их немного развлекли.

Дверь отворилась, и вошла хозяйка, неся огромный омлет с картошкой.

— Какая роскошь, — сказала Франсуаза. Положив себе, она передала блюдо Жерберу. — Держите, я оставляю вам самый большой кусок.

— Все это мне?

— Все вам.

— Это по-честному, — сказал Жербер.

Она бросила на него быстрый взгляд.

— Разве я не всегда была с вами честной? — спросила она. В ее голосе звучала смелость, которая ее смутила.

— Всегда, надо это признать, — не моргнув, ответил Жербер.

Франсуаза мяла пальцами катышек хлебного мякиша. Что требовалось, так это неустанно цепляться за то решение, перед которым она вдруг очутилась; она не знала, каким образом, но что-то

должно было случиться до завтрашнего дня.

— Вам хотелось бы ненадолго уехать? — спросила она.

— На год или на два, — отвечал Жербер.

— Ксавьер смертельно обидится на вас, — вероломно сказала Франсуаза. И, катая по столу серый шарик, непринужденным тоном добавила: — Вас огорчит расстаться с ней?

— Напротив, — порывисто ответил Жербер.

Франсуаза опустила голову, внутри нее произошла такая сильная вспышка света, что она испугалась, как бы это не стало видно снаружи.

— Почему? Она настолько тяготит вас? Я думала, что вы все-таки немного привязаны к ней.

Она была довольна, думая, что по возвращении из этого путешествия Жербер не будет страдать, если Ксавьер порвет с ним. Однако это вовсе не было причиной той неподобающей радости, которая вспыхнула в ней.

— Она не тяготит меня, если я думаю, что вскоре это кончится, — сказал Жербер. — Но время от времени я спрашиваю себя, не так ли начинаются сожительства: это было бы ужасно.

— Даже если бы вы любили женщину? — спросила Франсуаза.

Она протянула ему свой стакан, который он на-

полнил до краев. Теперь ее охватила тревога. Он был тут, напротив нее, один, без привязанностей, совершенно свободный. Но его молодость, уважение, которое он всегда питал к Пьеру и к ней, не позволяли ожидать от него никакого жеста. Если Франсуаза хотела, чтобы что-то произошло, она могла рассчитывать лишь на себя.

— Я не думаю, что когда-нибудь полюблю какую-то женщину, — сказал Жербер.

— Почему? — спросила Франсуаза. Она была до того напряжена, что рука ее дрожала. Наклонившись, она выпила глоток, не касаясь стакана пальцами.

— Я не знаю, — ответил Жербер. Он заколебался. — С девчонками ничего нельзя: ни прогуляться, ни напиться — ничего. Они не понимают шуток, и, потом, с ними всегда требуется множество церемоний, все время чувствуешь себя виноватым. — И он убежденно добавил: — Мне нравится, когда с людьми я могу быть именно таким, какой я есть.

— Со мной не стесняйтесь, — сказала Франсуаза.

Жербер громко рассмеялся.

— О, вы! Вы — как мужчина! — с симпатией сказал он.

— Это верно, вы никогда не принимали меня за женщину, — заметила Франсуаза.

Она почувствовала на своих губах странную улыбку. Жербер с любопытством взглянул на нее. Отвернувшись, она допила свой стакан. Она плохо взялась за дело, ей было стыдно прибегать с Жербером к неловкому кокетству. Уж лучше было бы откровенно продолжить: вас очень удивит, если я предложу вам переспать со мной? Или что-то в таком роде. Однако губы ее отказывались произнести эти слова. Она показала на пустое блюдо.

— Вы полагаете, она даст нам еще что-то? — спросила она. Голос ее звучал не так, как ей хотелось бы.

— Я не думаю, — ответил Жербер.

Молчание слишком затягивалось, в воздухе повеяло чем-то двусмысленным.

— Во всяком случае, можно попросить еще вина, — сказала она.

И снова Жербер взглянул на нее с некоторым беспокойством.

— Полбутылки, — сказал он. Франсуаза улыбнулась. Ему нравились простые ситуации. Догадался ли он, почему ей понадобилось прибегнуть к опьянению?

— Мадам, будьте любезны, — позвал Жербер.

Вошла старуха и поставила на стол кусок вареной говядины с овощами.

— Чего вы хотели бы после? Сыра? Конфитюра?

— Думаю, есть нам больше не захочется, — отвечал Жербер. — Принесите нам, пожалуйста, еще немного вина.

— Почему эта безумная старуха сначала стала говорить, что у нее нечего есть? — спросила Франсуаза.

— Местные люди часто бывают такими, — заметил Жербер. — Думаю, они не слишком заинтересованы в том, чтобы заработать двадцать франков, и говорят себе, что им причинят беспокойство.

— Наверное, что-то в этом роде, — согласилась Франсуаза.

Женщина вернулась с бутылкой. Поразмыслив, Франсуаза решила не пить больше одного или двух стаканов. Ей не хотелось, чтобы Жербер мог приписать ее поведение мимолетному помутнению.

— Словом, — продолжала она, — вы упрекаете любовь в том, что с ней чувствуешь себя стесненно. Но не думаете ли вы, что жизнь обеднеет, если

отказаться от всяких отношений с людьми?

— Но есть иные глубокие отношения, кроме любви, — с живостью возразил Жербер. — Дружбу я ставлю гораздо выше. Я вполне удовольствовался бы жизнью, в которой существовали бы лишь дружеские отношения.

Он с какой-то настойчивостью смотрел на Франсуазу. Хотелось ли и ему тоже заставить ее что-то понять? Что дружеские чувства, которые он испытывал к ней, были настоящие и что она была ему дорога? Он редко так много говорил о себе: в этот вечер его отличала какая-то особая приветливость.

— По сути, я никогда не смогу полюбить того, к кому не буду сначала испытывать дружеских чувств, — сказала Франсуаза. Она употребила фразу в настоящем времени, но придала ей безучастное, утвердительное звучание. Ей хотелось бы что-то добавить, однако ни одна из фраз, висевших у нее на языке, не могла сорваться с него. Под конец она сказала: — Просто дружба, я нахожу это невыразительным.

— Я так не считаю, — сказал Жербер. Он немного ощетинился; он думал о Пьере, о том, что нельзя дорожить кем-то больше, чем он дорожил Пьером.

— Да, в сущности, вы правы, — сказала Франсуаза.

Положив вилку, она пошла и села у огня; Жербер тоже встал и, взяв возле камина толстое круглое полено, ловко положил его на подставку для дров.

— Теперь вы закурите добрую трубку, — сказала Франсуаза. И, не скрывая порыва нежности, добавила: — Мне нравится, когда вы курите трубку.

Она протянула руку к огню; ей было хорошо, этим вечером между ней и Жербером установилась почти объявленная дружба, зачем требовать чего-то большего? Он слегка наклонил голову, и огонь золотил его лицо. Сломав сухую хворостинку, Франсуаза бросила ее в очаг. Ничто не могло уже убить охватившее ее желание держать эту голову в своих руках.

— Что будем делать завтра? — спросил Жербер.

— Мы поднимемся на Жербье-де-Жонк, потом на Мезено. — Встав, она порылась в своем рюкзаке. — Я не знаю в точности, где лучше спускаться. — Она разложила на полу карту, открыла путеводитель и сама растянулась рядом.

— Хотите посмотреть?

— Нет, я доверяю вам, — отозвался Жербер.

Она рассеянно взглянула на сеть мелких дорог,

окаймленных зеленью и утыканных синими пятнами, обозначавшими места обзора; что будет завтра? На карте ответа не было. Ей не хотелось, чтобы это путешествие закончилось в сожалениях, которые теперь обернулись бы угрызениями и ненавистью к ней самой: она заговорит. Но доставит ли Жерберу удовольствие целовать ее? Возможно, он об этом никогда не думал; она не вынесет, если он уступит ей из вежливости. Кровь бросилась ей в лицо; она вспомнила Элизабет: женщина, которая берет; эта мысль приводила ее в ужас. Она подняла глаза на Жербера и немного успокоилась. Он был слишком привязан к ней и слишком уважал ее, чтобы втайне смеяться над ней; что требовалось, так это умело подготовить ему возможность откровенного отказа. Но как за это взяться?

Она вздрогнула. Перед ней стояла более молодая из двух женщин, размахивая большой ветрозащитной лампой, которую держала в руках.

— Если хотите пойти спать, я провожу вас, — сказала она.

— Да, большое спасибо, — ответила Франсуаза.

Жербер взял оба рюкзака, и они вышли из дома. Стояла кромешная тьма, и дул резкий ветер; дро-

жащий круг света освещал перед ними топкую местность.

— Не знаю, хорошо ли вам будет, — сказала женщина. — Одно окно разбито, и, потом, коровы рядом шумят в хлеву.

— О! Нам это не помешает, — ответила Франсуаза.

Женщина остановилась и толкнула тяжелую деревянную дверь. Франсуаза с радостью вдохнула запах сена; это был очень просторный сарай, среди мельничных жерновов виднелись поленья, ящики, ручная тележка.

— Спички-то у вас хоть есть? — спросила женщина.

— Нет, у меня фонарик, — ответил Жербер.

— Тогда спокойной ночи, — сказала она.

Жербер закрыл дверь и повернул ключ.

— Где мы устроимся? — спросила Франсуаза.

Скудным кругом света Жербер провел по полу и стенам.

— В углу, в глубине, как вы думаете? Слой сена толстый, и мы окажемся далеко от двери.

Они продвигались с осторожностью. У Франсуазы пересохло в горле. Теперь или никогда. У нее оставалось около десяти минут, поскольку Жербер сразу засыпал как убитый, а она понятия

не имела, с чего начать разговор.

— Вы слышите, какой ветер? — сказал Жербер. — Здесь нам будет лучше, чем в палатке. — Стены сарая дрожали под порывами ветра; рядом корова тряхнула своими путами, ударила ногой в перегородку.

— Вот увидите, какое прекрасное сооружение я оборудую, — заметил Жербер.

Он поставил фонарик на доску и аккуратно разложил трубку, часы, бумажник. Франсуаза достала спальный мешок и фланелевую пижаму. Она отошла на несколько шагов и переоделась в тени. В голове у нее не было ни одной мысли, только это суровое предписание, колом стоявшее в желудке. У нее не оставалось времени придумывать обходной путь, но она не отступалась: если фонарик погаснет до того, как она заговорит, она окликнет его: «Жербер!» — и одним духом скажет: «Вы никогда не думали, что мы могли бы спать вместе?» Что произойдет после, уже не имело значения; у нее было одно желание: освободиться от этого наваждения.

— Как вы изобретательны, — заметила она, возвращаясь к свету.

Жербер расположил спальные мешки рядом и соорудил подушки, набив сеном два свитера. Он

отошел, и Франсуаза наполовину скользнула в свой спальный мешок. Сердце ее громко стучало. На мгновение у нее появилось желание все бросить и укрыться во сне.

— До чего хорошо на сене, — сказал Жербер, укладываясь рядом с ней. Он поставил фонарик на балку позади них. Франсуаза взглянула на него, и снова ее охватило мучительное желание ощутить его губы на своих губах.

— У нас был замечательный день, — продолжал он. — Здесь хороший край.

Улыбаясь, он лежал на спине и, казалось, не слишком торопился заснуть.

— Да, мне очень понравились ужин и пылающий огонь, возле которого мы беседовали, как старики.

— Почему как старики? — спросил Жербер.

— Мы говорили о любви, дружбе как люди степенные, которые уже вне игры.

В ее голосе звучала обиженная насмешка, не ускользнувшая от Жербера; он бросил на нее смущенный взгляд.

— Вы наметили прекрасные планы на завтра? — спросил он после недолгого молчания.

— Да, это было несложно, — отвечала Франсуаза.

Она отступилась; без неудовольствия она почувствовала, что атмосфера сгущается. Жербер сделал новое усилие.

— То озеро, о котором вы говорили, приятно будет, если сможем в нем искупаться.

— Наверняка сможем, — сказала Франсуаза.

Она замкнулась в упорном молчании. Обычно разговор между ними никогда не прекращался. Жербер в конце концов что-то почувствовал.

— Посмотрите, что я умею делать, — внезапно сказал он.

Подняв над головой руки, он пошевелил пальцами. На противоположной стене фонарь отразил смутный профиль животного.

— Как вы искусны! — сказала Франсуаза.

— Еще я могу изображать судью, — продолжал Жербер.

Теперь она была уверена, что он пытается скрыть смущение. С комком в горле она смотрела, как он старательно изображает тени зайца, верблюда, жирафа. Истощив свои ресурсы, он опустил руки.

— Китайские тени — это прекрасно, — словоохотливо продолжал он. — Почти так же прекрасно, как куклы. Вы никогда не видели фигуры, которые нарисовал Беграмян? Вот только

нам не хватало сценария; на будущий год мы попробуем возобновить это.

Он вдруг умолк — не мог больше притворяться, будто не замечает, что Франсуаза его не слушает. Перевернувшись на живот, она не спускала глаз с фонаря, свет которого тускнел.

— Батарейка садится, — произнес он. — Фонарь скоро погаснет.

Франсуаза ничего не ответила, несмотря на холодную струю воздуха из разбитого окна, она была вся в поту. Ей казалось, что она остановилась над пропастью, не в силах ни продвигаться вперед, ни отступить; у нее не было ни мыслей, ни желания, и внезапно ситуация показалась ей просто нелепой. Она нервно улыбнулась.

— Чему вы улыбаетесь? — спросил Жербер.

— Ничему, — ответила Франсуаза.

Губы ее начали дрожать; всей душой она призывала этот вопрос, а теперь испугалась.

— Вы о чем-то подумали? — спросил Жербер.

— Нет, — отвечала она, — ни о чем.

Внезапно слезы выступили у нее на глазах, нервы ее были на пределе. Теперь она слишком много всего сделала, и Жербер сам заставит ее говорить, и, возможно, такая приятная дружба, существовавшая между ними, будет испорчена

навсегда.

— Впрочем, я знаю, о чем вы подумали, — вызывающим тоном заявил Жербер.

— О чем же? — спросила Франсуаза.

Жербер надменно махнул рукой:

— Я этого не скажу.

— Скажите, — попросила Франсуаза, — а я скажу вам, так ли это.

— Нет, скажите первой, — настаивал Жербер.

Мгновение они смотрели друг на друга, как два врага. Франсуаза собралась с духом, и слова наконец слетели с ее губ.

— Я смеялась, задаваясь вопросом, что за вид у вас будет, у вас, кто не любит осложнений, если я предложу вам спать со мной.

— А мне казалось, будто вы думаете, что я хочу поцеловать вас, и не решаюсь, — сказал Жербер.

— Я никогда не предполагала, что вы хотите поцеловать меня, — высокомерно отвечала Франсуаза. Наступило молчание, в висках у нее стучало. Ну вот и все, она свое сказала. — Так что отвечайте: какой вид у вас был бы? — продолжала она.

Жербер весь сжался, он не спускал глаз с Франсуазы, и на его лице отразилась настороженность.

— Не то чтобы мне не понравилось, — прого-

ворил он. — Но это вызвало бы у меня большую робость.

Франсуаза перевела дух и сумела мило улыбнуться.

— Искусный ответ, — сказала она, голос ее окреп. — Вы правы, это было бы неестественно и тягостно.

Она протянула руку к фонарю. Надо было как можно скорее погасить свет и погрузиться во тьму; она наверняка расплачется, но по крайней мере избавится от этого наваждения. Все, чего она опасалась, — так это того, что их пробуждение утром будет волнительным.

— Спокойной ночи, — сказала она.

С отчаянным и нерешительным видом Жербер упорно смотрел на нее.

— Я был уверен, что перед отъездом в путешествие вы держали пари с Лабрусом, что я попытаюсь поцеловать вас.

Рука Франсуазы опустилась.

— Я не настолько самоуверенна, — отозвалась она. — Я прекрасно знаю, что вы принимаете меня за мужчину.

— Это неправда, — возразил Жербер. Его порыв вдруг угас, и снова тень сомнения прошла по его лицу. — Меня привело бы в ужас стать в

вашей жизни тем же, что такие, как Канзетти, для Лабруса.

Франсуаза заколебалась.

— Вы хотите сказать — иметь со мной отношения, к которым я отнеслась бы с легкостью?

— Да, — согласился Жербер.

— Но я никогда ни к чему не отношусь с легкостью, — возразила Франсуаза.

Жербер с сомнением посмотрел на нее.

— Я думал, что вы это заметили, и это вас забавляло, — сказал он.

— Заметила что?

— Что мне хотелось поцеловать вас — той ночью в сарае и вчера на берегу ручья. — Он собрался с силами и с какой-то злостью добавил: — Я решил, что, вернувшись в Париж, я поцелую вас на перроне. Только я думал, что вы рассмеетесь мне в лицо.

— Я! — воскликнула Франсуаза. Теперь щеки ее пылали от радости.

— И вообще я много раз этого хотел. Мне хотелось бы вас поцеловать.

С затравленным видом он съежился в спальном мешке. Измерив взглядом расстояние, отделявшее их друг от друга, она решилась:

— Ну что ж, сделайте это, глупый, милый Жер-

бер, — сказала она, подставив ему губы.

Через несколько мгновений Франсуаза с изумленной осторожностью коснулась этого молодого, гладкого и крепкого тела, которое долго казалось ей неприкасаемым; на сей раз она не грезила; она действительно ощущала его наяву. Жербер гладил ее спину, затылок, затем его рука замерла на голове.

— Мне так нравится форма вашей головы, — прошептал Жербер и добавил тоном, какого она от него не слышала: — Мне так странно обнимать вас.

Фонарь погас, по-прежнему свирепствовал ветер, и разбитое стекло не препятствовало холодному дуновению. Франсуаза прижалась щекой к плечу Жербера, успокоившись подле него, не чувствуя напряжения. Она не испытывала больше смущения говорить с ним.

— Знаете, — сказала она, — не только из чувственности, но, главное, из нежности мне хотелось быть в ваших объятиях.

— Это правда? — радостно отозвался Жербер.

— Конечно, правда. Вы никогда не ощущали, что я относилась к вам с нежностью?

Пальцы Жербера сжали ее плечо.

— Это… это меня радует, — сказал он. — Это…

это действительно радует меня.

— Но разве это не бросалось в глаза? — спросила Франсуаза.

— Вовсе нет, — отвечал Жербер. — Вы казались такой сухой. И мне бывало даже тяжело, когда я видел, с каким видом вы смотрите на Лабруса или на Ксавьер: я говорил себе, что в отношении меня у вас никогда не будет такого выражения.

— Это вы говорили со мной жестко, — сказала Франсуаза.

Жербер прильнул к ней.

— А между тем я всегда очень сильно любил вас, даже очень, очень сильно.

— Вы хорошо это скрывали, — заметила Франсуаза. Она прикоснулась губами к его векам с длинными ресницами. — В первый раз у меня появилось желание вот так взять руками эту голову в моем кабинете, накануне возвращения Пьера. Помните? Вы спали на моем плече, вы даже не думали обо мне, и все-таки я была рада знать, что вы рядом.

— О! Я не совсем спал, — признался Жербер. — Мне тоже нравилось чувствовать вас рядом, только я думал, что вы подставляете мне свое плечо, как предложили бы подушку, — с удивлением добавил он.

— Вы ошибались, — сказала Франсуаза. Она провела рукой по мягким черным волосам. — А знаете, тот сон, о котором я вам рассказывала тогда в сарае, когда вы говорили мне во сне: ну нет, это не сон, это было бы слишком глупо, если бы не было правдой… Я солгала вам, я боялась пробуждения не потому, что мы прогуливались в Нью-Йорке, а потому что я была в ваших объятиях, вот как сейчас.

— Возможно ли это? — проговорил Жербер. Он понизил голос. — Утром я так боялся, что вы заподозрите меня в том, что в действительности я не спал, а лишь притворялся, чтобы иметь возможность прижать вас к себе. Это было нечестно, но мне так этого хотелось!

— Ну что ж! Я даже не подозревала об этом, — сказала Франсуаза. Она рассмеялась. — Мы еще долго могли бы играть в прятки. Я хорошо сделала, грубо обрушившись вам на голову.

— Вы? — удивился Жербер. — Вовсе вы не обрушились, вы ничего не хотели говорить.

— Вы полагаете, что это благодаря вам мы дошли до этого? — спросила Франсуаза.

— Я сделал не меньше вас. Я оставил гореть фонарь и поддерживал разговор, чтобы помешать вам заснуть.

— Какая смелость! — сказала Франсуаза. — Если бы вы знали, с каким видом вы смотрели на меня за ужином, когда я делала жалкие попытки.

— Я думал, что вы пьянеете.

Франсуаза прижалась щекой к его щеке.

— Я рада, что не пала духом, — призналась она.

— Я тоже, — сказал Жербер, — я тоже рад.

Горячими губами он припал к ее губам, и она почувствовала, как он тесно прижимается к ней.

Такси катило между каштанами бульвара Араго. Голубое небо над высокими домами было чистым, как в горах. С робкой улыбкой Жербер обнял Франсуазу за плечи. Она прислонилась к нему.

— Вы по-прежнему довольны? — спросила она.

— Да, я доволен, — ответил Жербер. Он доверчиво смотрел на нее. — Мне кажется, что вы действительно привязаны ко мне, и меня это радует. Поэтому мне почти все равно, что долгое время я вас больше не увижу. То, что я говорю, выглядит не слишком любезно, но на самом деле это очень хорошо.

— Я понимаю, — сказала Франсуаза.

К горлу подступило легкое волнение. Она вспомнила завтрак на постоялом дворе после

их первой ночи: улыбаясь, они смотрели друг на друга с радостным удивлением и некоторым смущением, в путь они тронулись, сцепившись пальцами, словно швейцарские новобрачные. В долине у подножия Жербье-де-Жонк Жербер сорвал темно-синий цветочек и подарил Франсуазе.

— Это глупо, — сказала она. — Этого не должно быть, но мне не нравится, что кто-то другой вечером будет спать рядом с вами.

— Мне тоже не нравится, — тихо сказал Жербер. И с каким-то отчаянием добавил: — Мне хотелось бы, чтобы только вы любили меня.

— Я вас очень сильно люблю, — отозвалась Франсуаза.

— Никогда ни одну женщину я не любил так, как вас, — сказал Жербер. — Ничего похожего, совсем ничего.

Слезы навернулись на глаза Франсуазы. Жербер нигде не укоренится и никогда никому не будет принадлежать. Но ей он без утайки отдавал все, что только мог отдать.

— Дорогой, милый мой Жербер, — целуя его, сказала она.

Такси остановилось. С минуту она смотрела на него помутившимся взглядом, не решаясь

отпустить его пальцы. Ее охватила физическая тревога, словно она должна была рывком броситься в глубокие воды.

— До свидания, — внезапно сказала она. — До завтра.

Она вошла в маленькую дверь театра.

— Месье Лабрус наверху?

— Наверняка. Он даже еще не звонил, — ответила консьержка.

— Принесите, пожалуйста, два кофе с молоком и тосты.

Она пересекла двор. Сердце ее полнилось недоверчивой надеждой. Письмо было написано три дня назад, Пьер мог передумать. Однако это было в его характере: отказавшись однажды от какой-то вещи, он полностью отрешался от нее. Франсуаза постучала.

— Войдите, — послышался сонный голос.

Она включила свет. Пьер открыл покрасневшие глаза. Он утопал в простынях, и у него был блаженный, ленивый вид огромной личинки.

— Похоже, ты спал, — весело сказала Франсуаза.

Она села на край кровати и поцеловала его.

— Какой ты теплый. У меня возникает желание лечь.

Вытянувшись во весь свой рост на полке вагона, она хорошо выспалась, но эти белые простыни казались такими уютными.

— Как я рад, что ты здесь! — сказал Пьер. Он протер глаза. — Подожди, я сейчас встану.

Она подошла к окну и раздвинула шторы, пока он облачался в великолепный халат красного бархата, скроенный, как театральный костюм.

— Ты хорошо выглядишь, — заметил Пьер.

— Я отдохнула, — сказала Франсуаза. Она улыбнулась. — Ты получил мое письмо?

— Да. — Пьер тоже улыбнулся. — Знаешь, я не так уж удивился.

— Меня поразило не столько то, что я спала с Жербером, — сказала Франсуаза. — Главное то, как он, похоже, привязан ко мне.

— А ты? — с нежностью спросил Пьер.

— Я тоже, — призналась Франсуаза. — Я очень к нему привязана. И к тому же меня радует то, что наши отношения, став такими глубокими, сохранили при этом всю свою легкость.

— Да, это хорошо, — сказал Пьер. — Это удача для него, как и для тебя.

Он улыбался, но в голосе его проскальзывала тень настороженности.

— Ты не видишь в этом ничего предосудитель-

ного? — спросила Франсуаза.

— Конечно нет, — отвечал Пьер.

В дверь постучали.

— Ваш завтрак. — Консьержка поставила поднос на стол.

Франсуаза схватила кусок поджаренного хлеба; он был хрустящий сверху и мягкий внутри; она намазала его маслом и наполнила чашки кофе с молоком.

— Настоящий кофе с молоком, — сказала она. — Настоящие тосты. Это очень приятно. Если бы ты видел то черное месиво, которое готовил нам Жербер.

— Упаси меня Бог, — отозвался Пьер. Вид у него был озабоченный.

— О чем ты думаешь? — с некоторым беспокойством спросила Франсуаза.

— О, ни о чем, — ответил Пьер. Он заколебался. — Если я немного озадачен, то это из-за Ксавьер. То, что происходит, скверно для нее.

У Франсуазы кровь застыла в жилах.

— Ксавьер! — произнесла она. — Но я не прощу себе больше, если чем-то пожертвую для нее.

— О! Не подумай, что я позволю себе в чем-то тебя упрекать, — поспешно сказал Пьер. — Но что касается меня, я как раз только что склонил

ее построить с Жербером настоящие прочные отношения.

— Разумеется, это некстати, — с усмешкой заметила Франсуаза. Она в упор взглянула на него. — Как у тебя обстоят дела с ней? Как все прошло?

— О! Все очень просто, — ответил Пьер. На мгновение он заколебался. — Когда я расстался с тобой — помнишь, — я хотел заставить ее порвать с Жербером. Но как только мы заговорили о нем, я почувствовал более сильное сопротивление, чем предполагал; что бы она там ни говорила, она очень им дорожит. Это заставило меня усомниться. Если бы я настаивал, то, думаю, убедил бы ее. Но я задался вопросом, действительно ли я этого хочу.

— Да, — вымолвила Франсуаза.

Она пока не осмеливалась верить обещаниям этого разумного голоса, этому внушающему доверие лицу.

— В первый раз, когда я снова ее увидел, то был потрясен. — Пьер пожал плечами. — А потом, когда я получил ее в свое распоряжение с вечера до утра — раскаявшуюся, исполненную добрых намерений, почти влюбленную, она вдруг утратила всякое значение в моих глазах.

— У тебя все-таки неважный характер, — весело заметила Франсуаза.

— Нет, — возразил Пьер. — Понимаешь, если бы она безоглядно бросилась в мои объятия, я наверняка был бы взволнован; возможно, впрочем, также, я вошел бы в азарт, если бы она оставалась настороже. Но я видел ее такой жаждущей вновь завоевать меня и в то же время такой озабоченной тем, чтобы ничем не пожертвовать ради меня, и это внушило мне слегка брезгливую жалость.

— И что? — спросила Франсуаза.

— Какое-то время у меня все-таки было искушение упорствовать, — продолжал Пьер. — Однако я испытывал такое безразличие к ней, что это показалось мне нечестным: в отношении нее, тебя, в отношении Жербера. — На мгновение он умолк. — И потом, когда истории приходит конец, это конец, — сказал он, — ничего не поделаешь. Ее связь с Жербером, сцена, которая произошла между нами, то, что я подумал о ней и о себе, — все это непоправимо. Уже в первое утро в «Доме», когда она снова поддалась приступу ревности, я пришел в уныние при мысли, что все опять начнется сначала.

Франсуаза без возмущения приняла недоб-

рую радость, всколыхнувшую ее сердце. Совсем недавно ей дорого обошлось желание сохранить чистоту своей души.

— Но ты все-таки продолжаешь встречаться с ней? — спросила она.

— Разумеется, — ответил Пьер. — Решено было даже, что отныне нас связывает неизбывная дружба.

— Она не рассердилась на тебя, когда узнала, что ты не увлечен больше ею?

— О! Я проявил ловкость, — отозвался Пьер. — Я сделал вид, будто устраняюсь с сожалением, но в то же время убеждал ее, раз ей претит пожертвовать Жербером, полностью отдаться этой любви. — Он взглянул на Франсуазу. — Знаешь, я вовсе не желаю ей больше зла. Как ты сказала мне однажды, у меня нет права брать на себя роль судьи. Если она провинилась, то ведь на мне тоже есть вина.

— Мы все виноваты, — заметила Франсуаза.

— Мы с тобой без потерь преодолели этот опыт. Мне хотелось бы, чтобы и она удачно его преодолела. — В задумчивости Пьер впился зубами в ноготь. — Ты немного нарушила мои планы.

— Не повезло, — равнодушно ответила Франсуаза. — Но ей следовало всего лишь не выражать

такого презрения к Жерберу.

— Разве тебя это остановило бы? — с нежностью спросил Пьер.

— Он больше бы дорожил ею, прояви она больше искренности, — сказала Франсуаза. — Это сильно бы все изменило.

— Наконец, что сделано, то сделано, — сказал Пьер. — Только следует поостеречься, чтобы она ничего не заподозрила. Ты отдаешь себе отчет? Ей осталось бы лишь броситься в воду.

— Она ничего не заподозрит, — сказала Франсуаза.

У нее не было ни малейшего желания приводить Ксавьер в отчаяние — вполне можно было уделять ей ежедневную порцию успокаивающих обманов. Отвергнутой, обманутой, не ей теперь оспаривать у Франсуазы ее место в мире.

Франсуаза посмотрела на себя в зеркало. В конце концов, каприз, непримиримость, непревзойденный эгоизм — все эти надуманные ценности разоблачили свою слабость, и победу одержали старые отторгнутые ценности.

«Я выиграла», — торжествующе подумала Франсуаза.

Она снова существовала одна, без помех, в сердце собственной судьбы. Замкнутая в своем

пустом, иллюзорном мире, Ксавьер была теперь всего лишь бесполезным живым трепетанием.

## Глава XVII

Элизабет пересекла безлюдный отель и вышла в сад. Возле каменной горки с растениями, тень от которой окутывала их, сидели Пьер и Франсуаза. Он писал, она полулежала в шезлонге; никто из них не шелохнулся — живая картина, да и только. Элизабет застыла на месте: как только они ее заметят, все сразу изменится, не следовало обнаруживать себя, не разгадав их секрета. Пьер поднял голову и с улыбкой сказал Франсуазе несколько слов. Что он сказал? Рассматривать его белый спортивный свитер, загорелую кожу — это ничего не давало. За их жестами и выражением лиц истина их счастья по-прежнему была скрыта. Эта неделя ежедневной близости оставляла в сердце Элизабет такой же нерадостный привкус, как мимолетные встречи в Париже.

— Ваши чемоданы готовы? — спросила она.

— Да. Я зарезервировал два места в автобусе, — сказал Пьер. — У нас есть еще целый час.

Элизабет коснулась пальцем разложенных перед ним бумаг:

— Что это за сочинение? Ты начал писать роман?

— Это письмо Ксавьер, — с улыбкой ответила Франсуаза.

— Что ж, она не должна чувствовать себя позабытой, — сказала Элизабет. Ей не удавалось понять, почему вмешательство Жербера ничем не нарушило согласия трио. — Ты вернешь ее в этом году в Париж?

— Обязательно, — сказала Франсуаза, — если только действительно не будет бомбежек.

Элизабет посмотрела вокруг; сад нависал террасой над обширной зеленой и розовой долиной. Он был совсем крошечным; вокруг зеленых бордюров причудливая рука расположила раковины и огромные камни с неровными выступами; чучела птиц гнездились в сооружениях из раковин, а среди цветов сверкали металлические шары, стеклянные кабошоны, фигурки из блестящей бумаги. Война казалась такой далекой. Приходилось чуть ли не делать усилие, чтобы не забывать о ней.

— Ваш поезд будет набит битком, — заметила она.

— Да, все срочно уезжают, — сказал Пьер. — Мы последние постояльцы.

— Увы! — отозвалась Франсуаза. — Мне так нравился наш маленький отель.

Пьер положил свою руку на ее.

— Мы вернемся. Даже если начнется война, даже если она будет долгой, когда-нибудь она кончится.

— Как она кончится? — задумчиво произнесла Элизабет.

Смеркалось. Три французских интеллектуала размышляли средь тревожного покоя французской деревни перед лицом надвигавшейся войны. В своей обманчивой простоте это мгновение обладало величием некой страницы истории.

— А вот и полдник! — сказала Франсуаза.

Приближалась горничная с подносом, нагруженным пивом, вином, конфитюрами и печеньем.

— Тебе конфитюр или мед? — с воодушевлением спросила Франсуаза.

— Мне все равно, — с досадой отвечала Элизабет.

Можно было подумать, что они нарочно избегали серьезных разговоров. В конце концов, такого рода деликатность вызывала раздражение. Она взглянула на Франсуазу. В полотняном платье, с распущенными волосами, она выглядела очень молодо. Элизабет вдруг задалась вопросом, а не была ли восхищавшая в ней безмятежность в

какой-то мере проявлением легкомыслия.

— Нас ожидает странное существование, — сказала она.

— Я больше всего боюсь, как бы не пришлось смертельно скучать, — ответила Франсуаза.

— Напротив, это будет захватывающе, — возразила Элизабет.

Она не знала в точности, что будет делать; германо-советский пакт поразил ее в самое сердце. Однако она не сомневалась, что ее силы не будут растрачены впустую.

Откусив медовую тартинку, Пьер улыбнулся Франсуазе:

— Странно думать, что завтра утром мы будем в Париже, — заметил он.

— А я задаюсь вопросом, многие ли уже вернутся, — сказала Франсуаза.

— Во всяком случае, будет Жербер. — Лицо Пьера просияло. — Завтра вечером мы непременно пойдем в кино. Сейчас показывают множество новых американских фильмов.

Париж. На террасах Сен-Жермен-де-Пре женщины в легких платьях пили холодные оранжады; от Елисейских Полей до площади Этуаль красовались большие заманчивые фотографии. Скоро вся эта беспечная радость погаснет. Сердце Эли-

забет сжалось. Это Пьер внушил ей ужас перед легкомыслием, а сам между тем не проявлял такой строгости. Всю неделю она с раздражением чувствовала это: в то время как сама она жила, не отрывая от них глаз как от требовательных примеров для подражания, оба они преспокойно предавались своим капризам.

— Тебе надо заплатить по счету, — сказала Франсуаза.

— Иду, — ответил Пьер, вставая. — Ай, проклятые камушки. — Он подобрал свои сандалии.

— Почему ты всегда ходишь босиком? — спросила Элизабет.

— Он уверяет, что волдыри еще не прошли, — сказала Франсуаза.

— Это правда, — подтвердил Пьер. — Ты заставила меня столько ходить.

— У нас было прекрасное путешествие, — со вздохом сказала Франсуаза.

Пьер ушел. Через несколько дней они разлучатся. Пьер станет безвестным, одиноким солдатом в холщовой форме. Франсуаза увидит, как закроется театр, а друзья разойдутся кто куда. А Клод между тем будет томиться в Лиможе, вдали от Сюзанны. Элизабет вглядывалась в голубой горизонт, где растворялись розовость

и зелень долины. В трагическом свете истории люди лишались своей тревожащей тайны. Все было спокойно; весь мир целиком застыл, и в этом всеобщем ожидании Элизабет без боязни, без устремлений ощущала себя созвучной этому вечеру. Ей казалось, что наконец-то ей была дарована долгая передышка, когда от нее ничего не будет требоваться.

— Ну вот, все улажено, — сказал Пьер. — Чемоданы в автобусе.

Он сел. С тронутыми солнцем щеками, в белом спортивном свитере, он тоже выглядел помолодевшим. Внезапно что-то неведомое, позабытое наполнило сердце Элизабет. Он уедет. Вскоре он окажется далеко, в глубине недосягаемой, опасной зоны, и долгое время она его не увидит. Почему она не сумела воспользоваться его присутствием?

— Возьми печенье, — предложила Франсуаза. — Оно очень хорошее.

— Спасибо, — отвечала Элизабет. — Я не голодна.

Пронзившая ее мучительная боль не походила на те, к которым она привыкла; это было что-то немилосердное, непоправимое. «А если я никогда больше его не увижу?» — подумалось ей. Она

почувствовала, что побледнела.

— Ты должен явиться в свою часть в Нанси? — спросила она.

— Да, это не очень опасное место, — сказал Пьер.

— Но ты ведь не навечно там останешься. Надеюсь, ты не станешь чересчур геройствовать?

— Доверься мне, — со смехом отвечал Пьер.

Элизабет смотрела на него с тревогой. Он мог умереть. «Пьер. Мой брат. Я не дам ему уехать, не сказав… Что ему сказать?» Этот сидевший напротив нее насмешливый человек не нуждался в ее нежности.

— Я буду посылать тебе прекрасные письма, — сказала она.

— Верно, я буду получать письма, — отозвался Пьер. — Это так приятно.

Он улыбался с ласковым видом, без всякой задней мысли; в течение этой недели у него часто бывало такое выражение лица. Почему она так недоверчива? Почему она навсегда утратила все радости дружеских отношений? Чего она искала? К чему эта борьба и эта ненависть? А Пьер все говорил.

— Знаешь, — сказала Франсуаза, — нам лучше пойти.

— Пошли, — согласился Пьер.

Они встали. Чувствуя комок в горле, Элизабет последовала за ними. «Я не хочу, чтобы у меня его отняли», — в отчаянии подумала она. Элизабет шла рядом с Пьером, не решаясь даже взять его за руку. Почему искренние слова, жесты сделались для нее невозможными? Непосредственные порывы ее сердца казались ей теперь необычными. А она, чтобы спасти его, отдала бы собственную жизнь.

— Сколько народа! — сказала Франсуаза.

Вокруг маленького сверкающего автобуса теснилась толпа. Водитель стал на крыше среди чемоданов, сумок и ящиков; какой-то мужчина, взобравшись на приставную лестницу, протягивал ему велосипед. Франсуаза прильнула к окну.

— Наши места в сохранности, — с удовлетворением сказала она.

— Боюсь, вы будете путешествовать в особой зоне, — заметила Элизабет.

— Нас заранее клонит ко сну, — ответил Пьер.

Они кружили вокруг маленького автобуса. Осталось всего несколько минут. «Всего одно слово, один жест, чтобы он знал… Я не осмелюсь». Разве все не могло быть иначе? Разве не могла она все эти годы с доверием и радостью жить

рядом с ними, вместо того чтобы защищаться от воображаемой опасности?

— По местам, — крикнул шофер.

«Слишком поздно», — в растерянности подумала Элизабет. Чтобы броситься к Пьеру и упасть в его объятия, следовало стереть в порошок ее прошлое и всю ее целиком. Слишком поздно. Она уже не была хозяйкой настоящего момента. Даже лицо не слушалось ее.

— До встречи, — сказала Франсуаза.

Она обняла Элизабет и заняла свое место.

— До свидания, — сказал Пьер.

Он торопливо пожал руку сестре, с улыбкой взглянув на нее. Она почувствовала, как слезы выступают у нее на глазах; схватив его за плечи, она приложилась губами к его щеке.

— Будь очень осторожен, — сказала она.

— Не бойся, — ответил Пьер.

Он наспех поцеловал ее и поднялся в автобус; еще на мгновение его лицо показалось в открытом окне. Автобус тронулся. Он помахал рукой. Элизабет взмахнула носовым платком и, когда автобус исчез за насыпью, пошла прочь.

— Впустую, — прошептала она. — Все впустую.

Прижав к губам носовой платок, она бегом бросилась к отелю.

Широко открытыми глазами Франсуаза пристально смотрела на потолок. Рядом с ней, наполовину раздетый, спал Пьер. Франсуаза немного вздремнула, но на улице тьму прорезал громкий крик, и она проснулась: она так боялась кошмаров, что больше не сомкнула глаз. Шторы не были задернуты, и в комнату проникал лунный свет. Она не страдала, ни о чем не думала и лишь удивлялась, с какой легкостью бедствие занимает место в естественном течении ее жизни. Она наклонилась к Пьеру.

— Уже почти три часа, — сказала она.

Пьер застонал, потянулся. Она включила электричество. Пол в беспорядке устилали раскрытые чемоданы, наполовину заполненные рюкзаки, банки консервов, носки. Франсуаза взглянула на красные распустившиеся хризантемы на обоях, и ее охватила страшная тревога. Завтра все это с тем же безжизненным упорством будет лежать на том же месте; уже была установлена декорация, в которой будет проживаться отсутствие Пьера. До сих пор ожидаемая разлука оставалась пустой угрозой, однако эта комната стала реализовавшимся будущим; оно было здесь, полностью осуществившееся в своей непоправимой безутешности.

— У тебя действительно есть все, что нужно? — спросила она.

— Думаю, да, — ответил Пьер. Облачившись в свой самый старый костюм, он рассовал по карманам бумажник, авторучку, кисет.

— Как глупо, что мы не купили тебе походные башмаки, — сказала она. — Я знаю, что делать, я отдам тебе свои лыжные ботинки. Тебе они были хороши.

— Я не хочу отнимать у тебя твои несчастные ботинки.

— Ты купишь мне новые, когда мы вернемся к лыжному спорту, — с грустью сказала Франсуаза.

Она протянула ему ботинки, которые достала из глубины шкафа, потом сложила в рюкзак белье и провизию.

— Ты не берешь пенковую трубку?

— Нет, я оставлю ее для побывок, — ответил Пьер. — Береги ее хорошенько.

— Не беспокойся, — отозвалась Франсуаза.

Прекрасная золотистого цвета трубка покоилась в футляре, как в маленьком гробу. Франсуаза опустила крышку и закрыла все в шкафу. Она повернулась к Пьеру. Надев ботинки, он сидел на краю кровати и грыз ноготь, глаза его порозовели, а лицо приняло дурацкое выражение, которым

он иногда забавлялся прежде в некоторых своих играх с Ксавьер. Франсуаза стояла перед ним, не зная, что делать. Весь день они разговаривали, но теперь нечего было больше сказать. Он грыз ноготь, а она смотрела на него, раздраженная, смирившаяся, опустошенная.

— Ну что, пошли? — сказала она наконец.

— Пошли, — ответил Пьер.

Он закинул оба своих рюкзака за спину и вышел из комнаты. Франсуаза закрыла за ними дверь, в которую ему месяцами не суждено было больше входить, и на лестнице ноги у нее подкосились.

— У нас есть время выпить по стаканчику в «Доме», — сказал Пьер. — Только надо проявлять осторожность, найти такси будет нелегко.

Они вышли из отеля и в последний раз двинулись по столько раз пройденному пути. Луна зашла, и стало темно. Уже несколько ночей, как небо над Парижем погасло, на улицах оставалось лишь несколько желтых тусклых лампочек, свет от которых стлался на уровне земли. Розовый пар, некогда издалека возвещавший о перекрестке Монпарнас, рассеялся, однако террасы кафе еще слабо светились.

— С завтрашнего дня все закрывается в одиннадцать часов, — сказала Франсуаза. — Это

последняя довоенная ночь.

Они сели на террасе; кафе наполнялось людьми, шумами и дымом; какая-то группа очень молодых людей пела, в течение ночи откуда-то появилось множество офицеров в мундирах, группами они расположились за столиками; женщины приставали к ним со смешками, остававшимися без отклика. Последняя ночь, последние часы. Взволнованный звук голосов контрастировал с вялостью лиц.

— Жизнь здесь будет странной, — заметил Пьер.

— Да, — согласилась Франсуаза. — Я обо всем тебе расскажу.

— Только бы Ксавьер не слишком обременяла тебя. Возможно, нам не следовало так скоро возвращать ее.

— Нет, хорошо, что ты снова с ней встретился, — сказала Франсуаза. — Стоило ли, в самом деле, писать все эти длинные письма, чтобы разом разрушить весь их эффект. И потом, надо, чтобы в эти последние недели она была рядом с Жербером. Она не могла оставаться в Руане.

Ксавьер. Это стало всего лишь воспоминанием, адресом на конверте, незначительным фрагментом будущего; Франсуазе с трудом верилось, что

через несколько часов она увидит ее.

— Пока Жербер будет в Версале, ты наверняка сможешь время от времени видеться с ним, — сказал Пьер.

— За меня не беспокойся, — ответила Франсуаза. — Я всегда как-нибудь устроюсь.

Она положила свою руку на его. Он уезжает. Все остальное не в счет. Они долго молчали, глядя, как умирает мир.

— Я задаюсь вопросом, будет ли там толпа, — сказала Франсуаза.

— Не думаю, три четверти уже призваны, — ответил Пьер.

Какое-то время они побродили по бульвару, и Пьер окликнул такси.

— На вокзал Виллетт, — сказал он шоферу.

Они молча пересекли Париж. Гасли последние звезды. На губах Пьера застыла легкая улыбка, он не испытывал напряжения, скорее, у него был вид прилежного ребенка. Франсуаза ощущала лихорадочное спокойствие.

— Мы приехали? — с удивлением спросила она.

Такси остановилось на краю маленькой площади, круглой и безлюдной. Посреди центральной разделительной полосы стоял столб, рядом с ним

два жандарма в кепи с серебряными галунами. Пьер расплатился с такси и подошел к ним.

— Это здесь центр сбора? — спросил он, протягивая им военный билет.

Один из жандармов указал на клочок бумаги, прикрепленный к деревянному столбу.

— Вам нужно на Восточный вокзал, — сказал он.

Пьер выглядел озадаченным; он обратился к жандарму с одним из тех простодушных выражений, неожиданная наивность которых всегда до глубины души трогала Франсуазу.

— Я успею добраться туда пешком?

Жандарм рассмеялся.

— Специально для вас наверняка не будут раскочегаривать поезд, поэтому не стоит так спешить.

Пьер вернулся к Франсуазе. С двумя рюкзаками и в лыжных ботинках он выглядел на этой заброшенной площади таким маленьким и нелепым. Франсуазе показалось, что ей было недостаточно минувших десяти лет, чтобы дать ему понять, до какой степени она его любит.

— У нас еще есть маленькая отсрочка, — сказал он. И по его улыбке она увидела: он понял и знал все, что следовало знать.

Они пошли по маленьким улицам, на которых занималась заря. Было тепло, облака в небе окрашивались розовым светом. Можно было подумать, что это прогулка, такая же, как те, что они так часто совершали после больших ночных работ. Наверху, у лестниц, спускавшихся к вокзалу, они остановились; блестящие рельсы, послушно удерживаемые между асфальтовыми тротуарами, вдруг вырывались, путали пути и убегали в бесконечность. Некоторое время Пьер и Франсуаза смотрели на длинные плоские крыши поездов, выстроившихся у края платформы, где десять черных циферблатов с белыми стрелками показывали каждый половину шестого.

— Здесь наверняка соберется толпа, — с некоторой опаской сказала Франсуаза.

Она представила себе жандармов, офицеров и всю эту гражданскую сутолоку, которую видела на фотографиях в газетах. Однако вестибюль вокзала был почти пуст, не видно было ни одного мундира — только одиночные военнослужащие с рюкзаками за спиной да несколько семей, сидевших среди кучи тюков.

Пьер подошел к кассе, потом вернулся к Франсуазе.

— Первый поезд отходит в шесть двенадцать.

Я пойду садиться в шесть часов, чтобы занять сидячее место. — Он взял ее за руку. — Можно еще немного пройтись, — сказал он.

— Какой странный отъезд, — заметила Франсуаза. — Я не представляла себе такого, все выглядит абсолютно непринужденно.

— Да, нигде не ощущается никакого принуждения, — отозвался Пьер. — Я даже не получил клочка бумаги с вызовом, никто не приходил за мной, я справляюсь о времени моего поезда, вроде какого-нибудь гражданского, у меня складывается впечатление, будто я еду по собственной инициативе.

— А между тем известно, что ты не можешь остаться. Можно подумать, что тебя подталкивает внутренняя неизбежность, — сказала Франсуаза.

Они немного отошли от вокзала, небо над пустынными авеню было ясным и ласковым.

— Не видно больше ни одного такси, и метро не работает, — сказал Пьер. — Как ты будешь возвращаться?

— Пешком, — отвечала Франсуаза. — Зайду к Ксавьер, а потом приведу в порядок твой кабинет. — Голос ее дрожал. — Ты сразу же мне напишешь?

— Еще в поезде, — заверил ее Пьер. — Но письма

наверняка придут не скоро. Ты будешь терпеливой?

— О! Терпения у меня хоть отбавляй, — ответила она.

Они прошлись немного по бульвару. На рассвете спокойствие улиц казалось вполне нормальным, войны нигде не было. Были лишь эти объявления на стенах: одно большое с трехцветной лентой — воззвание к французскому народу — и скромное маленькое, украшенное черными и белыми флагами на белом фоне — приказ о всеобщей мобилизации.

— Мне надо идти, — сказал Пьер.

Они вошли внутрь вокзала. В объявлении над дверями сообщалось, что вход на перроны только для отъезжающих. У заграждения обнимались несколько пар, и при виде их слезы подступили к глазам Франсуазы. Став безликим, событие, которое она переживала, делалось осязаемым; на этих посторонних лицах, в их судорожных улыбках проявлялся весь трагизм разлуки. Она повернулась к Пьеру — ей не хотелось уступать волнению. Она вновь погрузилась в не поддающийся определению момент, горький и неуловимый вкус которого даже не был болью.

— До свидания, — сказал Пьер. Он ласково при-

жал ее к себе, взглянул на нее в последний раз и повернулся спиной.

Он шагнул за ограду. Она смотрела, как он удаляется быстрым и слишком решительным шагом, отчего можно было догадаться о напряженном выражении его лица. Она, в свою очередь, повернулась спиной. То же самое сделали две женщины; их лица сразу исказились, и одна из них заплакала. Собравшись с силами, Франсуаза направилась к выходу. Плакать было бесполезно, сколько бы она ни рыдала часами, ей все равно не выплакать всех слез. По необычно спокойному Парижу она шла привычным ей в путешествиях широким, ровным шагом. Несчастье нигде еще не ощущалось: ни в теплом воздухе, ни в позолоченной листве деревьев, ни в доносившемся с Центрального рынка свежем запахе овощей. Пока она будет так шагать, оно останется неуловимым, однако ей казалось, что, как только она остановится, это скрытое присутствие, которое она чувствовала вокруг, нахлынет на ее сердце и разорвет его.

Она пересекла площадь Шатле и поднялась по бульвару Сен-Мишель. Спустили Люксембургский бассейн, глазам открывалось его дно, изъеденное болотной проказой. На улице Вавен

Франсуаза купила газету. Надо было еще ждать долгое время, прежде чем пойти постучать к Ксавьер, и Франсуаза решила присесть в «Доме». О Ксавьер она не беспокоилась, однако была рада необходимости что-то делать со своим утром.

Она вошла в кафе, и вдруг кровь бросилась ей в лицо. За столиком у окна она увидела светлый затылок и темноволосую голову. Она заколебалась, но отступать было слишком поздно, Жербер и Ксавьер уже заметили ее; Франсуаза была такой слабой и разбитой, что, когда она приближалась к столику, ее охватила нервная дрожь.

— Как у вас дела? — спросила она Ксавьер, держа ее за руку.

— Все хорошо, — доверительным тоном сказала Ксавьер. Она внимательно посмотрела на Франсуазу. — А у вас усталый вид.

— Я только что проводила Лабруса на поезд, — ответила она. — Я мало спала.

Сердце ее громко стучало. Вот уже не одну неделю Ксавьер была лишь смутным образом, какие извлекают из глубины собственной души. И тут вдруг она воскресла в незнакомом платье из синей в цветочек ткани, более светловолосая, чем любое воспоминание; ее губы забытых очертаний раскрывались в совершенно неведомой улыбке;

в послушный призрак она не превратилась, и надо было мириться с ее присутствием во плоти.

— А я всю ночь прогуливалась, — сказала Ксавьер. — Совсем темные улицы, это прекрасно. Можно подумать — конец света.

Все эти часы она провела с Жербером. Для него тоже она вновь стала осязаемым присутствием; как-то он принял ее своим сердцем? Лицо его ничего не выражало.

— Станет еще хуже, когда закроются кафе, — сказала Франсуаза.

— Да, это мрачно, — согласилась Ксавьер. Глаза ее загорелись. — Как вы думаете, будут бомбить по-настоящему?

— Возможно, — отвечала Франсуаза.

— Должно быть, это занимательно — слышать по ночам сирены и видеть со всех сторон бегущих, как крысы, людей.

Франсуаза натянуто улыбнулась, нарочитая ребячливость Ксавьер раздражала ее.

— Вас заставят спускаться в подвал, — сказала она.

— О! Я не стану спускаться, — заявила Ксавьер.

Наступило недолгое молчание.

— До скорой встречи, — сказала Франсуаза. — Вы найдете меня здесь, я сяду в глубине.

— До встречи, — ответила Ксавьер.

Франсуаза села за столик и закурила сигарету. Рука ее дрожала, она была удивлена своим смятением. Наверняка это напряжение последних часов, отступив, сделало ее такой безоружной. Она ощущала себя отброшенной в неведомые пространства, потерявшей почву, пребывающей в нерешительности и без всякой опоры в самой себе. Она спокойно свыклась с мыслью о жизни тревожной и многого лишенной. Однако существование Ксавьер всегда угрожало ей даже за пределами контуров ее собственной жизни, и она с ужасом вновь узнавала тот прежний страх.

## Глава XVIII

— Какая жалость, у меня нет больше олифы, — сказала Ксавьер.

Она удрученно взглянула на окно, до середины покрытое слоем синей краски.

— Вы проделали отличную работу, — заметила Франсуаза.

— Ах, это! Думаю, что Инес никогда уже не сможет отчистить свои стекла.

Инес сбежала из Парижа на другой день после первой ложной тревоги, и Франсуаза сняла у нее квартиру. В комнате отеля «Байяр» слишком ощутимо было воспоминание о Пьере, и трагическими ночами, когда Париж не предлагал больше ни света, ни убежища, появлялась потребность в домашнем очаге.

— Мне нужна олифа, — сказала Ксавьер.

— Ее нигде больше нет, — ответила Франсуаза.

Большими буквами она как раз писала адрес на посылке с книгами и табаком, которую предназначала Пьеру.

— Ничего больше нельзя найти, — сердито сказала Ксавьер. Она откинулась в кресле. — Это все равно как если бы я ничего не сделала, — мрач-

ным тоном продолжала она.

Она куталась в длинный халат грубой шерсти, подпоясанный шнуром вокруг ее талии. Руки она спрятала в широкие рукава своего одеяния; с прямо подрезанными волосами, обрамлявшими ее лицо, она была похожа на монашку.

Франсуаза отложила перо. Электрическая лампочка, укутанная шелковым шарфом, проливала в комнату слабый фиолетовый свет.

«Я должна идти работать», — подумала Франсуаза. Но сердце не лежало. Ее жизнь утратила прочность, она стала некой рыхлой массой, в которой, казалось, увязали с каждым шагом; потом встряхивались как раз настолько, чтобы застрять чуть дальше с ежесекундной надеждой окончательного погружения, с ежесекундной надеждой на внезапно затвердевшую почву. Будущего больше не было. Реальным оставалось лишь прошлое, и прошлое воплощалось в Ксавьер.

— У вас есть новости от Жербера? — спросила Франсуаза. — Как он приспосабливается к казарменной жизни?

Она видела Жербера десять дней назад, в воскресенье после полудня. Но было бы неестественно, если бы она никогда не спрашивала о нем.

— Он, похоже, не скучает, — ответила Ксавьер.

Она с понимающим видом усмехнулась. — Если учесть его пристрастие возмущаться.

Лицо ее выражало нежную уверенность в некоем безраздельном обладании.

— Поводов, верно, у него хватает, — заметила Франсуаза.

— Главное, что его волнует, — со снисходительным и восторженным видом продолжала Ксавьер, — это знать, поддастся ли он страху.

— Трудно представить себе все заранее.

— О! — молвила Ксавьер. — Он вроде меня. У него есть воображение.

Наступило молчание.

— Вы знаете, что Бергмана отправили в концентрационный лагерь? — спросила Франсуаза. — Судьба политических изгнанников — это такая жестокость.

— Ба! — возразила Ксавьер. — Они все шпионы.

— Не все, — сказала Франсуаза. — Есть много настоящих антифашистов, которых сажают за их борьбу.

Ксавьер презрительно сморщилась.

— Какой интерес представляют люди, — сказала она. — Ничего страшного, если их немного обидят.

Франсуаза не без отвращения взглянула на юное жестокое лицо.

— Если не интересоваться людьми, что же тогда, спрашивается, остается, — сказала она.

— О! Мы по-разному устроены, — ответила Ксавьер, окидывая ее насмешливым, презрительным взглядом.

Франсуаза умолкла. Разговоры с Ксавьер тотчас превращались в неприязненные столкновения. Теперь в ее интонациях, в ее притворных улыбках сквозила не детская капризная враждебность — то была настоящая женская ненависть. Никогда Ксавьер не простит Франсуазе то, что она сохранила любовь Пьера.

— А что, если нам поставить пластинку? — спросила Франсуаза.

— Как хотите, — отвечала Ксавьер.

Франсуаза поставила на проигрыватель первый диск «Петрушки».

— Вечно одно и то же, — сердито сказала Ксавьер.

— У нас нет выбора, — возразила Франсуаза.

Ксавьер топнула ногой.

— Долго ли это будет продолжаться? — проговорила она сквозь зубы.

— Что именно? — спросила Франсуаза.

— Темные улицы, пустые магазины, кафе, которые закрываются в одиннадцать часов. Вся эта история, — добавила она в порыве ярости.

— Это рискует продлиться, — ответила Франсуаза.

Ксавьер схватила руками свои волосы.

— Но я сойду с ума, — сказала она.

— С ума так быстро не сходят, — возразила Франсуаза.

— Но я-то нетерпелива, — со злобным отчаянием сказала Ксавьер. — Следить за событиями из глубины склепа — этого недостаточно! Мне мало говорить себе, что на другом конце мира люди продолжают существовать, если я не могу прикоснуться к ним.

Франсуаза покраснела. Никогда ничего не следовало бы говорить Ксавьер. Все, что ей говорилось, она немедленно обращала против вас. Ксавьер посмотрела на Франсуазу.

— Вам везет, вы такая благоразумная, — произнесла она с двусмысленным смирением.

— Довольно того, чтобы не воспринимать себя трагически, — сухо сказала Франсуаза.

— О! У каждого свои склонности, — ответила Ксавьер.

Франсуаза взглянула на голые стены, на синие

окна, защищавшие, казалось, внутренность могилы. «Это должно быть мне безразлично», — с горестью подумала она. Но как бы там ни было, в течение этих трех недель она не покидала Ксавьер; и ей предстоит жить подле нее до тех пор, пока не кончится война; она не могла больше отрицать это враждебное присутствие, распростершее над ней, над целым миром пагубную тень.

Молчание нарушил звонок входной двери. Франсуаза прошла вдоль коридора.

— В чем дело?

Консьержка протянула ей конверт без марки, подписанный неизвестной рукой.

— Какой-то господин только что принес это.

— Спасибо, — сказала Франсуаза.

Она распечатала письмо. Это был почерк Жербера.

«Я в Париже. Жду вас в кафе “Рей”. У меня целый вечер».

Франсуаза спрятала письмо в сумку. Войдя в свою комнату, она взяла пальто, перчатки. Сердце ее разрывалось от радости. Она постаралась принять соответствующее выражение лица и вернулась в комнату Ксавьер.

— Моя мать просит меня прийти на бридж, —

сказала она.

— Ах, вы уходите! — с осуждающим видом сказала Ксавьер.

— К полуночи я вернусь. Вы никуда не собираетесь?

— Куда мне идти? — отозвалась Ксавьер.

— Тогда до встречи, — сказала Франсуаза.

Она спустилась по неосвещенной лестнице и бегом бросилась по улице. По тротуару улицы Монпарнас расхаживали женщины с серыми цилиндрами наперевес, в которых лежали их противогазы. За стеной кладбища кричала сова. Запыхавшись, Франсуаза остановилась на углу улицы Гэте. На авеню-дю-Мен пылал красный и темный костер: кафе «Рей». С задернутыми шторами и притушенными огнями все публичные заведения приобрели заманчивый вид подозрительных мест. Франсуаза раздвинула преграждавший вход занавес. Жербер сидел возле электрооргана перед рюмкой водки. Свою пилотку он положил на стол. Волосы его были коротко острижены. В мундире цвета хаки он казался до смешного юным.

— Как хорошо, что вы смогли приехать! — сказала Франсуаза. — Она взяла его за руку, и пальцы их переплелись. — В конце концов эта уловка

удалась?

— Да, — отвечал Жербер. — Но я не мог предупредить вас. Я не знал заранее, удастся ли мне сбежать. — Он улыбнулся. — Я доволен. Это оказалось очень легко. Через некоторое время я смогу опять этим воспользоваться.

— Это поможет дожидаться воскресений, — сказала Франсуаза. — В месяце так мало воскресений. — Она с сожалением взглянула на него. — Ведь вам придется встречаться с Ксавьер.

— Придется, — уныло отозвался Жербер.

— А знаете, у меня совсем свежие новости о Лаброусе, — сказала Франсуаза. — Длинное письмо. Он ведет совершенно сельскую жизнь, квартирует у одного лотарингского кюре, который откармливает его пирогами с мирабелью и курицей в сметане.

— Забавно, — сказал Жербер. — Когда он получит первое увольнение, я буду далеко. Мы не увидимся целую вечность.

— Да. Если бы только можно было по-прежнему не сражаться, — заметила Франсуаза.

Она взглянула на ярко-красные банкетки, на которых так часто сидела рядом с Пьером. У стойки и за столиками было полно народа; между тем тяжелая синяя ткань, закрывавшая окна, при-

давала этому большому бурлящему ресторану что-то задушевное и потаенное.

— Мне будет не так страшно сражаться, — сказал Жербер. — Должно быть, это менее отвратительно, чем гнить в какой-нибудь казарме.

— Вы отчаянно скучаете, бедняга? — спросила Франсуаза.

— Просто невероятно, до чего можно изводиться, — отвечал Жербер. Он рассмеялся. — Позавчера меня вызвал капитан. Он желал знать, почему я не курсант. Ему стало известно, что каждый вечер я кормлюсь в «Брассери Шантеклер». Он сказал мне примерно следующее: «У вас есть деньги, ваше место среди офицеров».

— Что вы ему ответили?

— Я сказал, что не люблю офицеров, — с достоинством отвечал Жербер.

— Вы, верно, вызвали недовольство.

— Пожалуй, — согласился Жербер. — Когда я уходил от капитана, он позеленел. — Жербер покачал головой. — Не стоит рассказывать этого Ксавьер.

— Ей захочется, чтобы вы стали офицером?

— Да. Она думает, что тогда мы будем чаще встречаться. До чего смешные эти женщины, — проникновенным тоном сказал Жербер. — Они

считают, что значение имеют лишь сентиментальные истории.

— У Ксавьер есть только вы, — заметила Франсуаза.

— Я знаю, — отвечал Жербер. — Это меня и тяготит. — Он улыбнулся. — Я-то ведь создан быть холостяком.

— В таком случае вам не повезло, — весело сказала Франсуаза.

— Черт возьми! — Жербер похлопал ее по плечу. — К вам это не имеет отношения. — Он с жаром посмотрел на нее. — Самое потрясающее между нами — это такая вот дружба. С вами я никогда не стесняюсь, вам я могу сказать что угодно и чувствую себя свободным.

— Да, хорошо так сильно любить друг друга и при этом оставаться свободными, — сказала Франсуаза.

Она сжала его руку; еще бóльшую радость, чем видеть и касаться его, ей доставляло то пылкое доверие, с каким он к ней относился.

— Что вы собираетесь делать со своим вечером? — весело спросила она.

— В таком костюме я не могу пойти в шикарные места, — сказал Жербер.

— Нет. Но что вы думаете, например, о том, что-

бы спуститься пешком к Центральному рынку, пойти съесть бифштекс у Бенжамена и подняться затем к «Дому»?

— Идет, — согласился Жербер. — По дороге выпьем перно. Поразительно, как теперь я пристрастился к перно.

Он раздвинул перед Франсуазой синий занавес.

— Сколько можно выпить в армии! Я каждый вечер возвращаюсь напившись.

Вставала луна, своим светом она заливала деревья и крыши: настоящий сельский лунный свет. По длинной пустынной авеню проехал автомобиль, его синие фары походили на огромные сапфиры.

— Потрясающе, — проронил Жербер, вглядываясь в ночь.

— Да, лунный свет в ночи — это потрясающе, — согласилась Франсуаза. — Но когда темно, в этом нет ничего веселого. Лучшее, что можно сделать, — это спрятаться у себя дома. — Она толкнула Жербера локтем. — Вы видели, какие красивые у полицейских новые каски?

— Выглядит воинственно, — сказал Жербер. Он взял Франсуазу за руку. — Что за свинство! Невеселая тут, видно, жизнь. В Париже никого нет?

— Элизабет здесь, она охотно подставила бы мне плечо, чтобы поплакаться, но я избегаю ее по мере возможности, — ответила Франсуаза. — Забавно, у нее на редкость цветущий вид. Клод в Бордо. Но раз он один, без Сюзанны, думаю, она прекрасно мирится с его отсутствием.

— Что вы делаете целыми днями? — спросил Жербер. — Вы снова начали работать?

— Пока еще нет. С утра до вечера я толкусь с Ксавьер. Мы занимаемся стряпней, ищем друг для друга прически. Слушаем старые пластинки. Мы никогда не были так близки. — Франсуаза пожала плечами. — И я уверена, что никогда она меня до такой степени не ненавидела.

— Вы думаете? — спросил Жербер.

— Я в этом уверена, — отвечала Франсуаза. — Она никогда не говорит вам о наших отношениях?

— Нечасто, — признался Жербер. — Она остерегается. Она считает, что я на вашей стороне.

— Как это? — спросила Франсуаза. — Потому что вы защищаете меня, когда она на меня нападает?

— Да, — сказал Жербер. — Мы всегда спорим, когда она говорит мне о вас.

Франсуаза почувствовала укол в сердце. Что

такого Ксавьер могла рассказывать о ней?

— Что же она говорит? — спросила Франсуаза.

— О! Она говорит что попало, — ответил Жербер.

— Знаете, вы можете сказать мне все, — проговорила Франсуаза. — При сложившихся отношениях нам нечего скрывать друг от друга.

— Я говорил вообще, — сказал Жербер.

Несколько шагов они сделали молча. Их заставил вздрогнуть какой-то свисток. Местный бородатый страж направлял свой фонарик на окно, откуда сочился тонкий лучик света.

— Для таких стариков это праздник, — заметил Жербер.

— Понятно, — отозвалась Франсуаза. — В первые дни грозили стрелять из револьвера по нашим окнам. Мы закутали все лампы, и теперь Ксавьер закрашивает окна синим.

Ксавьер. Естественно. Она говорила о Франсуазе. И, возможно, о Пьере. Досадно было воображать ее, самодовольно царившую в сердце своего крохотного, хорошо обустроенного мира.

— Когда-нибудь Ксавьер говорила вам о Лабрусе? — спросила Франсуаза.

— Она говорила мне о нем, — безразличным тоном отвечал Жербер.

— И, конечно, рассказала вам всю историю, — сказала Франсуаза.

— Да, — подтвердил Жербер.

Кровь бросилась в лицо Франсуазы. Моя история. В этой белокурой головке мысль Франсуазы приняла непоправимую, неведомую форму, и в таком чужом обличье получил ее Жербер.

— Значит, вам известно, что Лабрус был привязан к ней? — спросила Франсуаза.

— Я очень сожалею, — помолчав, ответил Жербер. — Почему Лабрус не предупредил меня?

— Он не хотел, из гордости, — сказала Франсуаза. Она сжала руку Жербера. — Я вам не рассказывала, поскольку опасалась, как бы вы не нафантазировали чего. Но не бойтесь. Лабрус никогда на вас за это не сердился. И даже был очень доволен, что история закончилась таким образом.

Жербер недоверчиво посмотрел на нее.

— Он был доволен?

— Ну конечно, — ответила Франсуаза. — Знаете, она для него ничего больше не значит.

— Правда? — сказал Жербер. Казалось, он не верил. Что же он все-таки думает? Франсуаза с тоской смотрела на колокольню Сен-Жермен-де-Пре, вырисовывавшуюся на металлическом

небе, чистую и спокойную, вроде какой-нибудь деревенской.

— Что она говорит? — спросила она. — Что Лабрус все еще страстно любит ее?

— Примерно так, — смущенно отвечал Жербер.

— Ну что ж, она сильно ошибается, — сказала Франсуаза.

Голос ее дрожал. Если бы Пьер был здесь, она бы с презрением рассмеялась, но она была далеко от него и могла лишь сказать себе самой: «Он любит только меня». Было невыносимо, что где-то в мире существовала противоположная уверенность.

— Хотелось бы мне, чтобы она увидела, как он говорит о ней в своих письмах, — продолжала Франсуаза. — Она бы просветилась. Только из жалости он сохраняет некую видимость дружбы. — Она с вызовом посмотрела на Жербера. — Как Ксавьер объясняет, что он отрекся от нее?

— Она говорит, что сама не пожелала больше этих отношений.

— Ах, понимаю! — сказала Франсуаза. — А почему?

Жербер в замешательстве взглянул на нее.

— Она уверяет, что не любила его? — спросила Франсуаза.

В повлажневших руках она сжимала носовой

платок.

— Нет, — отвечал Жербер.

— Тогда что же?

— Она говорит, что вам это было неприятно, — неуверенным тоном произнес Жербер.

— Она так сказала? — удивилась Франсуаза.

От волнения у нее осекся голос. Слезы ярости выступили у нее на глазах:

— Дрянная девчонка!

Жербер ничего не ответил. Казалось, он пришел в полное замешательство. Франсуаза усмехнулась.

— Словом, Пьер безумно любит ее, а она отталкивает эту любовь из уважения ко мне, поскольку меня снедает ревность?

— Я так и думал, что она все представляет на свой лад, — примирительным тоном сказал Жербер.

Они пересекли Сену. Франсуаза наклонилась над балюстрадой и взглянула на гладкие черные воды, в которых отражался диск луны. «Я этого не вынесу», — сказала она себе в отчаянии. Там, в погребальном свете своей комнаты, сидела, закутавшись в коричневый пеньюар, Ксавьер, угрюмая и вредоносная; безутешная любовь Пьера смиренно плескалась у ее ног. А

Франсуаза, довольствуясь жалкими остатками пресытившейся нежности, бродила, отвергнутая, по улицам.

— Ксавьер солгала, — сказала она.

Жербер прижал ее к себе.

— Но я так и думал.

Он казался обеспокоенным. Она сжала губы. Она могла бы поговорить с ним, рассказать ему правду. Он ей поверит. Но что бы она ни делала, там юная героиня, нежный, принесенный в жертву лик, по-прежнему будет ощущать в своей плоти благородный, пьянящий вкус ее собственной жизни.

«С ней я тоже поговорю, — подумала Франсуаза. — Она узнает правду».

— Я поговорю с ней.

Франсуаза пересекла площадь Ренн. Над пустынной улицей и слепыми домами сияла луна, она сияла над голыми долинами и лесами, где бодрствовали мужчины в касках. В безликой, трагической ночи этот гнев, сотрясавший сердце Франсуазы, был единственной ее участью на земле. Черная жемчужина, бесценная, чаровница, великодушная. «Самка», — с жаром подумала она.

Франсуаза поднялась по лестнице. Она была

там, притаившаяся за дверью в своем лживом гнезде; она снова завладеет Франсуазой и силой заставит ее приобщиться к своей истории. «Той покинутой женщиной, вооруженной горьким терпением, буду я». Открыв дверь, Франсуаза постучала к Ксавьер.

— Войдите.

Комнату заполнял пресный, сладковатый тошнотворный запах. Взобравшись на приставную лестницу, Ксавьер мазала стекло синим. Она спустилась со своего насеста.

— Посмотрите, что я нашла, — сказала она.

В руке она держала флакон, наполненный золотистой жидкостью. Театральным жестом она протянула его Франсуазе. На его этикетке значилось: «Солнечная амбра».

— Это было в туалетной комнате и прекрасно заменяет олифу, — сказала Ксавьер. Она с сомнением взглянула на окна. — Вам не кажется, что следовало бы положить еще один слой?

— О! Похоже на катафалк, это и так вполне удалось, — отвечала Франсуаза.

Она сняла пальто. Поговорить. Но как поговорить? Сообщить о признаниях Жербера она не могла; но и жить в этой отравленной атмосфере она не могла. Между гладкими синими стекла-

ми в липком запахе солнечной амбры со всей очевидностью существовали раздосадованная страсть Пьера и низкая ревность Франсуазы. Их следовало стереть в порошок. Одна лишь Ксавьер могла их уничтожить.

— Я приготовлю чай, — сказала Ксавьер.

У нее в комнате была газовая плитка. Поставив на нее полную кастрюльку воды, она села напротив Франсуазы.

— Ну как бридж, забавно было? — презрительным тоном сказала она.

— Я шла туда не забавляться, — ответила Франсуаза.

Наступило молчание. Взгляд Ксавьер упал на пакет, который Франсуаза приготовила для Пьера.

— Вы собрали прекрасную посылку, — с едва заметной улыбкой сказала Ксавьер.

— Я думаю, Лаврус будет рад получить книги, — сказала Франсуаза.

Улыбка Ксавьер глупо застыла на ее губах, в то время как сама она ухватилась пальцами за веревочку на пакете.

— Вы думаете, что он *может* читать? — спросила Ксавьер.

— Он работает, читает. Почему нет?

— Да, вы мне говорили, что он полон отваги и даже занимается физкультурой. — Ксавьер подняла брови. — Я его представляла совсем иначе.

— Однако это то, о чем он пишет в своем письме, — возразила Франсуаза.

— Разумеется, — сказала Ксавьер.

Потянув за веревочку, она отпустила ее, послышался мягкий щелчок. На мгновение она задумалась, потом с чистосердечным видом взглянула на Франсуазу.

— Не кажется ли вам, что в письмах никогда не рассказывают все так, как оно есть? Даже если совсем не хотят врать, — вежливо добавила она. — Просто потому, что рассказывают кому-то другому?

Франсуаза почувствовала, что ее душит гнев.

— Мне кажется, что Пьер говорит в точности то, что хочет сказать, — резко ответила она.

— О! Я, конечно, вполне допускаю, что он не плачет по углам, как малый ребенок, — сказала Ксавьер. Она положила руку на пакет с книгами. — Возможно, я плохо устроена, — задумчиво сказала она. — Но, когда люди отсутствуют, мне кажется совершенно напрасным пытаться сохранить с ними отношения. О них можно думать. Но писать письма, отправлять посылки… — Она по-

морщилась. — Я все-таки предпочла бы вертеть столы для установления духовного контакта.

Франсуаза посмотрела на нее в бессильной ярости. Неужели не было никакого способа уничтожить эту заносчивую гордыню? В сознании Ксавьер вокруг воспоминаний о Пьере сталкивались Марфа и Мария. Марфа играла роль фронтовых «крестных», взамен она получала почтительную благодарность, но думал отсутствующий о Марии, когда из глубин своего одиночества с тоской поднимал к осеннему небу серьезное бледное лицо. Если бы Ксавьер страстно заключила в свои объятия живое тело Пьера, то Франсуаза почувствовала бы себя меньше задетой этим, чем той таинственной лаской, которой она окутывала его образ.

— Следовало бы, конечно, знать, разделяют ли люди, о которых идет речь, такую точку зрения, — заметила Франсуаза.

— Да, естественно, — усмехнулась Ксавьер.

— Вы хотите сказать, что вам безразлична точка зрения других? — спросила Франсуаза.

— Не все придают такое значение писанию, — заметила Ксавьер.

Она встала со словами:

— Хотите чая?

Ксавьер наполнила две чашки. Франсуаза поднесла свою к губам. Ее рука дрожала. Она вновь видела спину Пьера, отягощенную двумя его рюкзаками. Видела, как он исчезает на платформе Восточного вокзала, вновь перед ней вставало его лицо, обращенное к ней мгновением раньше. Ей хотелось бы сохранить в себе этот чистый образ, однако это был всего лишь образ, державшийся силой биения ее сердца, этого было недостаточно перед лицом женщины из плоти и крови. И в этих живых глазах отражалось усталое лицо Франсуазы, ее профиль без нежности. Какой-то голос нашептывал: «Он ее больше не любит, он не может ее больше любить».

— Я думаю, вы создаете себе весьма романтическое представление о Пьере, — резко сказала Франсуаза. — Знаете, он от чего-то страдает лишь в той мере, в какой хочет от этого страдать. И дорожит чем-то лишь постольку, поскольку соглашается дорожить.

Ксавьер слегка поморщилась:

— Вы так думаете…

Ее интонация была более вызывающей, чем грубое отрицание.

— Я это знаю, — сказала Франсуаза. — Я хорошо знаю Лабруса.

— Людей никогда не знаешь, — возразила Ксавьер.

Франсуаза в ярости взглянула на нее. Неужели никак нельзя повлиять на этот упрямый ум?

— Но он и я — другое дело, — сказала она. — Мы всегда все разделяли. Решительно все.

— Зачем вы говорите мне это? — высокомерно спросила Ксавьер.

— Вы считаете, что одна понимаете Лабруса, — продолжала Франсуаза. Лицо ее пылало. — Вы думаете, что я делаю из него образ упрощенный и грубый.

Ксавьер ошеломленно смотрела на нее. Никогда Франсуаза не говорила с ней в таком тоне.

— У вас свои представления о нем, у меня свои, — сухо сказала она.

— Вы выбираете представления, которые вас устраивают, — возразила Франсуаза.

Она говорил с такой убежденностью, что Ксавьер как будто отступила.

— Что вы хотите сказать? — спросила она.

Франсуаза сжала губы. Как ей хотелось бросить ей в лицо: «Вы думаете, что он вас любит, но он всего лишь испытывает к вам жалость». Дерзкая улыбка Ксавьер уже пропала. Всего несколько слов, и ее глаза наполнятся слезами.

Это прекрасное горделивое тело сникнет. Ксавьер пристально смотрела на нее, ей стало страшно.

— Ничего особенного я сказать не хочу, — устало ответила Франсуаза. — В общем, вы верите в то, во что вам удобно верить.

— Например?

— Вот вам пример, — более спокойным тоном отвечала Франсуаза. — Лаброс написал вам, что ему не нужно получать писем, чтобы думать о людях, это была любезная манера извинить ваше молчание. Но вы убедили себя, будто он верит в общение душ помимо слов.

Губа Ксавьер вздернулась, обнажив белые зубы.

— Откуда вы знаете, что он мне написал?

— Он говорил мне об этом в одном из писем, — ответила Франсуаза.

Взгляд Ксавьер упал на сумочку Франсуазы.

— Ах! Он говорит вам обо мне в своих письмах? — молвила она.

— При случае, — ответила Франсуаза. Рука ее сжалась на черной кожаной сумочке.

Бросить письма на колени Ксавьер. С отвращением и яростью Ксавьер сама объявит о своем поражении; победа без ее признания была невозможна. Освободившись навсегда, Франсуаза

снова оказалась бы одна, независимая.

Ксавьер поглубже забилась в кресло, ее охватила дрожь.

— Мне отвратительно думать, что обо мне говорят, — сказала она.

Немного растерявшись, она совсем съежилась. Франсуаза почувствовала себя вдруг очень усталой. Надменной героини, которую она столь страстно желала победить, больше не существовало, оставалась несчастная затравленная жертва, никакой мести извлечь из этого было нельзя. Она встала.

— Пойду спать. До завтра. Не забудьте закрыть газовый кран.

— Доброй ночи, — не подняв головы, ответила Ксавьер.

Франсуаза ушла к себе в комнату. Открыв свой секретер, она достала из сумочки письма Пьера и положила их в ящик, рядом с письмами Жербера. Победы не будет. И никогда не будет освобождения. Она заперла секретер и спрятала ключ в сумочку.

— Официант! — позвала Франсуаза.

Стоял прекрасный солнечный день. Завтрак прошел еще напряженнее, чем обычно, и сразу после полудня Франсуаза пошла на террасу «До-

ма» и уселась с книгой. Похолодало.

— С вас восемь франков, — сказал официант.

Франсуаза открыла свой кошелек и достала деньги. Она с удивлением взглянула на дно сумочки. Именно туда накануне вечером она положила ключ от секретера.

Она нервно вытряхнула содержимое. Пудреница. Губная помада. Расческа. Ключ должен быть где-то здесь. Она ни на минуту не расставалась со своей сумочкой. Она перевернула ее, потрясла. Сердце отчаянно застучало. Всего одна минута. Время отнести из кухни поднос с завтраком в комнату Ксавьер. А Ксавьер оставалась на кухне.

Франсуаза вперемешку сбросила в сумочку лежавшие на столе предметы и бегом поспешила домой. Шесть часов. Если ключ был у Ксавьер, никакой надежды не оставалось.

— Это невозможно!

Она бежала. Все ее тело гудело. Сердце она ощущала между ребер, в голове, на кончиках пальцев. Она поднялась по лестнице. В доме было тихо, и входная дверь выглядела как обычно. В коридоре все еще веяло запахом солнечной амбры. Франсуаза перевела дух. Должно быть, она, не заметив, потеряла ключ. Если бы что-то произошло, ей казалось, в воздухе остались бы

какие-то знаки. Она открыла дверь своей комнаты. Секретер был открыт. На ковре валялись письма Пьера и Жербера.

«Ксавьер знает». Стены комнаты закружились. На мир опустилась терпкая, обжигающая ночь. Придавленная смертельным грузом, Франсуаза упала в кресло. Ее любовь к Жерберу была тут, перед ней, черная, как предательство.

«Она знает». Она вошла в комнату, чтобы прочитать письма Пьера. Она рассчитывала снова сунуть ключ в сумочку или спрятать его под кровать. А потом она увидела почерк Жербера: «Милая, милая Франсуаза». Она пробежала глазами до конца последней страницы: «Я люблю вас». Она прочитала все, строчку за строчкой.

Франсуаза встала, прошла вдоль коридора. Она не думала ни о чем. Перед ней и в ней эта непроглядная ночь. Она подошла к двери Ксавьер и постучала. Ответа не последовало. Ключ был внутри, в скважине. Ксавьер не выходила из дома. Франсуаза снова постучала. Все то же мертвое молчание. «Она убила себя», — подумала Франсуаза и прислонилась к стене. Ксавьер могла проглотить снотворное, могла открыть газ. Она прислушалась: по-прежнему ничего не было слышно. Франсуаза приложила ухо к

двери. Сквозь ужас просвечивало нечто вроде надежды. Это был выход, единственный, какой можно вообразить. Но нет, Ксавьер употребляла лишь безобидные успокаивающие; запах газа чувствовался бы. В любом случае она пока еще лишь заснула бы. Франсуаза посильнее стукнула в дверь.

— Уходите, — послышался глухой голос.

Франсуаза вытерла вспотевший лоб. Ксавьер была жива. Предательство Франсуазы было живо.

— Откройте, — крикнула Франсуаза.

Она не знала, что скажет. Но ей хотелось немедленно увидеть Ксавьер.

— Откройте, — повторила она, толкнув дверь.

Дверь отворилась. Ксавьер была в своем домашнем платье. Глаза у нее были сухие.

— Чего вы от меня хотите? — спросила она.

Франсуаза прошла мимо нее и села возле стола. После завтрака ничего не изменилось. Однако за каждым из этих привычных предметов притаилось что-то ужасное.

— Я хочу объясниться с вами, — сказала Франсуаза.

— Я вас ни о чем не спрашиваю, — отвечала Ксавьер.

Она не спускала с Франсуазы горящих глаз, щеки ее пылали, она была прекрасна.

— Выслушайте меня, умоляю вас, — сказала Франсуаза.

У Ксавьер задрожали губы.

— Зачем вы опять пришли меня мучить? Вы все еще недовольны? Мало зла вы мне причинили? — Бросившись на кровать, она закрыла лицо руками. — А-а! Как вы меня провели! — вымолвила она.

— Ксавьер, — прошептала Франсуаза.

Она с отчаянием огляделась. Неужели ей неоткуда ждать помощи?

— Ксавьер! — продолжала она умоляющим голосом. — Когда началась эта история, я не знала, что вы любите Жербера, он тоже об этом не догадывался.

Ксавьер отняла от лица руки. Рот ее скривился.

— Это маленький негодяй, — медленно произнесла она. — Он меня нисколько не удивляет, это всего лишь гнусное ничтожество.

Она посмотрела Франсуазе прямо в лицо.

— Но вы! — продолжала она. — Вы! Как вы посмеялись надо мной.

Невыносимая улыбка обнажила ее безупречные зубы.

— Я не смеялась над вами, — возразила Франсуаза. — Я всего лишь больше позаботилась о себе, чем о вас. Но вы ведь не оставили мне поводов любить вас.

— Знаю, — сказала Ксавьер. — Вы ревновали ко мне, потому что Лаврус любил меня. Вы отвратили его от меня, а чтобы сильнее отомстить, отняли у меня Жербера. Берите его, он ваш. Это прекрасное сокровище я не стану у вас оспаривать.

Слова с такой неистовой силой теснились на ее губах, что, казалось, они душат ее. Франсуаза с ужасом взирала на ту женщину, которая смотрела на сверкающие глаза Ксавьер, той женщиной была она сама.

— Это неправда, — сказала она и глубоко вздохнула. Напрасно было пытаться защитить себя. Ее ничто уже не могло спасти. — Жербер любит вас, — более спокойным тоном сказала Франсуаза. — Он провинился перед вами. Но в тот момент у него было столько упреков к вам! Потом вы заговорили, это было трудно, у него еще не было времени построить что-то прочное с вами. — Наклонившись к Ксавьер, она настойчиво продолжала: — Постарайтесь простить его. Никогда больше вы не встретите меня на своем пути.

Она сложила руки; в ней зарождалась безмолвная молитва: «Пусть все будет забыто, и я откажусь от Жербера. Я больше не люблю Жербера и никогда его не любила, не было никакого предательства».

Глаза Ксавьер метали молнии.

— Храните при себе ваши подарки, — гневно сказала она. — И уходите отсюда, немедленно уходите.

Франсуаза заколебалась.

— Ради бога, уходите, — повторила Ксавьер.

— Я ухожу, — ответила Франсуаза.

Спотыкаясь, словно слепая, она пересекла коридор, слезы обжигали ей глаза: «Я ревновала к ней, я отняла у нее Жербера». Слезы обжигали, слова обжигали, как раскаленное железо.

Она села на край дивана, тупо повторяя: «Я сделала это. Это я». В потемках лицо Жербера горело черным огнем, и буквы на ковре были черными, как дьявольский договор. Она поднесла к губам носовой платок. В ее венах текла черная жгучая лава. Ей хотелось умереть.

«Такая я навсегда». Займется заря, наступит завтрашний день. Ксавьер уедет в Руан. Каждое утро в глубине темного провинциального дома она будет просыпаться с отчаянием в душе. И

каждое утро будет возрождаться та ненавистная женщина, которой стала теперь Франсуаза. Ей вновь привиделось искаженное страданием лицо Ксавьер. Мое преступление. Оно останется навсегда.

Франсуаза закрыла глаза. Текли слезы, текла и пожирала ее сердце горячая лава. Прошло немало времени. Где-то очень далеко, на другом краю земли, ей вдруг привиделась ясная, нежная улыбка: «Ну так поцелуйте меня, милый, глупый Жербер». Дул ветер, коровы в стойле звенели своими путами, юная доверчивая голова прислонилась к ее плечу, и звучал голос: «Я рад, я так рад». Он подарил ей маленький цветок. Она открыла глаза. Эта история тоже была настоящей. Легкая и ласковая, как утренний ветерок на влажных лугах. Как эта невинная любовь стала таким гнусным предательством?

«Нет, — подумала она, — нет». Она встала и подошла к окну. Стеклянный шар фонаря спрятали под черной железной зубчатой маской вроде венецианского волка. Его желтый свет был похож на чей-то взгляд. Отвернувшись, она включила электричество. В глубине зеркала вдруг возникло ее отражение. Она встала лицом к лицу с ним. «Нет, — повторила она. — Я не такая женщина».

То была длинная история. Она пристально смотрела на свое отражение. Давно уже его пытались у нее похитить. Неизменное, как заданная величина. Строгое и чистое, как лед. Верное, заносчивое, сосредоточенное на пустых моральных устоях. И она сказала: «Нет». Но сказала это тихонько, и Жербера она поцеловала тайком. «Ведь это я?» Нередко она колебалась, завороженная. А теперь угодила в ловушку, оказалась во власти этого ненасытного создания, дожидавшегося в тени мгновения поглотить ее. Ревнивую, предательницу, преступницу. Нельзя было защититься робкими словами и тайными поступками. Ксавьер существовала, предательство существовало. Оно существует во плоти, мое преступное лицо.

Оно перестанет существовать.

Внезапно на Франсуазу снизошло величайшее спокойствие. Время остановилось. В заледеневшем небе Франсуаза оставалась совсем одна. То было столь торжественное и столь окончательное одиночество, что оно походило на смерть.

Она или я. Это буду я.

В коридоре послышались шаги, в ванной полилась вода. Ксавьер вернулась к себе в комнату. Франсуаза прошла на кухню, закрыла газовый счетчик. Она постучала. Быть может, есть еще

способ избежать…

— Зачем вы опять пришли? — спросила Ксавьер.

Она лежала в кровати, облокотившись на подушки; горела лишь одна лампа у изголовья; на ночном столике рядом с тюбиком белладенала был приготовлен стакан воды.

— Мне хотелось бы, чтобы мы поговорили, — сказала Франсуаза. Сделав шаг, она прислонилась к комоду, на котором стояла газовая плитка. — Что вы собираетесь теперь делать? — спросила она.

— Разве вас это касается? — ответила Ксавьер.

— Я была виновата перед вами, — сказала Франсуаза. — Я не прошу вас простить меня. Но послушайте, не делайте мою вину непоправимой. — Голос ее дрожал от волнения. Если бы только она могла убедить Ксавьер… — Долгое время у меня не было другой заботы, кроме вашего счастья, а вы никогда не думали о моем. Вы прекрасно знаете, что у меня есть оправдание. Сделайте усилие во имя нашего прошлого. Оставьте мне шанс не чувствовать себя постыдно преступной.

Ксавьер смотрела на нее с отсутствующим видом.

— Живите по-прежнему в Париже, — продолжала Франсуаза. — Возобновите свою работу в театре. Вы поселитесь, где пожелаете, и никогда больше меня не увидите…

— И приму ваши деньги? — сказала Ксавьер. — Я предпочту немедленно умереть.

Ее голос, выражение ее лица не оставляли никакой надежды.

— Будьте великодушны, согласитесь, — настаивала Франсуаза. — Избавьте меня от угрызений за то, что я разрушила ваше будущее.

— Я предпочту умереть, — непримиримо повторила Ксавьер.

— По крайней мере, встретьтесь с Жербером, — сказала Франсуаза. — Не обрекайте его, не поговорив с ним.

— Это вы пришли давать мне советы? — удивилась Ксавьер.

Франсуаза положила руку на газовую плитку и открыла кран.

— Это не советы, это просьбы, — сказала она.

— Просьбы! — Ксавьер рассмеялась. — Вы теряете время. Я не добрая душа.

— Хорошо, — сказала Франсуаза. — Прощайте.

Она шагнула к двери, молча взглянув на это детское, мертвенно-бледное лицо, которого она

никогда больше не увидит живым.

— Прощайте, — повторила она.

— И не возвращайтесь, — в ярости сказала Ксавьер.

Франсуаза услышала, как она соскочила с кровати и закрыла за ней задвижку. Луч света, сочившийся под дверью, погас.

— А теперь? — спросила себя Франсуаза.

Она осталась стоять, не спуская глаз с двери Ксавьер. Одна. Без поддержки. Полагаясь теперь только на себя. Подождав какое-то время, она вошла на кухню и положила руку на рукоятку счетчика. Рука ее судорожно сжалась. Это казалось невозможным. Перед лицом ее одиночества, вне пространства существовало это враждебное присутствие, которое так долго подавляло ее своей слепой тенью; оно было тут, существуя лишь для себя, целиком отражаясь только в себе, уничтожая все, что мешало; оно весь мир заключало в свое собственное торжествующее одиночество, оно, единственное, исключительное, распространялось безгранично, до бесконечности; все, чем оно было, оно извлекало из себя, отвергая любое воздействие, оно воплощало абсолютный разрыв отношений. А между тем довольно было опустить рукоятку, чтобы его уничтожить. Уничтожить со-

знание. «Как я могу?» — подумала Франсуаза. Но как могло статься, чтобы существовало сознание, которое не было бы ее собственным? Тогда, значит, не существовала она. Франсуаза повторила: «Она или я». И опустила рукоятку.

Она вернулась в свою комнату, собрала разбросанные на полу письма и бросила их в камин. Чиркнув спичкой, она смотрела, как горят письма. Дверь Ксавьер была заперта изнутри. Подумают о несчастном случае или самоубийстве. «В любом случае доказательств не будет», — подумала она.

Раздевшись, она надела пижаму. «Завтра утром она будет мертва». Франсуаза села лицом к темному коридору. Ксавьер спала. С каждой минутой сон ее сгущался. На кровати еще оставалась живая форма, но это уже был никто. Не было никого. Франсуаза была одна.

Одна. Она действовала в одиночестве. Столь же одинокая, как в смерти. Когда-нибудь Пьер узнает. Но даже он узнает лишь внешнюю сторону этого деяния. Никто не сможет ни осудить ее, ни оправдать. Ее деяние принадлежало лишь ей. «Это я так хочу». Это ее воля свершалась, ничто более не отделяло ее от нее самой. Она, наконец, сделала выбор. Она выбрала себя.